

№7 (85)
АВГУСТ

2020

СИМБИРСКЪ

12+

Литературный журнал

Организация
Образования, Науки и
Культуры

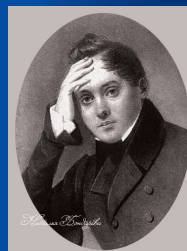

УЛЬЯНОВСК
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГОРОД
ЮНЕСКО

Продолжается
досрочная подписка
на 1-е полугодие 2021 г.

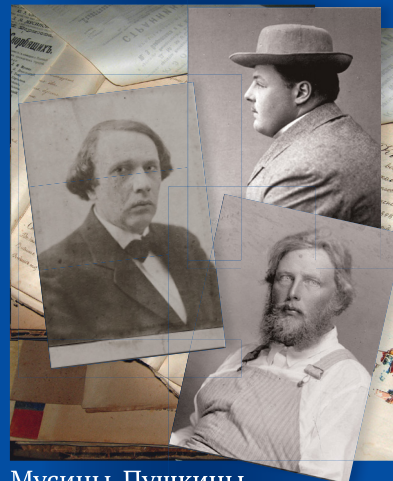
Цена подписки:
1 мес. – 130 руб.
6 мес. – 390 руб.

Индекс ПА041

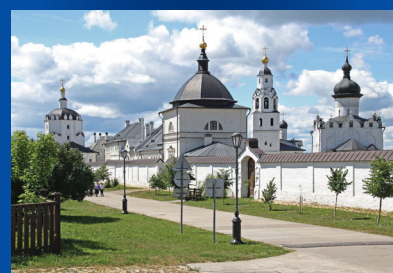
Евгений Баратынский
и Денис Давыдов

стр. 4

Мусины-Пушкины
и А.Н. Толстой

стр. 14

Остров-град Свияжск

стр. 38

Город как рабочее место
писателя

стр. 118

Литературно-художественный и культурно-просветительский
журнал «СИМБИРСКЪ»

12+

№7(85)

АВГУСТ
2020

Издание осуществлено
при поддержке
губернатора Ульяновской области
Сергея Ивановича Морозова

Главный редактор Елена Викторовна Водкина (Кувшинникова)
E-mail: karamz_sad@mail.ru. Телефон 8 (927) 803-62-56

Общественный совет:

Председатель – Владимир Лучников
Владимир Артамонов
Инга Гаак
Ольга Даранова
Раиса Кашкирова
Александр Лайков
Виктор Малахов
Светлана Матлина
Николай Марянин
Алина Осокина
Илья Таранов
Ольга Шейпак
Татьяна Эйхман

Содержание

Издатель: Областное государственное автономное учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда». Адрес издателя, адрес редакции: 432017, г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11, ком. 219. Телефон редакции: 41-04-32 Сайт: www.litsimbirsk.ru

Подписано в печать 12.08.2020 г.

Дата выхода 19.08.2020 г.

Тираж 700 экз. Заказ №731-к

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «Контур», 127282, г. Москва, проезд Студеный, д. 4, корпус 1, помещение V, К 15, т.: (8332) 228-297, www.printtown.ru.

© Литературный журнал
«СИБИРСКИЙ» №7 (85), 2020

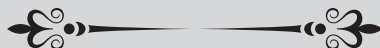
Издание зарегистрировано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Ульяновской области ПИ №ТУ 73-00350 от 21 марта 2014 г.

Учредитель: Областное государственное автономное учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».

© Дизайн, компьютерная верстка – Ольга Тюльпа.
Корректоры – Ольга Абрамова и Валерия Толкачёва.

На обложке: Наталья Сюзева. Первый день июля. 70x50, холст, масло.

На обороте обложки: Станислав Слесарский. Старые ворота в Прислонихе. 50x70, к.м. 2018

- Рукописи принимаются только в электронном виде, не рецензируются и не возвращаются.
- Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации.
- За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций.
- Мнение авторов может не совпадать с позицией редакции.
- При перепечатке ссылка на «Сибирский» обязательна.

Редакционная подписка дешевле,
в том числе для юридических лиц.
Информация по телефону 8 (8422) 41-04-32
e-mail: narod73@inbox.ru

Получить журнал можно по адресам
в г. Ульяновске: ул. Пушкинская, 11 (тел. 41-04-32);
ул. Врача Михайлова, 31, ком. 59;
проспект Ленинского Комсомола, 41, ком. 412
(тел. 20-16-40).

Для удобства читателей предлагаем альтернативную
подписку через агентство «УРАЛ-ПРЕСС Поволжье»,
тел. 8 (8422) 41-01-41.

В период самоизоляции вы можете пригласить на дом
почтальона для оформления подписки на журнал.
Телефон для справок 89176381583

Оформить подписку
на II полугодие 2020 года
(подписной индекс ПА041)
можно и с помощью Интернет
на сайте rodписка.pochta.ru
или через смартфон по QR-коду:

У родника светло и чисто 3

Литературное наследие

- Юрий Козлов.
Евгений Баратынский и Денис Давыдов 4-9
Софья Узебова. Имени предка достойны.
(О потомках Дениса Давыдова) 10-13
Андрей Римский-Корсаков.
Рукопись, найденная в старом сарае.
(Музины-Пушкины и А.Н. Толстой) 14-18
Вера Бишицки.
Чему мы можем научиться у Обломова 19-20

Глубинка

Виктор Сергеев. Рассказы 21-26

Лукоморье

Анатолий Байбородин. Косопятая сказка 27-31

Дорога к храму

- Светлана Кекова. Чудесная история 32-35
Владимир Дворянсков. Небесный свет 36-37
Ольга Ронжина. Град православный. Свяжск 38-53
Юрий Куликов. Из серии «Град Симбирск» 56

С любовью ко всему родному

- Светлана Матлина. Взлёт души и мысли 57
Валентина Латанова. Укажи мне пути Твои 58-74

Архив

Валентина Костягина. «Гроза» в Ульяновске 75-78

Житейские истории

Наталья Деньгина. В такси 79-81

Черемшан

Феликс Касимов. Черемшанские рассказы 82-88

Перекресток

Сергей Гогин. «Циники» Мариенгофа 89-90

Страна поэзия

- Александр Шубин. Зыбкий свет. Стихи
Вступительное слово Евгении Извариной 91-93
Алексей Кузин. Ничем не очернить любви. Стихи 94-96
Стихи пермских поэтов:
Ю. Калашникова, Н. Бурашникова, Ф. Вострикова 97-99
Валерий Кузнецов. О, как же душа беззащитна 100-102
Галина Анисимова. Второе дыхание. Стихи 103-105
Тропою Пушкина.
Интервью с педагогом Ольгой Яшковой 106-112
Веет Пушкинским духом над Языковским парком 113-114
Зоркое сердце художника.
Выставка картин Станислава Слесарского 116-117
Город как рабочее место писателя 118-125
Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО 126-127

Ветер странствий

- Алексей Циркин. По твоим следам.
(Вступительное слово С. Матлиной) 128-131
Владимир Кочетков. Через рудник. Рассказ 132-133

Молодые голоса

- Дмитрий Лагутин. Апельсин. Рассказ 134-137
Ниса Матлина и ее «Кода» 138
Ниса Матлина. Время расчехлять юность. Стихи 139
Соня Рыбкина. Старая Вена. Рассказ 140-144

Пишу в «Сибирский»

- Анатолий Гречко. Родная земля. Стихи 145-146
Михаил Скоробогатов. Рабочий поэт. Стихи. 147-148

Юбилейный календарь 149-176

У РОДНИКА СВЕТЛО И ЧИСТО

Представляем сдвоенный летний номер журнала. Традиционно в июле на Радищевской земле проходил Давыдовский фестиваль. Нынешним летом мероприятия организованы в онлайн-формате. Предлагаем вниманию читателей тематические публикации. В рубрике «Литературное наследие» – статья краеведа Юрия Козлова о Денисе Давыдове и Евгении Баратынском. Тему продолжает Софья Узбекова, она рассказывает о судьбах прямых потомков Дениса Васильевича Давыдова. Андрей Римский-Корсаков делится историей интересной находки в очерке «Рукопись, найденная в старом сарае. Мусины-Пушкины и А.Н. Толстой». (В продолжение темы в следующем номере выйдет статья Татьяны Громовой о семействе Мусиных-Пушкиных).

В июне, ко дню рождения И.А. Гончарова, переводчик романа «Обломов» Вера Бишицки написала эссе, которое актуально и сейчас, в преддверии дня памяти писателя. В рубрике «Глубинка» читайте рассказы известного ульяновского прозаика Виктора Сергеева.

Представляем творчество известного сибирского писателя Анатолия Байбородина: в разделе «Лукоморье» публикуем «Косопятую сказку».

Чудесную историю об иконе Испанской Богоматери рассказывает в стихах и прозе Светлана Кекова. В рассказе «Небесный свет» Владимир Дворянсков пишет о дорогом сердцу уголке земли - о роднике. Вспоминаем нашего замечательного писателя, вдохновлявшегося родной природой. Много благословенных мест в нашем Отечестве. Журналист Ольга Ронжина делится своими впечатлениями о необыкновенном острове-граде. «Свияжск удивляет и восхищает. Здесь интересно всё!» На цветных страницах – фоторепортаж о свияжских храмах. В рубрике «С любовью ко всему родному» публикуем главы из исторического романа Валентины Латановой «Укажи мне пути Твои» о времени строительства града Симбирска, о людях, о любви к родному краю.

О работе с детьми, об опыте организации те-

матического летнего лагеря, о пушкинских сменах рассказывает педагог Ольга Яшкова (Карсун). В разделе «Архив» Валентина Костягина сообщает интересные факты о съемках в 1933 году в Ульяновске фильма по пьесе Островского «Гроза». Продолжаем знакомить читателей с димитровградскими авторами, в рубрике «Черемшан» – рассказы Феликса Касимова.

Очередное заседание литстудии «Восьмерка» было посвящено творчеству А. Мариенгофа – заметки Сергея Гогина об этом. В рубрике «Ветер странствий» страницы прозы Алексея Циркина и Владимира Кочеткова. По традиции публикуем стихи и прозу молодых авторов, в этом номере рассказы Дмитрия Лагутина и Сони Рыбкиной, стихи Нисы Матлиной. В разделе «Страна поэзия» – стихи ульяновских авторов Валерия Кузнецова и Галины Анисимовой, а также поэтические подборки уральских поэтов Алексея Кузина и Александра Шубина. С творчеством поэтов Перми читателей «Симбирска» знакомит Виталий Богомолов.

В новой рубрике «Пишу в Симбирск» представляем творчество наших читателей, которые прошли большой трудовой путь, состоялись каждый в своей профессии, но которым близка строка «И пробуждается поэзия во мне». Публикуем стихи Анатолия Гречко и Михаила Скоробогатова.

Международную онлайн-выставку «Город как рабочее место писателя» представляет Гала Узрютова. На страницах журнала публикуем новости программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО».

Завершает номер «Юбилейный календарь», подготовленный поэтом и краеведом Николаем Маряниным.

В рассказе Владимира Дворянского есть такие строки: «У родника всегда как-то светло и чисто. Такое впечатление, что он сам является источником света, сам излучает его».

Пусть у каждого на душе будет светло и чисто. Добра и радости всем!

Елена КУВШИННИКОВА

ЛИТЕРАТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ

Юрий КОЗЛОВ, краевед. Автор книг «Генерал Каппель и волжане», «Столыпин и Симбирск», «Керенский из Симбирска» и др. Заслуженный работник культуры Ульяновской области.

ЕВГЕНИЙ БАРАТЫНСКИЙ И ДЕНИС ДАВЫДОВ. «В ВОСПОМИНАНЬИ ГОРДЕЛИВО ХРАНИТЬ Я БУДУ ОНЫЙ ДЕНЬ!»

Поэты Е.А. Баратынский и Д.В. Давыдов, современники А.С. Пушкина, составляют тот живой фон, вне которого сам Александр Сергеевич выглядит счастливой случайностью русской культуры. Просто их имена не самые первые, которые приходят на память.

Давыдов был шестнадцатью годами старше Баратынского. В феврале 1800 года, когда Евгений появился на свет в имении Мара (Вяжли) Тамбовской губернии, Денис уже посещал «Дружеский литературный кружок» в Москве. Вскоре недоросля отправили в Петербург и зачислили эстандарт-юнкером в Кавалергардский полк. В феврале 1804 года за сочинение политических басен поручика Давыдова исключили из гвардии и перевели в армейский полк, подальше от столицы. Такого наказания оказалось достаточно для 20-летнего офицера, который дал себе слово подобных басен никогда не писать.

В Белорусском гусарском полку Давыдов сочинял разудалые послания и песни, которые принесли

ему славу поэта-гусара. Летом 1806 года, благодаря хлопотам друзей, он возвратился в столичную гвардию. Затем служил адъютантом у князя П.И. Багратиона, проявил отвагу в кампаниях против Наполеона в Пруссии и против шведов в Финляндии, воевал с турками на Дунае. В 1812 году успешно командовал военным партизанским отрядом, участвовал в заграничном походе и вернулся на родину генерал-майором.

В мирное время Давыдов командовал бригадой в гусарской дивизии, служил начальником штаба пехотного корпуса и всякий раз с нетерпением ждал отпуска. В марте 1816 года был избран действительным членом Общества любителей российской словесности при Московском университете, в декабре на петербургской квартире В.А. Жуковского познакомился с Александром Пушкиным.

Молодой генерал влюбится в воспитанницу Московского театрального училища Сашу Иванову и «славит свою милую» в пламенных элегиях, но она

вышла замуж за балетмейстера Глушковского. В Киве он познакомился с генеральской дочкой Лизой Злотницкой, которой едва минуло шестнадцать лет. Живая и своенравная полька к поэту-гусару поначалу отнеслась благосклонно, дело шло к свадьбе, но вскоре барышня увлеклась князем Голицыным. В стихотворении «Неверной», скрывая обиду, Давыдов заметит:

Теперь спокойно ночи сплю,
Спокойно ем, спокойно пью
И посреди собратьи ратной
Вновь славу и вино пою.
Чем чахнуть от любви унылой,
Ах, что здоровей может быть,
Как подписать отставку милой
Или отставку получить!

В апреле 1819 года Денис Васильевич обвенчался в Москве с 24-летней дочерью генерал-майора Н.А. Чиркова, Софьей Николаевной, получившей в приданое имение Верхняя Маза в Сызранском уезде Симбирской губернии. В августе известит князя Вяземского о переменах в своей жизни: «Я счастлив! Люблю жену всякий день более и более, продолжаю служить и буду служить век, несмотря на привязанность к жене милой и доброй, зарыт в бумагах и книгах, пишу; но стихи оставил! Нет поэзии в безмятежной и блаженной жизни!»

Денис Васильевич Давыдов

Денис Васильевич работал над военно-историческими сочинениями. В «Отечественных записках» за 1820 год публиковались его «Выписки из дневника 1812 года», осенью 1821 года вышла книга «Опыт теории партизанского движения». Спустя два года он был «за болезнь уволен от службы с мундиром».

Не в пример Давыдову, юность Баратынского полна драматизма. В декабре 1812 году он был определен в Пажеский корпус и оказался в кружке товарищей, романтически названном «Обществом мстителей». Шайка озорников прибывала гвоздзя-

ми офицерские шляпы, подкладывала в карманы учителям соленые огурцы и т.п. Проказы привели к краже 500 рублей и черепаховой табакерки в золотой оправе, совершенной Евгением с приятелем в доме одного из соучастников «общества». По личному повелению Александра I, заботившегося о чести дворянского сословия, они были исключены из Пажеского корпуса с запрещением принимать их на гражданскую и военную службу, кроме как простыми солдатами.

Два с половиной года юный изгнанник провел в смоленском имении дяди, где сочинил первые стихи. По возвращении в Петербург его зачислили рядовым в лейб-гвардии Егерский полк. Жил на одной квартире «в домике низком» с поэтом А.А. Дельвигом, ставшим его задушевым другом. Через него познакомился с А.С. Пушкиным и В.К. Кюхельбекером.

Солдатская служба не мешала литературным успехам. Был принят в Вольное общество любителей российской словесности, познакомился со многими литераторами – П.А. Плетневым, Н.И. Гнедичем, В.А. Жуковским.

В январе 1820 года Баратынского произвели в унтер-офицеры и назначили в Нейшлотский пехотный полк, расположенный в Финляндии. В «финском заточении» Баратынский встретил сочувствие полкового командира Г.А. Лутковского, старого знакомого семьи Баратынских, сблизился с командиром роты Н.М. Коншиным, начинающим поэтом. При их содействии получал довольно длительные отпуска в Петербург, где заводил литературные знакомства и влюблялся в знаменитых красавиц. В дамских альбомах, помимо рифмованных строк, нередко изображал финляндский пейзаж.

Любовные элегии Баратынского «Ропот», «Поцелуй», «Разуверение» были обращены к родственнице поэта Варваре Кучиной, первой его возлюбленной. На слова последнего из упомянутых сочинений М.И. Глинка написал знаменитый романс.

Не искушай меня без нужды
Возвратом нежности твоей:
Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней!
Уж я не верю увереньям,
Уж я не верую в любовь
И не могу предаться вновь
Раз изменившим сновиденьям!

На исходе 1822 года вышел первый номер альманаха «Полярная звезда», издаваемый «для любителей и любителей русской словесности». В газете «Русский инвалид» появилась рецензия на новое издание, где сообщалось: «Здесь блистают знаменитые имена и изящные произведения Жуковского, Крылова, Вяземского, А. Пушкина, Давыдова, Баратынского, Гнедича». Так состоялось заочное знакомство, по стихам, Давыдова с Баратынским.

В последующие годы не прекращались хлопоты перед императором о производстве опального поэта в офицеры. 6 марта 1824 года Денис Васильевич просит своего друга А.А. Закревского, годом ранее занявшего пост финляндского генерал-губернатора: «Сделай милость, постарайся за Баратынского, разжалованного в солдаты; он у тебя в корпусе».

Гнет этот он несет около восьми лет или более, неужели не умилятся? Сделай милость, друг любезный, этот молодой человек с большим дарованием и, верно, будет полезен. Я приму старание твое, а еще более успех в сем деле за собственное мне благодеяние».

В октябре 1824 года Баратынский оказался в Гельсингфорсе (ныне Хельсинки), при штабе генерал-губернатора Финляндии. Адьютанты Закревского Н.В. Путята и А.А. Муханов стали его друзьями. Никто из армейских товарищей и покровителей Баратынского не попрекал его прошлым, по опыту зная, как жестоки законы корпусного общежития.

К тому времени Баратынский завершил поэму «Эда», прославившую его. Героем ее был человек «низких» страстей, гусар. Для него увлечение простодушной чухонкой Эдой – рассеивающее скуку приключение, а чувство девушки вполне серьезно. В предисловии отмечалось, что «сочинитель предполагает действие небольшой своей повести в 1807 году, перед самым открытием нашей последней войны в Финляндии».

Поэма печаталась и в отрывках, и целиком, но всегда без эпилога, не пропускаемого цензурой. Между тем в эпилоге упомянут участник той войны Давыдов:

...И как Стокгольм оцепенел,
Когда над ним, шумя крылами,
Орел наш грозный возлетел!
Он в нем узнал орла Полтавы!
Все покорилось. Но не мне,
Певцу, не знающему славы,
Петь славу храбрых на войне.
Питомец муз, питомец боя,
Тебе, Давыдов, петь ее.
Венком певца, венком героя
Чело украшено твое.
Ты видел финские граниты,
Бесстрашных кровию омыты;
По ним водил ты их строи.
Ударь же в струны позабыты
И вспомни подвиги твои!

При встрече с женой Закревского, Аграфеной Федоровной, поэт был очарован ее обаятельной красотой и поражен демоническим характером. «Как Магдалина, плачешь ты, и, как русалка, ты хочешь!» – пишет о ней Баратынский. Своеобразный портрет русалки он отобразил в образе княгини Нины в поэме «Бал». Поэма печаталась по частям в журналах, а полностью появилась под одной обложкой с поэмой Пушкина «Граф Нулин» и под общим заголовком «Две повести в стихах» в 1828 году.

Волновала Закревская и Давыдова, но тот не выказывал своего чувства, дабы не вызывать ревность у Арсения Андреевича. Еще когда 18-летняя графиня Толстая, внучка симбирского богача Мясникова, выходила замуж за 35-летнего Закревского, Денис Васильевич заметит: «С невестой твоей я имею честь быть знакомым по обществу, теперь рекомендую меня как старинного и истинного твоего друга...»

Император несколько раз отклонял представления о производстве Баратынского. Наконец, 21 апреля 1825 года он получил первый офицер-

Аграфена Федоровна Закревская
(урожденная графиня Толстая)

ский чин – прапорщика и почувствовал себя, как признается в письме к А.И. Тургеневу, возвращенным «обществу, семейству, жизни». В сентябре Евгений Абрамович отправился в отпуск к матери в Москву, и посетил Давыдова, чтобы сказать слова благодарности.

Многие поэты воспели имя и подвиги Дениса Васильевича, среди них его старые знакомые – Вяземский, Жуковский, Пушкин. В 1825 году присоединится к ним Баратынский:

...Покуда русский я душою,
Забуду ль о счастливом дне,
Когда приятельскою рукою
Пожал Давыдов руку мне!
О ты, который в пыл сражений
Полки лихие бурно мчал
И гласов бранных песнопений
Сердца бесстрашно волновал!
Так, так! покуда сердце живо
И трепетать ему не лень,
В воспоминаньи горделиво
Хранить я буду оный день!
Клянусь, Давыдов благородный,
Я в том отчизною свободной,
Твоею лирой боевой
И в славный год войны народной
В народе славной бородой!

В январе 1826 года, опять не без участия Давыдова, он вышел в отставку и поселился в Москве. «Благодарю тебя от души за отставку Баратынского, – пишет поэт-партизан Закревскому, – он весел как медный грош и считает это благодеяние твое не менее первого». Между двумя поэтами, генералом и прапорщиком в отставке, сложились доверительные отношения.

Помимо Давыдова, Баратынский свел знакомство с князем П.А. Вяземским, который ценит его как личность и пишет Пушкину, что «чем более растираешь его, тем он лучше и сильнее пахнет». Впоследствии Евгений Абрамович отметит в своих записях, как обедал у Вяземского и слушал анекдоты Давыдова.

* * *

С выходом в отставку Денис Васильевич купил в Москве, в Знаменском переулке, большой каменный дом, где поселился с семьей. Он был частым гостем в подмосковном имении Мураново генерал-майора Л.Н. Энгельгардта, женатого на тетушке его жены. Лев Николаевич служил еще при Суворове и теперь писал в Мураново свои «Записки» – воспоминания о былом. Давыдов ввел в генеральский дом, что стоял над речкой Талицей в окружении старого леса, Баратынского.

9 июня 1826 года Баратынский женился на старшей дочери Энгельгардтов, 22-летней Анастасии Львовне, получившей в приданое поместье Каймары под Казанью. Осенью Евгений Абрамович пишет Коншину, что его стремление «к тихой и нравственной жизни» обрело удовлетворение. Позднее один из его сыновей отметит, что «Давыдов, тоже живший тогда в Москве, был близок с Баратынским и по родству с женою его, и по взаимному сочувствию».

В августе Давыдов отправился сражаться с персами, которые ввели войска в Грузию. Во главе трехтысячного отряда «разбил неприятельский корпус под начальством Гассан-хана и вступил в пределы Персидские». Когда выпавшие снега сделали недоступными горные перевалы, его отряд был распущен. Сам заболел местной лихорадкой и отпросился в отпуск для излечения.

В 1827 году вышел из печати сборник «Стихотворения Евгения Баратынского», доброжелательно встреченный критикой. На следующий год журнал «Невский зритель» опубликовал без подписи очерк «Некоторые черты жизни и деяний генерал-майора Давыдова», принятый многими за автобиографию. Там отмечается, что Денис Васильевич после возвращения с Кавказа «заменяет привычные ему боевые упражнения занятиями хозяйственными, живет в своей приволжской деревне, вдали от шума обеих столиц».

В письмах Давыдов делился своими мыслями с близкими друзьями-литераторами. Князю Вяземскому советует: «Когда возвратишься в Москву, примись издавать журнал, я тебе буду помощником по какой-нибудь части. Жуковский, Пушкин, Баратынский, Дельвиг и множество лучших наших литераторов поддержат нас, и с таким ополчением, я уверен, мы все журналы затопчем в грязь».

Летом 1830 года в России свирепствовала холера. Давыдов с семейством покинул деревню и отправился в Москву, где предложил свои услуги в качестве надзирателя одного из санитарных участков. В декабре вырвался из Болдина Пушкин, снял второй этаж каменного дома на Арбате. 17 февраля 1831 года, накануне свадьбы, Александр Сергеевич пригласил к себе близких друзей, среди которых были Е.А. Баратынский, П.А. Вяземский, Д.В. Давыдов, И.В. Киреевский, П.В. Нащокин, Н.М. Языков.

На «мальчишнике» было весело и шумно, гости читали стихи и поднимали тосты, лишь хозяин был молчалив.

«Тут я познакомился с Денисом Давыдовым, – будет вспоминать Языков, – нашел в нем человека чрезвычайно достойного любопытства во всех отношениях».

Баратынский, проживавший поначалу в московском доме тестя, а позднее – в благоприобретенном, сошелся с Языковым несколько раньше. С 1828 года Евгений Абрамович служил в Межевой канцелярии, формальная служба его закончилась в 1831 году с получением чина губернского секретаря. На его место заступил Николай Михайлович, который осенью 1832 года был произведен в коллежские советники и подал в отставку.

Давыдов из Мазы наезжал в Симбирск, Саратов и Пензу по хозяйственным делам и к бывшим сослуживцам. У саратовского губернатора князя А.Б. Голицына он познакомился с молодой супругой отставного подполковника-гусара С.А. Кушкиной. Денис Васильевич посвятил красавице ряд стихотворений, в том числе «Душенька», опубликованное в феврале 1830 года в «Литературной газете».

«Я получил письмо от Баратынского, который пишет, чтобы я подробно описал ему Софью Александровну; я ему отвечаю что он дурит, – сообщит Давыдов князю Голицыну. – Что чудеса природы и художества анализировать нельзя, что хотя и части целого прелестны, но что главная прелесть изящного состоит в гармонии совершенств, а не в частности их, что подробно описать Душеньку, все равно что анализировать Аполлона Бельведерского, Венеру Медицийскую, Ораторию Гейдена, Мадонну Рафаэлову, улыбку младенца, луч дня на волнах ручья, свет заходящего солнца на высотах утеса и проч. Что и его уже звал в Саратов, пусть приедет и дивится – если не имеет сердца и любит на век, если оно трепещет в груди его. Вот ареу *pres*, что я написал ему».

Когда началось восстание в царстве Польском, Денис Васильевич уже имел шестерых детей. Однако без долгих размышлений попросился «служить в действующую армию». Командовал отдельным отрядом, составленным из драгунского и трех казачьих полков. За отличие в боях с мятежниками был произведен в генерал-лейтенанты.

Осенью 1831 года Давыдов вернулся в Москву и не застал там Пушкина, который вместе с женой перебрался в Петербург. Баратынский летом переселился в имение тестя Каймары Казанской губернии и остался там зимовать.

Следующим летом Денис Васильевич отправился в Верхнюю Мазу. В 150 верстах, в родовом имении Языково наслаждался «поэтической ленью» его молодой брат по перу. Осенью Давыдов издал в Москве небольшую книжку, состоявшую из 36 произведений и автобиографии, написанной от третьего лица. Через год в Петербурге вышел сборник Языкова, в который автор отобрал 116 стихотворений. Друзья не забыли подарить друг другу свои сочинения.

Осенью 1833 года Пушкин через волжские города отправился в Оренбург для поиска материалов о Пугачевском бунте. В Казани встретился с Баратынским, осматривал окрестности, где проходили сраже-

Евгений Абрамович Баратынский

ния повстанцев с царскими войсками. В Симбирске посетил особняк Языковых на улице Спасской, съездил в село Языково и познакомился с братьями дру-га-поэта.

3 октября 1833 года Давыдов по поводу при-сланного сборника пишет Языкову:

«В легчайшей поэтической вспышке вашей стихи ваши, как говорит Пушкин, «стоят дыбом!» Кстати о Пушкине; знаете ли, что я слышал от лю-дей, получивших письма из Казани? В Казани были Пушкин и Баратынский, отыскивающие сведения о Пугачеве. Из этого я заключаю, что они в союзе для сочинения какого-нибудь романа, в котором будет действовать Пугачев. Итак, вот решение загадки по-явления Пушкина в нашей и в Оренбургской губер-ниях. Если это правда, то дай Бог! Авось мы увидим что-нибудь близкое к Вальтер-Скотту; по сию пору мы не избалованы качеством, но задушены количе-ством романов...»

Денис Васильевич относился к обработке своих произведений с большой тщательностью, отправлял новые стихи друзьям на просмотр. «В последнем <...> письме я к вам послал еще несколько пьес, вы-рвавшихся из души, а при сем еще посылаю одну, – в апреле 1834 года сообщит Языкову. – Однако все эти посылки я делаю не для того, чтобы вы стихи мои хвалили, а более для того, чтобы вы их бранили и изъявили бы мне мнение ваше, где в них что надо исправить и как исправить? Так со мною поступают друзья мои: Баратынский, Пушкин, Вяземский; того и от вас прошу...»

Вскоре Языков поместит в «Московском наблю-дателе» возвышенное послание к Давыдову, отме-тив его «могучий, упоительный, кипучий и разгуль-но-удалой» язык.

«Вы меня так этими стихами расшевелили, что я было принялся писать вам стихами же, измарав целую часть бумаги и стало грустно от совести пла-тить медью за золото, – заметит Денис Васильевич. – Часто бываю с Хомяковым, часто встречал Бара-тынского и один раз обедал со всеми сотрудниками Московского наблюдателя. Как вы находите журнал

этот? Мне кажется, что он еще хуже Библиотеки для Чтения, в которую я продаю статьи мои, потому что платят дороже и потому что он все-таки расходуется по России более других журналов».

В январе 1836 года Денис Васильевич прорвал-ся через «вьюги и метели» в Москву, затем проехал в Петербург, чтобы определиться с учебой старших сыновей. В столице нанес визит князю Вяземскому и побывал в гостях у Пушкина, который рассказал о полученном разрешении на издание журнала «Со-временник» и пригласил к сотрудничеству.

В масленичные дни Давыдов вернулся в Перво-престольную, выезжал «на блины» к родственникам и друзьям, посещал театр, побывал на концерте. «Вчера видел в театре Евгения Баратынского с же-ною, которая очень хороша, но не так, как в детстве», – пишет Давыдов жене в деревню. Жена Баратын-ского, хоть и была любимой, но отличалась – воз-можно, по причине болезненности – трудным и мнительным нравом. Супруги произвели на свет де-вятерых детей, двое из них умерли в младенчестве. Подобное горе пережил и Денис Васильевич.

«...Бог знает, на радость ли, на горе нам дают-ся дети? – заметит Давыдов после смерти дочки от дифтерита. – Конечно, тяжело терять их, коих име-ешь, но когда нет их, то желать их страшно, особен-но тем, кои ничего не могут любить посредственно. Я после потери моей Сонечки окаменел сердцем. Люблю детей, но так слабо в сравнении с нею, что о такой любви и говорить нечего. Знаю, что со вре-менем я буду их любить, но девственность сердца исчезла».

Среди знакомых Давыдов начал вербовку со-трудников и подписчиков «Современника». 2 мар-та известит Пушкина: «Жаль, что не дождусь тебя в Москве. Я сегодня еду отсюда в мои степи. Баратын-ский хочет пристать к нам, это не худо; Языков, вер-но, будет нашим; надо бы и Хомякова завербовать, тогда стихотворная фаланга была бы в комплекте».

Третий номер «Современника» за 1836 год вы-шел со статьей Давыдова «О партизанской войне», четвертый – с «охлажденною военной цензурою» статьей «Занятие Дрездена». Спустя месяц на Чер-ной речке, в окрестностях столицы, состоялась дуэль основателя и редактора журнала.

2 февраля 1837 года Давыдов узнал от Баратын-ского о трагической гибели Александра Сергеевича. Назавтра сообщает горькую весть Языкову, отправ-ляет письмо в Петербург князю Вяземскому с вопро-сом «о причинах дуэли и последних часах поэта».

Болезненная потеря Пушкина, запрещение жур-нала И.В. Киреевского «Европеец», который казался Баратынскому надежной духовной опорой, отдали-ли его от литературных кругов. Евгений Абрамович редко бывал в Москве, предпочитая уединение в Муранове. После смерти тестя в 1836 году свободное от поэтических трудов время отдавал ведению хо-зяйства. При поездке в Мураново Денис Васильевич увидит «прелестный план сахарного завода» и задумает «завести такой завод в Денисовке».

С годами у Давыдова обострился застарелый ревматизм, как «следствие бивуачной жизни». В сентябре 1835 года он заявит Языкову: «Смотри, чур не забывать меня после моей смерти, ибо не доволь-но благодетельствовать мне в течение жизни моей.

Я уже некогда говорил о том Пушкину, Жуковскому, Баратынскому, Вяземскому, повторяю и вам тоже самое. Напишите тогда общими силами мою некрологию, и произведите на свет не пролетный лист для воейковского Инвалида (*газета «Русский инвалид»*. – Ю.К.), а что-нибудь такое, которое бы осталось надолго...»

22 апреля 1839 года Давыдов скончался от апоплексического удара на 55-м году жизни в Верхней Мазе. Кончина «самого поэтического лица Русской армии» болью отразилась во многих сердцах, его друзья Баратынский, Вяземский, Жуковский выразят свою скорбь в стихотворных строках.

В 1842 году Баратынский выпустил сборник «Сумерки», собранные в нем пьесы отмечены психологической и философской глубиной. В Муранове Евгений Абрамович построил новый дом, однако насладиться покоем на лоне природы ему не пришлось.

Поэт с женой и тремя детьми отправился в заграничную поездку, о которой давно мечтал. Посетили Берлин, Лейпциг, Дрезден, затем побывали в Кельне, Брюсселе, Париже. Из Марселя отплыли пароходом, по-тогдашнему пироскафом, в Италию. 29 июня 1844 года в Неаполе Баратынский неожиданно скончался от «лихорадочного припадка».

Дом-дворец Давыдова в Москве

Со смертью Баратынского жизнь в Муранове не пресеклась. В 1850 году усадьба перешла к сестре жены поэта, ее муж Н.В. Путята заботливо охранял традиции «литературного гнезда». При нем Мураново посещали Н.В. Гоголь, А.Н. Майков, Я.П. Полонский, С.Д. Полторацкий и С.А. Соболевский, бывали славянофил И.С. Аксаков и поэт Ф.И. Тютчев. Сейчас это музей-усадьба «Мураново», в доме сохраняется мемориальная обстановка комнат и бытовые вещи русских литераторов XIX века.

Мураново. Вид парка с восточной стороны дома

Софья УЗБЕКОВА, заведующая филиалом Ульяновского областного краеведческого музея «Усадьба Д.В. Давыдова».

ИМЕНИ ПРЕДКА ДОСТОЙНЫ

О судьбах прямых потомков героя Отечественной войны 1812 года Д.В. Давыдова – участников Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.

Судьба оставшихся в послереволюционной России потомков Дениса Васильевича Давыдова была очень непростой. Ко многим из них, как бывшим дворянам, власти относились с большим недоверием: перед ними были закрыты двери учебных заведений, их не принимали на государственную и военную службу. Но в годы Великой Отечественной войны они, как и легендарный прадед-герой 1812 года, встали на защиту родной земли.

К.А. Давыдов

**ДАВЫДОВ
Константин Алексеевич
(1909 – 1986)**

Правнук Дениса Васильевича по линии его младшего сына Вадима Константин Давыдов родился в 1909 году в семье Алексея Вадимовича Давыдова, входившего в список хвалынских помещиков. После революции семья оказалась в Киеве. Константин Давыдов в 1925 году окончил семилетнюю школу, устроился

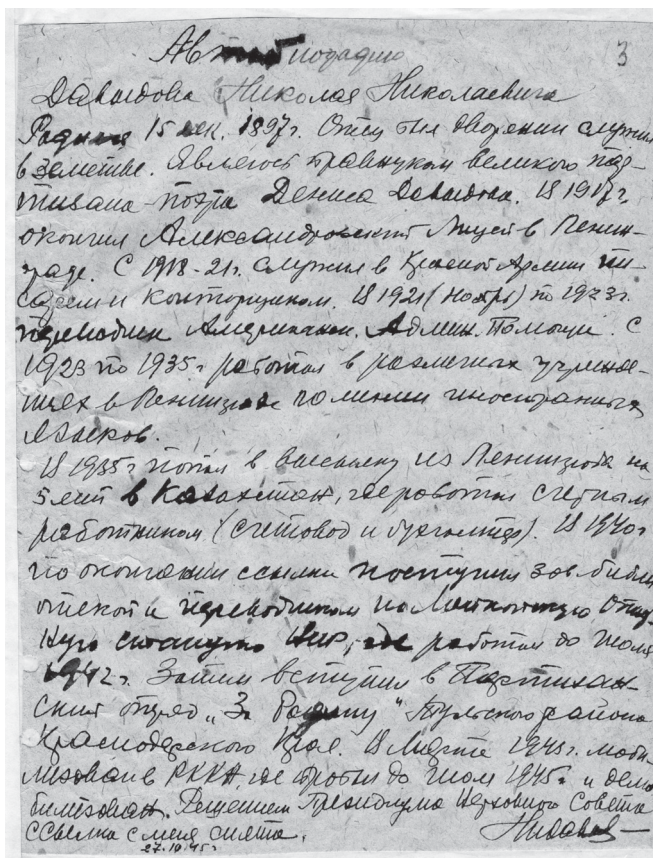
на работу дежурным администратором киевских театров, потом – завхозом в городскую специализированную больницу. В начале войны Константин Давыдов был призван в армию и отправлен в штаб Киевского особого военного округа в команду писарей. Зимой 1942 года в составе артиллерийско-миномётного полка 4-го гвардейского кавалерийского корпуса попал на фронт. В 1944 году в ходе боёв был ранен и комиссован со снятием с военного учета, но продолжил работу в военном госпитале. После войны работал в канцелярии Киевского областного управления сельского хозяйства. В 1980 году Константин Алексеевич Давыдов откликнулся на письмо краеведов Верхнемазинской сельской школы, которые начали создавать историко-литературный музей, посвященный Денису Давыдову.

ДАВЫДОВ Николай Николаевич

Наследник верхнемазинских Давыдовых, Николай Николаевич Давыдов (Никуша) до революции успел окончить Императорский Александровский (Царскосельский) лицей, где в совершенстве овладел французским, английским, немецким языками, частично – итальянским, поступил на военную службу рядовым Уланского полка. В 1918 – 1921 годы служил в Красной армии писарем и конторщиком в Сызрани и Оренбурге. Затем два года служил переводчиком Американской администрации помощи (American Relief Administration – ARA) в Симбирске и Петрограде. После закрытия организации двенадцать лет работал в Ленинграде как переводчик в банке, торговом порту, издательствах, был корреспондентом по обмену в библиотеке Всесоюзного института растениеводства, одновременно занимался литературными и научными переводами.

Но в 1935 году Николай Давыдов как потомок дворян был репрессирован и выслан из Ленинграда на пять лет в Казахстан. В ссылке он находился вместе с матерью – Александрой Алексеевной Давыдовой. Его жена, Мария Ивановна, инвалид 1-й группы, и двухлетний сын Денис остались в Ленинграде.

Пять долгих лет Николай Давыдов провёл в Актюбинской области Казахстана, где работал счётным работником (учётчиком, счетоводом и бухгалтером) в городе Челкар, потом в Актюбинске на строительстве нефтепровода «Каспийск – Орск». Затем в поисках работы репрессированный Давыдов с матерью приехал в село Кос-Истек и устроился на машинно-тракторную станцию. Письма жены Марии Ивановны Давыдовой, два безответных письма самого Николая Николаевича к Е.П. Пешковой передают трагизм положения человека, вынужденного в казахстанских степях полгода искать хоть какую-

Копия автобиографии

нибудь работу, чтоб прокормить себя и сосланную мать. Несколько раз, обращаясь к советской правозащитнице Пешковой, Николай Давыдов пытался получить разрешение вернуться в Ленинград, чтобы помочь жене, прикованной к постели тяжёлой болезнью позвоночника, и ставшему беспризорным двухлетнему сыну Денису.

Александр Алексеевну Давыдову уже в первый год ссылки пыталась поддержать Ольга Александровна Воейкова, из рода Толстых (до революции имение Воейковых находилось в соседней Самайкинской волости Сызранского уезда). Семидесятипятилетняя подруга юности сама нуждалась в самом необходимом, зарабатывая кое-как на кусок хлеба, но «постоянно посылала посылки Аде в Казахстан». По окончании срока ссылки Н.Н. Давыдову было запрещено проживать в Ленинграде. В 1940 году он был принят заведующим библиотекой на Майкопскую опытную станцию Всесоюзного института растениеводства.

Репрессированный правнук партизана, красноармеец Николай Николаевич Давыдов (Никуша), работавший в Майкопе заведующим библиотекой опытной станции Всесоюзного института растениеводства, после начала войны оказался в оккупации. В июле 1942 года вступил в партизанский отряд «За Родину» Тульского района Краснодарского края. В совершенстве владея несколькими иностранными языками, вёл допрос захваченных в плен гитлеровцев, составлял на немецком языке листовки и переводил сводки Совинформбюро о победах Красной армии, которые передавались вражеским солдатам. Когда отряд был обнаружен немцами в районе Колодова Яра, как когда-то и его знаменитый прадед, Николай Давыдов с оружием в руках вместе с другими партизанами вступил в бой с врагами.

В марте 1943 года началось освобождение Адыгеи от фашистов, Давыдов был мобилизован в действующую армию сначала рядовым, затем получил звание сержанта. До июля 1945 года продолжил служить писарем, завделами штаба бригады. Был награждён медалями «За оборону Кавказа», «За Победу над Германией в ВОВ 1941 – 1945 гг.». После демобилизации, осенью 1945 года, решением Президиума Верховного Совета ссылка была снята, и Николай Давыдов восстановлен в гражданских правах.

В октябре 1945 года Николай Николаевич Давыдов вернулся в переживший блокаду Ленинград, устроился на работу во Всесоюзный институт растениеводства на должность библиографа, научного сотрудника отдела агрометеорологии. О его послевоенных жилищных проблемах свидетельствует характеристика, выданная 23 марта 1946 года ВНИИ растениеводства имени Н.И. Вавилова: «В настоящее время Давыдов Н.Н. находится в очень затруднительном положении: прописан в ВИРе, не имеет жилплощади. Ночует в общежитии при электротехническом институте, в лаборатории профессора Соколова на Песочной улице. К нему приехал тринадцатилетний сын, имеющий право на жилплощадь, занятую в настоящее время посторонними лицами (мальчик в блокаду был эвакуирован). Давыдовы – отец и сын – подали в суд и ждут решения». С помощью руководства института Давыдовым вернули их комнату в общежитии.

С января 1946-го по сентябрь 1964 года Николай Николаевич занимал должность старшего библиотекаря указанного ВНИИ. Он создал ряд уникальных и значимых работ, среди которых переводы, библиографические пособия и пятиязычный русско-англо-немецко-французско-латинский ботанический словарь, который включал 6 тысяч ботанических терминов. В последние годы жизни Николай Николаевич Давыдов по заданию французских учёных много работал над многоязычным энциклопедическим словарём. 30 сентября 1964 года правнук партизана умер, через три года в возрасте 33 лет ушёл из жизни и его сын Денис, последний из мужского рода верхнемазинских владельцев, дворян Давыдовых. Теперь об их судьбе немногословно рассказывают копия автобиографии и другие материалы Личного дела, полученные из Санкт-Петербурга.

Другой потомок партизана по линии Вадима Денисовича Лев Денисович Давыдов с победой дошёл до Германии.

Л.Д. Давыдов

ДАВЫДОВ Лев Денисович

Лев Денисович Давыдов – прямой потомок Дениса Васильевича Давыдова по линии его сына Вадима, то есть младшего сына партизана, который родился и был крещён в Верхней Мазе в 1832 году. Правнук партизана Лев Денисович Давыдов родился в 1907 году в родовом имении Давыдовых в Ливенском уезде Орловской губернии. Когда ему было 5 лет, там, в д. Денисовка, был открыт Дом-музей Дениса Давыдова. В это время отец семейства Денис Вадимович был земским начальником 1-го участка Ливенского уезда, но в 1914 году умер в возрасте 49 лет.

После революции 1917 года все имущество Давыдовых было национализировано, его жена Елизавета Витольдовна и несовершеннолетние дочери Кира, Софья, Наталья и сын Лев были вынуждены покинуть имение. И судьба правнука знаменитого партизана-поэта сложилась непросто. Лев Давыдов окончил Московский сварочный техникум и до войны работал на строительстве нефтепровода «Гурьев – Орск», оборудовал нефтебазы в Астрахани и Алма-Ате.

В начале 1942 года по его собственному заявлению с него была снята бронь, и он Сталинским райвоенкоматом Алма-Аты был призван в Красную армию. Попал на Юго-Западный фронт. Под Харьковом в первом же бою погиб почти весь стрелковый полк, а оставшиеся в живых попали в окружение. Сохранилось такое воспоминание Льва Денисовича: «Иду по лесу, вдруг слышу: лошадь где-то фыркает. Спасла меня эта лошадь, выбрался на ней из окружения. Прадед на коне всю войну прошел, и меня коняка выручила». В архиве Министерства обороны сохранился приказ по 48-му стрелковому полку 38-й стрелковой дивизии, в котором есть строка о награждении медалью «За боевые заслуги» связного-

Давыдовы: Елизавета Витольдовна, Кира, Лев, Софья, Наталья. 1911

Лев, Софья, Кира, Наталья. 1916

Л.Д. Давыдов (крайний справа) с друзьями. 1928

почтальона роты связи красноармейца Льва Денисовича Давыдова – «за то, что в бою 22–30 января 1943 года в наступлении на станцию Воропоново, высоты 147,5; 126,6 и город Сталинград – Донской фронт, несмотря на огонь противника, он аккуратно каждый день доставлял в штаб полка и подразделения полка газеты и письма бойцам и командирам, находящимся на передовой линии».

Под Сталинградом был ранен в руку, на Орловско-Курской дуге – осколками в ноги и грудь, и тогда осколок засел в легком.

В архиве Минобороны сохранился документ, из которого известно, что старший сержант Давыдов Лев Денисович был назначен «начальником боепи-

Л.Д. Давыдов. 1950

Л.Д. Давыдов, писатель Н.А. Задонский, правнук А.С. Пушкина – Г.Г. Пушкин. 1955

тания». Войну закончил в германской Саксонии, в городе Нойштадте.

После Победы вернулся в Москву и многие годы работал в «Мосгазстрое», который занимался газификацией столицы. В мирное время был награждён орденом Отечественной войны 1-й степени.

*Правнук поэта-партизана
Лев Денисович Давыдов дружил
с правнуком А.С. Пушкина
Григорием Григорьевичем,
тоже участником войны.*

В мае 1987 года Союз писателей СССР проводил вечер, посвященный вручению свидетельств на малые планеты, которым были присвоены имена общественных деятелей, советских и зарубежных писателей, героев Отечественной войны 1812 года. Ученые Крымской астрофизической обсерватории АН СССР вручили Льву Денисовичу Давыдову, правнуку героя-партизана 1812 года, «Почетное свидетельство о присвоении названия малой планете 3126 Давыдов». В нем «Институт теоретической астрономии настоящим свидетельствует, что малая планета № 3126, открытая советскими астрономами, получила название в честь Дениса Васильевича Давыдова. Отныне эта неотъемлемая частица Солнечной системы будет именоваться малая планета (3126) Давыдов. Названа в честь Дениса Васильевича Давыдова (1784 – 1839 гг.), офицера, писателя и поэта, героя войны 1812 года в России».

В 70-80-е годы Лев Денисович много работал над генеалогией старинного рода Давыдовых, помогал создавать школьный музей в селе Верхняя Маза Радищевского района Ульяновской области, прислал краеведам составленную им родословную

Л.Д. Давыдов. 1989

Давыдовых и копии документов, которые нашёл в центральных архивах. Теперь эту поисковую работу продолжает его внук – Денис Давыдов-Громадин, прямой потомок легендарного партизана 1812 года в пятом поколении.

В 2019 году он впервые посетил Верхнюю Мазу, принял участие в Межрегиональном Давыдовском культурно-историческом фестивале «Тебе, певцу, тебе, герою!».

Д.К. Давыдов и С.С. Узбекова в школьном музее

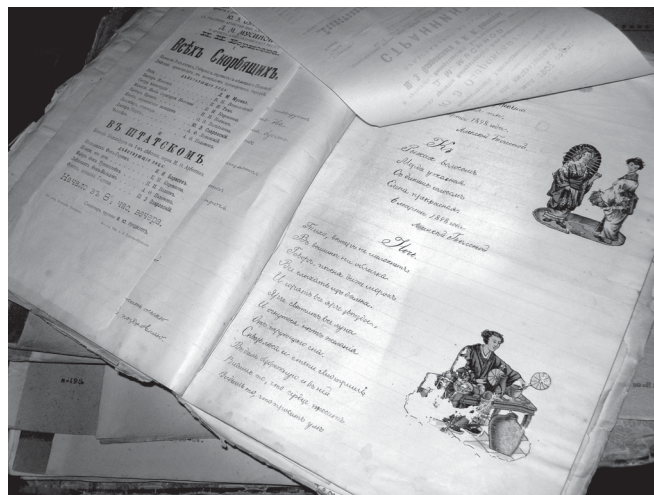
Д.К. Давыдов на фестивале. 2019

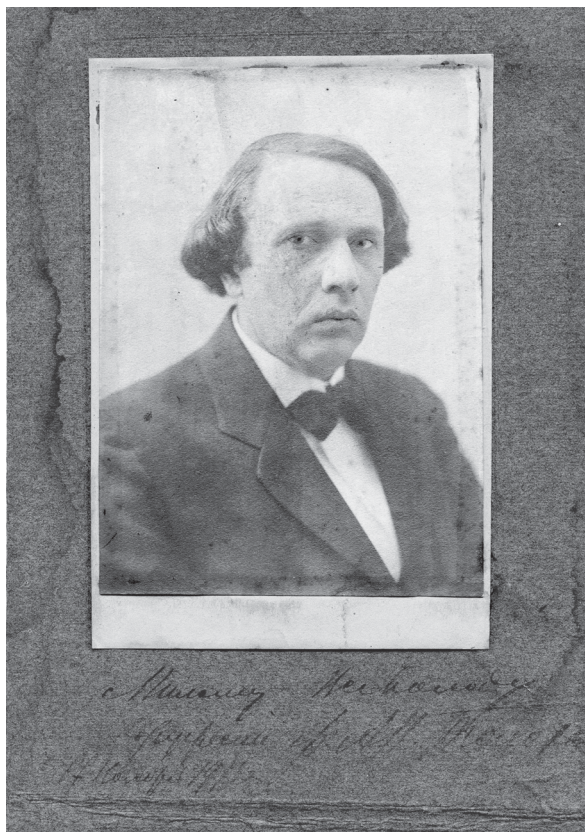
Андрей РИМСКИЙ-КОРСАКОВ родился в 1937 году в Москве. В годы Великой Отечественной войны и после неё жил в Северном Казахстане, в г. Петропавловске, куда эвакуировался вместе с родителями и где окончил среднюю школу, а затем Северо-Казахстанский механический техникум. По распределению работал в г. Соликамске (Пермской области). После службы в армии окончил Московский институт культуры, режиссёрский факультет (в 1965 году) и был направлен на работу в г. Южно-Сахалинск. Недолго работал актером в Сахалинском театре драмы им. Чехова, а затем – режиссёром Южно-Сахалинского телевидения. С 1968 года – режиссёр Центрального телевидения в Москве, где проработал около 45 лет в Московской редакции ТВ и в телекомпании «Авторское телевидение». Автор ряда очерков о деятелях русской истории и культуры, основанных на материалах семейного архива и опубликованных в газетах «Московский комсомолец», «Культура» и «Российские вести», а также вошедших в книгу «П.И. Чайковский – Н.Ф. фон Мекк. Переписка» (т. I, Челябинск, 2007).

РУКОПИСЬ, НАЙДЕННАЯ В СТАРОМ САРАЕ (МУСИНЫ-ПУШКИНЫ И А.Н. ТОЛСТОЙ)

Этой амбарной книге скоро стукнет 125 лет. Сохранилась она неплохо для своих лет, а оказалась в нашей семье вроде бы случайно, но, скорее, все же закономерно. Принадлежала она графу Всеволоду Юрьевичу Мусину-Пушкину, мужу нашей тети Аниты (Анны Павловны, ур. Воскресенской). О дяде Всеволоде из литературы известно только то, что он был драматургом, писал стихи и, главное, был дру-

Амбарная книга со стихами А.Толстого. 1898

А.Н.Толстой. Москва. 1912

гом юности «красного графа» А.Н. Толстого – они вместе учились в реальном училище в Сызрани и даже сидели за одной партой. Известно также, что позднее Всеволод многое сделал для преодоления юридических барьеров на пути к браку Толстого с Наталией Крандиевской и даже был шафером на их свадьбе. От тех времен сохранилась у нас полувыцветшая фотография писателя с дарственной надписью: «Милому Всеволоду дружески гр. А.Н. Толстой, 17 ноября 1912 г.»

В дневниках и письмах Толстого непременно можно найти несколько строк о семействе Мусиных-Пушкиных, о четырех братьях – Борисе, Михаиле, Александре и Всеволоде и об увлечении в этой семье театром. Особенно это относится к Всеволоду. Сам он так писал об этом:

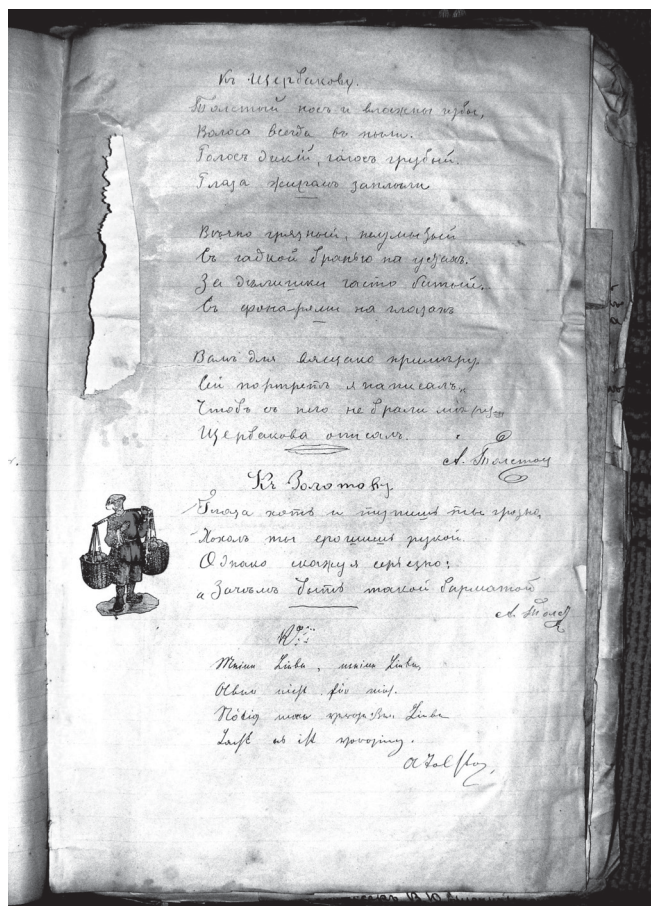
«Я родился в 1885 году в полуактерской семье, вернее, в семье, зараженной театром. С самого раннего детства я слышал разговоры о театре, и одним из первых ярких впечатлений моих был спектакль

в сельской школе, которой устраивала моя мать (она была сельской учительницей). В нашей семье все играли на сцене: одни были профессиональными актерами, другие любителями... Едва научившись писать, я начал сочинять сцены, которые разыгрывал со своим младшим братом Александром. У нас часто устраивались домашние спектакли, особенно во время моего учения в реальном училище, когда около нас организовалась целая труппа талантливых любителей. Наибольшим успехом пользовался мой товарищ по реальному – Алексей Николаевич Толстой...».

Детство и юность Всеволода Юрьевича прошли в имении родителей в селе Золино (Зеленовка), в то время Сызранского уезда. Приобретено оно было бабушкой Всеволода, Елизаветой Васильевной Мусиной-Пушкиной, чье имя, как известно, связано с биографией И.А. Гончарова, автора бессмертного «Обломова», – литературоведы утверждают, что она стала прототипом героини романа Ольги Ильинской. Имения этого, как и села, давно не существует.

В зрелые годы, уже будучи студентом Горного института в Петербурге, неизменно, почти каждый день, посещал Всеволод премьеры самых разных столичных театров. Чтобы сохранить программки всех виденных спектаклей, он нашел свою старую сызранскую исписанную амбарную книгу и стал аккуратно вклеивать их в нее. Неизвестно, почему нельзя было завести новую тетрадку – ведь не было, думается, с бумагой напряженки в старой России? Как бы то ни было, таких программ к 1910 году у него накопилось много, и своеобразная книга-альбом вскоре заполнилась ими. Хранилась она в московском доме Всеволода Юрьевича по адресу: Кривоникольский переулок, дом 3¹. В этом доме он и скончался в 1939 году. Когда и вдова его, тетя Анита, ушла из жизни в 1957 году, весь архив этой семьи был перемещен в дом нашей тети Шуры, сестры тети Аниты. Папки с бумагами Мусиных-Пушкиных были сложены во дворе, в стареньком сарайчике для угля и дров. Как говорится, до лучших времен...

Этот дом в старом дачном районе Москвы под странным названием «Соломенная сторожка» существовал там до 1975 года, когда и был снесен. Разбирая перед переездом вещи, автор этих строк добрался и до сарайчика. Папки архива Мусина-Пушкина так и лежали там – в угольной пыли,

Стихи Алексея Толстого в альбоме 1898 г.

под протекающей полусгнившей крышей и продуваемые ветрами через дощатые стены. Хозяйке дома, старенькой тете Шуре, было не до каких-то полуистлевших бумаг, а нам, молодежи – племянникам, поселившимся здесь, – и вовсе было не до старого дряхлого сарая, который давно стал местом, куда сбрасывалось все ненужное и отработанное в хозяйстве...

Папки эти я решил сохранить, опять же «до лучших времен». И вот только совсем недавно полусгнившие тесемки на старых папках были развязаны, и стало возможным разобраться со всей этой «макулатурой». Среди старых черновиков, рукописей пьес и разных деловых бумаг нашлась здесь и та самая амбарная книга. Передняя обложка на ней уже была вся сгнившая, пришлось ее акку-

ратно отделить и выбросить. Остальные страницы, с программками, вроде бы были целы. Я удивлялся – сколько же всего интересного повидал дядя Всева в свое время! Сколько давно забытых пьес и авто-ров! А какие артисты! Тут и В. Комиссаржевская, и Качалов, и Станиславский!

Во вот, полистав страницы с наклеенными театральными программками и приподняв одну из них, из-под которой проглядывал какой-то рукописный текст, я увидел написанные ореховыми чернилами, какие использовались в 19-м веке, какие-то стихотворные строки. Я приподнял еще несколько программ, и на одном из листов увидел... четверостишие с четкой подписью – «А. Толстой», и дата – 6 марта 1898 г., то есть год, когда будущий писатель пребывал в Сызрани и там же учился в реальном. Об этом факте его биографии я, конечно, знал, как и то, в каких отношениях были они с Всевой Мусиным-Пушкиным. Эта амбарная книга, видимо, предназначалась для записи товарищами Всеволода своих стихотворных упражнений. Здесь оказались строки и его самого, и брата Саши. Отдельные страницы украшены переводными японскими картинками. Конечно, стихами назвать это было бы слишком. Это были жалкие попытки что-то срифмовать, часто без соблюдения ритма и прочих премудростей стихоплетения. О грамотности авторов и говорить нечего. Такими же были и пробы Алеши Толстого. Лучше всего ему удавались злые эпиграммы на своих соучеников-товарищей и даже на девушек – грубоватые и часто просто уничижительные. Вот немало из того, что удалось прочитать:

К Щербакову

Толстый нос и влажны губы,
Волосы всегда в пыли.
Голос дикий, голос грубый,
Глаза жиром заплыли.
Вечно грязный, полумытый
С гадкой бранью на устах.
За делишки часто битый,
С фонарями на глазах.

К Сысову

Длинный, черный и кудластый,
Панталоны до колен.
Все решения подвластны
Всех знакомых теорем.
Губы красны, руки-плети,
Прекорявый длинный нос.
Если с боку посмотри –
На кривой похож вопрос.
Вот в таком духе большинство этих «опусов»
13-15-летних реалистов. Было там, впрочем, и что-то
похожее на лирику. Вот, например, тоже за под-
писью Толстого:

В тишине лазурной неба
Тают тихо облака,
Снизу солнца отраженьем
Освещенные слегка.
Над болотом пар дымится,
Филин жалобно кричит,
Ручеек в камнях струится,
А в лесу топор стучит.

«Реалисты» Борис (слева) и Всеволод Мусины-Пушкины. Сызрань, 1890-е

Борис Юрьевич Мусин-Пушкин. США, 1916

Всеволод Юрьевич Мусин-Пушкин. Москва, 1927

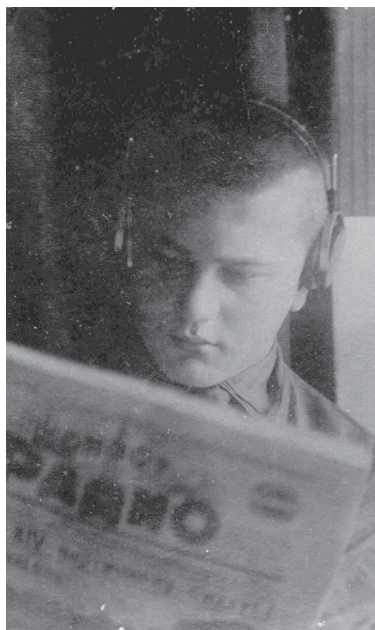

Вс. Ю. Мусин-Пушкин с женой Анной Павловной. Москва, 1929

И еще: в этой же книге-альбоме обнаружилось и несколько рукописных программ любительских спектаклей, которые в 1907 и 1908 годах давала молодежь в имениях своего родного края, а это Зеленовка и Кочкарлей, Акшуат и Румянцево. В постановках, кроме братьев Мусиных-Пушкиных, были заняты и другие, довольно «именитые» актёры-любители: тут и все трое детей гофмейстера Высочайшего двора В.Н. Поливанова, чье имя носит дендропарк в Акшуате, и Зимнинские, Воейковы, Полочаниновы и прочая молодежь из известных в Симбирском крае фамилий...

Интересно проследить, как же сложилась дальнейшая судьба друзей юности Алексея Толстого? Имена братьев Мусиных-Пушкиных до 1917 года еще иногда мелькают в дневниках Толстого. Но след Михаила и Бориса проследить почти невозможно. Известно только, что Борис женился и уехал в Америку с маленькой дочкой. В 1916 году прислал он Всеволоду фотографию из Техаса. На ней он выглядит очень импозантно – типичный американский фермер. А Михаил пропал, очевидно, где-нибудь на полях Первой мировой и Гражданской войн. От него сохранилась только фронтовая открытка 1916 года, отправленная из города Ровно, где он пишет брату:

«Дорогой Всева, давно я тебе не писал, и от тебя, также, нет писем. Меня теперь определили в обоз. Службой я очень доволен. Приходится, главным образом, иметь дело с лошадьми. Мы теперь на отби-

Лева Мусин-Пушкин. 1931

той от неприятеля земле – много интересного. Эта открытка куплена в лавке, в которой весь товар привезен из Австрии...» Здесь же есть сведения о брате Александре и его жене – тоже фронтовиках. «От Саши получил письмо, в котором он пишет, что Леля поехала в санитарном поезде, а его назначили младшим офицером в 1-ю роту».

Больше о Михаиле и его семье ничего не было известно. Но сын его, Лева, проживал в 20-х годах вместе с матерью в Симбирске, учился в техникуме. На каникулы регулярно приезжал в Москву к своему дяде Всеволоду, который как-то записал в дневнике: «У него несомненно

есть влечение к деревне, как у брата Саши и Лели. Может быть, землеустроительный техникум и определит его будущность...»².

В нашей семье известно, что после 1917 года братья Александр и Всеволод Мусиные-Пушкины посвятили себя театральному искусству: Александр под псевдонимом А. Часков работал актером провинциальных театров, пробовал себя в драматургии, а Всеволод, с юных лет писавший пьесы, стал профессиональным драматургом. Его «Дочь генерал-губернатора» и «Проходная комната» в свое время с успехом шли в Москве, Ульяновске и других городах.

В дневнике дяди Всева есть такие строки, относящиеся к 1927 году:

«Получил письмо от Левы. Он очень доволен, что «Дочь генерал-губернатора» поставлена в Симбирском театре. Пишет высоким слогом

о спектакле и о разговоре с режиссером обо мне. Прислал афишу и вырезку из газеты...». Эта афиша нашлась в тех же старых архивных папках Всеволода. По ней можно видеть, какой актерский состав работал в Ульяновском театре в 1920-х годах – теперь уж о них никто, наверное, и не помнит: Л.С. Чарова, А.А. Савельев, И.Е. Рагозин, гл. режиссер В.В. Образцов. Всего 22 фамилии.

Кстати, пьесы шли под псевдонимом автора, так как их автор в это время сидел в Бутырках, ложно обвиняемый по доносам в самых нелепых деяниях. В своем дневнике Всеволод Юрьевич записал:

Афиша спектакля в Ульяновском театре. 1927

«29 января 1928 г.

Свидание с Анной /женой. – А. Р.-К./ было в коридоре тюремной больницы больше часа. У Анны настроение бодрое, она справляется со всеми затруднениями и ждет от постановки «Проходной комнаты» многих благ. Принесла мне обрывок афиши, расклеенной по Москве. Действительно, афиша красивая, автор «В.Ю. Пушмин». Мне обидно, что не Мусин-Пушкин: столько трепали по газетам эту «громкую» и несчастную фамилию, столько обо мне разговоров в связи с моим делом, что хорошо было бы видеть эту «неудобную» фамилию опубликованной в афишах и объявлениях. Но администрация театра боится поставить на афишу «опальную» фамилию и скрывает меня за псевдонимом...».

Очевидцы говорили, что московские зрители долго рукоплескали на премьере «Проходной комнаты», занавес поднимали семь раз, но все недоумевали, почему автор не выходит на поклон... Удивительное было время!

Если удастся отклеить и обнажить еще некоторые страницы этой амбарной книги, то, возможно, будут и новые открытия по части литературо- и театроведения. Но надо отдать должное Всеволоду: у него хватило ума, чтобы «творения» его юных товарищей не совсем уж намертво заклеивать программками, а сохранить все эти рукописные упражнения юных оболтусов. Наверное, он понимал, что когда-нибудь кто-нибудь сможет это прочесть. Он оказался прав. И сегодня эти страницы амбарной книги дают нам возможность хоть немного почувствовать аромат того времени, в котором жили сызранские мальчишки-реалисты. А обнаруженные неумелые вирши юного Алеши Толстого заставляют лишний раз подивиться – «из какого же сора» иной раз рождается гениальная личность и гениальные произведения!

¹ Ныне этого дома не существует. Он был снесен в 1963 г. при прокладке проспекта Калинина (Нового Арбата) в Москве. – А.Р.-К.

² О дальнейшей судьбе Льва Мусина-Пушкина и его потомков – см. работу Т.А.Громовой «Мусины-Пушкины в Симбирской губернии» – А.Р.-К.

Вера БИШИЦКИ, Берлин. Переводчик художественной классической литературы, русист, лауреат Международной литературной премии имени И.А. Гончарова (2014) в номинации «Наследие И.А. Гончарова: исследования и просветительство».

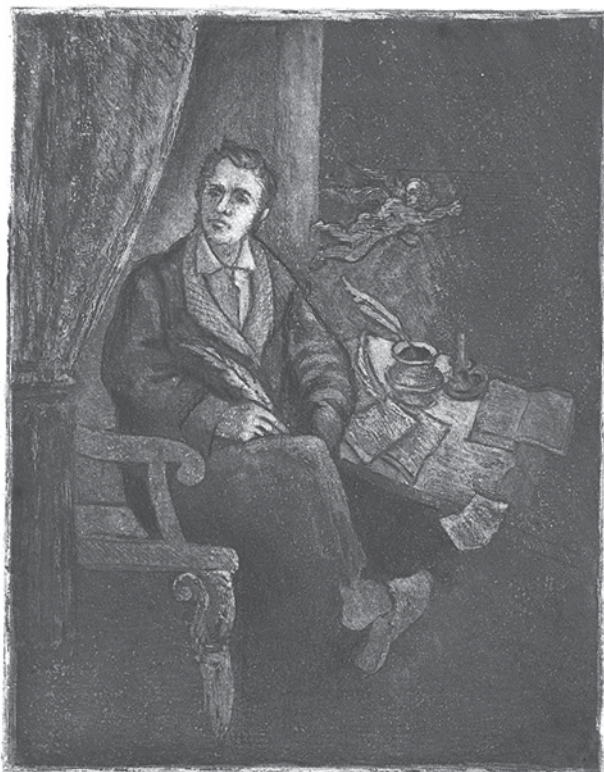
ЧЕМУ МЫ МОЖЕМ НАУЧИТЬСЯ У ОБЛОМОВА, ИЛИ «ПЕРВЫЙ ВЕСКИЙ КОРОНА-РОМАН»

В 1878 году Иван Александрович Гончаров писал датскому переводчику Петру Ганзену, который только что начинал переводить Обломова: «...я недоволен тем, что Вы отложили перевод “Обломова” на неопределенное время, и может быть – совсем. О причине я уже Вам писал неоднократно – и опять скажу, что Обломов – до того русский тип, что иностранцам он покажется бледен, скучен, непонятен и незанимателен». И в следующем письме того же года прямо призвал: «Откиньте «Обломова» в сторону и займитесь гр. Толстым!». Увы! Ганзен следовал этому вердикту, слушался и НЕ продолжал уже начатый перевод «Обломова».

Знал бы Гончаров! Между тем роман переведен на полсотню языков всего мира, в том числе и на албанский, арабский, китайский, и, конечно же, на датский...

Его «Обломов» – эта «бессмертная книга», как писали восторженные немецкоязычные рецензенты по случаю нового (восьмого по счёту) перевода романа в 2012 году на немецкий язык, «эпохальное произведение в истории европейского романа».

По поводу этого моего нового перевода: восемь лет тому назад вышло бесчисленное количество обстоятельных, подробных рецензий во всех крупных газетах и журналах, на радио и телевидении, как в Германии, так и в Австрии и Швейцарии, не считая огромное количество аннотаций, анонсов, сообщений и статей в интернете. Этот грандиозный интерес в XXI веке удивляет, ведь традиционно трактовали роман исключительно как отражение отсталости и застоя в русском обществе XIX века. Однако постепенно складывается понимание многослойности. Гончаров в своих опасениях, что книга будет непонятна за границей, не учёл, что люди в принципе везде одинаковы и что «Обломов» – универсальное произведение. Затронутые в романе проблемы не ограничиваются Россией, хотя на первый взгляд можно так подумать. И не существует «единственно верной интерпретации произведения, каждый читатель воспринимает его по-своему в разные периоды жизни, по мере приобретения жизненного опыта, и ему открываются новые горизонты. К тому же многие сегодняшние читатели задают себе вопрос:

Анатолий Обвинцев. Обломов пишет письмо Ольге.
(Из иллюстраций к роману «Обломов»)

разве не Штольцы наших дней всё сильнее толкают общество в бездну? А надо ли, как Обломов спрашивает, действительно непрерывно «тратить мысль, душу свою на мелочи, менять убеждения, торговать умом и воображением, насиловать свою натуру, волноваться, кипеть, гореть, не знать покоя и все куда-то двигаться?» Как современно на фоне расширяющегося «синдрома выгорания» звучит вновь и вновь повторяемый вопрос Обломова, удивленного непрерывной деятельностью людей: «Где же тут человек? На что он раздробляется и рассыпается?»

Разумеется, что без помощи Штольца Обломов не выжил бы, и, конечно, не надо становиться Обломовым, но немного больше спокойствия и невозмутимости и нам не помешают.

* * *

Для иллюстрации лишь несколько цитат из тогдашних немецкоязычных СМИ: В «Штуттгартер Цайтунг» читаем: «Обломовщина – не что иное, как реакция на перегрузку, на чрезмерное давление эпохи модерна, которое ощущаем сегодня и мы, ежедневно и ежечасно, в виде потока информации и постоянной необходимости принимать решения».

Многие рецензенты выступают и в защиту досуга и права на лень, учитывая тревожный рост болезней, вызванных стрессом. Тот же автор спрашивает: «Что составляет счастливую жизнь? Разве деятельная, успешная жизнь Штольца в конечном итоге не разочаровывает своей пустотой – к чему, спрашивается, она приведет?»

В рецензии Баварского радио современному обществу ставится такой диагноз: «Нужно провести параллели с настоящим временем: это тоска по бездействию, инерции и покою, кроющиеся за спешкой, безрассудством и ускорением».

В газете «Ди Цайт» говорится о «бегстве от мира и отгораживании от него», а в «Бадише Цайтунг» – о нашей «тоске по жизни в замедленном темпе».

Есть рецензенты, рассматривающие Обломова как «убедительного персонажа, противостоящего сонму дельцов и менеджеров, доводящих себя до выгорания. Лежа в постели-крепости, Обломов интуитивно понял то, что нам приходится познавать на собственном мучительном опыте, в круговороте дел и забот: с постоянным ускорением жизни душа не справляется».

В завершение три комплимента в адрес автора «Обломова»: «...Неужели этому роману действительно сто пятьдесят лет?» – удивляется один из восторженных рецензентов Швейцарии.

Рецензия в «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг», одной из ведущих газет (тираж 300 000), заканчивается так: «Каждый читатель боится последнего предложения в хорошем романе. Но финал «Обломова» приглашает немедленно перечитать его».

И один из австрийских критиков пишет: «Обломов» – одна из самых красивых, умных и нежных книг этого года. Возьмите отгул, устройтесь поудобнее на кровати и почитайте в свое удовольствие – не беда, если во время чтения захочется и вздремнуть».

* * *

Прошло восемь лет, и наши жизненные обстоятельства из-за пандемии резко изменились. И вдруг жизнь в изоляции заново вызвала большой интерес к роману, и в Германии, и в Австрии, и в Швейцарии. В разных новых публикациях рекомендовали «Обломова» снова в качестве идеального чтения, на сей раз в дни карантина. Из множества вновь появившихся статьей цитирую лишь три: в Австрии в еженедельной газете «Фальтер» под заголовком «Человек в халате» автор философствует о пренебрежении привычными правилами и о безалаберности. Подробно говорится в его статье об обломовщине, и так как «Обломов всегда ходил дома без галстука и без жилета, потому что любил простор и приволье», он делает вывод: «Карантин не знает галстука, а работа в режиме *хоум-офис* не знает *дресс-кода*».

А саксонская газета «Фолксцейтунг», которая также имеет немалый тираж (около 150 000), даёт подробное резюме романа, рекомендует заново читать его и задает читателям в режиме изоляции обломовский вопрос: «вставать или не вставать?»

И наконец, газета «Ди Вельт», одна из ведущих немецких газет (700 000 читателей), в апреле 2020 г. в новой подробной статье под заголовком «Первый корона-роман. Чему можем научиться у Обломова для нашей жизни» констатирует: «Сегодня мы читаем “Обломова” Гончарова как первый веский корона-роман. Его главный герой ведёт себя примерно. Если все следовали бы его примеру, зараза скоро была бы побеждена...».

Кстати: есть и журналисты, которые упоминают знаменитую фразу из романа: «Не подходите, не подходите: вы с холода!» – надо лишь пропустить слово «холод», и мы видим, что Обломов соблюдает одну из основных рекомендаций, как обезопасить себя и окружающих от инфицирования...

Не ошибся ли Гончаров колоссально, что его роман состарился?..

В июне мы празднуем день рождения уважаемого и любимого автора. Я поздравляю нас всех и позволю себе ещё одну цитату. В июне 1868 года Иван Александрович пишет Михаилу Стасюлевичу из немецкого курорта Киссингене, что «купил даже себе мой самый любимый и самый благородный цветок – лилию».

Итак, с днём рождения, Иван Александрович, поставим лилию в вазу – этот цветок любви и чистоты! Мы Вас очень любим.

Июнь 2020 года

P.S. От редакции.

В сентябре мы отмечаем день памяти И.А. Гончарова. Ульяновский драматический театр носит имя писателя. Символично, что новый сезон (в сентябре 2020 года) открывается спектаклем «Обломов».

ГЛУБИНКА

Виктор СЕРГЕЕВ, прозаик, член Союза писателей России.

БАБУШКА И ВНУК ЭТЮД

Бабушка уговаривала семилетнего внука – городского жителя – не тянуть попусту время, а быстренько похлепать суп с домашней курицей, иначе остынет. Он, как всегда, отворачивался от тарелки либо хлебнёт из ложки глоточка два и... поморщившись, взметнёт руку локтем ко рту и замрёт. Вот из-за такого «укрытия» он и теперь наблюдал за бабушкой, терпеливо ожидая наставлений.

Бабушка не молчала: «Курочка-то, миленький, не фабричная, а деревенская – во дворе выросшая. Нос за версту чует вкусный и аппетитный навар! Таким бульоном лечат и ставят на ноги больного человека, особенно после операции».

Внук убрал руку от рта, но суп есть не торопился.

Бабушка далее рассказывала притихшему внуку: «Когда сама была маленькой, то есть в твоих годах, то вместо супа куриного ела траву и листья с деревьев... Не все подряд ела листья, а по выбору, особенно молодые побеги клёна или липы».

Выслушав бабушку, внук спросил: «Как козлик ела?».

Бабушка ответила: «Покушать всегда хотелось: голова кружилась с голодухи, а поесть нечего, вот и кидалась на молодую зелень. Многие голодали. Времечко тогдашнее почти всех поджало, деваться некуда. С иноземным врагом бились – кто кого. Слава Богу, мы одолели».

Внук опять спросил: «А зачем ела траву и листья с деревьев? Козочкой за-

хотелось побыть». – «Может, и была козочкой, не помню. А ныне с эдакого супа так и останусь бабушкой Ариной, не бойся. В ту пору, Митя, рада бы покушать сладко, но все полавочки, кладовки, лари и ларёчки, столы и столики любые, погребок... пуствовали, прямо ни крошечки хлебца... Так где взять блинок, как вон у тебя под носом?.. А-а?.. Если бы прежде кушала вкусный суп, то б ныне не хворала и не охала... Тогда иногда плакала – что поесть нечего, а ты вон плачешь, что кушать не хочешь. Родители набаловали тебя чипсами да мороженкой, вот и беда... Как же с тобой справлялись воспитатели в садике? Не вспомнишь?» – Внук покачал головой, порываясь что-то сказать. Но бабушка опередила:

«А я вспомню: ты давеча после стакана козьего молока пять поленьев уложил в поленницу, ведро картошки набрали. С куриного супа уложишь все десять поленьев, лучок подберём на огороде... Правда, правда... Не качай головой. Я же верю». – «Баб, помнишь, сказку рассказывала: мальчик попил воды из копытного следочка, так козлёночком стал. Вот и ты не пей сырую воду, а то козой будешь. С кем буду жить в деревянной избе?»

Она засмеялась. И поняла, что внук хитрит, то есть отлынивает от давно остывшего супа.

Бабушка вспомнила поговорку, кою и озвучила, хотя и знала, что внук не поймёт – о чём она.

– Беда на селе, коли лебеда на столе.

РЫБАЧОК

рассказ

Девятилетний Сёмка упрашивал отца пойти с ним на рыбалку. Недалеко от реки, впадающей в Волгу, лежат безымянные озёрки, в коих водятся серебристые караси. Даже он, в общем-то – новичок в этом деле, а приносил домой карасей. И рассказывал о них, захлебываясь, боясь пропустить подробности, кои могли заинтересовать отца. Кроме всего, ему хотелось показать любимое место, где он пропадал целыми днями, иногда до вечера, чтоб дома зря не волновались... И идти-то до озёрков не больше двадцати минут. Сынишка просьбой своей, как бы одним крючком, задумал двух рыбок поймать: отца порадовать и самому оправдаться за самовольные отлучки.

Отец Сёмы, Василий Афанасьевич, всегда был равнодушен к рыбалке, но самих рыбаков-удочников любил. Лучше сказать: уважал их. Они привлекали его добродушным характером и той ревностной любовью к природе, которой он не чувствовал в себе. Родившись в лесостепном селе, где, кроме родниковых ручейков – глубиной «курице по колено», и мелких водоёмов не водилось, вот и не чувствовал тяги к купанию и рыбалке. Любовь к рыбалке может зародиться только в детские годы, а если позже (случайно) привьётся, то всё равно не будет столь искренней и кровной. Много раз он пытался в свободное время заняться рыбалкой, но так и не увлёкся. Он – человек созерцательный, даже мечтательный, а за поплавом глаз нужен зоркий.

Сёмка по пути рассказывал отцу о каком-то одноглазом мальчишке и показывал дом пятиэтажный, где он проживал с бабушкой. Мальчишка тот искусно рыбачит при любой погоде. Мало того, он знает, где нужно прикармливать рыбу. К нему, словно к колдуну, рыбка самотёком плывёт.

Отец, слушая сына, только вздыхал, сожалея, что и сынишка чуточку заразился от рыбаков страстно прихвастывать...

И они очутились в низине, в коей их окатил сумрак и погребная сырость. Пахло перегнившими листьями и травой. Ветру в низине не разгуляться, потому непривычные запахи держались устойчиво. Озерко, о коем говорил сынок, спряталось в чаще фруктовых деревьев и огородных грядок забро-

шенных садов и огородов, на коих пахучий укроп с жёлтыми зонтами перебивал иные запахи. Отец обрадовался лёгким переменам. И не пожалел, что пришёл сюда. Да и действующие сады-огороды находились неподалёку.

И никакое это не озерко, разглядел Василий Афанасьевич, боясь выдать своё сомнение. Скорее всего – это обыкновенный заливчик реки, оставшийся от весеннего половодья. Он бросил тонкий яблоневый сучок в середину заливчика, сучок воткнулся в невидимый ил и не наклонился даже. Маленькие лягушата стайками сидели у самой воды и никого не боялись. «Вот бы куда ужа или аиста», – подумал Василий Афанасьевич.

Лягушата смело перелезали через ноги Сёмы и его отца, проворно охотились за комарами и мухами. Пришлось ступать с приглядкой, выбирая свободное место от лягушат: не наступить бы на них.

Сёмка остановился на чистом, без кустарника, месте, откуда до реки, надвое разделяющей правую часть города, рукой подать. Отец остановился возле сына. Ему плохо верилось, что в этом илистом заливчике может водиться рыба. Но на тихой воде иногда вспыхивали фонтанчики брызг и слышались резкие всплески.

– Пескари ловят мошек, – деловито заметил Сёма. – А мы пока никого, – с сожалением добавил.

«Сынок давно пристрастился к рыбалке, а нам с матерью невдомёк. Пескари, значит – мошек ловят, а мы сейчас их поймаем. Все кого-то ловят. Так цепочка чередой и тянется», – подумалось Василию Афанасьевичу.

Минуту спустя он мысленно возмущался на звенящих комаров, продолжая закидывать грузилок с леской и крючком, цепко поглядывая на нарядный поплавок. Вслух сердиться на комаров он стыдился, и, стиснув зубы, терпел укусы.

Сёмку комары осаждали не меньше, он даже приплясывал, бил ладонями по голой шее, но молчал и почти профессионально творил нехитрое рыбацкое дело. Он уже вытащил трёх скользких ершей и поглядывал на отца почему-то виноватым взглядом, словно сочувствовал его неудаче, ну и своей тоже: мог бы погуще порадовать отца. Через минуту

Сёма всё-таки поймал карася. Он выкарабкался из своего укромного места и на вытянутых руках принёс рыбку показать отцу.

– Что ты шёпотом говоришь? – спросил отец.

– Пап, нельзя громко говорить. Там рыбачок сидит и колдует. И не один, – сказал Сёмка и показал за спину.

Он ушёл к мальчишкам с рыбкой на руках.

Оставшись один, обескураженный неудачей, Василий Афанасьевич совсем перестал следить за поплавком.

Ребятишки потихоньку тащили карасей, а то и занозистых ершей, не отставал от них и Сёмка. Они повизгивали и делились удачей тихими голосами.

Василий Афанасьевич подошёл к ним бесшумно. Хотя и старался не шуметь, но к нему с бдительной оторопью повернулся смугловатый мальчишка, росточком на голову выше Сёмы, да и постарше года на три-четыре... Левый глаз плотно закрыт заласанной овальной чёрной тряпочкой, тонкими концами узелком завязанной на вихрастом затылке. Случайная ущербность его не волновала и не стесняла при посторонних и незнакомых людях, наверное, при вык к ней.

Василия Афанасьевича передёрнуло при мысли: вдруг с его сыном могла бы случиться похожая беда.

– Не ловится на солнце? – спросил одноглазый мальчик Василия Афанасьевича, словно равного. – Она чует: кому поддаваться, а кому и нет, – досказал с улыбкой на губах.

– Рыбка, видно, сыта, потому и не цепляется, – ответил Сёмин отец.

Одноглазый заметил, что на лице отца Сёмы и тени досады не мелькнуло, что рыбка ему не даётся.

– В тени и в прикормленном месте рыбка не стесняется – гужом идёт. Плохо, что кое-кто для приманки пользуетесь маслом вонючего цитрусового плода. Подобный обман, что родной матери солгать, – объяснил одноглазый мальчишка. – Вчера на вашем месте, спросите своего сына, лягушку крючком зацепили. До слёз и до упаду смеялись...

– А твоя мамка не ругается, что ты целыми днями сидишь у реки? – спросил Василий Афанасьевич.

– У меня мамки нет. С бабушкой живу-поживаю, – ответил одноглазый мальчик.

– Как это так? Значит, ты сиротка. Где мамка? – спросил Василий Афанасьевич.

– Умерла давно. Я её еле-еле помню. Какой-то тромб свалил, – с грустью на лице, даже плотно сжав губы, ответил одноглазый.

С минуту молчали.

– Вон что. Сочувствую тебе. Жалко, что без мамки живёшь, – проговорил отец Сёмы, опустив голову. – Вот и Волгу тромб загубил. Я, откровенно сказать, Сёма, наверное, говорил, что карася не отличу от окуня. Правда, леща не спутаю со щукой. Ну и так далее... Говорят, появился в реках и прудах какой-то толстолобик.

Одноглазый мальчик улыбнулся. И больше ни слова не сказал.

«Ранняя взрослость одноглазого мальчика шла, наверное, от ранней самостоятельности, если с бабушкой живёт-поживает, – прикинул Василий Афанасьевич. – Эх, если бы не было бабушек, то в Рос-

сии худо жилось нам и детям нашим. Как видно, он не был гладеньким, чистеньким и ухоженным, как ребёнок, росший под строгим и любовным родительским оком. У него, наверное, бабушка болеет, вот и... Протёртые на коленях до последней ветхости джинсовые штанишки он поднимает почти до груди заученно и привычно, когда присаживается, чтоб колени не выглядывали. На босые ноги накинута растоптанная спортивная кроссовка без шнурков. Клетчатая, короткая не по росту, выцветшая рубашонка без пуговиц завязана полами узлом на загорелом впалом животе. Из-под узла, как только хозяин привставал, показывался серебряный восьмиконечный крестик, прикрепленный к голубому шнуру. Он натягивал шнур и припрятывал крестик под узел. В жестах и манере говорить у рыбачка была испытанная временем уравновешенность, словно суета и торопливость ему давно наскучили. Он и рыбёшку из воды вытаскивал спокойно, без ликования, будто давно отрадовался прошлыми удачами, точно заранее знал: сколько и какая рыбка поймается».

Нависло долгое затишье, рыба не клевала. Один мальчик разочарованно слонялся по бережку, словно искал более удобное и притайное место для рыбалки, а если и находил, то всё равно лицо не озарялось доброй надеждой. У одноглазого рыбачка тоже успехов не наблюдалось, хотя казалось, он доволен тем, что просто сидит у воды среди кустов и о чём-то думает или мечтает. Однако, как заметил Василий Афанасьевич, непрерывно наблюдал за поплавком Сёмкиной удочки. Ему нравилась настойчивость Сёмы, но не нравилась боязливая скованность, словно боялся будущего отцовского запрета ходить на эти озера рыбачить, коль рыбка не попадается ему так, как попадается одноглазому. Хотелось, хоть на капельку, быть похожим на его сноровистость. Одноглазый будто разгадал желание Сёмки доказать отцу свою маленькую умелость и стремился помочь...

В это мгновение Сёмка вытянул большенького карасика, ну и... вздрогнул, и испугался удачи, чуть было от радости не потерял рыбу. К нему вовремя подбежал одноглазый рыбачок, вернее – прямо-таки подлетел, ну и плавно подвёл бьющуюся рыбу к берегу, прямо на кусты...

– Сколько на ваших электронных часах наступало? – вдруг спросил он Василия Афанасьевича, скорее всего для отвода глаз, чтоб успокоить ликование Сёмы.

– Шесть часов, – ответил Василий Афанасьевич.

– А точнее? – настойчиво переспросил одноглазый мальчик, не глядя на отца Сёмы.

– Пять минут седьмого после полудня. Вот-вот вечер нахлынет, – скороговоркой уточнил Василий Афанасьевич. «Ох, какой самостоятельный паренёк! Ему хоть важное и серьёзное поручение давай», – удивился он.

– Скоро лягушки запоют, – сказал рыбачок, объяснив причину своего интереса к часам. – В этом году их перерод, потому зима будет нас всех испытывать на износ. Озерки и заливы вымерзнут.

И правда, спустя минуты три-четыре, может, а минуту позже, лягушки, как по команде чьей-то, а возможно, и этого мальчика, заквакали и загалдели,

словно в кустах кто-то начал крутить трещотку. Они допевали свои неоконченные майские песни. Шумный гвалт окончательно выбил из Василия Афанасьевича охоту ловить рыбу и сидеть на кормёжке жадных комаров. Бесплатный «концерт» заставил его закрыть уши ладонями. «Что я делаю при сыночке?» – подумал он, убрав руки с ушей. И засмеялся.

– Они недолго попоют. Скажут округе о наступившем вечере и предзакатном покое, ну и бросят... Водная живность, а за солнцем следят. Солнышко всем нужно, – успокоил рыбачок Василий Афанасьевича.

И точно: лягушки попели и потрещали не более пяти минут и почти разом затихли. В наступившей тишине не верилось Василию Афанасьевичу, что в природе всякие непривычные явления происходят неслучайно, а закономерно и упорядоченно.

С ближних садов люди потянулись по домам. И с заливыка взрослые рыбаки засобирались. А одноглазый мальчик не торопился. Ему будто было хорошо, что люди оставляли его одного.

– Пора бы и нам по домам. И тебе тоже. А то бабушка с папкой забеспокоятся, – сказал Василий Афанасьевич, собираясь побольше выведать о мальчике.

– У меня отца нет, – ответил мальчик с равнодушием человека, начисто отвыкшего от понятия «мама» и «папа». – Бабушка говорит, что меня в лопухах или в капусте нашли, как этого лягушонка, – с улыбкой добавил он и положил первого попавшегося лягушонка на развёрнутую ладонь левой руки. – Спросите его, а он знает свою мамашу? – с сарказмом засмеялся рыбачок, раскачивая левую ладонь, будто собираясь бросить лягушонка в воду.

«Эх, я перестарался с вопросами. Разбередил его рану, наверное, начавшую заживать. Бабушка о лопухах говорит в том случае, если внучок не слушается её», – покаялся про себя Василий Афанасьевич, что не сумел соблюсти дистанцию невольного любопытства.

– Мальчик, а как зовут тебя? – спросил Василий Афанасьевич. Он обнял сына, подсевшего поближе к нему.

– Петром называют. Бабушка Петрушей зовёт, – ответил одноглазый. И добавил: – Она назвала меня так в честь ученика Христа.

– Он апостолом был, – сказал Семён отец.

– Бабушка говорит, что многие ученики Христа были рыбаками, – сказал одноглазый.

– Да, особенно Пётр. Они же сетями ловили. Нас и надо сетями ловить, – уточнил Василий Афанасьевич.

– Как это? – спросил одноглазый. Насторожившись, обратился к Семёну. – Семён, папаня твой о чём говорит?

– Не знаешь, так слушай внимательно, – ответил Семён.

Василий Афанасьевич приложил ладонь к своему рту, то есть дал понять сыну, чтоб молчал.

«Всё-таки одноглазый чувствует свою обделённость в сравнении с другими мальчишками, но только в том, что касается семейного уюта, тепла и покоя. Он не верил и не верит бабкиной байке, потому что понимает ошибки взрослых людей не как подросток с болезненной и самолюбивой раздражи-

тельностью, а спокойно и привычно, не хуже взрослого человека. И никакой жалости и сожаления людей не принимал и не принимает. От докучливых советов, как жить и примерно себя вести, он находил утешение в любви к своему занятию, в общении с природой, заменившей на короткий промежуток уходящего детства – мать, отца и семью», – подумал Василий Афанасьевич.

– Петя, ты учишься?

– Да.

– И как?

– Нормально. В восьмой класс перешёл с одной тройкой. Правда, пятёрка одна. Математику уважаю.

– Молодец! А дальше как? Наверное, пригледелся к какой-нибудь специальности?

– Мне Семён говорил, что вы врач.

– Да. На скорой работаю.

– И я медицину люблю. У меня бабушка больше сорока лет проработала медсестрой. На фельдшера бы выучиться, да с одним глазом не возьмут. И морально нельзя. Людей-то пугать? Когда бабушке плохо, то я ей внутривенные уколы делаю. Она научила, так как всю жизнь проработала в процедурном кабинете.

– А что на Волжском водохранилище не ловишь рыбку? – перешёл Василий Афанасьевич на другую тему.

– Ну... Скажите, а вас как зовут?

– Василий.

– Дядя Вася, на водохранилище лодку надобно. Да и для рыбы там простору много, она в моём червячке не нуждается, – ответил рыбачок и уставился на Василия Афанасьевича, ища в этом дядьке не праздное любопытство, а чисто деловое, при помощи коего мог бы научить его вместе с сыном ловить рыбу и в этих местах.

– Я слышал, в деревенских прудах, кои фермеры контролируют, рыбы полно. Но там денежки нужны, – сказал Василий Афанасьевич.

– Вы прямо попали в мой единственный глаз. С бабушкой на днях поедем к моему дяде. Я уже ловил там. Лещей наловил больше семи килограмм.

– Станный ты рыбак. Многие рыбаки руками разводят, то есть показывают предполагаемую длину выловленной рыбы. А ты скромничаешь.

Рыбачок засмеялся.

– Знаете, не до похвалы. Бабушка больна, ей приписали рыбу есть. Однажды нам из деревни живого молоденького петушка привезли. И зимой! Сами, мол, голову ему отрубайте, сами общипывайте, варите и ешьте на здоровье. Он двое суток в ванной пожил, спутанный, как лошадь, рано утром пел, но колоты не стали, отнёс знакомым в пригородный посёлок: у них кур – тьма-тьмушная. Отец товарища взамен привёз нам разделанную женскими руками тушку утиную. Мне бабушка суп варила, а сама не ела. Я с виду тихий, но раньше совал руки куда не следует. Глаз свой порешил при помощи озорства, бутылку набивал карбидом, хотел в речке глушить рыбу. Вот Бог и наказал: без глаза остался. Бабушка плакала горькими слезами, затем успокаивала, мол, малой, не переживай – глаз новый появится... Нет, глаз не появился, ведь его один раз сажают, правда, оставшийся стал видеть зорче. Вам обоим секрет

рыбачкий скажу: Сёма научится хорошо и полезно на бережку посиживать, когда услышит чавканье рыбки. Так что у него всё впереди. Вы только не волнуйтесь за сыночка, я дурному не научу.

Рыбачок редко называл рыбу собственным именем, больше отвлечённо: «она», «её», словно стыдясь, что лишает рыбу жизни.

Василий Афанасьевич, уходя с Сёмой, подарил рыбачку Пете электронные наручные часы.

– Бабушка спросит: где взял? Как ответить? –

спросил рыбачок, неохотно взяв подарок.

– А она Сёму знает?

– Знает. Он бывает у нас.

– Вот и скажешь, что часы подарил Сёмин отец.

На том и расстались. Однако Василий Афанасьевич лишь дома сказал Сёме, что на днях переезжают в другой район.

...Много лет спустя Сёма узнал, что одноглазый рыбачок Петя стал служить псаломщиком в местной церкви.

СОБАКА

рассказ

Я торопился домой. На окраине города оставался попутные машины. Четыре проскочили мимо, а пятая притормозила. Шофёр средних лет с обветренным лицом приветливо открыл дверцу.

Согревшись в кабине, я начал подрёмывать и, побоявшись уснуть, заговорил с шофёром. Он был несловоохотливым, на вопросы отвечал вяло, видно, устал.

Серая лента асфальта тянулась беспрерывно. Дорогу перебегала позёмка. Сыпал редкий снег.

Через полчаса пути я попросил шофера сбросить меня у края леса.

Я остался один. Северный ветер продувал не совсем тёплое пальто.

Мороз в пять – семь градусов при сильном ветре бессердечен.

Лесом прошёл легко, санную дорогу не всю занесло. Ветру в чаще не разгуляться, но в редколесье ветер осмелел. Деревья раскачивались вдоль оси своих стволов, а вершинки с голыми сучьями описывали круги. Крупитчатый снег бил по лицу, как мелкие дробинки, забивался за воротник, где скапывал по спине, обжигая тёплую кожу холодком. Я плотнее застегнулся. Покаялся, что наспех оделся, по-осеннему, думал, погода быстро не переменится. Верна пословица: едешь на день, бери на два дня.

Твёрдая дорога оборвалась ещё в редколесье, занесло. Стало сумрачно, хотя до вечера было далеко. Надо мной гудели провода. Поднял голову, но глаза упёрлись в снежную мглу, проводов не видно. Снег посыпал густой, пушистый и сухой. Ветер играл снежинками, не давал лечь.

Сначала снежная непогода меня обрадовала. Пугливые мысли, что замёрзну или пропаду в метели, в голову не приходили. Да и село родное близко, двадцать минут ходьбы. Недалеко разбросаны и небольшие деревеньки, знакомые с детства, – в какую-нибудь, но попаду. Правда, на моей памяти бывали случаи, когда люди, в общем-то сильные, в метель сбивались с дороги и замерзали почти у самого родного дома.

Чуть позже, когда лес остался позади, радость с меня снежинкой слетела.

...Неделю назад, уезжая в город, стояла обычная осенняя погода: сырая, мглистая, грязная и чёрная. Ночами шли моросящие дожди. Только зелёная озимь радовала глаз.

От затяжной осени люди затосковали о зиме, которой давно пора быть. Жаждались снега и бодря-

щих морозов.

Ехал я тогда на транзитной машине. Шофёр южанин, кавказец.

Я пожаловался на промозглую осень. Соскучились по зиме.

Южанин, избалованный солнцем, взмолился: зиму не надо, она холодная. Мотор машины чихает, не заводится. Ай-ай-ай...

Он меня рассмешил.

Нет, без зимы мы не привыкли жить, ждём её, а если долго нет снега или он запаздывает, нет морозов, то нервничаем, капризничаем, делаемся раздражительными...

И всё же старые и пожившие люди говорили: не плачьте, своё зима возьмёт.

И взяла!

Дорогу, еле наметившую первыми санями, я потерял. Шёл по полю, ноги вязли в снегу.

Неожиданно перед собой, шагах в десяти, заметил собаку. Она вроде ждала меня. Я замер. Оглядевшись, пошёл навстречу.

Может, это волк? В висках туго застучала кровь, в голове зазвенело, как после угара. Я засунул руку в карман, сжал перочинный нож. Потом вытащил его, зубами разложил оба коротеньких лезвия.

Где ж телефонные столбы? Пропали...

Топтался, топтался и оказался под проводами. Шёл и поднимал голову на гудящие провода, но всё-таки сбился. То и дело поворачивался спиной к ветру, чтоб подышать полной грудью.

Справа опять выявился чёткий силуэт собаки. В народе говорят, что преданнее собаки для человека в беде не сыскать существа. Откуда же крупнущая? В нашем селе таких нет.

Рванулся бегом к собаке, но её поглотила метель. Мне стало жарко от пробежки. Движение – единственное спасение от холода. Надо идти. А куда?

Решил подождать точку.

Вперемешку с пушистым снегом косо сыпала и твёрдая изморозь, которая больно била по глазам. Глаза я прикрывал самовязанными шерстяными перчатками. Заиндевелившие, они смёрзлись кочками, не грели.

Запахло печёной картошкой и разворошённым кукурузным силосом.

Неужели село близко?

Силуэт собаки или волка был совсем рядом в зависимости от того, быстро я приближался к нему

или медленно. Между нами будто бы тянулась невидимая нить; она по какой-то ещё необъяснимой необходимости связывала нас.

Даже быстрая ходьба не спасала от пронизывающего ветра. Я мёрз.

Вспомнилась тёплая кабина машины, которая подбросила меня к лесу. Вспомнил, а ощутить тепло, как запах печёной картошки, не мог.

Вспомнил и себя мальчишкой. В каникулы катились с горы до самых сумерек, как говорится, до упаду. И кататься хорошо было, и домой пора, продрог до костей, язык не ворочался, слово не выговорить. Дома поел горячей пшённой каши с козым молоком, а не согрелся, бил простудный колотун. Спасла печка. На ней сушились подсолнечные зёрна. Сгрудил их в обе стороны, лёг на горячие кирпичи, а себя завалил зёрнами, как на реке песком летом. И уснул. Печка согрела.

Всё равно не помогло представить тепло.

Наткнулся на столб. Прислонился к нему спиной. Значит, верно иду. Верно ли, столбы бегут и в обратную сторону? От порывов ветра столб словно дёргался, скрипел, а в проводах ветер выл по-волчьи.

Успокоился – иду правильно. Но если идти без видимой маячившей впереди точки, то потеряю столбы и заплутаюсь в поле, выбьюсь из сил, и... Не закружиться бы на одном месте.

Эх, почему человек не может чувствовать дорогу, как лошадь или собака. Неужели надежда только на смекалку и сообразительность?

Пальцы рук окоченели, в кулак не сжимались. Челюсть одеревенела. Большие пальцы ног холодели.

Осмотрелся вокруг, точка пропала. Отошёл от столба, и точка вновь впереди зашевелилась. Когда она пропадала, я останавливался. Раньше точка меня настораживала, а теперь радовала. Она была мне необходимой.

Когда на мгновение порыв ветра затихал, а пушистый снег переставал кружиться вихрем, я чётко видел силуэт собаки, очень близко от себя.

До слуха донёсся рокот трактора. Потянуло за-

пахом жилья. Я прибавил шаг, собака отбежала от меня ещё дальше.

К своему ли селу вышел?

Показался крайний дом села, который был весь белый, словно мельница. И в селе дорогу занесло. Обрадовался, что не закружила меня метель, целиком пошёл по сугробам.

Комковатые перчатки затолкал в карман, потёр снегом озябшие руки, потом прижал к лицу, к глазам, чтоб растаяли намёрзшие снежинки на ресницах и бровях.

Хватился, а ножа нет, потерял.

В трёх метрах от меня стояла обыкновенная собака, как говорят, беспородная. Это та самая точка, что вела меня за невидимый поводочек! Собака крупная, тёмная, в свалявшейся шерсти намёрзли ледышки; она худа и измождена, порывы ветра покачивали её, если бы не вовремя переступала ногами, то упала бы. Собака дрожала, глаза тоскливо и неприветливо глядели на меня, словно заждались признания того, что не случайно была проводником. Да, возможно, без неё я мог бы замёрзнуть или выйти к чужому селу. Я осторожно подошёл к собаке ближе. Хотелось погладить её, сказать ласковые и добрые слова, от которых и животным тепло... Она опустила виновато голову, отвернулась, отошла. Видно, не привыкла к моему голосу, я ей чужой.

Я пошёл к своему дому, оглядываясь на собаку. Теперь она шла робко за мной, роли поменялись. Мне показалось, что она думала обо мне: а нужна ли человеку? Зачем навязываюсь.

После встречи в поле она прожила у меня чуть больше месяца и неожиданно пропала. Собаку я звал Точкой. Она привыкла ко мне, хотя в её глазах ещё держалось какое-то странное, не совсем собачье недоверие к моим стараниям угодить ей. Временами была весёлой и пугливой, но никогда не лаяла. Свалявшаяся шерсть посветлела.

Но почему она ушла? Может быть, во мне пыталась найти друга или через меня вспомнить о ком-то близком и, поняв по-своему, что не смогу ей заменить кого-то, ушла.

Анатолий БАЙБОРОДИН родился 24 марта 1950 года в забайкальском селе Сосново-Озёрск, где и окончил среднюю школу. По окончании Иркутского государственного университета (филологический факультет) работал журналистом в сельских и областных газетах Восточной Сибири. Преподавал стилистику русского языка для студентов-журналистов Иркутского государственного университета; работал исполнительным редактором альманаха «Иркутский Кремль»; ныне – главный редактор журнала «Сибирь». Романы, повести, рассказы, художественно-публицистические и научно-популярные очерки печатались в московских и сибирских журналах и коллективных сборниках, а также в Чехословакии, Германии, Франции.

Автор книг: «Старый покос. Повести». Иркутск, 1983; «Поздний сын. Повесть». М., 1988; «Яко богино землю нареки. Очерки». М., 1991; «Боже мой... Роман». (Предисловие: В. Распутин). М., 1996; «Воля. Повести, рассказы». (Предисловие: В. Распутин, В. Личутин). Иркутск, 1998; «Диво. Сибирские байки, сказки, рассказы». 2001; «Утоли мои печали. Роман, повести, рассказы». Иркутск, 2006; «Не родит сокола сова. Роман, повесть». М.: «Вече», 2011; «Озерное чудо. Повести, рассказы». М.: «Вече», 2013; «Кососят Борода до пят. Сказка для детей (на русском и английском языках)». Иркутск, 2013; «Небесная тропа. Книга для семейного чтения». Иркутск, 2014; «Деревенский бунт. Повести и рассказы». М.: «Вече», 2017; «Сокровища Сибири. Очерки и статьи». М.: «Вече», 2018.

Составитель книг: «Россия древняя и вечная. Книга о русской народной культуре». Иркутск, 1992; «Русский месяцеслов. Обычаи, обряды, поверия, приметы русского народа». Иркутск, 1998; «Думы о русском с древнейших до нынешних времён». Иркутск, 2019.

Лауреат всероссийских литературных премий: «Литературная Россия» (1979), «Традиция» (1995), «Отчий дом» имени братьев Киреевских» (1999), премии имени Василия Шукшина (1999). Большой литературной премии России (2007), премии «Литературной газеты» «Золотой Дельвиг» (2015), премии имени Петра Ершова (2017), Всероссийской национальной премии имени Валентина Распутина (2018); областных – имени святителя Иннокентия Иркутского (1997), губернатора Иркутской области (2002, 2014).

КОСОПЯТАЯ СКАЗКА

В тот час приступиша [апостолы] ко Иисусу, глаголюще: кто более есть в Царствии Небесном; и призвав Иисус отроча, постави его посреди их и рече: аминь глаголю вам, аще не обратитесь и [не] будете яко дети, не увидите в Царство Небесное; иже бо смирится яко отроча, той есть болий в Царствии Небесном; и иже аще примет отроча таково во имя Мое, Мене приемлет...

Благая Весть от Матфея, 18:1-5

...О ту суровую зиму прозябал я в старенькой избе, что таилась в узкой таёжной пади, на отшибе старого байкальского села Култук. Щербатую улочку, коя вилась вдоль студёного ручья, сжимали крутые хребты, где в добрые времена шумела кедровая тайга, а ныне шелестят листвою реденький березнячок и осинничек.

Поддужными бубенцами отзвенели Введенские морозы, ночами кралась Рождественские, а уж с небес косилась на село Крещенская стужа; зимующие птахи таились в густых сосновых кронах, в дуплечах, и лишь дятел, трудяга, уместившись на ветхом фонарном столбе, лихо молотил сосновые шишки, и снег возле столба усеялся рыжими хлопьями. Близился и Спиридон-солнворот, когда солнце повернёт на лето, а зима – на мороз. Солнце со Спиридона нарядится в праздничный сарафан и кокошник, сядет в телегу и тронется в теплые земли. Зима с сего же дня ходит в медвежьей шкуре, стучится по крышам и будит баб ночью: «Бабы, топите печь!..» А коли Зима бродит по полю, то за ней вереницами метели; а коли по лесу, то сыплет из рукава иней; а коли по реке идет, то на три аршина воду куёт.

Бушевал пред ледоставом батюшка Байкал, и, словно в зачарованном царстве Мороза Иваныча, со скал и крутых яров свисали ледяные наплески, мерцали цветами радуги на ярком полуденном солнце, голубовато и призрачно светились в сумерках, рябиново рдели на алых зорях. А Морозко, малое чадо матушки Зимы, в лунные ночи, колонковыми и белычьими кисточками малевал на стёклах синеватые листья и травы.

Я грел озябшие руки у чела русской печи, слово глядя, как синеватые, зеленоватые, багровые крылья огня колышутся над жаркими углями, словно девы-плясуньи в цветастых сарафанах; и дрёма, сладкая истома одолевали меня. Но вдруг я спохватился, хлопнул в беспамятный лоб: «Господи Иисусе!.. Да завтра же у Маши именины!..» Яро поскрёб лохматую бороду: чем одарить, чем подивить дочь?..

Однажды на Машины именины сочинил корявый стишок «Маша и гречневая каша»: «Папа сказки писал, папа шибко устал и... на топчан упал. А дочь его Маша съела три чаши гречневой каши, папу на руки взяла, искупала в Байкале и каши дала... Папа ожил и стал орать: «Хочу романы писать!..»

Дальше про маму, упавшую в грядки, про сестру Алену, упавшую в акварель, и завершение: «Лишь восемь лет девочке Маше, но какая сила в гречневой каше!»

Стишком, простым что три копейки, пытался я привадить Машу есть гречневую кашу, которую дочь на дух не переносила, а за что эдакая неми-

лость к сытной гречке, ныне смутно помню. Кажется, в детском саду перекормили... Написал я стишок и, помнится, домовито прикинул: впарить бы в лавку, где торгуют крупями... реклама же... и, гладишь, ребятишкам на молочишко...

И опять у Маши день рождения, опять я чесал затылок, гадая, чем порадовать дочурку. Увы, отлучиться в Иркутск я мог лишь на другой день ближе к вечеру и вряд ли успел бы купить подарок; но, может, и успел бы до закрытия книжной лавки, где покупал дочерям русские сказки, да вот беда-бедина: купил бы накопил, да купило притупило – в пустом кармане блоха на аркане.

Пригорюнился, призадумался, повалился на топчан, укрытый овчинным тулупом, задремал и... цветным чародейным сном привиделась лесная сказка...

Я пробудился на закате дня и решил сочинить Маше сказку, где запечатлеть старика вроде таёжного лешака, а потом – деда Савраску, бабу Малахайку и Алёнушку с Машенькой. Потешная байка про косопятого старика давно и озорно ворошилась в моем дремучем воображении, слёзно просилась на бумагу, но руки не доходили, отвлекали сказы да простушки-повестушки, сочинённые не для малых, а для старых. Сказка не увяла в памяти, а словно яблонька, укрылась листвою, зацвела белым цветом, налилась сочным яблочком лишь благодаря дню рождения Маши.

Себя не похвалишь, кто похвалит; смалу и по сивую бороду любил я русские сказки, паче сибирские, отчего и запев браво выплелся, словно лукошко из тальниковых прутьев, а в лукошке – ягода морошка:

«В добром царстве, русском государстве жили-были дед да баба у самого синего леса. Деда звали Савраска, бабу – Малахайка. Жили они, поживали и добра наживали. И нажили под старость лет двух чадушек – Олёнушку да Машеньку... Дивная вышла сказка: в тайгу наладился дед Савраска. Землянику собирать, кости древние размять. Глянул в окошко: у калитки лукошко. Может, ребятёшки подкинули кошку?.. Узнать охота, вот и выбежал дед за ворота. Дивится: чтой-то в лукошке том шевелится?.. Разматал дед пелёнки, а там – девчонки-дарёнки. Обрадел дед Савраска да бабке Малахайке сказал: дескать, Боженька детишков послал...».

С природы... чего мудрить... я и запечатлел характеры Алёнушки и Машеньки, дочерей своих:

«Олёнушка послушная росла, и звал её дед Умка. Деду с бабкой подсобляла: грядки поливала, травушку полола, рученьки колола. А после вечерошней молитвы браво засыпала. Только Машенька не спит. Ножками сучит. Олёнушку дразнит... Стал дед Савраска

ворчать и ругаться: «Вот Оленушка-то умка, а ты пошто такая чумка?! Эй, Косопят борода до пят, заберу-ка нашу Машу...»

Но Маша потом исправится, глядя на сестрицу Аленушку, ибо мой сказ, молвленный в лад народным сказкам, завершится ласково.

На рассвете – густой снегопад, а после полудня запуржило, заметелило, собаку встоячь заносило снегом; и рождалась сказка под вой метели в трубе, когда столь отрадно печное тепло.

Вот и опустился с небес студёный декабрь, – воистину, студень, стужайло. С осени народилась уйма рябины, и волки выли за поскопиной, и дрова горели в русской печи с треском, полыхая не белым, а красным полымем, и кошка, свернувшись клубком, денно и ночью дрыхла на печи, – всё к лютому морозу. А ясными ночами в небе ярко цвели звезды-души: блестящие – благочестивые, тусклые – грешные.

На столешнице, крытой облинявшим зелёным сукном, среди чернильных пятен уложил я стопу писчей бумаги, взял остро очиненный простой карандаш и стал сочинять сказку; писал мелким почерком, словно мышка-норушка вытянула цепочку следов по белу снегу.

Сочинил сказочку вчерне, и надо бы довести до ума, переписать набело, но поленился, решил отпечатать на машинке, а уж потом сшить в книжечку, раскрасив цветными карандашами. Глянул на печатную машинку, и вдруг явилась сказочная дума... Под гнётом – стопами дородных книг – покоилась свежая береста, которую я тут же расслоил и разрезал на тонкие листы. Заправляя берестяные листы в машинку, отпечатал «Косопята...»; на полях пробил гильзой дырочки и заплёл листы берестяной тесьмой. Не утомившись, тут же докрасна накалил в русской печи гвоздь, и, зажав плоскогубцами, пустил по берестяным полям травяные кружева.

Когда посинели сумеречные окошки и заголовили горластые байкальские петухи, на письменном столе красовалась лесная сказка «Косопят Борода до пят», отпечатанная на берестяных листах. Припомнил я сказочную ночь, грустно улыбнулся: голь на выдумки хитра – родилась самодельная книжка, не с пустыми руками явлюсь на Машины именины, а с лесным гостинцем.

Когда отведали пироги с грибами и румяные шаньги с брусницей и творогом, когда спели в хороводе: «Как на Машины именины испекли пирог из глины...», когда снова уселись за стол, я и вручил дочери берестяную книжку.

Справили именины, и опять я задумался, почёсывая бороду: «А почему «Косопят...» лишь Машу потешает?! Пусть и другие чадушки повеселятся...» И решил я заново отпечатать сказку, но уже на листах писчей бумаги...

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается... Отпечатал, изрядно поправив, а затем почитал, вслушался в сказку и чую: там и сям пустил петуха, словно певчий, коему медведь ухо оттоптал, – топтыга же. Глянул на сказку, как на цветастую роспись, вижу: и бедно, и бледно. Стал опять править и эдак четырежды набело переписал, едва утомился. Маша осерчала ворчала: мол, берестяная сказка была красивше... А Маша лет с восьми «Косопята...»

знала наизусть, от зубов отскакивало; но не зубрила, сказка сама поселилась в душе – на то она и сказка.

«Косопят...» узрел белый свет сперва в журнале «Сибирячок», потом в московском «Роман-журнале для детей». Прозвучал «Косопят...» на иркутском радио, где Косопята и деда Савраску играл артист Юрий Жигарьков, а Машу, Алену и бабу Малахайку – Маша. Вскоре театр поставил спектакль по мотивам сказки, и уж лет двадцать кажет ребятишкам.

И возмечтал я издать сказку цветной книжицей, посвятить книжицу Маше, поскольку Маше и подарил берестяного «Косопята...», Машу и вывел в образе сказочной Маши. Но-о... скоро сказка сказывается, не скоро дело делается...

Сказочная судьба у «Косопята...» и косопятая: четверть века бился, колотился, чтобы издать сказку, но всё без прока. Уж и Маша заневестилась, а сказка так и не облачилась в книжный сарафан. Уж и художник Фёдор Ясников, лет десять игравший Косопята в театре, намалевал лубочные картинки, где шибко уж красиво вышел Косопят, словно Фёдор, глядя в зеркало, рисовал. Уж и посеяли мы акварели Фёдора, уж и художница Маргарита Марцинечко нарисовала другие картинки; уж и Марк Демидов умудрился поведать «Косопята...» по-британски; уж и готова была книжка к печати, но увы... Ходил я с протянутой рукой, словно церковный христорадник, но и гроша не выходил.

«Косопят...» еще не обрел книжного облачения, а высоколбые ученые мужи, почитав на русском и английском, уже хлопали по плечу: браво... Помню, сочинил хвалебный отзыв даже американский профессор Майкл Майлам:

«Анатолий Байбородин написал чудесную русскую сказку для детей «Косопят Борода до пят», в которой ощущается дух традиционного русского сказа. Энергия, мелодичность и живость языка превращают чтение в речитатив. Сами рифмы зачастую совершенно уникальны, неологизмы остроумны и лишены назидательности, а ритм ведет повествование сказки с изящной легкостью. Восхитительные иллюстрации Маргариты Марцинечко также порождают настроение и стиль русской сказки. Перевод же Марка Демидова воплощает высокохудожественный русский текст в высокохудожественное английское повествование... Д-р Майкл Майлам, зав. кафедрой американистики, профессор Иркутского государственного лингвистического университета».

Каюсь, прости Господи: гляну, бывало, ночным завистливым оком: в книжных лавках – цветасто наряженные книги писателей-приятелей, сочиненные для малых чад, а рядом – аршинные книжищи в картонных переплетах, на блескучей бумаге, какие о ту пору издать, что пуд золота накопать. А я тоненькую книжицу, перед помянутыми книгами стоящую гроши, четверть века не мог издать. С шапкой по миру бродил и медного гроша не выбродил. Кланялся, гнул спину – не переломится, с души не убудет, – да так несолоно хлебавши и махнул рукой на «Косопята...» Бралась иные доброхоты, впадая в детство, но быстро матерели и остывали к детской сказке.

Четверть века томился «Косопят...» в ящике стола, словно в сумеречном чулане, где пауки ден-

но и ночью плетут паутину, где шебаршит хлебной коркой мышка-норушка. И когда я махнул рукой на «Косопята...», случилось чудо, словно в сказке.

Помню: Входа-Иерусалимский храм, за высокими окнами синее вешнее небо и желтовато светятся древние лиственницы, а захожане, вроде меня, раба Божиго, заросшего грехами... Боже, милостив буди мне, грешному... а с ними и оглашенные, и верные прихожане молятся Богу.

«Не впервой я в сем храме на молебнах и богослужениях, – писал я в очерке о двухвековой судьбе кладбищенского храма, – но вновь и вновь радостно дивлюсь: под родительской опекой уйма ребятишек, словно в сад-ясли угодил или выбрел на майскую поляну, где солнышками желтеют цветы-одуванчики, колышутся, словно кружатся в хороводе; и вспомнилось реченое Царем Небесным о детях: «Аминь глаголю вам, аще не обратитесь и не будете яко дети, не внидете в Царство Небесное: иже бо смиритесь яко отроча сие, той есть болий во Царствии Небесном; и иже примет отроча таково во имя мое, Мене примет; и иже аще соблазнит единого малых сих, верующих в Мя, лучше есть ему, да повесится жернов осельский на вые его, и потонет в пучине морстей».

Увы, отвлекаясь от богомолья, невольно поглядывал на счастливые семейные пары, обвешанные чадами; зрел с душевной отрадой и светлой печалью – не сподобился семейно молиться в храме; зрел с надеждой – будут молиться за нас, грешных, и моления их, смалу боголюбивых, омытые слезной жалью, узрит Господь. Наслышан: четверо – ребята старосты Алексея Дорошенко; видел: светло улыбались богомольцы, глядя, как смело и умело причащалась его малая дочь, коя и под стол бы пешком вошла. А их, отроче младо, к причастию выстроилась вереница, у иных – лики иконные, напоминающие отрока Варфоломея, будущего преподобного Сергия Радонежского, дивно запечатленное живописцем Нестеровым. Ох, сохранились бы их лики от рождения в мир сей до рождения в мир иной, не обратились бы в изморщенные страстями, святочные хари.

Глядя на тех, что от горшка два вершка, забавно осеняющих себя крестным знамением, подумал... Иисус Христос въезжал в Иерусалим на жеребятке, и среди устилающих Его путь одеяниями и пальмовыми ветвями, собрались толпы еврейских ребятишек, бескорыстно и восторженно вопиющих Христу: «Благословен грядый во имя Господне!.. Осанна в вышних!..» Се вопили и отцы их, матери, старшие братья и сестры, хотя, спаленные страстями земными, ликовали не ради спасения души, не ради обретения Царствия Небесного, но лишь с ожиданием от Иисуса Христа земных благ и земного величия родному иудейскому народу. И, в отличие от детей, спустя четыре дня евреи уже кричали иное, страшное: «Да будет распят... Кровь Его на нас и на детях наших...».

После заутрени прихожане пили чай с постными пирожками – дар благодетельного купца; и за чаем разговорился я с Алексеем Дорошенко, что служил в храме старостой и алтарником, а в миру был купцом первой гильдии, говоря на древнерусский лад. После третьей чашки я осмелел, поведаль Алексею о горемычной судьбе «Косопята...» и роб-

ко показал сказку в цветной распечатке. Повертел Алексей доморощенную, кустарную книжечку, полистал и говорит:

– Эх, отпечатать бы сказку на бересте... Ладно, хотя бы уж раскрасить обложку под бересту... А что, брат Анатолий, давай издадим сказку...

Я обомлел от радости, а благодетель размечтался:

– ...тиражом эдак ...в пять тысяч...

Я ошалело схватился за голову:

– Пять ты-ы-ысяч?!

И привиделся мне писатель-пустослов: гостил намедни и, озирая полки с книгами, укорил: «Пушкин, Лермонтов, Гоголь... А я то где?..» Я не смог покаяться сознаться, что его бедными и бледными стихами, отодрав золоченную корку, растапливал русскую печь на лесной заимке. «Украли...» – соврал я, прости, Господи. «Украли?!» – глаза горемычного сочинителя восторженно округлились, круглое лицо засияло; он даже смущенно захихикал, прикрывая рот ладошкой. Мне хотелось по-деревенски досадливо осадить приятеля: мол, чего ты льбишься, как сайка на прилавке?! Но я кивнул со вздохом: «Украли... Поклонницы, поди...» – «А я тебе вторую книгу принесу...» – «Опять украдут...» – я пробовал открититься, но приятель успокоил: «И пусть воруют... – он опять счастливо хихикнул, ладошкой сдерживая смех. – А я другую книгу принесу... У меня же весь тираж на кухне. Жена ругается...» – «И много?..» – «Аж-но тысяча...»

Вспомнил я писателя – горюна, узрел пачки книг посреди кухни и ужаснулся, когда Алексей замахнулся на дикий тираж.

– Куда такую уйму?!

– В детские приюты отвезём, – успокоил Алексей. – А потом Рождество Христово близко, вот ребятишкам и подарим...

Так и вышло: во Входа-Иерусалимском приходе издали цветную книжку «Косопят Борода до пят»; в Рождественский сочельник, что накануне Рождества Христова, уложили сказку в праздничные пакеты вместе с печатными пряниками и после божественной литургии малым чадам и вручили.

И пошёл «Косопят...» бродить по белу свету, и я следом. Помню, завернул в заснеженный детский сад; читал сказку говорливым детишкам, коих усмиряла детсадовская няня:

– Косопят придёт-от, а кто шалит, того... заберёт и в лес унесёт-от!..

Прочитал, утёр пот со лба, интересуюсь:

– Вопросы есть?..

Вижу, отроче младо трясёт ручонкой. Думаю, любознательный – грядущий книгочей, а может, писатель, и дал слово малышу.

– А можно Вашу бороду потрогать?

– Бороду?! – оторопел я, но, поразмыслив, согласился: чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало.

Согласился на свою шею, вернее, на свою бороду, ибо взметнулся лес ручонкой, – все вдруг возжелали потрогать мою бороду. Эдакая честь моей сивой бороде и не снилась... Видимо, в детских голубушках слился я со сказочным Косопятом, у коего борода седа до пят...

Не поспел я и глазом моргнуть, налетели озорные чада, мурашами забегали по мне, задержали

бороду, зашиньгали, словно шерсть из кудели, примотанной к прялке. Оробел я, стал переживать: эдак и бороды можно лишиться...

Чудится, я родился в шелковой рубашке и с бородой до пупа, ибо, сколь ни щурю глаз, не могу усмотреть далекие лета, когда бросил скоблить рыло до синевы и дал волю бороде. Помню, летом гостил в прибайкальском селе, бродил в сосновом бору, что за околицей, и помню, возвращаясь с корзиной рыжиков, вывернул из проулка в улицу и столкнулся с мамашей, что вела за ручонку малого. Парнишонка выпучил глаза и кажет на меня чумазым пальчиком: «Деда...», а деде лишь перевалило за тридцать, но борода до пупа. Знакомец, увидав меня с бородой, неприязненно усмехнулся: «Интересно, у нас писатель в люди выбьется, сразу бороду растит...», а у меня о ту пору вышла книга повестей. Восьмидесятилетняя мать моей приятельницы, свидевшись со мной сивобородым, укорила дочь: помоложе-то не могла найти?! Завела себе кавалера старше меня; а я тогда лишь полвека прожил. И мать моя, за семьдесят лет наглядевшись на гладко выбритых советских мужиков и стариков, ворчала: мол, сбрей ты, парень, бороду; успеешь, находишься стариком... А забородател я лет в тридцать не за идею, **от лени-матушки, что поперёд меня родилась, а позже возрос и до бородатой идеи.**

Когда озорники, жаждающие потеревить мою горемычную бороду, свились в клубок возле бороды, воспитательница тут же властно разметала кучу-малу, утихомирила вертлявых и горластых, и чадушки следом за няней гуськом пошлепали в столовую, пахнущую манной кашей и компотом. Когда и меня угощали, вспомнил я со вздохом... Господи, полвека миновало... вспомнил, что сестрица Аленушка, старшая дочь моя, года два служила няней в детсаду, в той группе, где сестра Маша ума набиралась, и по благу Маше давала побольше каши. Вот Маша крепкая и выросла.

Помянулось и свое деревенское малолетство... Мать, Царствие Небесное, в детсад меня не пихала... то ли платить нечем, то ли вороватый рос и разорил бы несчастный детсад... а посему я, обдирая лохмотья с обгорелого носа, поддегивая семейные трусы... штанов по лету не полагалось... с лютой завистью зарился в заборные щели на детсадовских сверстников, что качались на качелях и кружились на цветастых каруселях: «Чо им не качаться? Налопались манной каши, напились компота... – и слыша тоскливое урчание в голодном брюхе, грозился грязным кулачком. – погоди, дождетесь, ночью заберусь и переломаю все ваши все ваши качели, карусели...»

Затем помянул я компотом и сестру Валю, Царствие Небесное ей, воспитательницу того же детского сада, где я, отроком целивший в художники, заглядывая в сказочные книжки, малевал акварельными красками сестрицу Аленушку и братца Иванушку, Ивана-царевича, взнуздавшего серого волка и в обнимку с царевной скачущего выше леса дремучего, а потом – коку Ваню и девчушку Даренку из Бажовского сказа «Серебряное копытце»; и за эти акварели сестра приносила из кухни чашу манной каши и полведра компота.

Пока я поминал свои детские деревенские годы,

ребятишки, похлебав киселя, гомонящей стаей полетели на заснеженный двор; и я, отведав манной каши, побрел следом. «Ну, – думаю, – умеете бороду драть, умеете и свою подставлять...» Подумал я эдак, и карапуз, что возжелал потрогать мою бороду, вдруг вообразился бородатым, со старческими, круглыми очёчками, жалобно висящими на переносице...

В голубоватом, заснеженном саду запрягли меня в лёгонькие санки, и я катал детишек, а в отместку за бороду взбрыкивал с лошажьим ржанием, круто поворачивал, сваливая в снег весёлых седоков. Увы, вышло, не отомстил, а ублажил: вынырнув из снежных суметов, огольцы с радостными воплями снова лезли в санки. Ух, и упарился же я и воскликнул: «Эй, Косопят, борода седа до пят!.. угомони-ко малых ребят!..» Притихли чадушки, задумались, а я откланялся: «Храни вас Боже, отроче младо!..»

Глядя на ребятшек, что мурашами роились в пышных сугробах, вспомнил: давненько... в обед – сто лет... семья моя обитала в Нижнеангарске – меня и жену, вчерашних студентов, с годовалой Аленой бросили на Северный Байкал воспевать Байкало-Амурскую магистраль. И воспевали в духе бродячих, костровых песен:

Где-то багульник на сопках цветет,
Кедры вонзаются в небо...
Возле палатки закружится дым,
Вспыхнет костер над рекою...

И помню... кажется, на святой седмице, когда батюшко-Байкал залег в ледяную берлогу и стихла рождественская стужа... помню, вез я Аленушку из детских яслей, рысью... с горы же... мчал на санках по накатанной тропе, что тускло посвечивала в дремотном свете изветшавшей луны. В шубейке до пят, увязанная пуховой шалью, дочь, откинувшись на спинку, полевивала барыней, косилась на избяные окошки, откуда лучился теплый и ласковый свет. Из репродуктора, висящего над почтой, гремела на весь поселок задорная бамовская песнь:

Рельсы упрямы режут тайгу,
Дерзко и прямо, в зной и пургу,
Веселей, ребята, выпало нам,
Строить путь железный, а короче, БАМ...

Что греха таить, будучи навеселе, торопясь в дружеское застолье, не вем, сколь и пробежал я с хребта к Байкалу; и вдруг... вдруг учуял: с пустыми санями, паря, бегу; оглянулся: мамочки родны, Алену по дороге потерял. Перепугавшись, рванул обратно в хребет, треть версты отмахал да подле яслей и нашел потерю: укутанная в шубу, словно в тунгусскую малицу, сверху повязанная козьею шалью, тихо-мирно полевивала дочь на обочине тропы, задумчиво глядела на мигающие звездочки. Помнится, с горьким вздохом подумал: поэт либо живописец растет, и словно в ясную байкальскую воду глядел...

Давненько родился на белый свет «Косопят Борода до пят» – рождение сказки заросло бурым и сизым мхом да брусничником, словно таежная валлежина, и по ветхой памяти забыл я, где в судьбе сказки был, где небылица про синегривую кобылицу, и ежели чего сбрежал, простите – лепоты ради украшал.

Лето–осень 2014 года, осень 2017 года

Светлана КЕКОВА, поэт, доктор филологических наук. Живет в Саратове.

ЧУДЕСНАЯ ИСТОРИЯ

Весной 2017 года ко мне обратился краевед, историк Церкви Валерий Теплов, готовящий к изданию совместно с иереем Максимом Плякиным книгу, посвящённую 100-летию обретения чудотворных икон в селе Корнеевка (другое название – Родники). Книга называется «Корнеевское чудо на Саратовской земле». Краткая история этого чуда такова: пленному мадьяру Петру Чердашу, который находился в 1917 году в селе Корнеевка, неоднократно являлась во сне Пресвятая Богородица и повелевала найти Её икону, скрытую в земле, от которой будут явлены исцеления и чудотворения. В воспоминаниях Наталии и Софии Самуиловых, дочерей погибшего в заключении священника Сергия Самуилова, «Отцовский крест» в 22 главе рассказывается, как они весной 1917 года совершили паломничество в Родники. Остановились в доме священника Покровской церкви Николая Кубарева, который и подтвердил, что икона явилась через пленного мадьяра, служившего в австрийской армии. Батюшка рассказывал: «Ему начали сниться необыкновенные сны. Он видел голое, пустынное поле с валявшимися по нему человеческими костями и над полем в воздухе – сияющий образ. Потом являлось какое-то заброшенное, заросшее бурьяном место, какое-то полуразрушенное здание вроде сарая и опять та же икона». Вот этот образ голого пустынного поля с разбросанными человеческими костями потрясает душу! И, конечно, заставляет вспомнить Книгу пророка Иезекииля...

В книге «Корнеевское чудо» ещё говорится о том, что Пётр Чердаш, когда ещё был подростком, видел сон, что он очутится в России в селе, которое называется Родники...

Отец Николай Кубарев был свидетелем обретения иконы; именно к нему пришёл Пётр Чердаш после своих сонных видений. О. Николай и Пётр с несколькими доверенными людьми ходили по окраинам села и искали то место, которое было явлено во сне, и наконец набрали на заброшенное гумно с разрушенной половней; это и была та самая картина, которую видел во сне Пётр. Он указал на бугорок, который и нужно было копать. О. Николай отмечал, что земля была как каменная – когда начали копать, даже лом её не брал, откалывали мелкими кусочками. На глубине примерно 120 сантиметров обнаружился свёрток, вернее, даже не свёрток – икона была на атласе и свёрнута была треугольником... Крестным ходом икону доставили в церковь Покрова Пресвятой Богородицы, и сразу же начались исцеления больных неизлечимыми болезнями. Слепые прозревали, хромы начинали ходить, оставляя свои костыли в церкви (там целый подвал впоследствии был забит костылями), глухонемые начинали слышать и говорить.

Что же это была за икона? Вот что пишут авторы брошюры «Сказание о явлении чудотворных икон Божией Матери и великомученика Пантелеимона в селе Корнеевка Николаевского уезда Самарской губернии», вышедшей в 1917 году в Саратове, протоиерей Павел Соколов и священник Олимп Диаконов: «...это и была маленькая иконка Божией Матери на атласе, каковые обычно присылаются в благословение с Афона. Икона тёмно-серого цвета с надписью: «Испанская Богоматерь», а внизу под бордюром надпись: «Сия чудотворная икона находится в храме пустынно-келейной обители святителя Иоанна Златоуста на Афоне». Позже на том же месте маль-

Испанская Богоматерь

чик (он пошёл взять землицы с места обретения иконы Испанской Божией Матери) нашёл ещё одну маленькую икону на атласе – великомученика Пантелеимона.

Испанскую икону впоследствии некоторые называли Родниковской. Но какова же история Испанской иконы? Этот образ прославился в восьмом веке, когда Испания была захвачена мусульманами-арабами и только одна область – Астурия – частично оставалась под властью христиан. Правителем этой области был граф Пелайо (впоследствии – король Испании). Весной 718 года мусульманский наместник Астурии Аль-Кама был послан, чтобы захватить Пелайо. Пелайо со 115 воинами был вынужден отступить и укрыться в горах. Там был грот, из которого бил источник воды. В гроте жил отшельник, в келье которого находился образ Божией Матери. Отшельник сказал Пелайо, что ему было видение: сама Владычица Богородица обещала победу над иноверцами. Сам Пелайо ночью перед битвой, подобно Константину Великому, увидел сияющий крест над долиной. Пелайо из дубовых досок соорудил крест и водрузил его на длинное древко. Этим крестом и помощью Божией Матери Пелайо выиграл битву над врагами, которых было в десять раз больше, чем воинов-христиан. На христиан, которые не пожелали подчиниться арабам, эта битва произвела огромное впечатление, она вселила в их сердца надежду на победу. Именно с этой победы начинается история Реконксты – как сказано в эпитафии Пелайо, в этой битве была восстановлена Испания.

Долина битвы в честь отшельнической пещеры получила название Ковадонга – от латинского *Cova Domenica* («Грот Госпожи»). Битва в астурийских горах осталась в истории как битва в долине Ковадонга, а образ Богоматери из кельи отшельника получил название Богоматери Ковандонгской, или «Богома-

Часовня Испанской иконы Божией Матери (с. Корнеевка)

тери битв». Пелайо приписываются слова: «Матерь Божия, Матерь милосердия нас защитит, и 105 готов превратятся в большую армию, как большое поле вырастает из малых зёрен горчицы».

В это же время разворачивалась история с осадой Константинополя; византийцы победили. Действительно, крупнейший поход арабов провалился: из ста восьмидесяти тысяч воинов, принявших участие в походе на Царьград, домой возвратились менее четверти и лишь пять кораблей из двух с половиной тысяч. В Синаксаре Константинопольской Церкви под 15 августа было внесено повествование о «величайшем и непревзойдённом чуде человеколюбия Божия, явленного, когда обратились в бегство с позором безбожные агаряне по ходатайству Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии».

Когда стало известно, что летом 718 года в разных концах Европы Божия Матерь чудесно защитила христиан, в календари многих христианских народов было внесено упоминание о Её великих и славных деяниях. Однако дальнейшая история

праздника была омрачена тем, что император Лев Исавр, в правление которого произошло чудо снятия осады с Константинополя, стал родоначальником иконоборческой ереси. Поэтому чудеса Божией Матери, явленные летом 718 года, вошли в историю как чудеса от Испанской Её иконы – на западе Европы почитание икон не прекращалось.

Такова история Испанской иконы. В 1918 году, в год 1200-летия Ковадонгского чуда, испанский поэт и священник августинского ордена написал гимн Деве Марии, совершившей чудо в Ковадонге. Рикардо Иглесиас перевёл с испанского этот гимн, а я с подстрочника сделала его поэтическое переложение.

Каково же было моё изумление, когда я узнала, что мой день рождения, 21 апреля, приходится на день празднования Испанской иконы Божией Матери! И ещё одно: в 1951 году 21 апреля приходилось на Лазареву субботу. Благословил Валерия Теплова обратиться ко мне с предложением сделать поэтическое переложение гимна отец Лазарь Новокрещенных...

ГИМН ДЕВЕ МАРИИ, СОВЕРШИВШЕЙ ЧУДО В КОВАДОНГЕ

1.
Благословенна Ты, Царица наших гор!
Прекрасней солнца Ты, и Твой сияет взор.
Небесный Твой престол до окончания дней –
Святая колыбель Испании моей.

Придите, пилигримы, к Деве райских врат!
Пади пред Нею тот, кто нищ и кто богат –
Сияет в Ней любовь, и царствует свобода.
В ней пребывает дух испанского народа.

2.
Храни Тебя Господь, Царица наша, Мать!
Народ готов Тебе детей своих отдать,
Чтоб наши сыновья навек Твоими стали –
Тогда не будем знать мы горя и печали.

Пусть наша песнь летит на запад и восток.
Ты – света торжество и радости исток.
Сердца мы отдаём Тебе, Святая Дева,
И сердце гор дрожит от нашего напева.

3.
Прозрачна, как вода, как небеса, чиста,
Сиянье в мир несёт Пресветлая Звезда –
Божественный покой, в котором тени нет...

Преддверьем наших душ становится вертеп,

И сердцевиной гор, и солью всех морей,
И входом в светлый храм Испании моей.
К душе Испании приникнет только тот,
Кто ноги целовать Владычице придёт.

4.
О Дева славы, Ты – благоуханный цвет.
Царица наших гор, Тебя прекрасней нет.
Ты слышишь нашу песнь и наши голоса,
Владычица сердец, Испании краса?

При свете солнечном и под покровом ночи
Испании сыны в Твои смотрели очи,
В них видели они Отечество своё,
И видели они смирение Твоё.

Но шли они на смерть, ведомые Тобой,
И с именем Твоим выигрывали бой!

А этот цикл родился сейчас

ЧУДО В КОРНЕЕВКЕ

1.
Где-то в поле диком скачут всадники –
Там идёт великая война.
Только в деревенском палисаднике
На траве роса как пелена.

На траве роса как влага слёзная –
Плач о тех, кто мучится в аду,
Или, может, знамение грозное
В роковом семнадцатом году.

Владимир ДВОРЯНСКОВ (1948 – 2016), член Союза писателей России.

Владимир Николаевич Дворянсков был проникновенным лирическим поэтом, обладал чутким поэтическим слухом, очень любил родную природу. Он написал книгу о родниках. Постоянно ходил по воду к родникам: в городе в любимую Винновскую рощу (и летом, и – с саночками – зимой), а, когда бывал на родной Сенгилеевской земле, стремился к святым ключам.

Об этом рассказ «Небесный свет».

НЕБЕСНЫЙ СВЕТ

В этом году праздник Параскевы-Пятницы (девятая пятница от Пасхи) отодвинулся в глубь лета. Когда, какого числа будет отмечаться этот день, я точно не знал. Поэтому и пытался разведать у соседей. Но они тоже не могли помочь, говорили, что вот-вот, скоро, а назвать конкретную дату не решились.

Я уже писал о том, что на Сенгилеевской земле, недалеко от моего села, а вернее, за Тушной, вблизи могучего лесного массива Тюбяк, выбивает из-под земли целебный святой родник. Один из самых известных и чудодейственных в нашем крае. Многим он вернул здоровье. А некоторых и от смерти спас. Поэтому популярность его, словно волны по воде, разошлась далеко даже за пределы области.

И мне снова хотелось в день праздника Параскевы-мученицы побывать у святого Тушинского ключа. Посмотреть, что уже сделано, как возрождается заветное место. Да и просто – испить целительной влаги, наполнить припасённую посудину впрок, для лечения от разных недугов. Ведь впереди осень и зима, а они уж обязательно наградят всевозможными болезнями.

Одно пугало меня – дожди. Дело в том, что Параскева-Пятница является покровительницей воды и здоровья. И может, поэтому, как правило, в её праздник идёт дождь. И не просто моросит с лентой, а хлещет как из ведра.

Однажды, года два назад, в такую непогоду мы попытались с сыном на велосипедах добраться до родника.

Но ничего из этой затеи не вышло. Ливень встал непроглядной стеной – ни зги не видать. Просёлочные дороги разбухли и превратились в болота. Кое-как мы ещё добрались по асфальту до центра села. Но там, где кончалась шоссейная лента, путь нам был закрыт.

Сейчас, в последние дни, погода установилась ясная и тёплая. Но не было уверенности в том, что ведро будет продолжительным. Стрелка барометра, словно под невидимым грузом, клонилась всё ниже. Поэтому мне и не терпелось узнать точную дату праздника: если она близко, то нам удастся скататься к роднику (ясные деньки ещё постоят), если далеко, то поездка из-за непогоды может снова разстроиться.

К счастью, праздничный день приходился на ближайшую пятницу. Значит, с погодой в этот раз нам повезло.

Готовиться начали загодя, – за день. Вымыли до хрустальной чистоты банку, просушили её под солнышком, повесив вверх дном на заборе. Осмотрели и отладили велосипеды.

Утром встали рано: ещё заря не поднималась над последними жигулёвскими отрогами, и вокруг стоял тихий, без лучей, несмелый свет, словно это и не свет был, а просто кто-то плеснул в черноту ночи тёплого парного молока.

Велосипеды по безлюдным улицам скользят ровно. Утренний ветерок обдувает холодком. До самой Тушны не встретилось ни души, лишь попался навстречу одинокий уазик.

Мы пересекли шоссе и запылили по просёлку, оставляя Тушну слева. Дорога шла мимо машинно-тракторного стана, мимо кладбища, которое едва виднелось за деревьями, мимо садов и огородов. И снова – ни души. Я вглядывался в спящее село и ловил себя на мысли, что в этом селенье я не жил, да и редко бывал здесь, но оно мне дорого, как и родное, в котором я родился. Вероятно, кроме нынешней, короткой памяти, в нас существует другая, глубинная, генная память. Ведь именно из Тушны, старинного русского села, вышли мои предки.

Окружная дорога у берёзовой лесополосы соединилась с просёлком, выбегающим из сельской улицы. Здесь путь стал более твёрдым, накатанным. И многолюдным. Сразу за околицей мы обогнали группу нарядных женщин и детей с бидонами. Немного погодя, – другую. Обгоняли и нас: мотоциклы и легковушки. Наивные люди, мы, встав пораньше, надеялись прибыть к роднику первыми. Но не получилось...

У куржавины, где почти до неба поднялись красавицы-вётлы и берёзы, было целое столпотворение: автомобили, мототехника, люди.

Мы подошли к краю овражка. И вдруг в глаза нам ударил свет. Много раз я наблюдал это удивительное явление. Родник течёт в небольшой балке, окружённой мощными тенистыми деревьями и частыми, плотными кустами сирени. По всем законам физики над родником должна висеть полумгла, сумрак. Но в том-то и дело, что ничего подобного здесь нет. Наоборот, у родника всегда как-то светло и чисто. Такое впечатление, что он сам является источником света, сам излучает его. Чем и как это объяснить, я до сих пор не знаю.

У живоносной воды шла служба. Лишь в прошлом году возродилась она после долгих лет беспомощности и запустения. Вёл её молодой высокий священник, приехавший из города. Народу со свечами много. В основном, пожилые люди. Но немало и молодых, и детей. Особенно запомнилась красивая молодая женщина в длинном светлом платье, повязанная розовым воздушным платочком. Рядом с ней – дети: симпатичные мальчик и девочка лет двенадцати. Также с зажжёнными свечами. Эта чистая, сокровенная картина поразила душу какой-то неожиданной радостью, теплотой и озарением.

И вдруг на противоположной стороне оврага, словно чудесное видение, я заметил девочку. Она появилась как-то сразу, вдруг. А откуда – не знаю. Не возвидел. Вся она была, словно из другого времени – из девятнадцатого века: в длинном цветистом русском сарафане (так сейчас не одеваются), в платочке, сцепленным крепким узелком. И с длинной

русской косой. Ну, вылитая крестьянская девочка с картины Васнецова или Тропинина. Я видел её: в толпе, среди людей, на полянке – среди цветов у звенящей родниковой воды. А потом потерял из вида. Словно она исчезла...

Наверное, это не было видением, а просто к роднику пришла девочка из окрестного села. Но всё равно я уверен: её появление – это какое-то знамение, пророчество, что вера и Россия обязательно возрождаются.

Служба закончилась. Отец Михаил освятил воду. И все выстроились с посудой наготове к роднику. Но как это обычно бывает, кто-то захотел прорваться без очереди. Одна из женщин громко возмутилась: «Хамы, лезут без очереди!» Другая её одёрнула: «Нельзя здесь так».

– Как это нельзя? Им хамничать можно. А нам слово вставить запрещается!

– Тише, тише – ведь здесь не продмаг.

И недовольная женщина умолкла.

Светлой целительной воды хватило всем. А многие, желая избавиться от недугов, ниже по руслу обмывались в ручье, не стесняясь своей наготы.

Никто не спешил расходиться – развезжаться. У всех было какое-то доброе, одухотворённое настроение. Некоторые привезли с собой деревенской и покупной снеди и расположились завтракать на ближней полянке. Другие внизу, у воды, собирали мяту, которую считали тоже целебной. (И на самом деле она распространяла вокруг особо сильный аромат.)

Мы напоследок постояли над родником. Оглядели аккуратную тропинку с крепкими перилами по правую сторону (всё это сделали местные умельцы) и повернули велосипеды в обратную дорогу.

* * *

Возвратились домой после обеда. А ближе к вечеру погода начала портиться. Подул ветер. Побежали тёмные облака. А на другой день с утра хлынул проливной дождь. Непогода продолжалась больше недели. Хлестали ливни, и стояли холода...

Владимир ДВОРЯНСКОВ

* * *

Не знаю я лучше местечек,
Светла, как ни в чём не грешна,
Стоит у слияния речек
Деревня с названьем Тушна.

Как будто в рассвет новогодний,
Здесь в мае от вишен бело.
Кругло, будто солнце на полдне,
Катается в говоре «О».

Скромна и почти неизвестна
Деревня в полсотни дворов.
А впрочем, любил эту местность
Писатель Иван Гончаров.

А впрочем, такие у речек
В верховьях струятся ключи,
Что рядом озябший кузнечик
Все лето зубами стучит.

И там, где не пуганы птицы,
Где башнею высится ель,
Внизу в родниковой водиче,
Я слышал, водилась форель.

Рассвет закольшется еле,
И долго еще до зари...
А впрочем, хоть нету форели,
Но как здесь клюют пескари.

Но вот заиграли косые
Лучи
В хрустале родников.
Деревня,
Частичка России,
Красуйся во веки веков.

Ольга РОНЖИНА, член Союза журналистов России

ГРАД ПРАВОСЛАВНЫЙ

Какое здесь небо! Бесконечная синяя высь! Белые облака отражаются в речной глади, будто остров-град Свяжск стоит не на водах, а свободно парит в небесной сфере. Воздух наполнен яркими запахами речной воды и цветущего жасмина.

Свяжск удивляет и восхищает. Здесь интересно всё! Но самое поразительное, что всего в трех часах езды от Ульяновска, в церкви Успения Пресвятой Богородицы Успенского мужского монастыря почти полностью – на 95 процентов – сохранился комплекс храмовой росписи, созданный в середине XVI века. Единственный подобный памятник в Среднем Поволжье. А ведь эти фрески, которым скоро исполнится 460 лет, прошли через трудные и жестокие времена!

Давайте сегодня пройдем по церквям Свяжска. Но сначала – несколько слов об истории Острова-града.

Монастырь Успения Пресвятой Богородицы

Деревянный город на лодьях

История эта свершилась почти за 100 лет до основания Симбирска. Подходил к середине XVI век. Государством правил молодой великий князь московский и всея Руси Иван IV – Иван Васильевич Грозный, который жил с 1530 по 1584 годы. Он был венчан на царство в 1547 году и с тех пор назывался царем.

Русскому государству очень досаждало Казанское ханство. С начала века до 1545 года ханские войска сделали около 40 опустошительных набегов на русские земли. К тому же немалой статьей доходов Казанского ханства была работорговля. К середине века в рабстве там было до 100 тысяч христиан, взятых в плен при набегах.

Походы на Казань во второй половине XV века совершал дед Ивана Грозного, Иван III. В 1520-х военные экспедиции на восточного соседа повторил отец Грозного, Василий III. Все они проходили без особого успеха.

Молодой Иван IV первый раз со своим войском приблизился к столице ханства в 1545 году. Это скорее была демонстрация силы, повлияв-

Фигура Ивана Грозного в музее Свяжска

шая на политическую обстановку в мусульманском государстве.

Официально первым походом Ивана Грозного на Казань считается выступление зимой 1547 – 1548 гг. Базой русских войск был Нижний Новгород. От него до Казани по современным автодорогам – 394 км. При самых благоприятных условиях – это около 20 дней пешего пути, а зимой – и все 30-40.

Ивана Грозного в тот раз подвела погода. Случилась оттепель. И под Нижним Новгородом, на переправе через Волгу, под лед ушли осадные орудия и часть войска. Сам великий князь вернулся в Нижний. А та часть войска, которая переправилась успешно, дошла до столицы ханства, простояла там семь дней под стенами кремля и пустилась в обратный путь.

Не удалась осада Казани и следующей весной 1549 года.

И тогда в Москве решили: подобные походы совершенно неэффективны. Слишком далеко от Казани находились войсковые базы. Надо было создать опорный пункт на территории ханства. И русские пошли на

небывалую хитрость. Всю зиму 1550 – 1551 годов в лесах между городами Угличем и Мышкином шла большая работа. Валили деревья, рубили скаты, потом размечали каждое бревно, разбирали строения и готовили их к транспортировке. Весной вниз по освободившейся ото льда Волге двинулся караван судов, которые везли целый город. Выгрузились на голом острове, что находился при слиянии рек Свияги, Шуки и Волги, на Круглой горе, примерно в 30 километрах от Казани. Всего за 28 дней удалось поставить мощную деревянную стену со сторожевыми башнями и необходимые строения внутри крепости. Руководил работами военный инженер Иван Григорьевич Выродков.

Когда казанский хан понял, что под самым боком у столицы возник мощный форпост русского войска, было уже поздно.

*Башня и стена первого, деревянного Свияжска.
Панорама в музее острова-града*

В конце следующего лета, в августе 1552 года, 150-тысячное войско Ивана Грозного подошло к Казани. Сорок дней продолжалась осада. 30 тысяч ханских воинов героически защищали кремль. Но у Грозного были самые новые по тем временам осадные сооружения и орудия. На сей раз Казань не устояла. Территория ханства присоединилась к Руси.

А деревянная крепость на горе, которая при разливе рек превращалась в остров, стала первым в череде заново построенных на территории бывшего ханства русских городов. Поначалу этот населенный пункт называли Ивангородом и Новгородом Свияжским. Со временем название сократилось до Свияжска. И был остров-град в течение 350 лет центром распространения христианства на завоеванных землях.

Старинная пушка с барельефом головы Медузы Горгоны, которую в народе называли «Девкина голова»

Сейчас Свияжск – село в Зеленодольском районе Татарстана. На острове, который в длину чуть больше километра, живет всего около 240 человек.

В 2009 году совет Свияжского сельского поселения утвердил герб острова-града, впервые созданный еще в конце XVIII века: золотой деревянный город плывет на лодках по Волге, а ниже лодок, в воде – рыба. Причем считается, что рыба – это не просто символ богатства волжской фауны, а отсылка к христианским традициям.

*Герб Острова-града.
Свияжский музей*

Золотым для Свияжска был XVIII век. Монастыри, расположенные здесь, обладали обширными землями и значительными богатствами. В XIX веке жизнь в православном граде уже не была такой шикарной, но монастыри все же не бедствовали.

После революции 1917 года прекрасные храмы были обезглавлены или взорваны. А стены монастырей превратились в застенки сначала детской трудовой колонии, потом – тюрьмы ГУЛАГа, где содержались «политические», и, наконец, психиатрической клиники.

Только в начале XXI века здесь был создан Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Остров-град Свияжск», с 2017 года – объект культурного наследия ЮНЕСКО.

Памятник жертвам политических репрессий, поставленный у стен Успенского монастыря над братской могилой

Монастырь Успения Богородицы

В 1555 году на завоеванных Русским царством землях была учреждена Казанская епархия. В то же время в Свяжске открыли мужской Богородице-Успенский монастырь. Он просуществовал до революции. Вновь был возрожден в 1997 году. Сейчас это очень красивый отремонтированный комплекс, обнесенный белой стеной.

Башня со Святыми вратами и надвратной церковью

Мы вступаем внутрь через Святые врата, украшенные старинными фресками. Над входом поднимается башня, в которой расположена надвратная церковь Вознесения Господня (конец XVII в.). Перед нами – прямоугольный двор. Слева, вдоль южной стены, тянется братский корпус. Он завершается церковью преподобных Германа Казанского и Митрофана Воронежского (XIX в.). Эти два небольших храма, а также сам братский корпус, разрушенные

Фрески над вратами

при советской власти, восстановлены в последнее десятилетие.

Справа, в западной части площадки, находятся архиерейский корпус и монастырское училище. Они, как и братский корпус, украшены пышными крыльцами в русском теремном стиле. Рядом с ними – трапезная церковь св. Николая Чудотворца с колокольней в 43 метра высотой.

Венец монастыря – Успенский собор, который находится в центре площади.

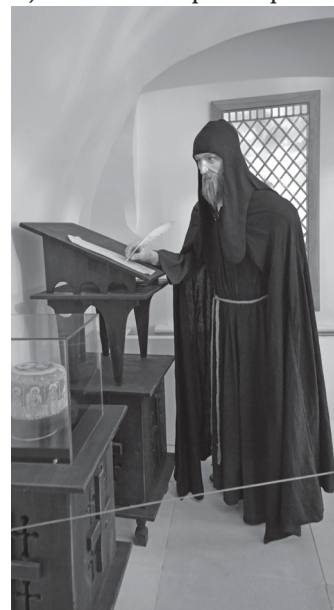

Успенский собор и Германовская церковь

Поначалу на территории Свяжска было три монастыря. Кроме Успенского, еще мужской Троице-Сергиев и женский Иоанно-Предтеченский. В 1764 году Троицкий монастырь был упразднен, и в его здания переселились монахини Иоанно-Предтеченской обители, на территории которой перед этим бушевали два больших пожара. В новое время женский монастырь не был учрежден заново. С 2004 года его территория – это подворье Успенского монастыря.

Главная святыня

Основателем и первым настоятелем Богородице-Успенского монастыря был архимандрит Герман. Затем, в 1564 – 1566 годах, он стал вторым архиепископом Казанским. Григорий Федорович Садырев-Полев, как он звался в миру, родился в 1505 году и происходил из княжеского рода. Постриг он принял еще в молодости. Это был глубоко верующий, благочестивый, хорошо образованный, мудрый и смелый человек. Считается, что он, еще в бытность свою настоятелем Успенского монастыря, открыл в Свяжске типографию, где печатали Священное Писание и богослужебные книги. И это новшество было внедрено раньше, чем в Москве появилась типография Ивана Федорова.

Прп. Герман в Успенском монастыре. Музей Свяжска

В 1566 году архиепископ казанский Герман был вызван в Москву. Иоанн Грозный наметил его на место митрополита московского. Германа поселили в митрополичьих покоях еще до возведения в сан. Однако кандидат в митрополиты оказался не совсем покладистым. Он осуждал Грозного за создание опричнины и уговаривал отменить ее. Царю, конечно, не по нраву пришлась такая вольность. «Ты ещё не возведен на митрополию, а уже отнимаешь у меня свободу», – передал он Герману через своих приближенных. Митрополия больше не светила казанскому архиепископу, но он должен был жить в Москве «под присмотром».

А 6 ноября 1567 года его нашли мертвым. Возможно, Герман скончался от моровой язвы. Но Алексей Курбский писал, что, по слухам, он был то ли задушен по приказу царя, то ли отравлен. А в 1888 году, когда открыли раку с мощами Германа, чтобы надеть на голову архиепископа новую митру, обнаружили на его шее два глубоких следа от удара холодным оружием. Сделали вывод, что Герман убил опричник, пытавшийся отсечь ему голову.

Архиепископ Герман позже был канонизирован в лике святителя.

Мощи его хранились в свияжском Успенском монастыре с 1592 (или с 1595) года. В 1923 году красноармейцы, как было принято тогда, вскрыли раку, и останки святителя пропали. Сохранились два фрагмента, которые были отделены от тела еще в давние времена. Одна из этих частиц, кстати, в 1696 году была передана в наш регион по просьбе симбирян и духовенства. В 1849 году вторую частицу мощей передали в Казанский Иоанно-Предтеченский монастырь. Эта обитель была закрыта в 1929 году, и фрагмент мощей тоже был потерян.

Потом оказалось, что утраченный фрагмент был спрятан и сохранен под престолом кладбищенского храма Ярославских Чудотворцев в Казани. В 2000 году его обнаружили и поделили пополам. Одна часть оказалась в Свияжске, вторая – в Иоанно-Предтеченском монастыре в Казани.

Именно эта частица цельбоносных (исцеляющих) мощей казанского чудотворца стала самой большой святыней Успенской обители.

Когда Герман еще служил в Свияжске, он не жил в палатах архиерейского корпуса (да и корпуса-то такого тогда не было). Его тесная келья находилась в Никольской трапезной церкви, у основания колокольни. 14 июня 2019 года монахи Успенского монастыря оборудовали в этом помещении мемориальную келью первого настоятеля.

Хотя Никольская церковь по традиции была предназначена исключительно для монастырской братии и вход в нее был закрыт для посторонних, в 2019 году в ее подклете (цоколе) открылся музей истории Успенского монастыря. Теперь паломники и туристы могут увидеть келью св. Германа, подняться на колокольню, а также познакомиться с экспозицией музея и посмотреть небольшой фильм о христианстве вообще и о фресках Успенского собора в частности. Это особенно важно для туристов, прибывающих из-за рубежа. Фильм идет на русском, татарском, английском и китайском языках. А если приезшему хочется побольше узнать о святителе Германе, то в музее Свияжска создан специальный раздел экспозиции об этом человеке.

Существует легенда, что из подвала Никольской трапезной церкви прорыт подземный ход по направлению к Щучьему озеру. До сих пор никто точно не знает, когда, кем и с какой целью он был сделан. Основная гипотеза: тоннель должен был служить для доставки воды при возможной осаде города.

Успенский собор

Это прекрасное здание начали строить в 1556 году, когда было закончено возведение Никольского храма. Считается, что руководили работами зодчий Постник Яковлев и каменных дел мастер Иван Ширий, создатели неповторимого московского храма Василия Блаженного – собора Покрова Пресвятой Богородицы, что на Рву. Собор Василия Блаженного строился в то же время, что и Успенский храм в Свияжске, с 1555 по 1561 гг. Очень интересно, как зодчие справлялись одновременно с этими двумя столь крупными заказами сразу да к тому же работали в Казани?

Купол и кокошники на крыше Успенского собора

По окончании строительства, в 1561 году, в главном храме свияжского монастыря к работе приступила артель иконописцев.

Собор Успения Пресвятой Богородицы был построен в псковско-новгородском стиле. С течением времени он подвергался некоторым переделкам. В XVIII веке на крыше возведен купол в стиле украинского барокко с двенадцатью узорными кокошниками, в каждом из которых помещена икона.

Затем к храму с западной стороны было пристроено помещение трапезной. Это не значит, что обитатели монастыря здесь обедали – для приема пищи были другие покои. Пристроили к церковным залам делались для того, чтобы храм мог вместить больше молящихся. Однако традиция закрепила их название – «трапезные».

Само здание собора было сложено из тесаных белых камней диорита. Пристрой же сделан из кирпича, поэтому сразу можно определить позднейшие части здания. (То же самое, к слову, мы видим и в Никольской церкви.) Росписи трапезной Успенского собора относятся к XIX веку.

После реставрации Успенский собор был открыт в 2019 году на Пасху. 28 августа того же года, в День Успения Пресвятой Богородицы, митрополит Казанский и Татарстанский Феофан (Ашурков) освятил Успенский собор.

Поскольку этот храм всегда был «холодным» (не отапливаемым), то и сейчас он работает только летом. Вход сюда свободный. Но нужно подождать на крыльце, когда соберется группа до 45 человек, и после этого войти внутрь минут на 30. Потому что бесконтрольное посещение храма паломниками и туристами может нанести урон фрескам. Ученые посчитали, что за день только от дыхания людей на стенах храма может оседать до целого ведра воды.

Сакральное устройство мира

Роспись православного храма имеет такую же упорядоченность, возведенную в канон и закрепленную церковной традицией, как и порядок чиннов (рядов) иконостаса.

Росписи Успенского собора

«Если горизонтальная ось храма символизирует духовный путь христианина, – пишет Сергей Кавтарадзе на сайте arzamas.academy.ru, – то вертикальная – отражает сакральное устройство мира. На самом верху, в куполе центрального барабана, помещается изображение Христа Вседержителя (по-гречески – Пантократора), то есть Владыки мира. В более позднее время, особенно в XVII веке, применялась и другая иконография – «Отечество»: с Богом-Отцом, Богом-Сыном и Святым Духом».

Успенский собор в Свяжске был как раз одним из первых храмов в Русском государстве (точнее, как утверждают ученые-искусствоведы, шестым), где в подкупольном пространстве предстает образ «Отечества» – «Троицы Новозаветной». Как принято в иконописи, изображение наполнено сим-

волами. Бог Саваоф, созидающий и благословляющий, сидит на золотом троне в белых одеждах. На коленях у него – Бог-Сын в золотых одеждах. Причем интересно, что это не Младенец Христос и не 30-летний Христос-проповедник, а Эммануил (Еммануил) – Христос-отрок. В руках, на уровне груди, он держит белого голубя – Бога-Духа, вписанного в голубой круг.

Красный диск за тронном – это «неприступный свет», в котором живет Господь. Ступни Саваофа опираются на голубое подножие трона. Это символ неба, как и голубое кольцо, обрамляющее картину. В эту небесную сферу вписаны херувимы – образ высших сил, окружающих Божественный престол.

Под куполом, в простенках между окнами барабана, расположены изящные фигуры архангелов – небесное воинство, хранители престола, посредники между небом и землей.

На парусах (треугольных элементах конструкции церкви, соединяющих барабан купола и потолочные своды) обычно изображали четырех евангелистов. В этом храме художники написали на парусах святых апостолов. Между ними – серафимы и херувимы. Отличаются они друг от друга по цвету: первые – красные, вторые – лазоревые (лазурные).

Взгляд скользит ниже, по сводам Успенского храма. Слева направо здесь располагаются сцены сотворения мира. Как сказано в Ветхом Завете, Господь Бог творит земную твердь и небеса, звезды и планеты, зверей и птиц. И, наконец, человека. Ангел бережно ведет Адама в мир. А тому, еще не совсем живому, боязливо съезжившемуся, очень трудно сделать первый шаг.

Сотворение Адама (слева) и Сотворение мира (справа)

Верхний пояс росписей по стенам храма посвящен библейским событиям, Святой Троице, житиям святых, апостолам. Здесь и грехопадение Адама и Евы, и изгнание их из рая. Адам теперь – взрослый сильный человек, совсем не похожий на ту мягкую куклу, что предстает перед нами в сцене Творения.

Затем, также слева направо, идут сцены из жизни Девы Марии. Рождество Богородицы. Купель, готовая принять новорожденную. Родители Марии, Анна и Иоаким. Введение Богородицы во храм. Благовещение. Рождество Христово. Святое семейство...

Цикл росписей прославляет Иисуса Христа. Над самым близким к алтарю окном северного фасада написан Спас Нерукотворный на убрусе (на плате). Точно напротив него, на стене южного фасада, сцена оплакивания Христа. Редкой в России фреской является изображение распятого Христа на руках у Бога-Отца – «Христос в лоне Отчем».

Десятки сюжетов, размещенных на стенах храма, составляют плотную, разнообразную, но очень стройную композицию.

Это великое счастье, что фрески дошли до нас в такой хорошей сохранности! Мы видим их практически такими же, какими предстали они нашим далеким предкам.

С первого взгляда очень удивляет, что росписи Успенского собора не такие яркие, какие бывают в других церквях. Картины не подавляют, не пестрят, перебивая друг друга. Вся палитра словно специально приглушена. От этого храм кажется светлее и просторнее. Искусствоведы же объясняют эту приглушенность тем, что в XVI веке мастера фресок пользовались небольшим количеством пигментов – штук 10 – 12. Краски были необычайно дороги, особенно ультрамарин.

«Шествие праведных в рай»

Самые ценные росписи находятся в алтаре, за Царскими вратами. Там, по всей южной стене, создана большая композиция «Великий вход». В XVI веке в роспись храмов были внесены изменения, соответствующие повышенному интересу к вопросам богословия, к составляющим элементам литургического действия. До этого в помещении алтаря, символизирующего рай, в основном размещались фрески, посвященные таинству Евхаристии (Святого Причастия, Вечери Господней). Изображался Иисус Христос, причащающий своих учеников хлебом и вином. В религиозном сознании это действие дает возможность христианину «сединиться с Богом во Христе».

В Успенском храме росписи алтаря отражают этапы православной литургии. Важным ее моментом является «Великий вход» – вступление священнослужителей в алтарь и перенос Святых Даров с жертвенника на престол. Один из элементов этой части праздничной литургии – древний гимн Иерусалимской церкви «Да молчит всяка плоть человека...». В нем поется, что Господь приходит «заклатися и датися в снедь верным». Этому моменту посвящена яркая фреска, на которой люди радостно несут Святые Дары. Ниже, по всей стене, изображается процессия праведников, следующих в рай.

В алтаре также есть единственное в России прижизненное изображение Иоанна Грозного с боярами и воеводами, участниками Казанского похода. Правда, насчет этой фрески ученые обычно употребляют слово «возможно». То есть, возможно, это Иван IV. Возможно, с боярами и полководцами. Но это действительно возможно, потому что в 1551 году, во время Стоглавого собора («съезда» высшего духовенства Русской церкви и Боярской думы, решения которого были изложены в ста главах), царь обращался к собравшимся с вопросом, может ли на иконе быть изображен ныне живущий человек. Положительным ответом на этот вопрос вполне мог

Интерьер Успенского собора

стать портрет Иоанна Грозного в алтаре Успенского собора. Тут же изображен и Макарий, бывший в то время митрополитом Московским.

И что интереснее всего, на самом почетном месте в алтаре, как раз напротив Царских врат, над горним местом, в конхе (полукуполе) центральной абсиды разместились фреска «Успение Пресвятой Богородицы», в честь которого был освящен храм.

Реставраторы, трудившиеся над древними фресками около десяти лет, сделали такое открытие: в роспись «Успения Богородицы», кроме обычных пигментов, поначалу была включена растертая в порошок смальта – плитки из цветного стекла, предназначенные для мозаики. Но яичный желток, которым тогда покрывали темперную краску, «не взял» стекло. Оно тут же начало осыпаться. Поэтому через несколько месяцев, еще не закончив роспись храма, мастера вернулись к этой фреске и переписали ее, уже без стеклянного порошка. По сути дела, как пишет информационное агентство «Татар-информ», авторы тогда провели первую реставрацию «Успения». На основании этого факта наши современники сделали вывод, что именно с храмовой фрески началась вся роспись здания.

Сфотографировать эти росписи простому смертному не удастся – вход в алтарь запрещен. Но в интернете есть такие снимки, особенно в научных статьях, посвященных Свяжску.

На опорах храма по традиции изображены святые воины: Андрей Стратилат, Феодор Стратилат, Никита и другие. Среди них находится, наверное, самая притягательная фреска Успенского монастыря – святой Христофор.

Репрев, «Пёсьеголавец», «Несущий Христа»

Если вы хоть что-то слышали о Свяжске, то не могли не слышать об очень редком изображении святого мученика Христофора с лошадиной головой, который изображен на одном из столбов Успенской церкви наряду с другими святыми-воинами.

Этот святой почитается и Православной, и Католической церквями. Но в восточной и западной традициях закрепились разные варианты его жития.

В православии считается, что св. Христофор (до крещения он носил имя Репрев) жил в III веке в Мармарике – исторической области на севере Африки, которая включала в себя частично территорию западной Ливии, а частично – восточного Египта. В битве в Мармарике римляне взяли Репрева в плен. Затем он служил в III римской когорте мрамаритов.

Его звероподобному облику в восточной традиции есть два объяснения. Первое: Репрев был из племени киносцефалов, людей с пёсьими головами. Он был огромного роста (в некоторых источниках – до пяти метров), свирепый и необузданный, как все его сородичи, дикари и людоеды. Однако некоторые теологи позже трактовали этот факт как символ пребывания его язычником. А самые «дальнозоркие» ученые связывают «псеголавца» с Анубисом – древнеегипетским богом мумификации и держателем весов на суде Осириса, который изображался как человек с головой шакала или дикой собаки Саб.

Второе объяснение странного облика Христофора появилось на Крите. Эта легенда гласит, что Христофор был необычайно красив. И он обратился к Богу с просьбой дать ему «звероподобный лик», чтобы он мог спокойно молиться, а не отбиваться от назойливых женщин.

Будучи человеком служивым, Репрев стал склоняться к христианству. За это был принародно бит. Затем император Деций Траян, который правил в 249 – 251 годах, прислал 200 воинов, чтобы доставили Репрева к нему. По дороге пёсьеголавец творил чудеса: у него в руках зацвел жезл, а также умножились хлеба, когда у воинов кончалось продовольствие. Сопровождающие Репрева солдаты, удивленные чудесами, тоже уверовали во Христа и вместе с пленником приняли крещение. После этого Репрев получил имя Христофор. Император жестоко расправился с Христофором и его последователями.

В западной, католической, традиции Репрев был римлянином огромного роста и необычайной силы, выходцем из Ханаана. Он служил Христу, помогая людям пересекать опасный брод.

Однажды он переносил через реку маленького мальчика. И вдруг на стремнине почувствовал: ребенок такой тяжелый, что у гиганта не хватает сил дойти до берега. Мальчик же ответил, что он – Иисус Христос и несет в себе все тяготы мира. Тут же, в реке, Иисус и крестил Репрева. Новое имя перевозчика было Христофор – «Несущий Христа».

По этой легенде, Христофор тоже творил чудеса, чем привлек немало последователей-христиан. За это святой принял мученическую смерть.

На католических фресках и иконах в большинстве случаев святой Христофор изображается как великан, шагающий через реку и несущий на плече Младенца Христа. Одно из самых известных в мире подобных изображений – девятиметровая роспись

Девятиметровый Христофор в кафедральном соборе Толедо, Испания

в Толедском кафедральном соборе Святой Марии в Испании.

Но есть на Западе немало икон, на которых святой изображен с пёсьей головой, а также с лисьей или волчьей.

В Свяжске же перед нами предстает редкое изображение св. Христофора с лошадиной головой. Мастера, которые расписывали храм Успения Богородицы в начале 1560-х годов, не до конца расстались со средневековыми иконописными традициями. Христофор, как и некоторые другие святые, «еще не прочно стоит на земле» – ноги его «повисают» в пространстве. Своеобразны и широкие туловища святых, облаченных в подробно выписанные римские доспехи. Лошадиная голова Христофора – слишком маленькая по сравнению с фигурой. Здесь рука и взгляд художника – несколько наивны, но все-таки вызывают восхищение!

Однако почему свяжский Христофор считается изображением редким, если не уникальным?

«В русской иконописи, – рассказывает сайт pravoslavie.ru, – изображения святого Христофора с собачей головой известны со второй половины XVI века. Иконы Христофора «с песьей главою» вместе с некоторыми другими «спорными» иконографическими сюжетами были официально запрещены распоряжением Святейшего Синода от 1722 г. как «противные естеству, истории и самой истине». Однако Сенат не поддержал решения Синода, рекомендуя не принимать однозначных мер относительно тех изображений, что уже много лет пользуются широким народным почитанием».

Официальную точку зрения Святейшего Синода проигнорировали и старообрядцы. Они продолжали молиться перед иконами Христофора-киноцефала, а также создавать новые его изображения.

Однако с XVIII века в России св. Христофора изображали в основном в антропоморфном облики.

В православном мире осталось немало икон «звероголового» святого. Но настенные росписи храмов с его изображениями в основном были уничтожены или записаны.

Как рассказывают сотрудники музея-заповедника, свияжский Христофор сохранился чудом. Его тоже могли переписать или уничтожить. Но в XVIII – XIX веках в Успенском храме хранились мощи св. Германа. Ковчег был установлен как раз около северного столпа, на котором изображен Христофор. Над ковчегом возвышалась сень – балдахин, поднятый на четырех высоких стойках. Эта конструкция закрывала роспись. А уже после революции никому дела не было, «правильно» ли написана старая фреска.

Люди религиозные обращаются к святому мученику Христофору с молитвой о том, чтобы он укрепил их в вере и даровал сил в трудной ситуации:

«О преславный и добropобедный мучениче Христов Христофоре, истинный воине святых Церкви, сродником твоим земным похвало и украшение... Темже молим тя, якоже некогда молитвою твоею ко Господу силу претерпети страдания стяжал еси, тако и ныне молися, да подаст нам Господь силу заповеди Его животворныя соблюдать, и да избавит нас от уз греха и безбожия, Отечество же наше да сохранит в Православии до скончания века. Аминь».

Загадка свияжских фресок

Самая большая загадка, заключенная во фресках Успенского храма, состоит в том, кто именно их писал. «Автор фресок неизвестен, – пишет казанский историк, кандидат искусствоведческих наук А. Рошкетаяев (tatmitropolia.ru). – Одна из гипотез – предположение о работе в соборе художников-монументалистов, присланных митрополитом Макарием либо рекомендованных царицей Анастасией. Но из-за плохой сохранности памятников XVI века сложно найти аналогии фрескам Успенского собора, что ставит это оригинальное творение в ряд раритетов древнерусского искусства».

Ветхозаветный сюжет росписи храма

«По технике исполнения и колориту красок фрески Свияжска существенно отличаются от псковской, новгородской, владими́ро-суздальской, ярославской и московской школ фресковой росписи», – говорят в своем блоге эксперты московского Музея древнерусской культуры им. Андрея Рублева.

Но не могла же артель, объединяющая таких талантливых мастеров, просто взять и исчезнуть! На Руси должны были остаться другие храмы, расписанные этими художниками. Ближе всего по времени и стилю находятся росписи соборов Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле и Макарьева монастыря в Нижегородской области. Но даже на дилетантский взгляд фрески там сильно отличаются от свияжских. Поэтому ученые сейчас тщательно изучают росписи церквей XVI века, чтобы найти соответствия. Трудность состоит в том, что этот период, во-первых, дал России не так много строений, как предыдущие и последующие века, а во-вторых, он до сих пор остается менее изученным периодом церковной архитектуры.

Такие широкие и целенаправленные исследования дают надежду на то, что через некоторое время если и не будут названы имена художников, то, по крайней мере, определено их происхождение.

Иоанно-Предтеченское подворье

Это прекрасный уголок острова-града Свияжска. Здесь располагаются три церкви, совершенно разные, но каждая из которых по-своему уникальна.

Троице-Сергиев монастырь был создан в 1551 году. Это была так называемая приписная обитель (на современном языке – дочерняя) к Свято-Троицкой Сергиевой лавре, расположенной в Сергиевом Посаде километрах в ста на север от Москвы. И первыми насельниками нового монастыря в Свияжске стали монахи лавры.

Сергиевская церковь

Из Сергиева Посада тогда была привезена икона, на которой изображен св. преп. Сергий Радонежский. Этой иконой благословляли строительство Свияжска, а затем, 17 июня, освящали две первые деревянные церкви, Троицкую и Сергиевскую. Св. Сергий стал небесным покровителем Острова-града. Потом в течение четырех веков лик преподобного был главной святыней Сергиевской церкви. Икона сохранилась до сих пор, но находится в Казанской церкви Ярославских чудотворцев.

Почему именно Сергей Радонежский? Во-первых, потому, что этот святой был одним из самых почитаемых на Руси. Во-вторых, с его именем была связана легенда, по которой Круглая гора с давних времен считалась у православных местом святым.

В Средние века на этой территории жили язычники-марийцы, черемисы. Они-то как раз считали эту гору, которую называли Черной, опасной и проклятой. Нередко они видели там «сияющего старца», он обходил остров, благословляя землю иконой и крестом, читая молитвы. Это было видение Сергея Радонежского. В то же время далеко разносился звон колоколов, звуки поющего церковного хора и благоуханный запах ладана.

Уже при Борисе Годунове, в 1604 году, было отстроено новое белокаменное здание Сергиевской трапезной церкви. Его возвели псковские мастера, в это время строившие храмы в Казани. Это не крестово-купольная церковь. В ней два этажа, на каждом из которых расположено по одному помещению. И перекрытия в них опираются на один столп в центре комнаты. Видимо, церковь сразу строили как крепость. В ней необычайно толстые стены и узкие окна-бойницы. К сожалению, в Сергиевскую церковь сейчас не допускают туристов.

Интересная история связана с украшением стен. Большинство росписей, как внутри, так и снаружи здания, не сохранилось. Но осталась одна – чрезвычайно ценная. Это «Троица Живоначальная», увеличенная копия знаменитой иконы Андрея Рублева.

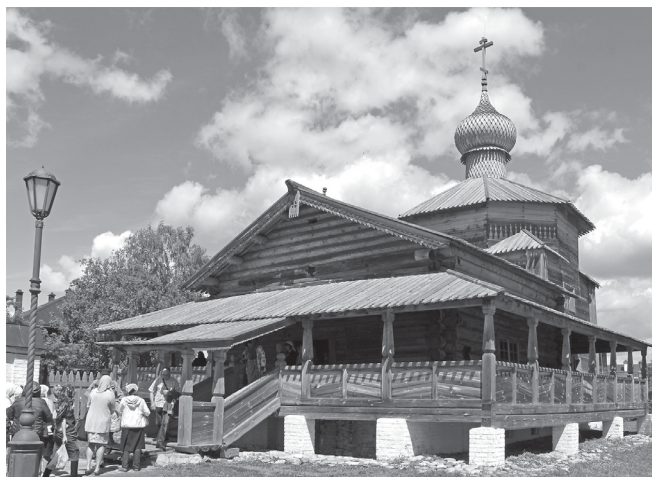
Оригинал «Троицы» в первой трети XIV века был заказан преп. А. Рублеву, уроженцу Радонежа, как храмовая икона для Троицкого собора Свято-Троицкой Сергиевой лавры, а потом хранился в этой обители. Заказал ее «в похвалу Сергию Радонежскому» его любимый ученик и преемник Никон, ставший после смерти учителя игуменом монастыря. На стене церкви в Свияжске, по бокам от «Троицы», написаны портреты предстоящих: преп. Сергея Радонежского и преп. Никона Радонежского.

Святой Сергей Радонежский до сих пор почитается в Свияжске. 20 августа 2019 года рядом с Успенским собором был установлен памятник ему, созданный в 1990-х годах.

Шедевр деревянного зодчества

Троицкая церковь – единственный памятник деревянного зодчества XVI века в Среднем Поволжье. В соответствии с легендой, она прибыла на Круглую гору весной 1551 года. Говорят также, что Иван Грозный именно в ней молился перед Казанским походом в 1552-м.

Сама церковь – классический русский сруб-пятистенок. К ней пристроена деревянная колокольня – «восьмерик на четверике» – в соответствии с традициями национального деревянного зодчества. Поначалу колокольню украшал шатер, который опирался не на столбы, а на стены (как и в Сергиевской церкви). Затем он был заменен на луковицу, поднятую на невысокой шейке. Сейчас луковица покрыта городчатым лемехом, в котором каждая дощечка отделана ступенчатыми прямоугольными уступами. Обычно лемех делается из осины, которая со временем подергивается благородной серебристой патиной.

Деревянная Троицкая церковь

Постройка окружена поднятой над землей верандой. Весь ансамбль деревянной церкви, с ее скромной, но изящной резьбой, с солидным крыльцом, разноуровневой крышей создает впечатление терема. Просто заглядение! Хотя за века своего существования здание подверглось множеству переделок и реставраций.

Внутри помещение церкви очень уютное. Трудно оторвать взгляд от высокого иконостаса. Обращает на себя внимание храмовая икона в местном ряду иконостаса – еще одна копия (хотя и не точная) Рублевской «Троицы Живоначальной».

В Троицкой церкви сохранился бесценный иконостас XVI века. Но сейчас все образы в храме заменены на копии. А оригиналы после реставрации (см. фото) хранятся в Государственном музее изобразительного искусства Татарстана, который находится на территории Казанского кремля. Там же выставляются и иконы одного чина, оставшегося от старого иконостаса Успенского собора.

«Обидимых Заступница»

В 1898 – 1906 годах на территории женского Иоанно-Предтеченского монастыря был построен храм в неовизантийском стиле. Это самое большое в Свияжске здание. Освящена церковь была в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость».

Интерьер пятикупольного собора выглядит очень торжественно. Росписи внутри здания выполнены масляными красками в академическом стиле. Они были завершены перед самой Первой мировой войной, в 1914 году. Но через век от них остались только фрагменты. Поэтому во время реставрации потолки были расписаны заново.

В пространстве под центральным куполом изображена Святая Троица. Ее окружают сцены из жизни Богородицы. Есть здесь сюжет явления Пресвятой Девы Сергию Радонежскому. А на другой картине – Явление Богоматери св. преп. Серафиму Саровскому.

Иеромонах Саровского монастыря, основатель Дивеевской женской обители, Серафим (1754 – 1833 гг.) был прославлен Российской церковью в лике преподобных по инициативе императора Николая II в 1903 году, то есть во время строительства свияжского Скорбященского храма.

Собор иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость»

С его именем частично связана история Иоанно-Предтеченского монастыря. Как пишет А. Рошкетаяев, «...дольше всех, 24 года, управляла здешним монастырём игуменья Каллиста (с 1841-го по 1865-й). О том, что она будет игуменней, предсказал молодой девушке, еще и не собиравшейся в монашество, преп. Серафим Саровский». В храме иконы «Всех скорбящих Радость» есть два придела, посвященных св. Анне Пророчице и преп. Серафиму Саровскому.

Слева от входа располагаются две крупные иконы, перед которыми люди молятся и зажигают свечи. Первое изображение – святителя Николая Мирликийского (Николая Чудотворца). Он является покровителем путешественников, узников, защитником семейного очага и особенно детей. А вообще, считается, что Никола Угодник помогает всем.

Второй лик – пастуха, землепашца и целителя, святителя Спиридона Тримифунтского. Православные молят его об исцелении. Он помогает решить финансовые и квартирные вопросы, наставляет оступившегося человека, помогает восстановить справедливость.

Неудержимо притягивает всех посетителей собора образ, в честь которого освящен храм: икона Божией Матери «Всех скорбящих Радость» (ее также называют «Всех скорбящих Радосте», «Всем скорбящим Радость»). В Русской православной церкви эта икона почитается как чудотворная. Искусствоведы полагают, что изображение пришло в Россию с Запада только в XVII веке. Впервые прославилась икона «Всех скорбящих Радость», находившаяся в Преображенской церкви на Большой Ордынке в столице, благодаря чудесному исцелению Евфимии, сестры патриарха Московского Иоакима, в 1688 году. После

чуда иконе посвятили отдельный престол, и церковь стала называться Скорбященской.

Второй самый известный в России подобный образ – «Всех скорбящих Радость с грошиками», который находился в Санкт-Петербурге. Молния, ударившая в часовню при стекольном заводе в 1888 году, разнесла кружку с пожертвованиями, и 12 монеток впечатались в поверхность иконы.

Свияжская Богородица очень своеобразна по своему стилю. Она напоминает то ли лики византийской традиции, то ли русские парсуны XVII века. Откуда она? И как появилась на земле Татарстана? А. Рошкетаяев пишет, что впервые эта икона упоминается в конце XVIII века в перечне имущества, переданного из упраздненного Троице-Сергиева монастыря в Иоанно-Предтеченский. «О времени и месте его (списка иконы. – **О.Р.**) создания ничего нигде не говорится, но это явно копия известной московской святыни...»

Стоп! А так ли все на самом деле? На иконе с Большой Ордынки Богородица изображена в полный рост, в сиянии вертикальной овальной формы (мандале), увенчана она короной, в левой руке держит Младенца Христа. В Скорбященском же соборе Свияжска она написана в обычной одежде, без короны, с нимбом. Она не держит Сына. Руки ее подняты в жесте благословения, в правой руке – жезл. Различия, как видим, значительные.

Сходство же двух икон в том, что внизу и по обе стороны Божией Матери изображено множество людей, которые обращаются к ней за помощью и покровительством. Над этой толпой – ангелы, посредники между людьми и Богородицей. На иконе из столицы над ангелами располагаются святые. На лентах справа и слева от центрального образа – тексты с молитвенными наименованиями благодатной помощи от Богородицы: «Помощница обидимых», «Алчущих Кормилица», «Больных Исцеление»...

Можно ли сказать, что в Свияжске находится копия московского образа? Как ни странно, можно. Оказывается, в иконописи существовала такая традиция: кроме списков (копий образов) были еще так называемые упрощенные реплики икон. В них допускалось и отсутствие Младенца Христа, и обычная одежда Богородицы вместо наряда Царицы Небесной. Такой была, например, Божия Мать «Всех скорбящих Радость с грошиками». Такой, видимо, является и Богородица в Скорбященском храме Свияжска.

114 лет назад был освящен этот храм. И не было такого момента в истории, когда иссякли бы скорби людские. Припадая к иконе, верующие читают молитву, посвященную этому образу. А на молебне вместо тропаря звучит Стихира, глас 2:

«Всех скорбящих Радосте и обидимых Заступнице, и алчущих Питательнице, странных Утешение, обуреваемых Пристанище, больных Посещение, немощных Покров и Заступнице, Жезле старости, Мати Бога Вышнего, Ты еси Пречистая, потщися, молимся, спастися рабом Твоим».

При возведении храма во дворе его, с восточной стороны, была построена и расписана часовня. При советской власти там была коптильня. Когда уже в начале нашего тысячелетия реставраторы взялись

за работу, то под толстым черным слоем копоти они раскрыли образы Сергия Радонежского и Серафима Саровского, а над ними – Курскую коренную икону Божией Матери. В 2004 году эта часовня была освящена во имя Царственных страстотерпцев – семьи императора Николая II.

Во время реставрации храма обнаружилась еще одна долгожданная находка.

Игуменьей Иоанно-Предтеченского монастыря во время строительства нового храма была Апфия (Анна Константиновна Юмина). Она вложила все свои личные сбережения в будущую церковь, активно организовывала сбор средств, ежедневно занималась разрешением мелких и крупных проблем строительства. Словом, в значительной мере храм был построен именно благодаря ее энтузиазму и ее вере. Но игуменья Апфия не дожидаясь открытия собора. Она умерла за год до этого в возрасте 59 лет. Монахини были в великой скорби по поводу ее кончины. Они получили разрешение похоронить Апфию в крипте церкви, хотя обычно это не принято делать в неосвященном храме.

После революции могила и мощи игуменьи были осквернены и потеряны. И вот уже в наше время в подвале собора обнаружили разбитую надгробную плиту с фрагментами надписи на ней. Плита была сделана заново. Возможно, она со временем станет памятником прославленной игуменьи.

Царско-Константиновская церковь

Она стоит в очень красивом месте – на дальнем от Успенского монастыря, восточном конце острова, примерно на середине склона. Если смотреть на церковь с центральной, Рождественской, площади, кажется, что ее крыша, купол и колокольня плывут по широким водам устья Свияги и Щуки, среди множества белопарусных яхт.

Приходская церковь, каких до революции в Свияжске было шесть, прибыла на остров с первым караваном лодий 21 мая 1551 года – в День равноапостольных царя Константина и матери его Елены. В честь этого события она и была освящена. Так же, как и Троицкий храм, Царско-Константиновская церковь поначалу была деревянной. Из камня ее возвели в конце XVII века, а затем здание церкви и колокольню соединили трапезной.

3 июня 1993 года здесь впервые состоялась служба – более чем через 60 лет со времени закрытия свияжских церквей. Через год была зарегистрирована община. А первым настоятелем церкви свв. Константина и Елены стал иерей отец Сергей (Коробцов) – первый священник Свияжска в постсоветский период.

У отца Сергея необычная судьба. По профессии он художник. Именно он писал большинство икон, украшающих теперь стены храма. Самая почитаемая из них – икона Божией Матери «Свияжская», написанная в 1993 – 1994 гг. Богородица изображена сидящей на троне. В руках она держит ладью с крепостью – символ острова-града Свияжска. Ниже трона, «на земле», люди, которые просят Богоматерь о помощи и «предстательстве» за них перед Богом. Здесь простые горожане, а также монахи и монахини свияжских монастырей, возглавляемые святителем Германом и священномучеником Амвросием

Церковь свв. Царя Константина и матери его Елены

– настоятелем Успенского монастыря, убитым после революции.

Затем отец Сергей написал еще несколько икон. Среди них – «Святые Константин и Елена», «Господь Вседержитель» (где Иисус Христос написан на фоне пейзажа, изображающего слияние Свияги и Волги, а перед Вседержителем – преподобный Сергий Радонежский), «Николай Можайский», «Богородица «Всех скорбящих Радость».

Особая история у образа «Святитель Герман, казанский и свияжский чудотворец». В 1995 году отец Сергей ездил к епископу Татарстанскому Анастасию и принял от Владыки частицу мощей св. Германа. Сначала эта частица хранилась в вырезанной о. Сергием из кости небольшой иконе-мощевике. Затем священник написал большой образ святителя Германа. В этой иконе теперь и хранятся фрагменты мощей.

Все образы, созданные настоятелем, гармонично вписались в интерьер небольшой церкви свв. Константина и Елены в почетном соседстве со старыми ликами: «Господь Саваоф» (XVIII век), «Никола Великорецкий», «Божья Матерь «Достоинно есть», а также с копией изображения преп. Сергия Радонежского из Троице-Сергиева монастыря (эти иконы относятся к XIX веку).

* * *

Трудно представить себе, что всего каких-то десять-двенадцать лет назад Свияжск был умирающим селом, его храмы и монастырские постройки стояли разрушенными и обветшалыми. Тогда только-только приступали к реставрации. Осуществить этот грандиозный проект помог созданный по инициативе первого президента Татарстана Минтимера Шаймиева фонд «Возрождение».

Идея была простая: создать в республике два города-памятника разным религиям и разным культурам, имеющим глубокие исторические корни. В столице средневековой Волжской Булгарии, в городе Болгаре, в X веке официальной религией был провозглашен ислам. Остров-град Свияжск стал центром распространения христианства. Больше 160 миллионов рублей было вложено в возрождение этих городов. Теперь оба памятника наряду с Казанским кремлем являются объектами культурного наследия ЮНЕСКО.

Фото Ольги Ронжиной и Арсения Измайлова

В подкупольном пространстве Успенского храма – фреска «Отечество»

Святой великомученик Христофор

Адам с животными

Иконостас Успенского собора

Рождество Богородицы

Введение Богородицы во Храм

Волхвы (слева) и Иоанн Предтеча в пустыне (справа)

Современный иконостас Троицкой церкви

Спас в силах. Фрагмент Деисусного ряда иконостаса Троицкой церкви XVI века. ГМИИ РТ

ГМИИ РТ. Надвратная сень Троицкой церкви XVI века

Троица ветхозаветная из иконостаса Троицкой церкви XVI в.

*Чудотворная икона Божией Матери
Всех скорбящих Радость*

Интерьер Скорбященского храма

Внутреннее убранство церкви свв. Константина и Елены

Владимир ДВОРЯНСКОВ

УТРО

В потемках утреннего света,
Под всплеск чуть видимых зарниц,
Среди цветов проснувшись, лето
В кустах прибрежных будит птиц.

И слышал я на сеновале,
Как соловьи, прервав покой,
Над речкой песню запевали,
Сперва – один, потом – другой.

И даль открылась – нараспашку.
И пахнет в кружке молоко,
То одуванчиком, то кашкой,
Что разбежались далеко

Июльский ветер на просторе
Скользит по травам и ветвям...
Поет душа, как будто вторит
Тем предрассветным соловьям.

Владимир ДВОРЯНСКОВ

* * *

Всё вроде есть
В родном пейзаже:
Сиянье радуги-дуги,
Стога, лесок вдали.
И даже
Костер дымится у реки.

Всё есть. И тучки-белобоки,
И шум прибоя вдалеке...
Лишь не хватает на дороге
Тебя
С ромашками в руке.

Фото Ильи Таранова

ЮРИЙ КУЛИКОВ. ИЗ СЕРИИ «ГРАД СИМБИРСК»

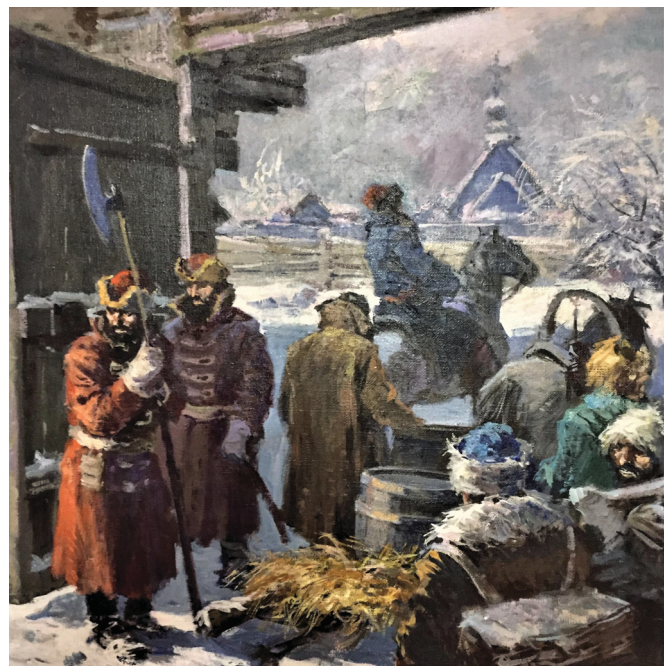
Юрий Куликов. Крепость строится. Богдан Хитрово

Юрий Куликов. Пугача везут

Юрий Куликов. Разин не прошел

Юрий Куликов. У городских ворот

Валентина ЛАТАНОВА (КУВШИННИКОВА), педагог, литератор. Родилась в 1938 году в Читинской области. Окончила филологический факультет Шадринского педагогического института (специальность – «учитель русского языка, литературы и немецкого языка»). С 1963 года жила в Ульяновске. Работала учителем, переводчиком в «Интуристе», руководителем «Клуба интернациональной дружбы». Член Российского союза профессиональных литераторов.

Рассказы печатались в сборниках «Полети со мною рядом», «Радость прилива», в журналах «Мономах», «Карамзинский сад» и др. Автор книги «Укажи мне пути Твои».

ВЗЛЕТ ДУШИ И МЫСЛИ

Валентина Латанова (1938 – 2005) – удивительный автор, автор, которого, к сожалению, уже нет в живых. Но именно потому я и начинаю рецензию со слов о ней. Кажется, нет, я уверена, что создание ею книги «Укажи мне пути Твои» произошло с помощью Божьей, что это дар человеку, готовящемуся перейти черту, отделяющую мир земной от Царства небесного. Значит, она этот дар заслужила. Дело в том, что Валентина Латанова, учитель по образованию, долго не бралась за перо, благоговевая перед именами великих русских писателей. И лишь узнав, что ей недолго осталось жить, решила написать книгу, посвященную земле Симбирской. Это плод многолетних размышлений о судьбах края и Отечества. Эта книга – завещание живущим беречь родную землю и человека на ней, осмысление личного жизненного опыта и опыта предшественников.

У душ, что на краю, нередко появляется дар предвидеть судьбы и события. Есть какой-то осязаемый потрясающий взлет души и мысли в предсмертной прозе Валентины Латановой. Это, конечно, не значит, что она трагична, трудна, тяжела – напротив! Всё повествование с начала до конца читаешь как на едином вдохе свежего, напоённого солнцем воздуха. Почти невозможно поверить, что это первая и последняя книга автора... Каждая страница писалась с молитвой – и это чувствуется с первых слов. Эта проза производит поразительно благодатное воздействие на каждого, кто берется ее читать, пробуждает благородные ответные стремления. Валентина Латанова – человек щедрого сердца и большого таланта. И этот роман – её последний сердечный дар землякам.

Светлана МАТЛИНА,
член Союза писателей России

Валентина ЛАТАНОВА

УКАЖИ МНЕ ПУТИ ТВОИ

Главы из книги

Глава 1

Иван, брат названный

*«Что хвалишься злодейством, сильный?
Милость Божия всегда со мной».*

Пс. Давида

Боярин лежал в горнице, в углу под образами и трудно дышал. Был он ещё не совсем стар, но грузен и хвор сердцем. Сейчас он мало походил на себя самого, парадного и строгого. Волосы на лбу слиплись, светлая небольшая окладистая борода спуталась кольцами, влажная шёлковая рубаха местами клеилась к телу. Его колпак-«мурмолка» и сшитый из дорогой парчи кафтан-«ферязь» валялись на лавке напротив, видимо, снятые в спешке. Высокий воротник-«козырь» касался пола, застланного чистыми домоткаными крестьянскими половиками. На пол же соскользнул атласный кушак. А расписные сапоги на каблуках с загнутыми носами боярин уже снять с себя не позволил. Ему стало худо.

Время от времени он прижимал свою руку к груди, хмурился и замирал, прислушиваясь к боли, потом переводил взгляд на говорившего, пытаясь преодолеть напряжение и уловить смысл его слов.

Перед ним стоял Вильгельм, командир стрельцов, с докладом. Он плохо говорил по-русски, и боярин Лука Евсеич, потеряв терпение, приказал звать Фёдора. Позвали быстро.

Фёдор вошёл, немного помедлил, отыскал в полумраке взглядом хозяина, спохватился, сорвал с головы островерхую шапку, отвесил поклон.

За столиком сидел лекарь Карл Иванович. Седой, худой и горбоносый, он по-птичьи, набок повернул свою маленькую голову на тонкой шее навстречу вошедшему. Пахло лекарством.

Командир не шелохнулся. Мундир подпирал его побагровевшие щёки, наполовину прикрытые рыжеватыми торчащими усами. Он чувствовал себя виноватым. Они только что чудом избежали гибели, попав в засаду. Дозорный отряд кочевников напал на обоз при повороте дороги на лесную просеку, в конце которой в поздних летних сумерках просматривался спасительный силуэт и огни Воскресенского монастыря. Путники укрылись за воротами обители, с готовностью распахнутыми монахами. Но не все. И теперь подсчитывались потери.

– Какова твоя сказка, что поведаешь? Говори! – обратился боярин к Фёдору.

– Последние две телеги захватили, людей, должно, – в полон. А здесь четверо убитых и трое раненых.

– Кто?

Фёдор назвал, потом добавил:

– Иван там был, брат названный мой. Хочу разведать, что с ним, да ворота заперты, стража не выпускает.

– Теперь уж до рассвету! – строго сказал боярин.

– Держать ухо востро надобно. Паче всего боюсь, силы большие подступят. Мал монастырь-то.

– Воля Ваша. Только дозволю, боярин, слово молвить.

Лука Евсеич нахмурился, помолчал, подавляя гнев на возражавшего слугу. А тот продолжал:

– Коли раненые там – до утра кровью изойдут. Опять же – волки. Попытаться бы! Я тихо пройду. И опять же, вокруг разведую, – потупившись, настаивал Фёдор.

– Один не ходи. Стрельца возьми, – вымолвил, наконец, Лука Евсеич, отпуская упряма.

Тот помедлил, высматривал кого-то в тёмных углах горницы. Боярин понял, нехота бросил:

– За мальчика не тревожься. Скажу – доглядят.

Вильгельм во время разговора молчал. Только при упоминании «стрельца» встрепенулся, пытался что-то сказать, но боярин нетерпеливо махнул рукой.

– Иди!

Ещё со времени основания этой крепости окольными Богданом Матвейчем Хитрово повелось, что воеводы, дворяне, дети боярские, служилые солдаты, казаки, пушкари, тягловые людишки из многих городов помогали возводить «рублёный град». Потому указ государя Алексея Михайловича был. Да и сейчас он всё ещё не забывает Синбирск. Вот и они везут с собой царский подарок – колокола для храмов. «Мог бы воевода и как следует расстараться с охраной», – досадует Лука Евсеич.

Его мысли унеслись вдруг в прошлое, когда он впервые встретился с Богданом Хитрово в городе Темникове. Воеводой там тогда Богдан Матвейч поставлен был. «Вот уж воевода так воевода! Не чета некоторым. Да когда это было? Точно, в лето 1646», – вспоминает Лука. Строг был он, любил порядок во всём, но милосерден. А уж умён-то, образован, знал латынь и польский. Жаль, что не сошлись тогда с ним поближе. Не успели. Скоро по повелению батюшки-царя забрали Хитрово строить засечные черты для «бережения от татарских походов» и разбойников-казаков. Сноровист он в этом деле оказался. Дивно, сколь за два года соорудил: ближнюю крепость Керенскую, от неё – к Суре, меж реками Барыш и Сурой – и крепость Карсун, а от Барыша до Волги дошёл. Государь доволен был, наградил щедро:

«За Керенскую службу, да за Карсунскую службу, за городовые и засечные строения» пожаловал Хитрово в окольных. К тому же ещё 300 четей земли да казны дал. И то – по заслугам! Трудно много было. От весны до зимы рвы копали глубокие, до восьми метров, валы на нашу сторону насыпались, укреплялись ящиками с землёй да частоколом из дубовых брёвен и так – на сотни вёрст.

Сколь народа надобно было! Сказывают, только на одном Карсунском участке трудилось более трёх

тысяч человек. И всеми с умом управлять надлежало. Богдан Матвейч себя не жалел, для Русского государства зело старался. По заслугам в гору пошёл. Синбирск-то строил, потом Челобитный и Земской московские приказы, послом в Польше был, затем в войнах противу Польши и Швеции участвовал. Теперь уж несколько лет Оружейный приказ в Москве возглавляет.

«Да, привёл Господь потрудиться вместе с Богданом Матвейчем на строительстве Синбирска в лето 1648. Он-то прибыл в эти места в конце февраля, а я чуть позже, с обозом от арзамасского воеводы Льва Травина, – с гордостью размышлял Лука. – Дни те чудные были, дела радостные, мечты о будущей крепости, разговоры долгие, для ума и сердца полезные, в часы вечерние... На горе Синбирской высокой сперва надо было лес выкорчевать. Пришлось мне пожить в старом подгорном посёлке рыбаков, прямо на берегу Волги. Ну и рыбицы тогда было!» – Лука Евсеич усмехнулся по-доброму и на этой приятной мысли задремал наш боярин. И привидился ему сон...

Будто бы он вновь в том времени оказался и сидит с рыбаками на волжском мартовском льду, у проруби. Сам он крепок, и стать вся ещё при нём, и хвори нет в теле. Закинул он уду и вытащил большую стерлядь. Потрошит её тут же на льду, как это делают другие. Затем достаёт из рыбины воздушный пузырь и варит из него клей. Вдруг появляется бородатый мужик разбойничьего вида, тянет свои ручищи к бурлящему котелку и хрипит простуженным голосом:

– Боярин, севрюжьего ещё пузыря добавь, севрюжьего. Клей крепче будет!

Тут рыбица изогнулась, приподняла голову и говорит:

– Не боярское это дело – клей варить. Слышишь, боярин? Боярин!

Лука Евсеич открывает глаза и видит склонившегося над ним лекаря. Обеспокоенный тишиной, Карл Иванович осторожно хочет узнать, не худо ли хозяину, что надолго замолчал.

А боярин садится на постели и молвит непонятное старику:

– Клею рыбьего нужно не забыть. Отменный тут был, и много, до 2000 пуд в год. Думаю, и теперь...

Потом помолчал, окончательно расставаясь со сном, и спросил про Фёдора.

А Фёдор после разговора с Лукой Евсеичем дождался во дворе монастыря Вильгельма. Угодничья маска быстро слетела с лица немца, теперь он смотрел с брезгливой усмешкой на боярского слугу, чего не мог делать в присутствии самого боярина, потому что знал, что перед ним не простой холоп, а человек, спасший на охоте на медведя жизнь своему хозяину. С тех пор Лука Евсеич старался похристиански относиться к Фёдору, хотя и не всегда это у него получалось. Слаб человек в борьбе с самим собою. Да и узелок крепкий между ними завязался. Не вдруг распутаешь. Ну, этого уже Вильгельм не знал.

У ворот подошёл к ним молодой монах, тёмный и худой, чернец обратился к Фёдору, а не к стрельцам. Не доверял он где-то во глубине души своя иноземцам, хоть и были они на службе цар-

ской. Тихо о чём-то поговорили (можно было уловить лишь «старец Феодосий»), после чего монах, не поднимая глаз, сказал: «Погодьте, мне к старцу надобно».

Вернулся скоро, промолвил: «Отец Феодосий благословил за ворота только Фёдора». Не обращая внимания на оторопевшего Вильгельма и обрадованного стрельца, он повёл разведчика в сторону, куда-то в темноту, внутрь двора только ему ведомыми путями. Федор шел, постоянно спотыкаясь и натываясь на что-то. Вошли в помещение храма через боковую дверь. Евграф, так звали монаха, погремел в углу, отодвигая тяжёлый ларь, потом зажг свечу. Храм освещался только одной негасимой лампадкой у иконы Савватия и Зосимы, соловецких святых. Монах прикрыл огонь ладошкой, кивнул Фёдору, и они стали спускаться вниз по каменным ступенькам лестницы. Пахнуло прелой сыростью. Подземный ход был узкий. Шли пригнувшись. Коллеблющееся пламя свечи в руках чернеца высвечивало время от времени кусок потолка или почерневшие доски стен. Кое-где просачивались струйки песка из щелей. Дышать было всё труднее. Фёдору стало казаться, что они уже никогда не выйдут из этого длинного sklepa. Наконец, Евграф осторожно приоткрыл выход. В первое мгновение оба замерли, втягивая в себя свежую струйку воздуха. С трудом Фёдор выбрался из лаза и только распрямился, как кто-то метнулся сверху на него, он отпрянул, невольно схватился рукой за засопожье. Рядом свалилось что-то грузное, тёмное, не различимое в ночи. Потом «это» шарахнулось в сторону, также испугавшись. И равномерно зашуршало ногами в зарослях, удаляясь вниз по оврагу. Фёдор вздохнул с облегчением, по звукам он понял, что это лось.

Оправился от испуга и монах, он перекрестился сам, в спину перекрестил разведчика, громким шёпотом напутствовал «ну, с Богом» и дрожащими руками стал изнутри заделывать лаз. Потом ещё постоял, прислушиваясь, нет ли чужих звуков извне, вздохнул и отправился в обратный путь.

А Фёдор осматривался, пользуясь кратким светом луны, выглянувшей из-за туч, куда вывел его подземный ход. Монастырь остался далеко за спиной. Над ним возвышался могучий развесистый дуб, корни которого поддерживали землю от обрушения. Именно здесь, в выемке, был замаскирован выход из подземелья. Сразу слева начинался глубокий овраг, со dna его доносилось журчание воды. Это родник скатывался ручьём навстречу Волге.

«Так вот куда стремился лось – на водопой! Ведь ночь в лесу – время охоты и водопоя. До Волги далеко, лугами бежать надо. Опасно. А здесь – родник рядом, в зарослях», – подумал Фёдор. Он вырос среди лесов, чувствовал себя уверенно, и даже ночью лес не был ему враждебен. Оставшись сиротой после очередного разорения ногайцами или астраханскими юртовыми татарами Темниковского уезда, воспитывался в сиротском приюте при женском монастыре. Родителей не мог помнить, слишком мал был. Подросток – занялся охотой, добывал пропитание. Монастырь был бедный, тоже разорённый, но детей не бросали.

Везло Федорке на людей, а может быть, это слёзы матери в неволе берегли его, её горячие молитвы

к Богу, чтобы сохранил её мальчика, которого она не успела схватить из колыбели, как её полонили вороги?

Нашла годовалого Федорку игуменя Василиса из ближнего монастыря. Когда-то схожее горе – гибель мужа и младенца-сыночка во время нашествия – привело её в обитель. С тех пор за правило взяла, благословясь у старца из пустыньки, обходить пепелища после набегов, подбирать детей. Вместо матери стала Феде. Через несколько лет судьба свела его в охотничьей сторожке с дядькой Силантием, от которого подросток познал важную грамоту – хорошо читать книгу жизни природы...

Из кустов слышалось отфыркивание, лось напился, успокоился. Сейчас он уже не чувствовал во встречном человеке врага. Фёдор осторожно начал подниматься вверх по оврагу и скоро оказался на высокой площадке горы. И замер. Здесь при свете луны как откровение явилась ему единая панорама звёздного неба и земли, вошла в его душу, заворожилась, и он вдруг сердцем понял некую значительную Тайну. Он и небеса, и земля, и река внизу, и темнеющие на другом берегу горы, покрытые лесом, – все было едино. Он уже не мог отделить себя из этого прекрасного мира, созданного Творцом, и не хотел возвращаться в мир зла, разрушения, вражды и горя, состряпанный грязными руками людей.

Фёдор подумал: «Наверное, в такие минуты лунного безмолвия вся земля тихо молится Богу...» В памяти всплыл вдруг дорогой сердцу образ матушки Василисы, читающей им, малым детям, по-пранным врагами, благодарственные молитвы Создателю. Она учила их любви и прощению, без чего трудно выжить на земле и невозможно спастись в мире ином.

Эти воспоминания вернули его к реальности. Федор пробежал глазами по поверхности реки, блестящей под луной, нет ли на южном направлении струй с казачьими шайками или конных отрядов кочевников на берегах. За северную, казанскую сторону сейчас не очень беспокоился. В ближних татарских селениях было спокойно, присягу русскому царю соблюдали, да и народ тут был бедным, сами страдали от войн и грабежей. Даже строить крепость Синбирск помогали.

«Хотя всякое бывало, – вздохнул вслед своим мыслям Фёдор. – Попробуй, разберись, кто был во вчерашних налётчиках?» Он поднялся лесом выше на гору, ловко взобрался на сосну и стал напряжённо всматриваться на запад.

Так и есть! Огни кочевья переместились сюда. Далеко видны в лугах за Свягой. Кто они? Может быть, снова башкиры? Сколько уж раз, по слухам, подступали к Синбирску, слободы разоряли. Нет, бедную пустынь монастырскую разорять не пойдут. Похоже, на Синбирск или Самару целются.

Он слез с дерева и поспешил в сторону монастыря. К просеке, где разыгралась вечером драма, подошёл осторожно. Остановился в кустарниках, с болью вглядываясь на перевёрнутые телеги, трупы людей, павшую лошадь. Прислушался. Было тихо. Стонов не услышал. Ивана здесь не было. «Неужели полон?»

Поднялся ветер, нагоняя облака. Луна то скрывалась, то вновь появлялась. Вдруг, когда всё по-

грузилось во тьму, на просеке раздался шум, возня. «Волк!» – пронеслось в голове у Фёдора.

Кто-то грузно вывалился из телеги, отбросив дерюжку, и метнулся в лес, в противоположную сторону. По топоту ног понял – это человек. Раненый? Но почему не к своим? Дивно это...

В два прыжка Фёдор перемахнул просеку, затаился. Выстрела в спину не последовало. Значит, один. Снова прислушался, определяя направление убежавшего. Начал преследование. Двигался без шума, по-охотничьи. Идти долго не пришлось. Неизвестный спустился к берегу реки. Из темноты слышалось прерванное ржание коня, потом удаляющийся галоп в сторону Синбирска. Кратковременный свет луны не дал возможности определить, один ли всадник был на лошади, или кого перекинул поперёк седла.

Уже не таясь, Фёдор быстро стал возвращаться на просеку. Случай вывел его ниже того места, где находились перевёрнутые телеги. Он шёл и скорбел душой о своём друге, нет, вернее сказать, брате Иване. Неожиданно ноги его в темноте у кустарника наткнулись на что-то мягкое, он потерял равновесие, чуть не упал, ткнулся руками в распростёртое тело. «Иван!» Обрадовался и одновременно внутренне сжался. «Живой? Не живой?» Одна рука друга была вытянута над головой, удерживала аркан кочевника, нога подвёрнута. Фёдор припал к груди. Кафтан оказался мокрым и липким. Затаил дыхание и уловил откуда-то из глубины небытия всплывающие время от времени слабые удары сердца. Радость жаркой волной прошла по телу Фёдора. Губы его забормотали сами по себе: «Ваня! Брат мой! Спасу тебя, спасу! Ты только держись!»

Фёдор попытался взвалить на себя друга. И тут невдалеке раздался леденящий душу вой, за ним другой, третий...

Волки! Медлить нельзя. Дрожащими руками приготовил пистоль, взвалил на себя Ивана и попытался бежать, но силы быстро оставили его. Возросшее чувство опасности заставило Фёдора остановиться, он опустил раненого на землю, оглянулся, по горящим из темноты глазам понял, что волки обходят полукругом. Надо действовать, пока не взяли в кольцо. Несколько раз стрельнул, чтоб отпугнуть, снова взвалил на себя друга, побежал.

Вот и телеги, и павшая лошадь. Волки сейчас займутся ей. Остановиваться нельзя. Вперёд, ещё шаг, ещё, только вперёд...

Фёдор споткнулся. Падая, успел увидеть бегущих навстречу стрельцов и Евграфа. Это он, возвратившись подземным ходом в обитель, взобрался на стену, где находились защитники монастыря, и добровольно дежурил, передвигаясь от башни к башне, ожидая возвращения Фёдора. Евграф и подвигнул стрельцов поспешить на помощь, когда все услышали выстрелы. Свои подхватили на руки Ивана, помогли встать Фёдору. Он пошел следом, пошатываясь, тихо повторяя: «Волки у телег, прогнать надобно. Вои там убиенные лежат. Предать земле обязаны... Волки у телег». Его услышал Евграф. Волков прогнали, убитых подобрали и понесли на отпевание в монастырь. Всё, однако, делали торопливо. Раненого Ивана внесли во двор монастыря. У ворот их уже встречал лекарь Карл Иванович, тоже немец,

но добрый души человек. Тут же был Вильгельм.

«Кому такая честь?» – скривился он, когда вместо пропавших стрельцов, увидел раненого холопа Ивана. Стрельцы замешкались, глядя на командира, но Карл Иванович строго что-то крикнул Вильгельму по-немецки высоким старческим фальцетом. Добросовестный старик всё ещё помнил клятву Гиппократу, данную им ещё в университете, в своём «фатерланде», и, повернув голову к стоящим стрельцам, решительно скомандовал: «Несите! Фозле раненых. Я командир!» Но стрельцы вопросительно смотрели на Вильгельма. Тогда Фёдор сделал то, чего раньше никогда не делал. Вскочив на крыльцо, с угрозой в голосе произнёс: «Прикажи нести! Не то боярину сейчас челом буду бить».

Наёмник махнул рукой стрельцам. Спустя несколько минут Иван уже лежал в кельи монаха Авраамия, который быстро, но без внутренней суеты, смиренно шепча молитвы, выполнял все распоряжения лекаря...

Так, в тревоге, прошёл в монастыре остаток ночи. Фёдор сидел у двери кельи – внутрь не пускали. Решалась судьба брата. Фёдор горячо просил Бога оставить Ивана в живых, а в самый напряжённый момент начал взывать к уже ушедшей игуменье, которая всегда была ему надёжной опорой во всех бедах: «Матушка Василиса, ты на небесах ближе к Богу, прошу тебя, заступись за Ивана, мы же с ним – дети твои. Помоги!»

На рассвете вышел из кельи монах, сказал замеревшему в напряжении Фёдору:

– Жив. Операцию, слава Богу, перенёс, Карла даёт надежду.

Фёдор с трудом проглотил вдруг подступивший к горлу ком, выскочил на воздух, глубоко втянул в себя чудный запах влажного леса. И, словно почувствовав его внутреннее освобождение, запели, засвистали, затрещали, зачирикали на разные голоса птицы. Сначала несмело, пробно, а скоро – дружным хором. Пернатые первыми чувствуют и извещают о приближении рассвета в лесу, потом приветствуют его счастливым многоголосьем. И Фёдор вместе с ними в этот момент готов был обнять душевной радостью весь мир...

Только сейчас он смог разглядеть монастырские строения. Две деревянные церкви: одна большая – «Во имя обновления храма Воскресенья Христова», другая – малая надвратная – «Во имя святых преподобных Зосимы и Савватия, Соловецких чудотворцев». «Так вот почему этот монастырь иногда называют ещё «Соловецкой пустыней»», – догадался Фёдор. Он ещё насчитал семь келий, понял, где хлебная изба, оттуда доносился чудный запах свежеевыпеченного монастырского хлеба. Только теперь он вспомнил, что уже давно ничего не ел. Фёдор прошёл ещё мимо ветхого амбара, погребницы, невольно отыскивая глазами трапезную, но тут ударили в церковный колокол – звали на заутреннюю службу. Он поспешил, прошёл вдоль монастырской стены из дубовых брёвен. Сверху, с площадки, слышались переговоры стрельцов. Некоторые спустились вниз – пошли на службу, остальные продолжали стоять в дозоре.

Фёдор вошёл в храм. Здесь был полумрак, свечей было немного, монахов тоже. Когда они запели

низкими голосами церковное, смиренно просящее у Господа Бога, Фёдор, невольно подчиняясь, погрузился в себя.

«Господи, помилуй! Господи, помилуй!» – нараспев гудело в церкви и потом ещё долго звучало в душе Фёдора – и когда они были в трапезной, где тихие послушники кормили их горячей кашей, поили чаем с травами; и когда их каждого благословлял белый, как лунь, старец Феодосий, при том глаза его были такими ласковыми, а от его поднятой руки полыхнула тёплая волна. Старец подошёл и к лежащему Ивану, промолвил, пророчествуя: «Жив будешь, Иване».

После, по пути в Синбирск, покинув гостеприимный монастырь, Фёдор размышлял, отчего слова песнопения монахов, много раз слышанные, так запали в тот момент в самое сердце? От всего пережитого за последние сутки? А может быть, песнопения чернецов обладали особой силой? Ведь монастырь, находившийся на единственной, со стороны Казани, дороге в Синбирск, был объектом частых нападения разбойников, пришлых кочевников и казаков, и тогда монахи превращались в воинов, защитников обители и всех мирных жителей ближайших сёл.

Глава 2

«Бунташные» времена. Тишайший и другие

«Господи, ... дай нам выйти из мрака страстей».

о. Софроний

В то время как Лука Евсеич со своими спутниками спешил в Синбирск, в Москве, в «казёнке», в приказе Тайных дел сидели два государственных мужа: глава Приказа окольничий Фёдор Михайлович Ртищев и думный дворянин Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин. Оба ожидали царя, чтобы решать вопрос войны или мира со Швецией. Ожидание затянулось. Наконец дверь с шумом распахнулась, а на пороге появился полковой воевода князь Иван Андреевич Хованский. Он прибыл из действующей армии с польского фронта по вызову царя.

– Где Великий Государь? – спросил воевода прямо с порога.

– Ждём, – сдержанно ответил Ордин-Нащокин.

Ртищев молча смотрел на вошедшего, вопросительно подняв брови. Хованский же, словно хищная птица на добычу, злонасмешливо уставился на «Афоньку Нащокина» (как он заглазно его величал).

– Что не весел, нос повесил? Аль весть каку от блудного сына своего получил? Каково ему в изменниках-то у короля польского живётся?

Ордин-Нащокин побледнел, но сидел молча, вцепившись пальцами в край стола. Его сын по имени Воин действительно бежал в Польшу, прихватив с собой посольские бумаги и казну.

– За сколько денег сманиваешь его назад? За пять-шесть, аль за все десять тысяч рублей, как предлагает наш милостивый Государь? А может, того, извести его согласие дал, сына своего кровного за измену лютую? – не унимался Хованский, – И как теперь в думных дворянах усидишь от бесчестия такого?!

– Я сидеть и не собираюсь, – выдавил из себя,

наконец, Нащокин. – Давно челобитную об отставке подал. Да, знать, на то Воля Божья – не принял отставку мою батюшка-царь.

– Да уж слышаны! Известен и ответ Государя: «Тебе, думному дворянину, больше этой беды впредь уже не будет – больше этой беды на свете не бывает». Истинно так, воистину так, – затараторил Хованский, прозванный в народе Тараруем. – Да что тебе, Афанасий Лаврентьевич, чаю не отеческую честь хранить худородному!

Обычно даже знатные вельможи побаивались чиновников Тайного приказа. Но сейчас в палате сидел только Ртищев, человек, известный своим миролюбием, а вошедшего вдруг царя распалившийся Хованский за своей спиной не увидел, потому не сразу сообразил, от чего вдруг вскочили со своих мест оба из присутствующих.

– Полно тебе, Иван Андреевич, – раздался голос Тишайшего, и на плечо полководца легла рука царя. – Афанасий Лаврентьевич всякому доброму делу ходатай, христоробец и трудолюб. А тебе грех над горем отца смеяться.

С этими словами государь, не обращая внимания на склонившегося перед ним князя, взял челобитную из рук Ордина-Нащокина, прочёл начало, нахмурился и молвил:

– Шёл бы ты, Хованский, сейчас в Грановитую. Там твоё дело и решим.

Полководец, скрыв в поклоне своё недовольство, вышел, но за дверью призадержался, оправляя одежду, прислушался.

– Государь, – послышался голос Нащокина, – сызнова съезжались мы со шведскими послами. Пока без толку. Ты велишь искать с ними «вечного мира», перемирие скоро кончится. При том мудро мыслишь – за Балтийское побережье зацепиться. Выход к морю нам надобен. Оне же сие хорошо понимают и не хотят усиления Руси, потому земли нам не уступят просто так. Воевать с ними сызнова. Только воевать!

– Нет, то сейчас никак невозможно. Только договариваться. Ведь своё, исконное требуем вернуть – Карелию и Ингерманландию, отторгнутые в смутные времена от нас.

– Не отдадут. Только силой взять, – упрямо твердил своё Нащокин. – А вот с Речью Посполитой мир нужен. Уступить им Украину – успокоятся поляки. После смерти Богдана Хмельницкого казачья верхушка за булаву гетманскую меж собой дерётся. Не по силам оказалась та булава сыну Богдана Юрию – не удержал. Измену нам в Малороссии чинят. Что держаться за них, – гнул свою линию Ордин-Нащокин. Он был одной из самых ярких фигур из царского окружения, и Тишайший, к удивлению вельмож, часто терпел возражения Нащокина своему слову.

– Не то молвишь, Афанасий Лаврентьевич, – начал было увещевать его царь, – как же мы своих православных братьев в беде покинем? В раздорах и смутах Украина сейчас, и ведомо нам, что весь восточный берег Днепра за нас стоит. А и то поразмысль: сдадим Малороссию – куда граница наша передвинется? – уже возвысил голос Тишайший. – Да и не остановить войну с поляками в одночасье. Вы словно сговорились с патриархом, за войну со Швецией ратуете. Никон и виновен в том, что подтолкнул нас к этой войне. А что из сего хорошего

вышло?! Не сможем мы уже дале на две стороны воевать. Я вот что мыслю: на переговорах со свееми возглавишь следующее посольство не ты. Вельми ты не уступчив с ними! Боярина князя Прозоровского пошлю! Такова наша царская воля!

– Будь по-твоему, Государь. Я сам хотел тебя просить об этом, вот уж и челобитную тебе подал. Не смогу я сейчас к пользе России сладить сей договор. Ненавистны свеи мне. Земли наши захватили!

– Ну, довольно, дай срок! Сейчас ступай с Богом, – прервал царь Ордина-Нащокина.

Князь Хованский отскочил от двери. «Устраняет Тишайший Афоньку от посольства, – мелькнула радостная мысль в голове воеводы. – Так и до опалы недалеко. Уж мы постараемся!»

И расстарались, как показало время. Но ссылка Нащокина в его родной Псков случилась позже, а пока думный дьяк ещё при дворе и в силе. Хотя и то верно: мы привычно считаем высоких вельмож неколебимо сильными всегда, но в какой день и час душа у них заурядно смятётся, как у самого захудалого смерда? С тревогой на душе вернулся в свои хоромы Ордин-Нащокин. Не смогли порадовать его и слова вышедшей навстречу супруги:

– Приходил подьячий Никифоров Юрий от царя-батюшки, наказ его милосердный передал, дабы я дале в великой скорби и туге не пребывала. Да как же Воина из сердца выкинешь? – и она тихонько заплакала.

– Ну, полно слёзы лить, лучше молись, чтобы всё устроилось для пользы семьи нашей. У Господа всё возможно! – с этими словами Афанасий Лаврентьевич поднялся по лестнице в свою горницу. Только здесь он дал волю обуревавшим его чувствам. Долго сидел, обхватив голову руками и раскачиваясь из стороны в сторону, постанывая от тяжёлых раздумий. С его уст слетали горестные слова:

– Как же так, сын? За что мне такое?! Где я проглядел тебя? Может, когда учителей польских представил? Вот и сманили. А я-то полагал, единым делом живём в приказе Посольском, о благе Отечества вместе печёмся... Чего, чего тебе не хватало? Ведь уже к государю вхож был! – последние слова несчастный отец выкрикнул уже с ожесточением, обращаясь к парсуне с изображением сына, писаной Симеоном Полоцким. – С каким трудом пробивался я в Первопрестольную! Кто меня здесь ждал, бедного дворянина псковского? Сам только я знал, что по силам мне здешнее служение Государю будет. Заметил Тишайший меня, и потеснил я ряды вельмож знатных. До сих пор лукавые не прощают мне сие, аки вороны, клюют по любому случаю. А тут такое: на родном сыне – «дело и слово государево» за измену страшную.

От безысходности Нащокин разрыдался. Осторожно чуть приоткрылась дверь, в горницу заглянула боярыня, но, зная нрав мужа, не решилась его беспокоить.

Афанасий Лаврентьевич остро чувствовал своё одиночество и в приказе Тайных дел, и в Думе. «К кому прислониться в беде? К какому единомышленнику? К Никону? Он в опале. К Богдану Хитрову? Хотелось бы, но опять же Никон нас разделяет. К Матвееву? Тот далеко от меня...»

Ордин-Нащокин с его реформаторским скла-

дом ума, прозорливостью и искренним служением Отечеству в числе немногих выпадал из своего времени.

Но вернёмся в приказ Тайных дел. Выпроводив Нащокина, Тишайший велел позвать Хованского. В Грановитую палату царь возвращаться раздумал.

– Ты тоже останься, – обратился он к Ртищеву, – да вели кликнуть всех своих приказных, другому делу время настало. А мы пока с полковым воеводой Хованским потолкуем.

– А Ордина-Нащокина тоже, Государь, велишь вернуть?

– Нет, пусть у себя в палатах своих посидит, в кручине он. На сей раз без него всё порешим.

Снова резко распахнулась дверь, и на пороге появился князь Хованский. Царь встретил вошедшего упрёком.

– Пошто не по чину к нам, Государю Великому входишь? К Государю надобно поступать смиренно и урядно. Поодаль, поодаль остановись. Ну, истинно Тараруй.

Хованский понял, что попал под горячую руку царя и что за сим последует то, что совершенно идёт в разрез с образом Тишайшего, созданного молвой.

– Пошто Ордина-Нащокина не любишь? – вдруг возвысил голос государь. – Он во всякой правде постоянен и твёрд. Тебе надобно своих товарищей по службе нам, царю, любить как себя!

– Какой он мне товарищ-то, без роду, без племени? – не удержался князь.

– «Отеческая честь» – дело великое, от века так заведено, – согласился царь, – но детям надеяться только на неё непристойно. Самим надо служить нам, великому Государю, верою и правдою. А бывает, и верные слуги наши под старость вводятся в боярскую честь. Думаю то совершить и с Ординым-Нащокиным со временем.

– Но, Государь, какое боярство у отца изменника мыслишь? – воскликнул с отчаянием Хованский. – Да и сам он, будь тебе ведомо, царь-батюшка, в сговоре с Никоном, опальным патриархом нашим.

– Ты, Иван Андреевич, молвишь сейчас как бездушник и ябедник. Не верю в эту лжу! Оговорил его кто-то перед тобой! Отец изменника, говоришь? Тебя послушать, то многим мне надо бы цепь на шею и железо на ноги наложить. А с кем останемся? Не хватает нам ныне искусных воевод и знающих людей посольских. Про измены толкуешь! А поражение воеводы Василия Шереметьева близ Чудного – разве не измена? Самовольщик! В осаде сидя, с врагами вступил в переговоры. Оружие перед противником сложил! Мало того, самолично, без нашей на то царской воли обещание им дал из украинских черкасских городов русские гарнизоны вывести. Ратники наши по его приказу сложили оружие, и что началось? Ворвались крымские татары и на глазах поляков стали заарканивать русских и украинских воев, а непокорных с плеча саблями рубить. До двух тысяч порубили! А остальных восемь тысяч поделили меж собой и угнали в полон, на продажу. Как подобное не изменой воеводы Шереметьева считать? И что теперь? Мне за него весь род Шереметьевых извести? Нет, не будет того! Но Бог правду видит – сам воевода в плен попал. Несладко ему. Но оправдался ли тем перед поверженными в прах рат-

никами, коих доверили ему?! Царство им небесное!

Царь перекрестился, вздохнул и молвил:

– Господи прости! Может, и в живых уж воеводы-то нет...

– Жив Шереметьев, – тихо произнёс Ртищев, поперхнулся от долгого молчания и повторил громче. – Жив Василь Борисович, в Крыму он, в рабстве у хана. Лазутчики наши донесли в Тайный приказ.

– Да не намерены он сию измену учинил, – вступился за вельможу князь Хованский. – Сын Богдана Хмельницкого переметнулся от Василь Борисовича к полякам, думал, помогут они ему удержать на следственную булаву гетманскую. И казаков с собой увёл. Шереметьев без подмоги остался.

– Ну, истины ради будь сказано, не все казаки ушли, – возразил Тишайший, – и то известно нам, что Василь Борисович был доброннадёжный архистратиг. А всё его злохудожество вышло от отсутствия истинного послушания нашему слову царскому. Самовольно города отдать!

– Да уж в этом повинен он, – живо согласился Хованский. – Сколько пролито крови за русских и украинских воев в борьбе за единство наше! И сколько славных побед! – с гордостью воскликнул князь, причастный в качестве полководца к многим из них.

– Вот ты сам, Иван Андреевич, бит был жестоко в местечке Полоне гетманом Сапегой и Чернецким. Ответь мне ноне, пошто ты с беспутной дерзостью на неприятеля бросился с двумя тысячами конных да с тремя приказами московскими противу двадцати тысяч врагов? И не по новому строю шёл, а по старинке. Сколь воинов загубил? Две тысячи лучших ратников! Каков грех на душу взял! Тебе бы должно горько всплакнуть в храме своей перед святой иконою.

– Да я, Государь... – начал было князь.

– Оставь оправдание пустое! Горяч ты вельми и в иной раз безрассуден. Одной храбростью не всегда возьмёшь. Учиться надобно ратному делу. Мыслью из западных стран учителей воинских пригласить. Из Голландии, али аглицкого короля просить о помощи в искусстве сем. И ратников иноземных, обученных не мешало бы нанять. Вот только казна войнами опустела, – как бы сам с собой рассуждал государь, заглядывая в окно на спешивших приказных. – Да мы сие решим. А ты, княже, на меня не сердчай, но упрёк тебе впредь делаю: повторишь самовольную безрассудную горячность свою в деле ратном – быть в опале тебе. И на родовую честь твою не посмотрю, пониже суд великий бывает на великих. А сейчас ступай с Богом, Иван Андреевич, возвращайся к полкам своим.

Князь отвесил поклон, в дверях столкнулся с входившими приказными, замешкался и успел услышать слова царя Ртищеву:

– Ты, Фёдор, прими к дознанию: «Никон и Нащокин». Вельми не строжничай, так, на всякий случай. Мыслью, напраслина всё это. Оговор. Сам тайно посмотри, без огласки.

Входившие вельможи не поняли, отчего князь Хованский встречает их так без меры радостно. А царь уже обращался к пришедшим:

– Мы, Великий Государь, мыслим, как устроить наше войско по науке. Мы заказали Гебдону привез-

ти из заморских стран книгу ратную, где всё описано. Хотим пригласить ещё западных военных учителей, да и рядовых, знающих строй.

– Государь, всем ведомо, казна из-за долгих войн пуста, а на перевоз наёмников не один десяток кораблей понадобится, – подал свой голос Ртищев.

– Давно уже мушкеты на соболя покупаем, а деньги у голландских купцов в долг берём под гарантии за льготную торговлю в Архангельске, – заметил оружейничий Хитрово.

– Может, к денежной реформе снова вернуться? – Дело опасное.

– Давно уже её начали, народ недоволен.

– Как бы чернь снова не взбунтовалась! – раздалось сразу несколько голосов.

Дверь распахнулась, и показался Матюшкин, родственник царя и сподвижник по охотничьему делу. Он был возбуждён.

– Великий государь! – начал он прямо с порога. – Сокольничий твой Иван Ярыжкин допустил небрежение, не укрепил как должно окончину в крепатне, от ветра она вылетела и поувечила Мальца, твоего сибирского сокола, – опасно закончил Матюшкин.

Тишайший вскочил, сразу забыв о важном деле, и закричал, вспыхнув лицом:

– О враже проклятый! Батогами, батогами его, пусть ведает себе, лукавый враг, как ныне возмутил он мою душу! А что Малец?

– Еле жив, Государь.

– Едем, едем немедленно! Я за своего любимца учиню Ярыжину то, чего он век не ведал! – гневался царь. Уже у порога опомнившись, повернулся к вельможам, не меняя тона, повелел. – Думайте, как казну пополнить. Только и то помыслите, чтобы нас, Великого Государя, с чернью не столкнуть!

Дорогой, в карете, Тишайший не мог никак успокоиться, мысли о гибнущей птице сменялись воспоминаниями всего страшного, что пришлось пережить во время Московского мятежа в лето 1648: своё унижение, слёзы, которыми он, царь, вымаливал у разъярённой толпы своего дядьку Бориса Ивановича Морозова от неминуемой расправы.

Глава 3

Фёдор Силантьев

«Когда чувствуешь в душе благодать, не торопись растворить её в слове».

К. Шадько

Большие люди Первопрестольной вершили государственные дела, а рядовые в глубинке жили повседневными заботами, пока эхо московских решений не разражалось громом над их головами.

Наши путники ждали конца утомительной дороги и предвкушали встречу с великой крепостью Синбирской.

Федор сидел в первой телеге, покрытой красным сукном. Рядом с ним лежал Иван. С боярином ехал лекарь и девятилетний сынишка Фёдора – Юрок. Лошади приустиали, и Фёдор спрыгнул с телеги, пошёл рядом, держа вожжи в руках. На душе было тревожно.

Дорога лесная беспокойная, людей подгоняет,

то на горку поднимется, то под горку сбежит, то по открытому месту, оглядываясь, поведёт, то в густой лес снова спрячет.

Сознание постепенно возвращалось к Ивану, и он как бы заново узнавал брата, разглядывая светло-русые, слегка волнистые волосы, чёткую линию тёмных бровей, прямой нос, аккуратные усы, небольшую бородку и такие добрые родные глаза. «Брате», – слабо позвал Иван.

Фёдор услышал, встрепенулся:

– Ваня! Очнулся! Ну слава Богу!

– Воды...

Фёдор поднёс воды. Немного отпив, Иван снова закрыл глаза.

– Много крови потерял, держись брат, – подбодрил его Фёдор. Он вспомнил, как совсем маленьким нашёл Ивана когда-то в лесу, голодного, ослабленного и оборванного.

– Вот и слава Богу, – встретила тогда их игуменья Василиса. – Будет тебе братом. Как звать-то?

– Ваней, наверное, – пожав плечами, неуверенно произнёс Федя.

– Ну Иван, так Иван, – подхватила Василиса и распорядилась: помыть, одеть и накормить.

«Матушкой игуменьей» Василиса стала взамен ушедшей старицы. Насельницы избрали Василису, несмотря на её молодой возраст, потому что она воспитывалась, будучи сиротой, в доме Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина. Именно он был главным вкладчиком средств в эту небогатую обитель. Кроме того, монахини отдавали должное уму, образованности и высоким нравственным качествам молодой игуменьи.

Мысли Фёдора перенеслись к дорогим людям – Василисе и дяде Силантию, которые заменили ему мать и отца, каждый в отдельности.

Силантий и Василиса

Ранним летним утром по лесной дороге в село Коломенское спешит молодой всадник. Это Силантий – лихой кавалерист из стременных стрельцов элитного кавалеристского соединения, сопровождавшего царя в его дальних и ближних походах. А торопится он на очередную охотничью потеху государя Алексея Михайловича.

Прибыв, идёт доложиться в Приказную палату. В ранний час здесь ещё никого нет. Из соседнего помещения доносится чей-то монотонный голос. Это дьяк читает «Псалтирь», благословляясь таким образом на все дела предстоящего дня. Услыхав шум шагов, он поднимает голову и делает знак рукой: «Погодь». Позже, выслушав Силантия, молвит:

– Ступай в Полковничьи палаты, доложись, потом – в Сытный двор, там накормят тебя на кухне, – и добавляет назидательно. – Государь наш хоть и зовётся народом «Тишайший», порядок чинит во всём. В четыре утра всегда встаёт. Помолится с четверть часа – и с царицей в церковь, слушать утреннюю. Потом уже – царский выход к придворным. Все они ко двору идут пешно. Ты своего коня где оставил?

– На конюшне.

– То-то же! Никто не мог в экипаже или верхом. Царь-батюшка выйдет – все низко кланяться должны. Присящие же – долу. Так вот и предстанешь пред его очи.

Силантий всё это уже знал, но наставления дьяка слушал, не перебивая. На царский выход он пришёл заранее и сразу же обратил на себя внимание собравшихся: и своим видом лихого кавалериста, и простым мужественным лицом, на котором выделялись голубые, чуть навывкат глаза, пшеничного цвета усы. Среди придворных шелестом прошёл разговор: «Кто таков?»

В это время среди придворных возникло оживление, появился царь-батюшка. Толпа двинулась навстречу. Силантий поотстал, ему полагалось подойти последним. Он с почтением рассматривал государя, любовался благородной внешностью Алексея Михайловича, его важным, но не суровым видом. В глазах царя было благодушие.

Дождавшись своей очереди и получив распоряжение царя по поводу подготовки пышного выезда на охоту, Силантий задержался у храма Вознесения, что на высоком холме и который иные иностранцы вместе со дворцом готовы были причислить к «восьмому чуду света». Юноша любовался храмом и безотчётно ждал чуда. И оно явилось: из храма вышла Василиса. Облик женщины на фоне дивного храма потряс его. Василиса встретилась с ним взглядом, и новое неизведанное доселе чувство вошло в её сердце. Несколько дней прекрасным эхом хранилось оно и в её душе, но наступившие вслед за тем житейские заботы сначала отдалили, а потом и вовсе унесли это воспоминание.

Выданная по обычаям того времени замуж рано, она радовалась обрётённому дому, успешному на царской службе мужу. Любила ли она его? Принимала как должное: девушки не вольны были в выборе суженого.

Алексей, супруг Василисы, окружил её вниманием и заботой. Да и сам рядом с ней, красавицей, был пригож. А вот кого она любила всем своим сердцем, всей душой, так это своего крохотного сыночка Данилушку.

В душу Силантия Василиса запала так, что завладела всеми его мыслями, и отныне он непрестанно мечтал о новой встрече с ней.

Прошло время. После долгой московской зимы Василиса с супругом выбрали в своё загородное поместье недалеко от Нижнего Новгорода.

Тёплым весенним утром она сидела в саду, склонясь над колыбелью своего малыша. Это ощущение материнского счастья рождало внутреннюю тишину такой силы, которая, кажется, растекалась волнами во внешний мир, покоряя его своим законом. Василиса не замечала, что из-за кустов любит её Силантий. Незваным гостем перемахнул он через высокую стену усадьбы и теперь стоял, как замороженный, не смея приблизиться к женщине.

Вдруг раздался тревожный колокольный звон. За ним последовал топот копыт, гортанные крики, свист летящих стрел, вопли раненых. В распахнутые ворота усадьбы бежали крестьяне, пытаясь спастись. Их преследовали всадники-нагайцы, сверкая на солнце кривыми саблями и набрасывая арканы на мятущихся людей.

Желая спасти любимую, Силантий выскочил из укрытия, схватил перепуганную Василису, но она вырвалась, кинулась к ребёнку и упала, пронзённая стрелой нагайца. Следующей стрелой был сражен

Силантий. Ребёнок же погиб под копытами лошадей. Всё это видел Алексей, выбежавший из дома на помощь к жене и сыну, но он упал замертво от сабли кочевника. Покидая усадьбу вместе с пленниками, враги подожгли дом.

Огнём было охвачено всё село. Набат ещё бил с колокольни, а из «домовой церкви» доносились крики людей, пытавшихся там спастись. Кочевники подожгли и её, подперев дверь снаружи. Эта деревянная церковь с людьми, горящими заживо, было первое, что увидел пришедший в себя Силантий.

Он пытался встать, но резкая боль остановила его. Увидел лежащую Василису, перевёрнутую колыбель и кровь. Стиснув зубы от боли, подполз к Василисе, прижал голову к её груди, но громкие удары собственного сердца мешали слышать слабое биение другого.

Наконец понял: жива! Вырвал конец стрелы, торчащий в ноге, чем мог перевязал рану и доковылял до ворот. Свистнул рысак, подождет. Каурый радостно откликнулся ржанием. Конь не дался в руки кочевнику, когда тот рубанул поводок. Знатный был скакун: подарок самого царя-батюшки после удачной охоты. Умное животное, согнув передние ноги, позволило положить себе на спину всё ещё не приходившую в себя Василису. Двигались медленно. Силантий пытался идти рядом, держась за шею коня.

За воротами поместья взору предстала печальная картина – сплошное пепелище. Но набат всё же был услышан: летела уже вслед врагу царская конница, бежали люди ратные. К счастью, Силантий своих встретил скоро, успел сказать: «Боярыню к Ордину-Нащокину в Москву – дочь его. Пособите!» Он умышленно упустил слово «приёмная», чтобы помогли наверняка. Знатной вельможей был Ордин-Нащокин в государстве.

Василису бережно сняли с лошади, позвали лекаря, приказали помочь, провожатых для боярыни тоже оставили. На Силантия, как и следовало, внимания не обратили, и он подался в имение к Луке Евсеичу.

В доме своего племянника Силантий задержался надолго. Он очень волновался за судьбу Василисы и сам поведал Луке о своей тайной любви, попросил послать нарочного в Москву, всё разузнать. Посыльный вернулся с радостным известием: «Жива!» Но второе сообщение о Василисе сразило Силантия: «Ушла в монастырь».

После этого он недолго продержался на службе царской. При первом удобном случае покинул её с разрешения царя и поселился в охотничьей сторожке «для восстановления сил», как он объяснил родственникам.

Даже себе не признался в истинной причине такого шага: сторожка была распложена всего в нескольких верстах от монастыря Василисы.

Прошло несколько лет. Силантий уже давно жил в своём доме, в небогатом поместье, а в сторожку переселялся лишь в охотничью пору. Пока не встретился с Фёдором, приёмным сыном Василисы. Повзрослевший Фёдор не хотел больше оставаться в монастыре, и Силантий с радостью принял участие в его судьбе. Он обучил подростка верховой езде, обращению с оружием, многим охотничьим, да и

просто житейским, премудростям, а главное – любить природу.

Василиса искренне радовалась за Фёдора. Сторожку она никогда не посещала, но всё о жизни Фёдора знала через своих посыльных. Весь последний год Василиса провела в хлопотах по спасению своей обители, которую за ветхость и разорение решено было закрыть, а всех насельников перевести в более устроенную. Рушился последний, обретенный ею дом на земле, за который держалась ещё душа. С его утратой надломилась и внутренняя крепость. В смятенье матушка побежала к Федорушке.

Когда дверь в строжку распахнулась, а на пороге появилась Василиса, Фёдор, растерявшись, так и остался сидеть, где сидел. Силантий же вскочил, заволновался. Пред ним вдруг предстала та, к которой он не смел и приблизиться. Матушка вошла, поклонилась и с порога молвила:

– Фёдора вручаю тебе, Силантий, не монах он в сердце своём. Не каждому это дано, а то не отпустила бы от себя. А вот Ивана постараюсь в монастырское служение определить.

Так, без предисловий, могут говорить люди, которые многие годы, даже на расстоянии ведут между собой нескончаемый, неслышимый для других диалог.

– Береги Федю, Силушка!

И вдруг срывающимся на плач голосом выкрикнула:

– Вместо сына он мне, моего Данилушки загубленного...

Она закрыла лицо концом своего чёрного головного покрывала, плечи её сотрясались от рыданий.

– Всё исполню! – широко перекрестился Силантий, уязвлённый в самую душу слезами дорогого человека. Он подошёл ближе, и Василиса уткнулась лицом ему в грудь, продолжая рыдать от невыплаканного до конца горя. Силантий кивнул Фёдору, выдавил из себя:

– Подойди к матери!

Федя послушался, подошёл, осторожно взял её за плечи. В их взаимоотношениях не были приняты внешние проявления нежности, ведь жизнь протекала в монастырском приюте, на глазах многих других, таких же обделённых родительской лаской сирот. Привязанная к Феденьке сердцем, игуменья сдерживала себя при других малых детках, боясь их обидеть. А когда всё же не выдерживала и, взяв на руки Федорку, со слезами на глазах горячо прижимала его к сердцу, то сразу, как по команде, другие малыши окружали её, тянули свои ручки. И нестерпимая жаль охватывала её сердце.

Потому Фёдор так осторожно и нерешительно обнял матушку. Перед ним сейчас стояла не строгая игуменья, а простая женщина со своим горем. Нет железных людей, каждому хочется когда-то выплеснуть свою печаль и услышать слова утешения.

Силантий горячо продолжал повторять:

– Полно, Василисушка, полно, матушка... Мы с тобой... с тобой мы... вот и Федя...

Наконец она отстранилась, вытерла глаза, вздохнула судорожно, произнесла дрогнувшим голосом с поклоном:

– Прости меня ради Христа, Силушка; люди молвят, я дорогу тебе невольно перешла.

– Что ты, что ты! Неразумное говорят! Да ты,

как солнце, на всех путях и дорогах меня согрела, – встрепенулся он и добавил тихо. – Благодарю судьбу!

Но она движением руки уже останавливала его. Потом подошла к Феде. Оглянулась, посмотрела благодарно на Силантия, чувствуя сердцем, что прощается навсегда. Он это тоже почувствовал и поклонился ей низко-низко, почти до земли.

Прощаясь с Федей, Василиса перекрестила его, поцеловала в лоб, потом повесила ему на шею ладанку с медальоном.

– Тут всё о твоих родителях, что смогла узнать... Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин недавно сказывал мне, что запорожские казаки под предводительством гетмана Конашевича-Сагайдачного штурмом брали у турок город Кефе (так турки Федосию переименовали на свой лад) и освободили от невольничьего рынка несколько тысяч русичей. А позднее ещё казаки атамана Ивана Сирко во время похода в Крым освободили из полона почти семь тысяч православных. Как знать, может, и твоя матушка в числе их сыщется где-нибудь на Украине...

Тихо промолвила: «Это Силантию – икону на благословение». Фёдор взял, взглянул. Это были святые – Пётр и Феврония. Игуменья, не оглядываясь, быстро пошла к выходу. Когда она была уже в дверях, Фёдор неожиданно для самого себя выкрикнул ломающимся баском:

– Берегите себя, мама!

Другой матери он не знал, не помнил.

Это была их последняя встреча. Через несколько дней матушка Василиса скоростижно скончалась.

По обоюдному желанию Фёдор и Силантий сооружали из дубовых досок и брёвен часовенку в память о Василисе, недалеко от её «жальника», могильного холмика. Нароботавшись, сели отдыхать. Силантий первый прервал молчание:

– Монастырь-то скоро совсем за ветхостью рухнет. А часовенка из нового дуба простоит, пока память о матушке жива будет. Вон сколь деток её спасённых по свету ходят.

– Я первый из них. Век её помнить буду.

– Верно, верно, Федя, молвишь. Главное, молись о ней, иногда милостыню твори, когда можешь сюда, на могилку, приходи или приезжай, если далеко случится быть тебе. Не забывай! Человек жив на земле, пока память о нём хранится. А я, Федя, чую, что тоже скоро уйду...

– Да что ты, Силантий, ты крепок ещё, слава Богу!

– Эх, сынок, это только видимость одна. Когда Василиса отошла в вечность, то словно душу из меня кто вынул. Пусто стало. Любил я её, матушку твою названую. Всю свою жизнь любил её, единственную. Так что и ты, можно сказать, не чужой мне. Обещался я игуменье призреть тебя. Так что, если увидишь, что не ладно со мной, не пугайся, сразу дай знать Луке. Хочу свой наказ дать о тебе ему. Всё же дядя я ему.

Лука прибыл в урочный час по первому зову. Силантий лежал в сторожке. Во взгляде его полыхало едва сдерживаемое отчаяние, но он мужественно приготавливал себя к христианскому смирению перед неизбежным.

«Успел, – подумал Лука, – слава Богу. Не опоздал! Прощение мне у него попросить бы, но как приступить-то? Помоги, управь, Господи».

Силантий поздравил сам.

– Поди сюда. Давай простимся. Мало ли чего... Прости меня, Христа ради, коль обидел тебя когда...

– И ты меня, дядюшка, прости, – поспешно вставил Лука и слово «дядюшка» намеренно произнёс, чтобы приласкать напоследок.

У них была маленькая разница в возрасте, поэтому звали они друг друга по именам.

– Бог простит, и я прощаю. Наказ мой про Фёдора выслушай. Тебе его вручаю. Поклянись, как я игуменье Василисе клялся. Не бросать... не...

Силантий сбился с дыхания, замолчал, но видно было, что силится ещё что сказать. Лука наклонился, услышал прерывистый шёпот:

– Всё моё... всё Феде оставляю... Всё Феде... Прощай.

Лука заплакал вслух, припал к Силантию.

– Всё исполню, как велишь... Дяденька... благослови... нас...

Фёдор подошёл. Но поднятая было рука Силантия бессильно упала. Глаза его удивлённо расширились, словно увидели нечто, никакого отношения к земной жизни не имеющее... Он больше не вздохнул. Фёдор закричал. Он впервые присутствовал при тайне смерти. Ему было страшно...

Схоронили Силантия возле могилы Василисы. Лука Евсеич оставил было Фёдора у себя в поместье, не определив однако, куда его пристроить и на ка-

ких правах. Поболтавшись между людской, конюшной и барским домом, Фёдор вдруг исчез, оставив записку: «Боярин. Ухожу искать Ивана в Новоиерусалим. Спаси тебя Бог за хлеб и соль». И подписал «Фёдор». Потом, подумав, добавил «Силантьев».

Глава 4 У стен крепости

*Не может укрыться город,
стоящий на верху горы.*

Ев. от Матфея

Впереди в лесу послышался топот конских копыт и радостные голоса. Это возвращалась разведка.

– Боярин, град Синбирск виден!

– Чиста дорога к нему!

– А град-то лепший, братцы, чаю, наипервейший на Волге-матушке, – высоко протянул молодой голос.

– Наипервейший! – услышал усмешку другого голоса Фёдор. – Ты, Елезарка, вперёд старших словом не лезь. Знать, не видел ты крепость каменную в Ярославле, монастырь Всемилоостивого Спаса.

– Да, много красоты воздвигнуто человеком на берегах волжских, но и Синбирск в первом ряду среди них будет, – примирительно молвил Фёдор. Любил он этот город юности своей, где был счастлив, и сейчас с волнением ждал здесь встречи с прошлым.

Встреппенулса и Лука Евсеич. Он высунулса из оконца кибитки в намерении сразу увидеть крепость, в которой не был много лет, ничего за деревьями не разглядел и крикнул кучеру: «Гони!»

Вот уже весь поезд вынырнул из плотного леса и направился к северным, Спасским воротам Кремля, называемым ещё и Казанскими. Скоро перед путниками предстал Кремль на высокой горе, венчающий её горящими на солнце куполами храмов. На фоне редких белых облаков город сейчас действительно выглядел сказочным. Он далеко был виден с Волги. Недаром осталось в памяти народной фраза, оброненная в давние времена кем-то из бурлаков: «Семь дён идём – град Синбирск видён».

Волжский косогор утопал в сочной зелени деревьев, ближе к реке тянулись полосой заливные луга, чуть выше их видны были хлебные амбары, склады и ещё немногочисленные пристани, у которых стояли кажущиеся сверху игрушечными купеческие струги, и уж совсем крошечными метками обозначились вокруг рыболовецкие лодки.

Город-богатырь только ещё справлял плечи свои. Это уж потом, в веке XVIII здесь обретут жизнь сборные ярмарки, и со всей губернии повезут сюда: лес, соль, нефть, и, главным образом, хлеб. Далеко на юг отодвинутся границы Русского государства, и город-крепость превратится в видный торговли центр на Волге. Это – в будущем. А пока Синбирск – надёжный бастион, куда стекаются потоки людей пред угрозой вражеского нашествия.

Вся Казанская улица посада запружена повозками, колымагами, каретами, телегами, верховым и пешим народом. Люди толкаются на мосту через ров. Запирившиеся на ночь городские ворота с утра открыты. Идет досмотр входящих. Крики, команды, шум. Ожидание – долгое.

Боярин принимает решение оставить под стражей основной свой караван, а самому прихватить две телеги (одну с ранеными, другую – с дарами царскими) и направиться по Смоленскому спуску к Волге, в Успенский мужской монастырь. Двигаются осторожно. Крута гора Синбирская...

Отец Макарий, настоятель монастыря, встретил гостей радушно.

– С миром ли доехали? – вопрошал он Луку Евсеича.

– И-и-и, батюшко, и не спрашивай! Чуть от басурманов отбились, в Соловецкой, Воскресенской обители укрылись, тем и спаслись.

– Ну, слава Богу!

– Да не все. Иные погибли, иные в полон взяты. Вот раненых вам привезли.

– После службы, Лука Евсеич, вели всех скликать в трапезную, попотчует, чем Бог послал.

– В крепость торопимся. Хотели о врагах предупредить, да видать по суете – всем ведомо, – возразил Лука.

– С утра раннего в набат били. С засеки весть пришла, – успокоил боярина отец Макарий, – народишко слободской с детьми малыми в посад, а кой и в Кремль потянулся. На всякий случай. И нам указано – наготове бытии.

– Даст Бог, устоим. Крепость ещё и в прежние времена сильна была: сорок пять пушек и пищалей, полки стрелецкие да казацкие, людишки ратные. А сейчас, чаю, тем более. Отгонят врага, – со знанием дела заметил Лука Евсеич.

– Ну, поспешите, а то, неровен час, ворота закуют, а вам ещё посад миновать надо.

– У нас, отец Макарий, дело важное, – торжественно произнёс Лука. – Жалует царь-батюшка обитель вашу колоколом и некой утварью церковной.

– Ах, Царица Небесная! – всплеснул руками настоятель. – Не оставляет своей милостью государь град Синбирск. Снова подарки в храмы нам шлёт!

Пока служилые разгружали телегу, снимали средних размеров колокол да кованый сундучок с утварью, боярин передал Макарию послание отца Феодосия из Санаксарской пустыни, что близ города Темникова, с просьбой учить Ивана делу иконописному.

– Дозволь, отец Макарий, сего Ивана вместе с другими ранеными у вас оставить. Беспокорно на горе сейчас, – кивнул Лука Евсеич на «град рублённый». – Заберём потом.

– Оставляй, оставляй! И лекарь хороший здесь спонадобится. Сам ногами мучаюсь. Спасу нет! Наказывает меня Господь за грехи мои, – вздохнул игумен.

– Полно, батюшка, какие грехи? О тебе добрым слухом земля полнится.

– Тс-с-с! – приложил палец к губам Макарий. – Не моги хвалить. Ай, неведомо тебе старинное: хвалить – значит валить. Правильные слова сказаны!

Федор в это время с интересом рассматривал все строения монастыря. Когда он в юности был в краях здешних, игумен Макарий, пришедший вместе с Богданом Матвеевичем Хитрово, только начал в 1648 году строить здесь под горой деревянную церковь и монастырские кельи. Церковь строилась

во имя Успенья Пресвятой Богородицы. Отсюда пошло и название обители. Молва шла, что начал возводить монастырь Макарий «своим собственным коштом». Стройка затянулась на несколько лет.

И вот сейчас Фёдор любовался всем свершённым здесь. Его окликнули – пора ехать. Боярская колымага уже тронулась с места, как вдруг из неё на ходу выскочил отрок Юрок, крикнув на ходу: «Мне к дядьке Ивану надобно!»

Кучер разворачивал лошадей и не мог видеть беглеца. Боярин прикрикнул на Рябого – таково было прозвище кучера:

– Куда воротись, Шадровитый? Аль не видишь мальчика? Убёг ведь! – На побагровевшем лице барина контрастом светлела курчавая борода.

– Юрок! Стой! Стой, тебе говорю! – Федор расставил руки, намериваясь поймать мальчика, но тот увернулся и шмыгнул в келью, где разместили Ивана.

На пороге хлопец пытался сдержать дыхание, но сердце его сильно колотилось. Волосы прилипли ко лбу, исподняя рубашка выбилась наружу. Матушка Марья, коли увидела б его сейчас, непременно ахнула бы: «Где тебя носило, сынок? Каково тебе легко всё, что не подобает?» Но она была далеко, в Санаксаре, а дядя Иван – вот он, рядом.

Глаза мальчугана светились радостью, он осторожно погладил руку раненого. Тот улыбнулся:

– Я тебе ещё медведей из дерева вырежу.

– Мне их с барабаном и трубой сделай. Да гляди, выздоравливай скорейши.

– Ладно. Господь управит, – молвил в ответ Иван, взглянув на вошедшего Фёдора. Тот молча крепко взял сына за руку.

– Бывай, Ваня!

– С Богом! – напутствовал брат названный.

Наконец всё утряслось. Повозки с трудом поднялись в гору, потому что набежавшие вдруг тучки успели смочить землю кратким, но сильным дождичком, глинистая почва скользила, холопы спрыгнули с телег, подталкивая боярскую колымагу. Слышались крики, понукание, но не ругань. «Тишайший» царь, отличавшийся большой религиозностью, запретил произносить гнилые, бранные слова, а провинившихся велел наказывать плетьюми.

На верху горы боярин нетерпеливо прохаживался вдоль стен Кремля. Ему не терпелось заглянуть внутрь, увидеть, что изменилось за годы его отсутствия. Поджидая отставшую подводу, он пожевывался от лютого синбирского ветра, особенно сильного здесь, на Венце.

«Истинно думаю то, – рассуждал Лука Евсеич, – что гора сия недаром зовётся от слов «син-бир» – «семь ветров». Ветер-то крепко со всех сторон прохватывает, а то книжники всё на имя древнего болгарского князя Синбира кивают».

– Боярин, что колокола в Кремле-то сызнава зазвенели, – прервал его размышления кучер.

– Это не звон, а набат к беде. Аль не видишь, сколь местных вотчеников в Кремль с семьями своими тянутся; да бабы с детьми из посада.

– Да посад сам частоколом и рвом укреплен, – не унимался Шадровитый.

– Укреплен был хорошо, а сколько нападений выдержал! Чаю, порушен местами... Постой, помолчи, холоп!

Боярин нервничал, ожидание затягивалось. Их колымагу уже опередило несколько возков и карет местной знати. «Посторонись!» – кричали кучера.

– Коротковы едут?

– Нет, Соковнины! А эти – Бекетовы. А вон те – Болховские, – слышалось в толпе.

Вдруг появился гонец. Он прокладывал себе дорогу не только голосом, но и кнутом, направляясь к воротам Кремля. Лошадь его была взмылена.

– Ай, басурманы совсем близко, а мы все стоим здесь с детьми малыми! – громко ахнула одна из баб. И толпа, словно по сигналу, не разбираясь по чину, хлынула к мосту. Напрасно боярский кучер шумел:

– Дорогу боярину! Дорогу!

И сам Лука Евсеич, высунувшись из оконца, пытался сообщить про царский подарок. Паника вмиг сломала все законы и преграды. Похоже было, что сейчас и мост, и кованые ворота будут снесены.

Положение спас стрелецкий капитан. Он выстрелил в воздух. Толпа замерла.

– Стой! От кого смятение учинилось? Смутьянов в кандалы возьмём! Про близкого врага ведать не ведаем!

Воспользовавшись минутой затишья, отряд стрельцов выбежал из крепости и стал лицом к посаду. Перед вооружёнными толпа сдала.

Дошла очередь до боярина. С башни окликнули:

– Кто таков?

– С Москвы царский подарок боярин Лука Евсеич, сын Головин, граду Синбирску везёт, – зычно крикнул Фёдор.

Теперь на минуту замешкались на башне, потом скомандовали:

– Карету московскую и телегу с подарками царскими пропустить!

– Фёдор, за мной! Остальным ждать, – распоряжился уже боярин.

Из толпы полюбопытствовали:

– Каковы подарки и кому?

– Свято-Троицкому храму и Успенской обители и поклон из Санаксара протопопу Никифору Антонову вашему, – громко доложил Фёдор.

– От кого поклон-то? Неужто от царя?

– Слышь, от батюшки-царя нашему протопопу поклон, – понесла по толпе «сорока на хвосте».

– Быть не может! Отец Никифор вызван к Никону для объяснений как старолобец!

– Ужо вернулся, – возразил рядом стоящий стражник, – шурип сказывал, в ключарях он при нём. Патриарх покаяние его принял и время дал, чтобы одумался – так молвят.

Наши путники уже скрылись за воротами, а в толпе шли суды-пересуды:

– Сам Никон-то в опале, теперь в Новоиерусалимском монастыре сидит.

– Ишь, что патриарх удумал – верх над государем взять.

– Уж очень крут Никон, жестокосердный, – раздался голос из толпы.

– Т-с-с! Помолчи! Аль в яму на цепь захотел?

– Сместят, сместят настоятеля нашего Никифора, – тихо молвил стражник.

– Не каркай, уж не твой ли ключарь метит вместо него, – ядовито заметил ближний из толпы.

– Цыц! Замолчи! А то... – возмутился стрелец.

– Да это уж чья возьмёт, наша али ваша сторона, «щепоточники», – раздался из людской глубины высокий старческий голос, явно обращённый к толпе. – Слыхали, мож, что царь протопопа Аввакума из ссылки сибирской вызвать хочет? Чаю, на помилование пойдёт наш многострадальный, да и мы, старолобцы, вместе с ним, кто старую веру в глухих лесных местах хранит, кто дедам, прадедам измены в обычая не чинит!

– Нишкни, старый! Людей баламутишь, а того не ведаешь, что наш патриарх Никон всё церковное по греческому образцу сверяет и устраивает. Да и государь за реформу церковную стоит, – этот голос принадлежал средних лет паломнику.

– Игнатий это! Игнатий! – пронеслось в ближних рядах толпы. Он ноне со товарищи в Иерусалим к Гробу Господню сподобился.

– Да уж патриарх, Никон ваш, вельми в гордыне своей заносится, – снова возвысил голос свой старик-старовер.

– Не мирское дело – священников судить! – возразил паломник. – Сказано: Царствие Божие – внутри нас. Вот и блюди себя каждый христианин!

Но последние слова Игнатия услышали немногие.

Между тем за воротами Кремля воевода князь Долгоруков Фёдор Алексеевич уже прибыл в карете встречать гостей. Хоть размеры Кремля были не столь велики, чтобы непременно пользоваться экипажем, но положение воеводы обязывало.

Сначала вельможи взглянули друг на друга из оконцев карет, потом вышли, облобызались.

– Князь! Фёдор Алексеевич! Сколько лет! Сколько зим! – воскликнул боярин.

– Узнаю, узнаю друга юности моей Луку Евсеича! Пожалуйста в дом мой. Милости прошу.

– Благодарствую. А я ведь с подарками, – начал было боярин.

– Доложили мне. Уже распорядился. Во время службы принародно в храм внесём! А сейчас – прошу за мной.

Лука Евсеич направился к экипажу, по пути указал верному слуге своему:

– Фёдор, ты – в распоряжение капитана пока, он поможет разместить людей наших. Управившись – ко мне, в дом воеводы.

Капитан тут же подхватил:

– Всем в посад, там конная изба и постоялый двор. Стрельцам – в казармы, ждать приказа, вдруг для обороны спонадобятся.

Фёдор с Юрком на первой телеге поехали вдоль западной стены Кремля, по Большой улице, получившей название Саратовской, за ними следовали остальные. Свернули направо, на только что начинающую застраиваться улицу, получившую название Московской, – к конной избе и постоялым дворам.

Быстро управившись с поручением, Фёдор с Юрком возвратились к боярину. У западных ворот Кремля вдруг раздалась звуки военного оркестра. Отсюда в сторону засвияжских лугов уходили на битву с кочевниками двести конных казаков, катили пушки. Трубачи изо всех сил дули в медные трубы, били в барабаны и литавры. Ничего подобного в

юные годы Фёдор в Синбирске не видал. В те годы знал он от матушки Василисы про указ царя: иметь крепкое зрение, дабы нигде игрищ не было, дабы скоморохи с бубнами и сурнами не ходили. Но позже государь изменил своё отношение к музыке, и из Курляндии, и из земли свейской и прусской повелел выписать трубачей. И вот теперь музыка оркестра пробудила в душе Федора некое волнение, будто ему самому предстояло защищать город. Он долго стоял, провожая взглядом казаков.

– Смотри, сынок, – произнёс он наконец, положив руку на голову Юрка, – смотри и запоминай, как Русь святыю оборонять надобно... Всегда готову бытии... – в глазах Фёдора зашипало.

А мальчишки-казачата ещё долго бежали за ратниками, своими отцами и дедами.

– Фёдор, – неожиданно раздался голос холопа, – боярин тя к себе требует. Еле нашёл. Поспешай, гневается.

– Иду. А где он?

– Тут, недалече, за воротами.

– Пошли, Юрок, к боярину.

Лука Евсеич не скрывал своего возмущения:

– Где носит тебя до сих пор? Воеводу ждать заставляешь.

Тут Фёдор разглядел в карете князя Долгорукова, снял шапку, отвесил поклон. – Пусть к нам поднимается. Разговор наш не для посторонних ушей будет, – обратился воевода к Луке, а затем к Федору: – Заходи, дело есть. Поедешь вместе с отрядом казаков в крепость Белый Яр, – начал тихо Долгоруков, – путь неблизкий. С Закамской засеки передали: кочевники левым берегом Волги в белоярскую сторону двигаются, а там и в Сенгилеевские Покровские слободы переправятся. Неширока река в местах тех. Разведаеть, какие силы, куда целются, может, с сегодняшними кочевниками сговор у них. И отряд отправляем в поддержку белоярским казакам. Пойдѐте правым берегом: левым сразу в лапы ворогов попасть можно. А вот и старший – Василий Фёдоров, пятидесятник Свяжской конной слободы с тобой пойдѐт.

Фёдор только сейчас обратил внимание на человека, сидевшего в углу кареты. Тот сразу спросил:

– Речь татарскую разумеешь? Нет? Я так и думал. Парубка тебе в помощники дам. Молод еще, но ловок и смышлѐн. А главное – по-татарски лопотать может.

– Когда выступаем?

– Не медля! – минув боярина, приказал воевода и переключился уже на кучера, – Поехали!

– А Юрок, как он? – крикнул Фёдор боярину, следом за Василием выпрыгивая из кареты.

– К Карлу, лекарю приставь! Не тужи о нём! – прозвучал в ответ голос Луки.

– Верхами можешь? – спросил Василий Фёдора.

– Да он вас всех обскачет! – вмешался подбегавший Юрок. – Он ещё и стрелять из ружья, лука... – мальчик вдруг осѐкся, что-то сообразил, потом, повернувшись к отцу, захныкал:

– А ты куда? Я с тобой хочу!

– Не кручинься, полно тебе. Я скоро управлюсь. А ты с Карлом и любимым своим дядькой Иваном останешься.

В это время отъехавшая было карета остано-

вилась, в оконце высунулся боярин, позвал Юрка, а Фёдору крикнул:

– Я сам его отвезу. Час дорог у тебя.

Удивлённому князю Лука Евсеич объявил: «Не чужой мне малец. Потом объясню». Князь согласно кивнул, слегка улыбнувшись.

Федор колебался минуту, расставаясь с мальчиком, потом погладил его по голове со словами: «Держись, мужичок. Мамку не забывай. Я вернусь. Скоро».

Вечером, после застолья, в доме воеводы два давних друга вели между собой серьёзную беседу при закрытых дверях.

– А скажи-ка, любезный друг, как у вас в первопрестольной? Чернь спокойна аль нет? Не слышал ли чего про письма подмѐтные – вопрошал Долгоруков.

– Видеть не приходилось, а молва идѐт. Разное говорят, чаю, злонамеренно. – И, понизив голос, Лука Евсеич добавил: – Даже одного из вельмож среди фальшивомонетчиков называют, дескать, прибыльным воровством занялся.

– Кого, кого называют? – сразу оживился князь.

– И-и-и, сказать боюсь. Наговор, напраслина то.

– Ну, кто ж сей вор? Из чьих будет? – настаивал князь.

– Не спрашивай, Фёдор Алексеевич, не спрашивай, – Лука Евсеич заёрзал на лавке. Видно было, как ему хочется всё рассказать, и он только ждѐт, чтобы его нерешительность подтолкнули.

– Ну же! Аль сомневаешься во мне?

– Един из Милославских! – выпалил Лука и замахал перед собой руками. – Всё, всё! Боле того не скажу. Грех на душу! Наговор! Истинно наговор то!

– Эк, чего творят. Ни Бога не боятся, ни рода царского посрамить не опасаются! А у нас тут людишки на медные деньги ропщут. С начала польской войны дума ваша ввела их и всё никак не отменит.

– От этой меди всё в Москве у нас в великой туге. И не только простолюдины, но и торговые их уже не емлют и ими не торгуют.

– А у нас здесь, в Синбирске, у посадских и служилых людей великая нищета и дороговь чинится хлебной цене, – подхватил князь.

– Курица, одна курица в первопрестольной достигла двух рублей в цене!

– Да что ты? У нас стрелец за год жалованья три рубля получает! – покачал головой воевода, – Не осторожна дума, не осторожна! А как теперь войско пополняют? Число ратников от долгой войны поредело. Дак с Москвы указ – грести всех под метлу! Что учинить вздумали. Южную границу государства Российского оголять. И губных старост (заметь, совсем стариков), и городовых воевод, и сыщиков. Ко мне наведни нарочный из Москвы с тем явился. А я ему – от ворот поворот! Что учинить вздумали. Мы тут сами от набегов кочевников отбиваться устали. Всё левобережье Волги своим считают.

– Ещё ведомо мне от Богдана Матвейча Хитрово из Приказа Тайных дел стало, что Ордина-Нащо-

кина от посольства в Кардис на переговоры со шведами отставил государь.

– Жаль, дипломат он отменный, – молвил Долгорукий, – хоть бы в этом году, наконец, мир вечный со свеями устроили. Разорена страна...

Ещё долго вздыхали боярин и князь о неустойчивости в стране. И не из-за собственной бедности (богатыми были), а из опасения, кабы чернь против них, «породных», бунт не подняла. И ещё посетовали, что некие из приближённых царю-батюшке «измену чинят», правду от него скрывают. А он того не ведаёт.

От этих разговоров или ещё от чего Луке Евсеичу в эту ночь не спалось. Он долго ворочался в постели, звал слугу, просил воды, звал Карла Ивановича, принимал лекарство – не помогло. И был момент, когда боярин испугался, что может вот так вдруг умереть без покаяния. И он твёрдо решил: «Завтра, завтра же в Свято-Троицкий храм на исповедь иду!» И, готовясь мысленно к покаянию, стал Лука вспоминать свои прегрешения, чтобы ничего не утаить.

«О, Господи! Каюсь! Лицемерен я перед тобою и сам себе противен. Ведь не сын вовсе мальчонка Юрок Фёдору. Грешен я. И до самого жальника мне тот грех не замолить. Супруге своей, Регине, божился ложно, когда заподозрила меня в неправде моей. Подкараулил девицу, кружевницу свою крепостную. Уж как молила, плакала, на колени пала: «Отпусти меня, боярин! Отпусти, Христа ради, отпусти!» Куда там! Словно чумной стал, себя не помнил. Сгубил девку молодую, беззащитную. В дочери мне бы годилась, – вздохнул Лука и тут же увильнул от покаянных мыслей в похвалу себе, – да ведь не оставил в беде, за Фёдора замуж выдал. Тайно велел на приданое серебряных денег дать. Только Фёдор на второй день их вернул. Гордый не по-холопски. Верно, Маша рассказывала ему про воровство моё. Да и как не рассказывать? Не на первом месяце была. Руки на себя наложить хотела, чуть душегубом я не стал, Господи, прости мне лжу мою. Ведь не холоп мне вовсе Фёдор... Потом ещё уговорил шляхтича Владислава, родственника супруги моей, чтобы вину мою за девицу перед Региной на себя взял. Сколь казны он вытянул из меня за это! Да что толку ему».

И ещё долго припоминал боярин все неправды свои.

Не спал в эту беспокойную ночь весь город. Пушкари на городских стенах выкатывали на боевые позиции пищали, подносили ядра. Стрельцы стояли у бойниц, готовые к отражению возможного ночного приступа. Тут же находились лучники. На стороже были защитники острога, прикрывавшие город со стороны Волги. Здесь на валу в разных местах «для бою» были сделаны лавы – мосты, по которым сходили сражавшиеся из укрытия. Готовились котлы с кипящим варом и смолой. Градоделцы всю ночь стучали топорами, укрепляя слабые места в стенах большого города, то есть посада.

Воротники, отвечавшие за прочность городских ворот, неусыпно бдели на своих постах.

Не спал и воевода. В приказной избе вместе с

«казачьими головами» и командирами стрельцов он обсуждал варианты возможного развития событий, выслушивал донесения дозорных и ждал гонца с вестями с поля брани. Город-крепость встретил рассвет во всеоружии, готовый к обороне.

Глава 5

Нашествие

Сие сказал я вам, чтобы вы имели во мне мир. В мире будете иметь скорбь. Но мужайтесь...

Ев. от Иоанна

Отряд казаков отправился из Синбирска в южном направлении к сторожевому городу Сенгилей. По шиханам потянулись яблоневые сады и целые заросли красной смородины, а ближе к Волге полосой шли огороды.

Впереди забелели лиловые верхушки Кременских гор. Скакавший рядом на коне Василий заговорил после долгого молчания с Фёдором:

– Знакомы мне места сии. Вот сейчас почтовый тракт от Кременок, он на град Саратов идёт. А там, в селе Ключищи, овчины выделывают и добрые шубы шьют. Эх, край садовый! А воровства-то по садам, воровства! Мальчишки и парни шалят. Парни нападают с целью запасть лакомством с девками на посиделках и смотрят на это дело, как на случай проявить своё молодчество и удаль. А коли их корят за сие, то они отвечают: «Плоды Бог даёт людям». Я сам в набегах тех бывал.

Село Кременки, основанное недавно на дворцовых землях, миновали не останавливаясь. Спешили, да и огласки лишней не хотели. Выбежавшие из дворов мальчишки и прочий любопытный люд остались в недоумении.

Впереди виднелись высокие горы.

– Вон те горы – Арбуженские. Здесь арбуга обитает, – молвил Василий.

– Какая арбуга?

– Так местных крестьян зовут. А там, вишь, где речка Арбуга впадает в Тушонку, там татаро-монгольские завоеватели город Арбухим себе построили. Он потом был разрушен Тамерланом, а память о городе в названиях округа живёт.

– Откуда ты, Василий, вельми много так знаешь?

– Здешний я. В монастыре один монах обрезанный был, у него послушание было – историю монастыря писать и всё, что связано с землями вокруг. А у меня с измальства был интерес ко всему такому. Обучился я у него грамоте, потом помогал ему переписывать, когда тот глазами стал слабеть... А на левом берегу, вон, напротив, видишь ветряную мельницу? Там сёла Крестовое Городище и Кейбелы. Это порядку восемнадцати вёрст от Синбирска, вниз по Волге. Сказывают, там старинное Синбирское городище было, построенное знатным болгарским князем Синбиром за несколько веков до нашей крепости. Откуда и название граду нашему идёт, так многие мнят.

– Скоро, что ль, Сенгилей будет? – вставил наконец своё слово Фёдор. Он что-то уже не хотел вдаваться далее в историю. Чем ближе они были к цели, тем спокойнее становилось у него на душе.

– Вот сейчас вёрст через пять – село Тушина, потом Шиловка. И уж до Сенгилея рукой подать.

Скоро действительно в красивой местности среди гор показались Сенгилеевские слободы.

– Прежде, ещё до покорения Казани, здесь татарское село Сенгили было, – излагал без остановки свои знания Василий, – а потом уж на нашем веку государь Алексей Михайлович казаков здесь поселил, землями их наделил. Почти прибыли, вон уже и сторожевая башня видна, – прервал он себя, спешился, распорядился готовиться к переправе. – Вижу лодки и струги наготове, гонец ещё вчера послан был. Я в приказную избу. И грузиться на ладьи будем.

Переправа не заняла много времени. И вот они уже в крепости Белый Яр, что в восьмидесяти восьми сажнях от Волги. Высокие стены из толстых сосновых брёвен. Восемь башен, из них четыре глухих, стояли по углам. Одна проезжая башня – в Казанскую сторону, с севера; другая – с запада, от Волги, третья – с юга, от воложки Бушуйки.

С вышки для часовых на башне прибывших окликнули.

– Кто казачий голова, давай вперёд.

– Я за него, – ответил Василий, спешился, взял лошадь под уздцы, подошёл к воротам, поднял голову к надвратной иконе, перекрестился, кратко доложил воеводе, вышедшему тут же из караульной избы.

Отряд впустили. Казаки с любопытством разглядывали вооружение Белоярского города. Оно состояло из трёх медных пищалей в станках на колёсах, трёх пищалей полковых и нескольких сот самопалов.

Казаков встретили гостеприимно, покормили горячим, дали час отдыха, потом велели построиться на плацу.

Гарнизон крепости состоял из ста конных казаков, присланных с семьями из Лаишева Казанской губернии «на житьё вечное», двадцати девяти полоняников из Тетюш и девяти ссыльных. Все переселенцы жили за городом в двух слободах, которые защищены от неприятельских набегов надолбами. В самой крепости, кроме караульных изб, была церковь, приказная изба, дом воеводы, несколько стрельческих дворов и общественных зданий.

Всё это прибывшие успели осмотреть и оценить. После построения на плацу им поставили военную задачу, затем определили в казармы.

Утром следующего дня, когда только что забрезжил рассвет, от Тайницкой башни крепости отделились две фигуры.

– Кто такие? – спохватился задремавший было часовой с соседней угловой башни, стараясь разглядеть приближавшихся. Их было двое: крепко сложенный крестьянин в островерхой шапке, длинном армяке, подпоясанном бечёвкой, в лаптях и с косой на плече и с ним подросток. – И куды ты прёшь? Ай, не ведаешь про басурман, что вокруг рыщут! Да и отрока в погильель тащишь за собой. Что?! Косить спозаранку? Да кто ж теперь нос за крепость высунет? Вроде ненашенский, можа злохудожный какой? Стой, сказываю! Я вот те...

Но тут чья-то рука твёрдо легла ему на плечо.

– Цыц! Принеси-ка мне трубу дальнозорную.

Стражник живо обернулся – перед ним стояли командир стрельцов и Василий. Малорослый часо-

вой спрыгнул с подставки внизу смотровой щели, юркнул куда-то по лестнице и тут же вернулся.

– Как ты думаешь, дойдут? – тихо спросил Василий.

– Дойти туды – дело нехитрое, а вот вернуться... – шумно вздохнул командир.

Пройдя версты две, Фёдор остановился и стал косить траву на лесной опушке вблизи дороги.

– Да ты пошто косишь? Идём скорей, пока на ворогов не наткнулись. Сам говорил, коса для ма-скараду, как у ряженных, а косишь. Пойдём!

– Эх, Миколка, не разумеешь ты. Коли схватят нас их лазутчики: «Кто такие?» А мы вот – косари, смотрите, – тихо молвил Фёдор. – И не кричи зело громко. Оглядеться вокруг надобно.

Так и прошли они с остановками ещё некоторое время, тихо переговариваясь.

– Ну, ты с виду хлопец, словно нищий, – улыбнулся Фёдор.

– Да я таков и есть. Приблудный я, все по улице меня так и кличут. По мамке – казанского роду, а батьку своего не знаю, да и мамку чуть помню. А вот дед мой, сказывают, добрый казак был! – в последних словах его прозвучала гордость.

– А где речи татарской обучался?

– Дружок у меня есть, Ахмед. Я в их семье сызмальства в работниках состою. Добрые они, соседи наши, и деда моего помнят.

– Всегда в работниках? А «нищий», молвишь.

– Не-е, не всегда. Когда хочу али нужда уж зимой крайняя. Я вольный казак, – засмеялся Миколка.

Вдруг впереди, за поворотом, раздался топот копыт и речь, крики гортанные.

– И-и! – испуганно втянул в себя воздух отрок, – Вон по ту сторону сквозь деревья нырище вижу, бежим, там сховаемся.

– Стой. Поздно. Нас заметили. Дай свою палку мне, – шепнул Фёдор, отбрасывая в кусты косу.

– Если что, я незрячий, а ты мой поводырь. Странники мы, а сейчас попробуй в овражке, в кустах сховаться... Что стоишь? Прячься! – рассердился он, заслоня собой Миколку.

Всадники замедлили ход и остановились, поджидая добычу на расстоянии. Один из них троих на всякий случай нацелился стрелой в сторону наших.

Фёдор тоже остановился, ждал.

– Что лопочут, ведаешь ли? – тихо молвил он, не поворачиваясь в сторону кустарника.

– Малую толику: полоняники сами в руки к нам идут. Один здоровый якиши работник будет.

– Ну беги, оврагом беги, тут засека недалече, упреди: разведка ворогов объявилась.

– А ты?!

– Не бойсь за меня. Потерплю за дело праведное, если что. А Бог даст – выберусь! – подбадривал себя словами Фёдор, медленно двигаясь навстречу иноземцам. (Надо отвлечь их от хлопчика, дать ему убежать незаметно.)

Слепота изображает наш герой. Стучит палка по дороге, будто путь ему, незрячему, нащупывает. Шагают ноги в лапотках вперёд, а всё нутро его кричит страхом: «Назад! Назад!» – сопротивляется.

Видит Фёдор, как один из всадников коня на него направил, нагайкой замахивается, кричит

что-то. А Фёдор приказывает себе под удар подставиться. Ведь слепой он. Резанула боль вдоль спины, он на месте кружится и кричит, кричит, палкой по сторонам дорогу щупает.словно и впрямь не видит ничего.

Всадник вновь замахнулся и закричал, как будто хотел спросить о чём. Боль скрутила Фёдора, в сторону шарахнула. Закричал он, но палку из руки не выпустил. А в третий раз – догадался на землю сесть, словно ослаб совсем. Лишь плеча его плеть коснулась.

Хотел свирепый саблей кривой ударить, но другой всадник, что добрее был, удержал его.

– Он слеп и речей твоих ему не понять.

Толмач вперёд выступил:

– Где малой, куда спрятался?

– Испугался вас, со всех ног утёк.

Усмехнулись всадники, лестно им.

Заперли Фёдора в большой сарай, где было уже много пленников. День прошёл. К вечеру за дверями шум и голоса слышны. Это Миколка с засеки, предупредив своих, вернулся. В темноте подкрался к сараю. Загодя высмотрел, куда Федора поведут. У сарая речь охранников подслушал, обомлев от ужаса.

– Велено нам сарай поджечь, коли нападут русичи.

– Так и сделаем. Я за соломой пойду, пригодится.

Поднял отрок сук потяжелее, подкрался сзади и ударил по голове кочевника. Тот, оглушенный, повалился. Хлопец к дверям кованым метнулся, засов отпереть... Не поддаётся. Оглянулся за помощью. Видит – оглушенный кочевник на земле возится, встать пытается. И другой вот-вот появится. Вновь вцепился в засов Миколка, изо всех сил тянет... Нет, не открыть одному.

Вдруг чьи-то руки сзади тоже засов схватили. Оглянулся – женщина заплаканная.

– Дочка Дунюшка там моя. На погибель заперли. Владычице, помоги!

А со стороны села вновь топот копыт и крики доносятся.

– К нам кочевники! – мать крикнула и от отчаяния обезумела. Силы вдруг явились к ней удесятёрённые. Кричит, а сама засов тянет. И Миколка тут же тянет, пыжится. Наступили минуты последние. И поддался засов, отодвинулся. Двери сразу распахнулись, повалил народ. Миколка едва отскочить успел.

– Фёдор! Федор! Ты где? – кричит.

– Мама, мамочка. Где ты? – то Дунашкин крик. Сметена толпой красна девица, с криком падает. Ловкий юноша успеваеет её из-под ног бегущих вытащить.

– Скорее бежим! И мать не найдёшь, и сама погибнешь!

Но поздно. Полонили их кочевники и многих ещё. Остальной народ к лесу бежит, от арканов и стрел укрывается. Миколка с Федором среди них.

Мчится конница казацкая из Белоярской крепости. А с другой стороны и навстречу им – воины из острога Ерыклинского – в тыл кочевников. Рубятся в сече воины. Горят сёла русские и татарские. Над землёю плач и стон стоит, стонет и сама земля, со злом не согласная. Бьются ратники; ближе к полночи – кочевники дрогнули, в свой улус бегут, прихватив добычу – полоняников...

Возвращались Фёдор с Миколкой в Белый Яр, сидя в телеге с ратниками. Федор был легко ранен телом, но душой – тяжело. Столько крови! В центре боя был. Его убивали, да не убили – увернулся. Сабля мимо головы прошла, лишь плеча коснулась. И сам он убивал в ходе сечи.

Сейчас он сидел усталый и хмурый, болело плечо. Миколка обиделся:

– Пошто с собой на битву не взял? Со стариками да бабками в землянку упрятал, словно малец какой?

Федор окаменело молчал. За него ответил лежачий раненый: «Тебя, знать, пожалел. Навоюешься ещё, придёт и твой черёд».

У северных ворот белоярского города их встретил Василий. Помятый, грязный, он только что прискакал с казачьим отрядом, вернее, с его остатками, и всё ещё был возбуждён схваткой с врагом.

– Ну, как вы? Бог уберёт? Ранен. Пошто в сечу лез? Без тебя бы справились. Да, крепко всем досталось, но отстояли своё! – говорил казак, быстро вытирая лоб и шею тёмной тряпицей.

– А ты молодец, хлопчик, – обратился он к Миколке, – Упредил вовремя, по засеке быстро передали и нам, и в Ерыклы. Вместе ударили. Ну, бывай, – хлопнул он Федора по здоровому плечу. – На ногах держись! То добре! Приходите вечером в слободу. Вон дом с высокой крышей, – показал он, – Там кум мой живёт. Из лаишевских он. Его хозяйка меды отменные варит. Да и рыбаца у них всегда водится. Хотя рыбные угодыя к монастырю приписаны, но ведь Волга велика. Всем хватает.

С тем и расстались. А вечером в гостеприимном доме казака Федор изрядно отведал медов, приготовленных женой хозяина. Ему хотелось забыться от всего страшного пережитого. Казаки шумно и хвалебно веселились. Они – победители!

Федор хмелел молча. Он вообще был молчалив по натуре. Да и Силантий убедил его своим примером, что скупость на слова прилична настоящему мужу. А матушка Василиса внушала ему, что со Словом надо обращаться бережно и осторожно, потому что в Слове заключена большая сила. Среди всеобщего веселья Василий вдруг заявил, что он чтит отныне Федора за брата. И это было лучшее, что вынес Федор с вечеринки.

Остальные несколько дней он проводил с Миколкой на причале. Миколка здесь купался и ловил удой рыбу. А Федор сидел на берегу, закатив штанины и опустив босые ноги в воду на жёлтый песок. Погода установилась тихая, тёплая, солнечная. Волны ласково омывали ступни ног и откатывались назад. Солнечные зайчики скользили по воде.

В памяти вдруг всплыло красивое лицо жены Машеньки. Федор усмехнулся сам над собой. Впервые назвал он её так ласково и то заглазно. Привычнее было отчуждённое – Мария. Он по-доброму относился к ней. Просто по природе являлся таковым. Будучи в душе своей до придирчивости честным, Федор не позволял себе иного в словах к жене, ведь в первые годы их жизни все его чувства занимала другая – Катенька, и весь окружающий мир воспринимал он опосредованно, через призму своей первой любви к Катерине, насильно выданной строгим отцом за богатого и старого казака. Много лет миновало с тех пор, и сейчас он впервые подумал о том, какая Мария красавица, добрая душа. Как старается предупредить все его желания, с какой любовью смотрит на него. («Как я на Катерину смотрел», – вздохнул Федор.) И как терпеливо сносит его прохладное отношение к Юрку, который с годами всё

больше походит на своего отца – боярина Луку.

После всего пережитого за последнее время, когда он, Федор, чуть не погиб, в душе что-то изменилось. Понял вдруг настоящую цену не только всей отпущенной человеку жизни, но и каждого дня её, который надо принимать со спокойной твёрдостью. На всё святая воля Господа! К Федору начала приходить мудрость. Для него отныне резко обозначались грани прекрасного в природе, в людях, и он потянулся к ним заново, всей душой! Захотелось написать письмецо Машеньке. Успокоить. Волнуется ведь и за него, и за сына.

Вернувшись в избу, где они с Миколкой квартировали на казённый счёт, Федор сел за письмо. За этим занятием застал его Василий, который сообщил, что завтра купеческий караван судов, груженных хлебом, отплывает вверх по Волге.

– Мы все возвращаемся с ним в Синбирск, а караван дальше, до Нижнего идёт. Вот письмо твоё и передаст.

– Как же из Нижнего письмо в Санаксар попадет?

– Нарочного пошлёт. Должок за ним имеется, купцом этим. Да и сейчас на его струге с охраной поедем...

Дошли на судах до Синбирска благополучно. С пристани на гору поднимались на попутной телеге. Возница был словоохотливым, так и сыпал присказками и поговорками.

– Ишь, сколько присловей-то у тебя, дед! – удивился Миколка.

– Да уж сказано: без примет – ходу нет; не примечать – хлебушка не есть.

– Так что ль? – обратился дед к молчавшему Федору.

– Оставь, дедушка. Недосуг мне...

– А когда досуг-то будет? Когда нас не будет? – выдал напоследок дед и переключился на лошадь. – Н-но, пошла... пошла!

Лошадь тянула медленно в гору. При повороте в посад Миколка неожиданно спрыгнул с телеги:

– Ну, бывай, Фёдор! Будь здрав, дед! – крикнул он.

– Куда ты? Куда?! – встрепенулся Федор.

– Я к своим.

Федор растерялся от неожиданности, огорчился. После всего совместно пережитого он рассчитывал на более тёплое расставание. Потом остановил себя, подумал: «Зачерствело толику сердце у хлопца от жизни беспризорной». Что-то заняло в душе у Федора.

Телега уже подъезжала к воротам Кремля. От них отделилась маленькая фигурка и с радостным воплем повисла через мгновение на шее у спрыгнувшего навстречу Федора.

– Юрок!! Как ты разведал, когда буду?!

– Я каждый день сюда бегаю, тебя жду. Сколько ратников убитыми вернули! А ты жив, жив, тятенька! – В глазах мальчика мелькнули слёзы. Федор прижал к себе худенькое тельце Юрка, и никогда ещё он не казался ему таким родным!

*Продолжение следует.
Рисунки Льва НЕЦВЕТАЕВА*

АРХИВ

*Валентина КОСТЯГИНА, старший научный сотрудник отдела фондов
ОГАУК «Ленинский мемориал».*

«ГРОЗА» В УЛЬЯНОВСКЕ

22 июля 1933 года газета «Пролетарский путь» опубликовала на своих страницах небольшую заметку под заголовком **«Гроза» снимается в Ульяновске. Приезд ленинградской экспедиции**:

«В Ульяновск 18 июля приехала киноэкспедиция ленинградской фабрики «Союзфильм». Цель приезда – засъёмка звукового фильма «Гроза» (по известной пьесе Островского). Для участия в картине в составе экспедиции прибыл ряд крупнейших актёров Москвы и Ленинграда. Роль Катерины играет заслуженная артистка республики (Моск. худ. театр) Тарасова, роль Кабанихи – народная артистка Массалитинова (Моск. Малый театр), роль Варвары – артистка ленинградского театра ЛОСПС Зарубина. В Ульяновске экспедиция снимает городскую натуру и волжские пейзажи. Ставит «Грозу» режиссер-постановщик Владимир Петров, оператор – Вячеслав Горданов, художник – Суворов. В Ульяновске экспедиция пробудет 10 дней».

В этом же номере было размещено объявление: «Прибывшей в Ульяновск экспедиции Ленинградской кинофабрики «Союзфильм» для участия в съёмках звуковой картины «Гроза» (по Островскому) **ТРЕБУЕТСЯ ТИПАЖ**: старики, старухи, среднего возраста и молодые обоего пола купеческого типа.

Являться для просмотра и переговоров об оплате в гостиницу №2 (б. Пассаж) 22-23 июля с 3 до 6 час. вечера. Имеющие купеческие костюмы 70-х годов (поддёвки, платья с тюрнюрком и т.п.) – могут принести таковые на прокат в указанные выше дни и часы. Кино – экспедиция».

В музейном собрании Ленинского мемориала хранится личный фонд Галины Дмитриевны Невзоровой, старшей дочери нашего выдающегося земляка Дмитрия Ивановича Архангельского – художницы, связавшей свою творческую судьбу с мультипликационным кино. Большое место в нём занимают воспоминания о жизни семьи Архангельских в Симбирске-Ульяновске. Среди них – рассказ об участии Гали Архангельской в съёмках фильма «Гроза». Вот отрывок из них:

«Летом 1929 г. (здесь Галина Дмитриевна допустила ошибку в датировке события – В.К.) в Ульяновск приезжала группа актёров с режиссёром, который снимал в то время фильм по пьесе А.Н. Островского «Гроза». Снимали сцену гуляния на фоне Волги по Старому Венцу, где прохаживались купцы с семьями и прочий люд иного сословия того времени в соответствующих костюмах.

Галя Архангельская. Ульяновск. 1927 г.

Приезжала часть съёмочной группы, а актрис было только две, исполнявших главные роли: Катерины (А. Тарасова) и Варвары (забыла фамилию актрисы). У них на Венце была небольшая сцена, которую они неоднократно дублировали. Остальное всё исполняли статисты. И вот, как ни странно, и я принимала там участие. В ульяновской газете тех лет «Пролетарский путь» поместили объявление о наборе статистов. Среди условий, касающихся купеческих дочек, было требование иметь косу. У меня коса была, и сестра уговорила меня рискнуть – пойти на просмотр. Сама я, конечно, не пошла бы, но сестра меня сопровождала. Да, коса выручила – меня взяли, а сестру нет: у нее была короткая стрижка.

Три дня мы по несколько часов прогуливались под солнцепёком и при обязательном присутствии на некотором расстоянии зевак и любопытствующих. Костюмы, в которые нас наряжали, были красивыми и до неузнаваемости изменяли нас в лучшую сторону. В то время и девочки, и девушки носили просто «рубашки». Разве это были платья! Без талии, без рукавов и короткие, выше колен. И вдруг на меня надели широкую, длинную, облегающую фигуру, с оборочками внизу юбку, потом кофточку с пышными рукавами. Я вдруг стала выше и стройней. Хорошо заплели косу, и широкая голубая лента легла спереди на волосы, уходя дальше в косу. Когда положили ещё грим на лицо, я себя, глянув в зеркало, не узнала. Это была прехорошенькая совсем чужая девушка. Три дня нас привозили на Венце уже совсем одетыми. Я освоилась в этой пёстрой толпе. У меня была очаровательная купчиха-мать и очень солидный купец-отец. Когда мы прогуливались, я шла впереди «родителей» и изображала из себя большую скромницу.

В промежутках между съёмками, которые были довольно продолжительными, нашёлся и купеческий сынок, который не прочь был познакомиться с пригланувшейся ему пригожей купеческой дочкой. Да и сам сыночек был «ни дать, ни взять» Иван-царевич: златокудрый, в голубой шёлковой расписной рубашечке. Наши одинаковые роли и костюмы как из сказки делали возможным нашей беседе быть непринужденной, и мы, сами того не замечая, придумали трёхдневную забавную пьеску – сказку для двоих.

Однако когда после окончания съёмок нам пришлось в голову встретиться в обычной одежде и в обычной обстановке, пришёл конец сказки. Всё оказалось будничным, банальным, неинтересным. Говорить было уже не о чем. Знакомство не состоялось.

Главное в этой истории было впереди. Ведь нужно было дожидаться выхода фильма на экран и узнать, какое впечатление я произвожу на зрителей. Я наивно мечтала, что обнаружила актёрские данные. А дело в том, что коса-то моя выделила меня среди прочих «актёров». Сняли несколько кадров в нескольких позах меня одну, сидящую на скамейке спиной к Волге. Хорошо запомнила одну позу – сижу, чуть склонив голову, руки лежат на коленях, кисти рук одна в другой. Злополучная коса перекинута через плечо и тоже лежит на коленях. Поза задумчивости и ожидания – так, видимо, было задумано. Вот этот кадр и вошёл в картину <...>

Но разочарование меня ждало полное. Во-первых, я страшно долго ждала выхода картины на экран и за это время уже охладела к ней. Однако всё же теплилась надежда, что меня заметили. И что я получу какое-то одобрение, положительную оценку. Что

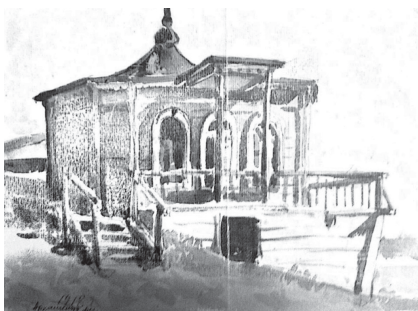
Галя Архангельская. Ульяновск 1928 – 1929 гг.

Галя Архангельская. Ульяновск. Конец 1920-х гг.

и говорить – ясно и так, что ничего подобного не было. Почти полностью весь эпизод из фильма «Гроза», заснятый в Ульяновске, не вошёл в картину.

Остались какие-то крохи, которые на экране промелькнули молниеносно. Не было ни моего гуляния с моими «купеческими родителями», да и вообще никакого гуляния не было. Эта большая пёстрая толпа гуляющих не вошла в картину. Толпу снимали уж не знаю где, может быть, даже в Москве, но уже без Волги. Но вот меня оставили: и как я сижу со своей косой, и как за мной течёт Волга. Когда я смотрела фильм и когда, наконец, с замиранием сердца увидела себя, то от волнения ничего не успела рассмотреть. И этих мгновений, что кадр был на экране, оказалось так мало, а хотелось бы его остановить. Никому и в голову не могло прийти в этой склонённой фигуре находить сходство со мной.

Д.И. Архангельский.
Садовая беседка на Старом Венеце.
1918 г. Акварель.

Правда, только мой двоюродный брат, живущий в Ленинграде, с которым мы вместе проводили детство, узнал меня и написал об этом. Так немного грустно, но жизненно закончился этот маленький эпизод. Конечно, было по-детски и обидно, и горько, однако теперь больше не за себя (я уже поняла, что мне и мечтать было не о чем), а за всех, кто принимал участие, старались, очень добросовестно выполняли все указания режиссёра, что все эти «актёры» совсем не попали на экран.

Вспоминается ещё один интересный момент, который уже относится к ДИА (Дмитрию Ивановичу Архангельскому – В.К.), момент, который очень верно характеризует его поведение в подобных ситуациях.

Однажды, это, видно, было уже на третий день съёмки, сюда, на Старый Венец (это совсем близко было от нашего дома), ДИА пришёл с целой корзиной спелых яблок из нашего сада.

Он дождался перерыва, расположился на ближайшей скамейке, и тут моментально началось присутствие только ему одному удивительное общение с «народом».

ДИА сразу узнали, тут оказалось несколько его учеников, а незнакомые сразу примкнули и стали знакомиться. Словом, скамейку молниеносно окружили тесным кольцом. Корзина с яблоками незамедлительно опустела. Беседа началась сразу, без всяких предисловий, в непринуждённой форме, душевная и, конечно, весёлая с шутками да прибаутками. Она всех увлекла, и было жаль её прерывать, когда выяснилось, что пора браться за работу».

4 августа 1933 года газета «Пролетарский путь» сообщила: «На днях закончила работу киноэкспедиция ленинградской фабрики «Союзфильм», снимавшая ряд кадров для звукового фильма «Гроза» (по Островскому) в Ульяновске и его окрестностях.

Всего снято в Ульяновске на разных точках (Старый Венец и пр.) 978 метров. В съемку вошли, главным образом, сцены на бульваре и два кадра из смерти Екатерины.

Кроме того, снимался пейзаж (перспектива Волги и Поповы острова).

Из Ульяновска экспедиция направилась для дальнейших съемок в Самару, откуда она вернется на базу в Ленинград.

В беседе с нашим сотрудником режиссёр фильма тов. В. Петров высказал удовлетворение проделанной в Ульяновске работой».

Удалось отыскать и просмотреть фильм, в титрах которого значится:

«Гроза. Бытовая драма А.Н. Островского.

Сценарий и постановка режиссера Владимира Петрова. Композитор – Владимир Щербаков. Художник – Николай Суворов. Оператор – Вячеслав Горданов. Звукооператор – Иван Дмитриев. Производство Ленинградской фабрики «Союзфильм». 1933».

Перечислены актеры, занятые в фильме.

Катерина – первая значительная роль в кино Аллы Константиновны Тарасовой. Она принесла актрисе широкое признание кинозрителей.

Ярко сыграл **Тихона Кабанова** артист Чувелёв Иван Павлович. Народная артистка РСФСР Массалитина Варвара Осиповна с блеском исполнила роль **Кабанихи**.

Игра Тарханова Михаила Михайловича в роли **Дикого** отличалась художественной правдой, силой типизации, жизненной яркостью, смелостью актерских приемов.

Кадр из фильма «Гроза». Слева – Галя Архангельская (Г.Д. Невзорова)

Варвара – одна из лучших ролей в кино Зарубиной Ирины Петровны.

Кудряш Жарова Михаила Ивановича – жизнерадостный, веселый, озорной человек.

Роль **Бориса** исполнил Царёв Михаил Иванович, **Феклуши** – Корчагина-Александровская Екатерина Павловна.

Фильм отличался глубоким прочтением пьесы, мастерской работой режиссёра с ансамблем крупных театральных актёров, тонким изобразительным решением, воссоздающим трагическую атмосферу «тёмного царства».

Фильм «Гроза» выдвинул режиссера Петрова Владимира Михайловича и оператора Горданова Вячеслава Вячеславовича в первые ряды советских кинематографистов.

Д.И. Архангельский. Симбирское подгорье. 1920-е гг. Акварель.

ЖИТЕЙСКИЕ ИСТОРИИ

Наталья ДЕНЬГИНА – выпускница школы-гимназии №1 г. Ульяновска и медицинского факультета УлГУ (тогда еще филиала МГУ им. Ломоносова, первый выпуск 1997 года), кандидат медицинских наук, заведующая радиологическим отделением Ульяновского областного клинического онкологического диспансера. Член правления Российского общества клинической онкологии (RUSSCO), член международных сообществ (ESTRO, IASLC), много выступает с лекциями и докладами. Активный блогер. Путевые заметки и короткие эссе из жизни онколога стали неотъемлемой частью жизни практикующего врача.

В ТАКСИ

1

День перелетов-переездов. Из Внуково в Домодедово вызвала «Яндекс.Такси», настроилась на долгий путь.

В облике длинноволосого седобородого водителя неясно проступало что-то божественное; подумала: а, показалось. Подороги ехали молча, потом – слово за слово – разговорились, пока не выяснилось, что почти земляки («Ох, давненько там не был!..»). С восклицания – «Мог ли я, профессиональный музыкант, подумать, что стану таксистом!» – начался монолог.

– Бас-гитарист. Шесть лет по гастролям, двадцать пять – по ресторанам отпел, ещё пять – аранжировщиком. А с января – вот это... Коллектив? Да вы, наверное, не помните. Группа «Ласковый бык». Помните?! (Быстрый поворот через плечо: оценил возраст, в глазах заискрилось – помнят! Ни фига не помню, только название – вместе с «Ласковым маем» крутилось, правда, реже).

– Да-а-а, залы собирали! Я с гастролей привозил от пятисот до полутора тыщ – это как сейчас тыщ двести! В шоколаде жили, классно было...

– Блохин-то умер года три назад (основатель «Быка»). Молодой, да-а, но больной весь – цирроз. А чего ждать, если он за концерт по четыре бутылки водки выпивал? Месяца за три до этого по скайпу созванивались, все говорил: давай, Мишаня, соберём основной состав да проедем с гастрольями, да со старыми хитами! Планировал – а будто прощался. Я и сам-то случайно в больницу попал, и диабет выявился – теперь вот на диете сижу. Зато похудел.

– У меня сейчас одна надежда: что на обратном пути из Домодедово за наличку повезу. А то и заправиться не на что...

Помог достать чемодан, в усах-бороте мелькнула улыбка, блеснул шарм человека, прошедшего больше полжизни на сцене – да и разошлись.

Утро стало грустным, несмотря на солнце.

2

Питер. Еду в такси по Невскому в час пик. Мой «шеф» лавирует между авто и встаёт на светофоре.

Из автобуса справа наполовину высовывается водитель, щурится на солнце и лениво так говорит моему: «Вообще-то выезжать на встречку нехорошо-о-о...»

Мой старательно тянет длинную шею в дальнее от себя окно, кивает понимающе и признает: «Да я это... перепутал». Всовывается обратно и втискивает машину перед автобусом.

Я представила себе подобный диалог в другом городе. Наверное, потому тут и голуби по проезжей части безбоязненно ходят. Я таю, Питер!

3

Начало учебного года отметились солнечным и ветреным утром. С Волги дуло так, что хотелось закутаться во что-нибудь объемное. Потоптавшись минут десять среди немногочисленных «правильных» родителей, сопроводивших своих чад в новый класс, была решительно отправлена на работу, потому как нечего позорить взрослого человека перед одноклассниками своими требованиями надеть куртку. Размышляя о том, как чадо дойдёт по такому ветру в курточке до «Губернаторского», уселась в такси – старую серую «Волгу» с не менее пожилым водителем в кепочке.

– Как-то свободно тут, хоть и второе сентября, странно... Рано ещё? Через час, чую, не протолкнешься.

– Вы тоже провозжали в школу? Класс какой? У-у-у, десятиклассница – это уже практически взрослая, почти невеста! Я вот тут дня четыре назад девчущку подвозил, ее парень провожал. Вот нацеловывались! Спрашиваю ее потом: замуж собираешься? Не-е-ет, говорит, я ещё школьница, 11-й класс! А уж как лобзал, как лобзал! Ну да, самые те годы, чтоб целоваться...

– Нда-а-а, вот и сентябрь... У меня третий внук закончил пятый класс, в шестой идёт. Спрашиваю: Никитк, соскучился по школе, поди? А он мне: дед, даже не напоминай! Не любят они школу нынче: ни школу, ни учителей, да... Я помню, для нас учитель был сродни Богу! Наша классная дама носила прическу, ну, такую – уши закрыты были. А однажды, помню, причесывается, я глянул – батюшки! А у неё уши-то – такие же, как и у нас! Вот открытие было для меня. А сейчас? То драку устроят с учителем, то нож в спину воткнут. Куда страна катится?

Приехали. Пожелали друг другу доброго сентября – и «Волга», покачивая широким задом, отправилась к другим клиентам, которых, видимо, ждала такая же уютная поездка с неспешными разговорами.

4

Шереметьево. 45 минут до мероприятия, тогда как на гугл-навигаторе – час десять минут пути. Нервяк. Подруливает «шкода» с большим водителем, похожим на актера... ммм... эээ... вспомню потом.

Парой слов обнадеживает, выруливает на платную трассу, уже экономим минут десять, есть надежда успеть хотя бы к концу.

– Откуда вы? О, у меня хороший друг живет в Димитровграде, это же недалеко? Во-о-от! Был там.

– Мечтаю, чтоб сын поступил в Ульяновскую школу авиации. Я и сам обожаю небо, да-а. Вот там я себя комфортно чувствую, как дома. Особые ощущения: ширь, свобода, маневренность! Вот нырять меня не заставите – ни-ни. Помню, лет пятнадцать мне было, поехал сам – один! – на перекладных к будущей жене, которая с тещей-ду... мамой своей неумной в приморском городке отдыхала. Горд был неимоверно: доехал, нашёл! Лежим на пляже, а с ними тетя-подруга, как свинка из мультика «Ну, погоди!»: шляпа – во, бюст 35-й, живот 135-й, рассказывает про дочь, что за лейтенанта замуж вышла: и все у них в военном городке зашибись, и талонов на питание завались... А теща моя будущая, дура которая, – то есть, неумная женщина, и говорит: «Вот бы, Маш, и нам такого лейтенанта, да?» При мне?! Который героически, за тыщи километров к любимой приехал, пацан пятнадцати лет! Встал я и пошёл к морю. Щас как уплыву от вас, думаю. Сам-то спортивный был парень, а попал в отлив: отплыл, берег далеко – и как начало утягивать ещё дальше! И вдруг – по ноге прошлось что-то гладкое, упругое, может, медуза большая, может, ещё кто. Обмер! Кое-как рывками выгрёб, кинулся на берег, дышу, как рыба, думаю: земля-а-а-а!.. песо-о-очек!.. возду-у-ух!.. и Нинвасильна, теща будущая моя, милая женщина-а-а!.. и больше не буду-у-у один далеко!.. Недавно, уже взрослыми, в Эгейском море совершили заплыв на четверых, мы с супругой и друг с женой. А оно ж чистейшее, море-то, за сотни метров дно видно. И вот друг решил прикольноуться: на песчаном дне наши тени видны, мы плывём себе, а он и говорит: бли-и-ин, там – она! Плывет к нам! Бл.., все назад! Глянул вниз – а там тень движется. Я ка-а-ак дристанул к берегу! Они мне орут и ржут: «Куда?! А жену спасти?»

– Старшему 27 уже, мать внуков хочет, а он – сам дитя ещё. Есть же вот это дурацкое выражение: если нам не жилось хорошо, пусть хоть у них все будет. Помните 90-е? И я никогда не забуду, как теща приезжала в гости, привозила батон, пакет молока и грудку костей из магазина. Где мясо с тех костей, науке неизвестно, но кости – это как минимум бульон, тушенная на нем же картошка – почти роскошь. Сын родился – вот и мы так же: все, что захочешь, – на! Где только не был. И икра тебе всякая, и гувернантки. Во-о-от, вы правы: они в любых условиях вырастут, дети, их лишь любить надо. Но попробуй вразуми молодых родителей.

– С младшим у них 12 лет разницы. Не-ет, мы и не планировали второго. Все казалось: денег недостаточно, не обеспечим по полной, хотя жили хорошо. Но жизнь подсказала, где истинные ценности. Ехали как-то осенью от родственников, настроение – во! Природа, воздух, золотая осень. Летел словно ветер по трассе. Малый сзади спал, мы с женой впереди пристёгнуты. Пошёл на обгон нескольких машин – а впереди «Рено» вильнул внезапно, я, чтоб не столкнуться, взял влево – и в кювет вылетели. Нет, обошлось. Машина в хлам, восстановлению не подлежала уже, конечно. Хорошая машина была, надёжная. Жену в больницу увезли, мы с сыном ушибами отделались. Слово Бог нам сверху по-

грозил (тут мой шеф размахисто помахал пальцем на фоне паузы), мол, задумайся, что есть важного в жизни. И подумали мы: а вот если б не обошлось? Если б с сыном непристегнутым, что случилось? Для чего жить тогда? На кой эта жизнь нам, выжившим идиотам? Для чего мы в ней? И решили, что это – знак. Казалось: э-э, молодые, с ползахода забеременеет. Ан нет, четыре месяца понадобилось. И вот ведь магия цифр: случилось то происшествие с нами 29 сентября в 9.40 – а Глеб родился спустя год, 29 сентября в 9.20! Чтоб всю жизнь помнили тот урок, что семью нашу счастливо пополнил.

– Долго не мог смириться с тем, что таксистом стал – а ведь уж скоро два года как таксую, жизнь заставила. Но столкнувшись с охранниками, понял: это ещё далеко не самое дно. Как мне сказали, если ты поработал охранником больше трех месяцев и остался – вот это херово: мало кто из нормальных людей готов больше трёх месяцев холодный борщ из банки хлебать...

Успели. Распрощались. Пожелали друг другу. Как интересно и как странно: с некоторыми людьми никогда больше не встретишься, а помнить о них продолжаешь.

Рубрика «Черемшан» представляет «Черемшанские рассказы» замечательного писателя, историографа, краеведа Феликса Дмитриевича Касимова.

Феликс КАСИМОВ родился в Москве 22.01.1937 года.

Кандидат химических наук, 30 лет проработал в Димитровграде в НИИ атомных реакторов. Литературным творчеством занимается более 30 лет, основные публикации посвящены истории Среднего Поволжья. Член Союза писателей России. Награжден медалью имени Н.М. Карамзина и почетным знаком главы Димитровграда. Краеведческие исследования Ф. Касимова помогли уточнить ряд вопросов, касающихся истории Димитровграда. В частности, была установлена дата основания города – 1698 год, а также доказано, что А.С. Пушкин осенью 1833 года по пути в Оренбург проезжал через деревушку Мелекесс.

Многие димитровградцы изучали историю родного города по книгам Феликса Дмитриевича: «Между Камой и Черемшаном», «История Мелекесса и его окрестностей», «Страницы истории Мелекесса», «Мост ГАУ и другие исторические очерки».

«Черемшанские рассказы» поведают читателям о встречах на рыбалке, беседах у костра, о походах по среднему Заволжью, посвященных поискам поселений каменного века и болгарских городищ.

ЧЕРЕМШАНСКИЕ РАССКАЗЫ

НА ЧЕРЕМШАНСКИХ ОТМЕЛЯХ

Черемшанские заливы, получившие название Шарбаш и Курский, образовались в том месте, где небольшой ручей впадал прежде в речку Сосновку. После заполнения водохранилища лесные поляны покрылись водой, заросли камышом и осокой. Тысячи птиц гнездятся на небольших островках, и там же скрываются мелкие водяные зверюшки, а вокруг в бесчисленных протоках плавают невидимые рыбы. Здесь можно увидеть лебединую пару, вспугнуть осторожную цаплю, встретить ондатру или выдру. В половодье рыба заходит в заросшие сочными травами заводи, жирует перед нерестом на мелководье. Повсюду слышно чавканье и всплески. Когда идёшь по воде, могучие сазаны тяжело ударяют по сапогам и испуганно разлетаются в разные стороны. Видно только, как вздрагивают и колыхнутся задетые ими камыши.

Добраться сюда на машине после дождей, когда лесные дороги становятся практически непроезжими, очень трудно. Рыбнадзор редко заглядывает в эту глухомань, так что браконьерам здесь раздолье, сети стоят повсюду. Есть и своеобразные перевалочные пункты. Рыбачу как-то с резиновой лодки и вдруг вижу, как вдоль берега, по разбитой колее, пробирается старенький «Запорожец». Покосился водитель на меня и проехал чуть дальше, остановившись у протоки, идущей от берега к руслу. Вскоре над кустами появился шест, с привязанной на конце яркой тряпкой. Я взглянул на часы, было ровно одиннадцать.

– Понятно, – думаю, – жди гостей.

И тут же, подтверждая мои мысли, вдалеке раздался шум приближающейся моторки. Она ловко проскочила через камыши и уверенно причалила к берегу. Загоревший до черноты парень выбросил на берег пару тяжёлых мешков с рыбой и сразу отчалил. Лодка проехала недалеко от меня, и я жестом, шутя, показал, что и мне не мешало бы дать рыбки. На это он только усмехнулся и предупреждающе прижал палец к губам.

С удочками весной никто из местных не рыбачит. Сетки и остроги – вот и все снасти. Добычу меляют мешками и рюкзаками. С реки вывозят на лёгких мотоциклах по лесным тропам, положив один мешок на руль, второй привязав за спиной. Потом на машинах доставляют в город. Когда попадают на милицейский патруль, приходится отдавать по-

ловину добычи, поэтому к такой встрече готовятся заранее.

– В один мешок кладу мелочь, – рассказывал знакомый рыбак, – и отдаю им не жалея. Сазанов оставляю себе.

К середине лета, когда волжская вода спадает, от залива остаётся сеть неглубоких озёр, соединённых узкими протоками. Когда-то один из богатых ульяновских заводов построил для своих работников лодочную станцию и рядом с ней большое благоустроенное здание. Однако вскоре залив сильно обмелел, вода отступила, и лодки оказались на берегу. Оставленный без присмотра каменный дом с высокой пристройкой на крыше стал разрушаться. Предприимчивые деревенские жители быстро завершили дело, растащив всё, что можно было унести с собой. Осталась захламлившаяся каменная ко-

робка с пустыми оконными проёмами. Потом для заводчан сделали новую базу отдыха, построив в некотором отдалении несколько летних домиков. Но и эта идея заглохла в годы перестройки. Мало кто приезжает сюда по тяжёлой лесной дороге, доступной только в сухое время. Есть сторож и лодки, на которых промышляют местные рыбаки и редкие городские гости. Одно время поговаривали, что здесь, возможно, разместится военная часть.

Во время войны в этих местах добывали торф, отчего остались длинные и узкие карьеры, наполовину заполненные илом. Вдоль этих канав проложены рыбацкие тропы, по которым можно добраться до проточной воды и порыбачить в своё удовольствие. Как-то в октябре прошёл я через карьеры к самому руслу Черемшана. В тот год река обмелела настолько, что другой берег казался почти рядом. От кромки камышей к воде широкой полосой тянулись обнажившиеся донные пески. Неожиданно мой взгляд остановился на камешках, белевших на небольшом пригорке. Откуда это здесь? Всё стало понятно, когда я подошёл и рассмотрел находки. Это были осколки древних каменных орудий. Сразу вспомнились рассказы местного краеведа Шесткова о стоянках первобытных людей, найденных им на черемшанских отмелях.

Через пару дней, узнав нужный адрес, я отправился в гости. Сергею Георгиевичу было уже лет во семьдесят, но выглядел он хорошо и только жаловался на ноги:

– Долго ходить не могу, устаю быстро.

Увидев мои камешки, он оживился, тут же принёс несколько прекрасных каменных лезвий и скребков. Потом долго рассказывал о своих находках. Под конец достал самодельную карту, показав места древних поселений.

– Эх, не найдёшь ты один! Пойти бы с тобой, да ноги не позволяют, – сокрушался старик.

Но я всё же решил, как говорится, попытать счастье в одиночку.

* * *

Район предстоящих поисков находился на левом берегу Черемшана. Мелководные заливы, заросшие камышом и осокой, многочисленные озёра, протоки и островки создали здесь особый заповедный мир, путь в который лежал через прибрежные леса. Заканчивался октябрь, и надо было спешить, пока не выпал снег и не запорошил землю.

От старинного села Лебяжьего до мыса Сухая Сосна, куда я направился в первый раз, около двух часов ходьбы. В осеннем лесу было прохладно и безлюдно. Из-за некоторой отдалённости от города здесь ещё сохранялась кое-какая живность. Около лесного ручья мой путь неторопливо пересекла пара лосей, а в другом месте огромный чёрный тетерев напугал меня, шумно вылетев прямо из-под ног.

Достигнув высокого лесистого берега, я осмотрелся. Повсюду передо мной желтели пески, кое-где виднелись небольшие озерца, узкие протоки воды в разных направлениях пересекали лежащее впереди пространство. До обмелевшего Черемшана было около километра. Я направился к реке, неторопливо двигаясь большими зигзагами и внимательно осматривая песчаные отмели. Попадались небольшие каменные обломки со следами обработки, но мне хотелось найти целые образцы. В двух местах кремня было особенно много, но кто-то уже побывал там, не оставив мне ничего стоящего.

В своих поисках я незаметно приблизился к зарослям камыша и углубился в них. Вскоре мой путь преградила широкая, метров в пятьдесят, протока. Охотничья тропа шла прямо через неё, а на другой стороне виднелись чёткие следы. Я надел болотные сапоги, предусмотрительно захваченные для такого случая, и вошёл в воду. Дно было вязким, приходилось с трудом вытаскивать ноги из накопившегося за долгие годы ила. В середине протоки вода едва не доходила до края голенищ. Добравшись, наконец, до берега, я пошёл вдоль камышей, полагая, что за ними находится новая отмель. Однако за поворотом была открытая вода. Мелькнула мысль: надо возвращаться. Потом всё же решил пройти дальше, надеясь выйти на песчаный берег. Но за каждым очередным поворотом меня встречали холодные черемшанские волны. Так, шаг за шагом, по колону в воде, я обошёл весь островок и только через час, сделав полный круг вдоль камышовых зарослей и, окончательно выбившись из сил, вернулся к броду. Вокруг не было ни клочка суши для отдыха, оставалось одно – скорее возвращаться.

Обратный переход оказался очень тяжёлым. Измотанный долгим хождением по воде, я с трудом передвигал ноги, буквально выдираясь из грязи. В один момент с ужасом почувствовал, что силы оставляют меня и я вот-вот упаду в холодную воду. Тут же подумал: если что – поползу на четвереньках. Однако мне удалось устоять на ногах, и вскоре я с облегчением почувствовал, что уровень воды уменьшается. Ещё немного – и вот он, желанный берег. Сделав несколько шагов по твёрдой земле, я повалился на кучу сухого камыша и закрыл глаза. Когда очнулся, уже стемнело. О возвращении не могло быть и речи, так что пришлось заночевать у костра. Не хочется вспоминать ту холодную осеннюю ночь под открытым небом. Едва дождавшись рассвета, я поспешил к автобусу.

Через два дня я поехал на мотоцикле, взяв с собой всё необходимое для возможной ночёвки. По прошлому разу мне казалось, что дорога вполне проезжая. Однако прошедший накануне дождь всё испортил. Форсировать разлившийся ручей не удалось. Мотоцикл прочно застрял и, провозившись порядочное время, я вынужден был вернуться. Конечно, что и говорить, «Урал» – хороший транспорт, вдвоём можно проехать где угодно. Но одному вытащить его из грязи – задача не из лёгких.

Новый пеший маршрут проходил через село Васильевка, которое находится с другой стороны лебяжинского леса. Как утверждали местные рыбаки, отсюда до реки гораздо ближе. Так и оказалось. Сначала полевая дорога привела меня к расположенному на опушке лесничеству. Однако никто не вышел мне навстречу, и даже собаки не тявкнули на незнакомого пешехода. Спустя полчаса, пройдя через лесной массив, я подошёл к знаменитой лебяжинской караве. Так называют неглубокий залив, далеко вклинившийся в лес. Ручей, остановивший меня в прошлый раз, впадал в караву со стороны Лебяжьего. Места эти сильно заболочены и обычно почти непроходимы, но в этом году вода ушла, и можно было надеяться, что удастся пройти прямо через залив. Расчёт оказался верным: только в двух местах пришлось переходить вброд через неглубокие протоки.

Добравшись до Сухой Сосны, я прежде всего осмотрел старые стоянки, обнаруженные в прошлый раз. Всё оказалось именно так, как представлялось мне по памяти. Места поселений были неплохо защищены самой местностью. Одно из них располагалось на узком перешейке между глубокими озёрами, которые когда-то были оврагами, другое – огибала широкая протока, надёжно охранявшая жилища с трёх сторон.

Теперь моя задача заметно упростилась. Надо было искать такие места, где древние люди самой природой могли быть защищены от нападения. Добравшись на береговой холм и вооружившись биноклем, я внимательно осмотрел лежащие передо мной отмели, примечая подходящие объекты.

МАЛЕНЬКИЕ ЛЯГУШАТА

В самом начале войны наша семья была эвакуирована в Казань, и мы некоторое время жили в доме дяди Кирилла, старшего брата отца. Мне шёл тогда шестой год. Дом был деревянный, кажется, в две комнаты. В глубине двора стоял высокий сарай с сеновалом, примыкавший к надёжному забору, ограждавшему весь участок. Между глухой стеной дома и забором оставалось узкое пространство, заросшее чахлой травой и крапивой; там всегда было влажно и сумрачно. Пятилетнему человечку нетрудно было пробраться в эту щель и прятаться в недоступном для других таинственном мире. И вот однажды я заметил там множество небольших лягушек, прыгающих по сырой земле. Сбежал домой за стеклянной банкой и почти доверху наполнил её лягушатами, мне они казались кем-то вроде маленьких гномов – подземных жителей, о которых никто не знает. В восторге влетел я в комнату, где сидели взрослые, и высыпал лягушат на обеденный стол.

Если вы читали замечательные книги английского натуралиста Даррела и помните аналогичный случай со скорпионами, то вам не трудно представить последовавшую после этого сцену. Женщины с визгом отпрянули от стола, стулья полетели на пол, а добродушный дядя Кирилл, мгновенно оценив ситуацию, в притворном ужасе вскочил на табуретку, громко крича:

– Ой, ой! Караул! Грабят!..

Потом я долго ползал по полу, собирая мелюзгу, и возвращая лягушат в банку...

Во второй раз лягушата повстречались мне лет через тридцать в подмосковном Протвино, куда я приехал на шахматный турнир. В этом небольшом научном городке, получившем всемирную известность благодаря знаменитому Серпуховскому ускорителю, работало тогда много иностранных специалистов. По этой причине снабжение продуктами было очень хорошее, даже по сравнению со столицей. Приятно удивляло разнообразие грузинских вин в гостиничном буфете. Там стояли великолепные гурджаани, мукузани, саперави, цинандали и другие вина, о существовании которых я прежде не знал, а теперь даже забыл названия многих из них.

Каждый день после окончания шахматного тура я приходил в этот уютный уголок – там тоже был полумрак и прохлада, как в детском тайном закоулке,

и заказывал очередную бутылку. Специалиста – дегустатора из меня, к сожалению, не получилось, но приятные воспоминания сохранились навсегда. Затем в прекрасном настроении отправлялся на прогулку к небольшой речке.

И вот там, среди заливных лугов, мне снова встретились старые знакомые. Толпы и полчища (не знаю, как лучше сказать) сантиметровых или чуть больше лягушат перебежали тропинку во всех направлениях и буквально кишели под ногами. Идти надо было очень осторожно, чтобы не наступить на этих неутомимых шустрых созданий. Они именно бежали по глинистой почве, поскольку ещё не умели скакать, как взрослые лягушки. Я остановился и со стороны долго смотрел на этот лягушачий муравейник, вспоминая военное детство...

Прошло ещё четверть века. Рядом с нашим городом течёт чудесная река Черемшан, а я к тому времени стал заядлым рыбаком. Это не удивительно,

поскольку речка рыбная, а добраться до хорошего места не очень сложно, так как часть городских кварталов расположена почти на берегу. Можно уехать дальше, вверх или вниз по реке, но это уже другая рыбалка, и разговор о том особый. В прежние годы рыбы, конечно, было больше и в выходные дни, особенно зимой, на Черемшане собиралось великое множество народа, люди приезжали за 100-200 километров из Ульяновска и Самары. И многие возвращались домой с хорошей добычей. Да и сейчас уловом в 3-5 килограммов никого особо не удивит.

В ту весну и лето я часто рыбачил неподалёку от устья небольшой речушки Ерыклы, в удобном заливе, получившем название «тюремная яма» по близлежащей колонии. Предыдущий

год был засушливым, Черемшан сильно обмелел, а после зимы не восстановил свой обычный уровень. Вода отступила от камышей к основной яме, так что с берега можно было ловить на довольно большой глубине. Ловилась неплохая сорожка, иногда подходила густера и подлещик, изредка попадался крупный карась. Рыбачил я обычно во второй половине дня, оставаясь на реке до вечерних сумерек.

Дорога к тем местам проходит через бывший посёлок Южный (теперь здесь гаражный кооператив с таким же названием), а потом шагаешь через лес по насыпи старой железной дороге, ведущей к Домостроительному комбинату.

Поезда по ней ходят очень редко, старые деревянные шпалы вросли в землю и покрылись травой, зелёный кустарник подобрался к самым рельсам и колючие плети ежевики стелются по высокой насыпи. Кое-где кустики земляники прорастают на солнечном склоне. Бархатные бабочки садятся на прохладные рельсы и быстро отлетают на несколько метров, когда приближаешься к ним. Душный воздух насыщен пряным лесным ароматом. Чуть поодаль зелёной стеной стоят деревья, и не видно, что творится внизу под насыпью. Только иногда послышится тихое журчание ручья, это осторожная Ерыкла спешит к Черемшану. Вдоль речки топкая низина, места вокруг глухие, заболоченные.

Как раз на этой старой дороге вновь встретился мне очередной лягушачий выводок. Сотни, а может быть, тысячи крошечных лягушат, пробираясь из тёплых материнских луж неизвестно куда, выскочили на сухое полотно и застряли между рельсами. Они подолгу не могли найти выхода и отчаянно металась от одной железки к другой. Всё под ногами шевелилось, земля казалась живой и мне пришлось встать на рельс и идти по нему, балансируя удочками. Осторожно пройдя опасное место, я сел на поваленную осину и долго смотрел на этих неутомимых и беспомощных созданий, жизнь которых только-только начиналась.

РОТАНЫ

Старинное село Русский Мелекесс расположено в 10 километрах от городских окраин. Дорога проходит через лесной массив, мимо старого Кордона, кладбища и мясокомбината. Ещё одна остановка – посёлок Дачный, относящийся к городу. Когда-то здесь проходил заволжский почтовый тракт, по которому, направляясь в Оренбург, однажды проехал Пушкин. Теперь в село ходят два рейсовых автобуса – 52 и 53. Из соцгорода быстрее доехать на 52, но по этому маршруту едут студенты и дачники, так что с рюкзаком и удочками трудно попасть в переполненный салон. Проще сделать пересадку: доехать до площади, подождать номер 53, который подходит сюда полупустым, и с комфортом добраться до рыбацких мест.

Собственно говоря, место одно – пруды на речушке Мелекеске, существующие с давних времен. Их начали строить хозяева винокуренных заводов, так что им почти триста лет. Сейчас верхний пруд разделён надежной плотиной, по которой проходит дорога к бывшему кирпичному заводу и железнодорожному разъезду. Одно время пруд был приватизирован. Но потом из-за проблем с охраной в верхней половине разрешили рыбачить. Сама речка начинается недалеко от села в Семешинном овраге. Поговаривали, что был, дескать, такой Иван Семешин, от него и пошло название. Однако дело не в фамилии, а в характере местности. «Мешерник» – это участок земли, непригодный для пашни, «се» – небольшая протока. Странное слово «семеш» обозначает ручеёк, вытекающий из болотца.

Подпор плотины сказывается уже в самом начале течения. Речка заметно расширяется, образуя мелководный плес, покрытый ряской и заросший осокой. Рыбе здесь раздолье, но ловить невозможно. Открытая вода начинается ниже, где и собираются рыбаки. Левый берег пруда более пологий, и горожане, приехавшие на машинах, обычно остаются там. Местные любители предпочитают перейти через плотину, занимая места на правобережье. В прежние годы на обоих берегах сделали небольшие открытые домики, по два с каждой стороны. Поставили в них столы и скамейки. При необходимости здесь можно укрыться от дождя и от солнца или просто отдохнуть.

* * *

От конечной остановки до плотины, рядом с которой начинается свободная зона, минут 20 ходу. Перейдя на правый берег, я заметил пожилого рыбака и задал традиционный вопрос:

– На продажу ничего нет?

– Сейчас покажу, – поддерживая шутку, ответил он и стал доставать огромный, метра полтора, садок. В нем сиротливо лежал небольшой карасик.

– Вечером подходи, рыба будет. Только я за валюту продаю, так что готовь зелень.

– Ну это само собой, – подтвердил я, проходя дальше.

Раньше здесь водились только красные натуральные караси, потом появились серебристые. А несколько лет назад пруд захватили хищные мелкие рыбешки – ротаны. В основном они обитают в прибрежных травах, так что карасям пришлось переместиться в центр пруда. Перестроились и рыбаки. Теперь карасей ловят закидушками, используя спиннинговые катушки и хлысты. Меня же интересуют только ротаны. Правильно приготовленные, они очень вкусны. Как говорят знакомые, по вкусу ротаны напоминают морских черепах. В сыром виде их ест даже привередливая домашняя кошка. «Головешки» – такое научное название этих неболь-

ших рыбешек, которое они получили из-за черного цвета тела. Но по-местному это ротаны, бычки или просто «черненькие». Ловят их на червяка, с глубины не больше метра. Сходов почти не бывает. Можно ловить на неподвижную снасть. Одна проблема, как извлечь крючок, заглатываемый очень глубоко. Приходится брать на рыбалку пинцет или небольшие ножницы.

Места замечательные. Комаров почти нет. Вокруг клубничные поляны. Надоело рыбачить, поднялся на пригорок, не поднимаясь с колен, поел ягод. Потом снова к удочкам. Погода стоит отличная: прохладный ветерок рябит воду, лёгкие облачка защищают от солнца. Уходить не хочется, но кое-кто скучает. С другого берега доносится невнятное женское бормотание. Слов не разобрать, слышится только:

– Бу, бу, бу.

В ответ голос мужчины:

– Клава, помолчи. Просто помолчи!

Конечно, ей скучно: нет ни магазинов, ни телевизора. Тут еще коровы подошли, принесли с собой оводов. Поэтому опять:

– Бу, бу, бу.

И снова:

– Да помолчи. Просто помолчи!

Наконец мужчина не выдержал, бросил снасти в багажник, и они уехали. Через пару часов и я стал собираться. Обычно рыбачу до полудня, не пытаюсь переловить всю рыбу. Помногу не ловлю. Получается так: две рыбалки – одна сковородка. Больше и не надо, лучше чаще приходиться сюда.

* * *

На обратном пути опять прошёл мимо утреннего рыбака. Заметив меня, он развел руками:

– Видно, давление поднялось. Ну ничего. Сейчас налажу еще один спиннинг, и дело пойдет. Ты не уходи.

Груз на второй закидушке показался слишком тяжёлым, и я предупредил:

– Не оборвёт?

– Ничего. Последний раз заброшу. Потом поглядим.

Он мощно размахнулся, рассчитывая забросить наживку к середине пруда. Д-зиль! Тонкая леска не выдержала, груз со всеми крючками и кормушкой оборвался и плюхнулся в воду. Я боком, боком стал удаляться, полагая, что последует старческое брюзжание:

– Вот, накаркал!

Но вслед донеслось:

– Говорил же, что последний раз заброшу.

Оглянувшись, я увидел, что случилась поклёвка на первой удочке. Он удачно подсёк, и вскоре очередной карасик оказался в садке. Вероятно, удар грузила разбудил застоявшуюся рыбу, и она заметила наживку. Так иногда бывает. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло.

Помахав рукой, пошёл к остановке. Там поджидал здоровенный кот, привыкший к рыбной диете. Перекусив, он забрался под лавку и задремал. Вскоре подошел автобус и всё: до новых встреч.

АЛАБАЙ

На левом берегу Черемшана, напротив городского пляжа, установлен земснаряд для разработки подводного грунта. Поднятый со дна песок складировать на берегу, а потом грузовиками отвезут потребителям. За годы работы в русле образовалась огромная яма, простирающаяся от устья Аврала до старых опор. Здесь раздолье для щуки и других речных хищников, промысляющих мелкой рыбёшкой. За ними, в свою очередь, охотятся городские рыбаки, плавая на резиновых лодках. У самого берега тоже довольно глубоко и есть удобные места для ловли удочкой.

От автобусной остановки до земснаряда минут 15 небыстрой ходьбы. Проходишь через мост, поглядывая на рыбаков, сидящих повсюду, примечая, откуда дует ветерок, прикидывая, где лучше остановиться. Потом спускаешься на дамбу и вскоре добираться до намеченного места. Одна непри-

ятность – местные собаки, охраняющие береговое хозяйство. Их противный лай слышен издали, и приходится брать в руки увесистую палку, чтобы визгливые шавки не подходили слишком близко. Особенно усердствует самая маленькая дворняга, демонстрируя хозяевам свою преданность и работоспособность. Другие более спокойны и поддерживают её не так чтобы уж очень. Главная псина прочно сидит на цепи, но добавляет в собачий хор весьма грозные ноты.

На этот раз они встречали не меня, а большую собаку породы алабай, которая, как вначале мне подумалось, случайно оказалась на охраняемой территории. Она неторопливо приблизилась ко мне и остановилась в несколько метрах, глядя спокойно и, можно сказать, интеллигентно. Обычно у алабаев хвосты купируют в раннем возрасте, но у этого вместо положенного обрубка был большой и неухоженный даже не хвост, а хвостыще. Я достал из кармана сухари и бросил к огромным лапам. Алабай мгновенно проглотил подарок, преданно взглянул мне в глаза, и мы стали друзьями.

Подойдя к заветному месту, я не торопясь расставил удочки, подбросил прикорм и присел в ожидании поклёвок. Подошёл знакомый сторож, завёл обычный разговор о погоде, прошедшем накануне ливне и своих несложных делах.

– Пацаны совсем обнаглели. Только отвернёшься, сразу что-то стащат. Все тарелки алюминиевые спёрли. Сдают в металлолом. Если бы не собаки, весь домик разобрали.

– Твой? – показал я в сторону алабая, лежавшего на песке в нескольких метрах позади нас.

– Нет. Просто забегает иногда. Своих-то не накормишь, а этот вон какой здоровый.

Подошёл серый кот. Сел рядом, всем своим видом показывая, что он просто так оказался здесь и мы ему совершенно неинтересны. Я уменьшил на удочке глубину, поймал небольшую уклейку и положил рыбку перед котом. Не на песок положил, а на чистую дощечку. Кот съел подношение, потянулся и, не дожидаясь новой порции, удалился, как бы говоря:

– Пойду мышей половлю.

– Деловой! – усмехнулся сторож и тоже вскоре ушёл.

День постепенно разгулялся. Ветерок разогнал тучки, и наметившийся было дождь так и не начался. Ненадолго выглянуло солнышко, и я даже задремал, не забывая изредка поглядывать на поплавки. На перловку потихоньку клевала средненькая сорочка. Насадил было червячка, но вместо ожидаемой густеры подошли раки, раз за разом обгладывая наживку.

Алабай напомнил о себе, когда наступило время обеда, и я достал из рюкзака бутерброды. Он приподнял голову, не выпрашивая подачку, но совершенно уверенный в том, что его обязательно накормят. Съев предназначенную половину, вновь задремал и проснулся только тогда, когда я стал собирать вещи. Он проводил меня до моста, не решившись идти в шумный город.

* * *

Через несколько дней я вновь оказался в этих местах. Когда проходил по дамбе, откуда-то неожиданно выскочил алабай и, преданно помахивая огромным хвостом, двинулся рядом. Он шёл чуть впереди, опережая меня на полкорпуса, как бы показывая, что хорошо знает дорогу. Всё повторилось: нехитрая предварительная кормёжка, более серьёзный обед и недолгие проводы.

На следующий раз я более основательно подготовился к встрече и хорошо накормил собаку. Тот день был ветреный, и пришлось перебазироваться в другое место. Остановился в уютном закутке на берегу речки Авраль, изгиб которой защищал от сильных порывов холодного ветра. Преданный алабай устроился рядом среди камышей и со стороны был почти незаметен. Один из рыбаков, сидевших неподалеку, попросил перловку. Когда он подошел, чтобы взять наживку, алабай неожиданно вскочил и вцепился в протянутую руку. Собака защищала меня, как своего хозяина. Пришлось извиниться и объяснить пострадавшему, что это не мой пёс и держать его на поводке невозможно.

После нескольких встреч собака привязалась ко мне настолько, что стала провожать до автобусной остановки и даже пыталась проникнуть в салон. Уговоры и угрозы не помогали. Собачьим умом преданный алабай не мог понять, почему хозяин не берёт его с собой. Ему же ничего не надо, кроме одного – быть рядом, выполнять все приказы и защищать хозяина. Я же понимал, что в городской квартире такой собаке не место. Выхода не было, и пришлось рыбачить в других местах.

Только через год я вновь появился у земснаряда, и сторож рассказал, что алабай куда-то не ушёл. Он молча умер на том же месте, где встретил меня.

Публикацию подготовила Раиса КАШКИРОВА

ПЕРЕКРЁСТОК

Сергей ГОГИН, поэт, журналист, руководитель литстудии «Восьмёрка»

«ЦИНИКИ» МАРИЕНГОФА

Майское заседание литературной студии «Восьмёрка» прошло в режиме онлайн (уже второй раз). Обсуждали роман Анатолия Мариенгофа «Циники», впервые опубликованный в 1928 году. Иосиф Бродский считал его лучшим русским романом XX века, и многие писатели были с ним согласны. Георгий Адамович писал, что «Циники» – «книга странная и местами отвратительная, но умная, резкая и отчетливая».

В СССР книга была запрещена и появилась в печати только ближе к концу 1980-х, да и то с купюрами. Из-за «Циников» Мариенгоф в конце 1920-х годов подвергся травле за компанию с Пильняком и Замятиным, его роман был объявлен антисоветским. Советское издательство сначала приняло его к печати, потом отвергло без объяснения причин. Роман вышел в Берлине в издательстве «Петропо-

лис», которое печатало советских авторов, причем вполне благонадежных, таких как Алексей Толстой или Шолохов. Но Мариенгофа обвинили в том, что он опубликовал роман в «белогвардейском издательстве». Пытаясь публично защитить свой труд, автор доказывал: «Я написал книгу революционную. Отрицательные фигуры (циники) обнажены мной до предела и сделаны безжалостно».

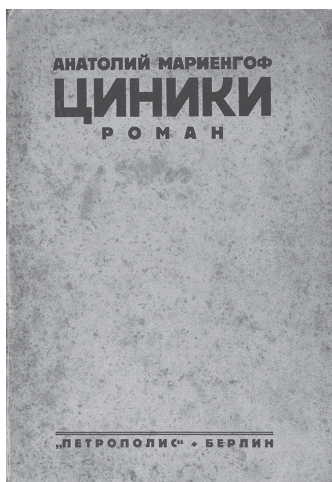
Роман действительно революционный, в первую очередь по форме. Это модернистский, даже имажинистский роман. Роман, который мог написать только поэт, которым и был Мариенгоф. Характеристики героев, зарисовки городского пейзажа, приметы времени – все это предельно образно, лаконично, авангардно по форме, это хочется запомнить и цитировать. «На звезды напоз серебряный туман. Луна плавала в нем, как ломтик лимона в

стакане чая, подбеленного сливками». «У Ольги лицо ровное и белое, как игральная карта высшего сорта из новой колоды. А рот – туз червей».

Это роман о любви Владимира к Ольге. Любви сильной и большой. Настолько сильной, что он будет мучиться и терпеть измены любимой – сначала с его братом Сергеем, потом с нэпманом Докучаевым. Действие происходит на историческом фоне масштабного слома и масштабных перемен. Это пунктирный роман-контраст: любовно-адультерная линия перемежается газетными новостями, свидетельствующими об экономической и гуманитарной катастрофе первых лет советской власти: война, разруха, голод, нечистота. Но последние сообщения – о том, как страна выходит из разрухи и начинает постепенно отстраиваться.

Главные герои романа – из «бывших», они эстеты и в этом их слабость: их рафинированный эстетизм малопригоден для новой жизни. Цинизм героев несовместим со строительством нового мира, требующего революционной романтики и жестокого революционного же аскетизма (антиэстетизма?), поэтому главная героиня погибает. Тут есть противоречие, очевидно, тот самый драматический конфликт, который толкает повествование, держит на себе роман: цинизм героев «отзеркаливает» цинизм революционного времени, подкрашенного романтикой. Они как стороны одной медали.

Вот как об этом противоречии говорит постоянный участник студии Дмитрий Сергеев: «Главные герои в романе действительно циники. Они ничему и никому не верят, их жизнь бессмысленна, «всё позволено» – полный набор разочарований. Но этим циникам противостояло целое поколение новых молодых людей, которые уверовали в идеалы коммунизма, в возможность создания нового мира, справедливого, идеального. Да, это поколение не знало и не хотело знать, что во главе этой идеи стоят банальные террористы, которые превратили Россию в концлагерь, это понимание обмана созревало долго, десятки лет, а тогда, в 1920-х, противостоя-

ние выглядело именно так: горящие жертвенностью комсомольцы и вот такие циники, которые не верят ни в старый мир, ни в новый».

Актуальность романа в том, что это противостояние сохраняется и поныне, считает Сергеев, поскольку есть люди, которые хотят жить в России, строить жизнь в России, любить Россию, своих предков, родителей и детей, несмотря на циников во власти и гибридную

диктатуру. И противостоят этим людям «новые циники», которые не верят, что жизнь в России возможна. «Те циники столетней давности вызывают у меня любовь и сострадание, а жертвенные комсомольцы – отвращение. Потому что я знаю, что идеалы этих комсомольцев – вранье, и лучшие из них это поймут, а худшие станут такими же циниками, но только во власти, эксплуатируя народ так, что любой царь-батюшка с ума от ужаса сойдёт».

Финал романа говорит нам о том, что автор не симпатизирует своим праздным героям-циникам, он не хочет быть попутчиком. Ведь сам Мариенгоф мог остаться за границей, но он выбрал остаться со своей страной.

«Циники» – вещь холодная, блестящая, ироничная, афористичная и до сих пор во многом современная, как современен талант ее автора. Несмотря на сложность темы, сам роман читается легко, он пенится, как откупоренная бутылка шампанского в атмосфере кровавой битвы. За этой легкостью скрывается упорная литературная работа: изящество Мариенгофа одновременно и выверенно, и вдохновенно. Он словно плетет легкую ажурную ткань своей прозы. Участница студии Надежда Серова тонко подметила, что по своему эстетизму и афористичности письмо Мариенгофа напоминает английских литературных прерафаэлитов, например Оскара Уайлда. На это можно ответить, что умный человек всегда немного циник и пессимист, ибо он информирован и видит цинизм окружающей жизни. Но станет ли интеллектуал законченным циником, зависит уже от нравственного стержня, от кантовских звезд и нравственного закона внутри.

УРАЛЬСКИЙ ПОЭТ АЛЕКСАНДР ШУБИН

Сколько на свете поэтов – столько же, по-видимому, и граней у «магического кристалла» работы со словом. Каждому своя – в ощущениях, в понимании, в изменчивости ли, в постоянстве... Уральский поэт Александр Шубин если поддается саморефлексии, то размышляет о взаимоотношениях мастера и его ремесла, о земном приложении сил,

возможно, «небесных», малоознаваемых:

за шагом – шаг, за часом –

час, годами

металл и воск, и дерево, и камень

идут через кураж,

терпенье и верстак...

Материя самой жизни, подчиняясь скорее законам природы, чем расчету и направленному воздействию, становится дыханием поэзии, силой слова. Силой слова – и новой жизнью языка, способного, как вдруг открывается, на большее, чем привычно пола-

гаем. Лжи и всевозможным искажениям противостоять

...собачье целебнонесущее право: кротко лизнув сокровенным, как смерть, языком –

к жизни вернуть все, что было убито отравой, то, что опять запоет, заболит глубоко.

О глубинном, заветном, порой и самому себе запретном говорят стихи, и, как известно, мы слышим их лишь тогда, когда в чужом узнаем свое, в пережитом некогда кем-то – переживаемое нами здесь и сейчас. Стихи А. Шубина – вовсе не «чистая лирика». Однако песенность, музыкальность – их неотъемлемые качества, не изменяющие себе в драматически-повествовательном, историческом, философском контексте.

Сильные чувства по сути своей музыкальны, что, впрочем, не противоречит ни накоплению житейской мудрости, ни твердой приверженности реалистическому письму... ни, в конце концов, мужеству согласиться: если что нам и предстоит, то –

...жить каждый день вздохом – накоротке

с космической иронией провинции

и умирать – на русском языке.

Евгения ИЗВАРИНА

Александр ШУБИН

ЗЫБКИЙ СВЕТ

Из книги «Живица»

СЛОВО

Ярился под ярмом бесправия, бессилия
и душу, как дитя, из пекла выносил.
И каждый божий день мне даровал не крылья,
но слово – лишь оно мне и давало сил
жить по крестьянской вере и традиции,
жить каждый день взахлёб – накоротке
с космической иронией провинции
и умирать – на русском языке.

СОВРЕТ

Еще до смерти музыканта
его душа гостит в раю,
и ей поют все птицы сада,
приняв по праву за свою.

Сидит бездумный
в прихожей ада – в кабаке,
упершись взором полоумным
в содом теней на потолке.

Худые выцветшие руки,
вчера взлетавшие легко,
лежат отставленной прислугой,
что задремала под хмельком.

И – за мгновение до краха,
земным на грош не дорожа,
он слышит сквозь припадок страха,
что возвращается душа:

какой-то простенький мотивчик,
полнейший вздор, шестнадцатый нот –
но оживает он, счастливчик!
И – подпевая ей – соврет.

ОДА ЧАЙНИКУ

Здравствуй, чайник мой походный,
собеседничек охотный,
знатный времени транжир –
рад, что ты, как прежде, крепок
и венчает блеск заклепок
твой начищенный мундир.

Как зачатое наследье
ты пришел, впитавши медью
судьбы лагерных широт.
Как по глобусу, гадаю
путь твой, пройденный до края
исторических щедрот.

Копоть смыть – не сможешь имя,
за кого ты шел в польмя
с гордо вздернутым рожком.

Не изноешь волчьей ночью
стон души чернорабочей,
что крестилась кипятком.

В век потравы и распада,
среди гламурного парада
ты один душой горяч:
искрою небесной мечен,
по-земному человечен,
и по-божескому зряч.

ПЕСНЯ

Заунывную старую песню
головую качаю – пою.
Все, что в ней, мне заранее известно:
той же долей живу и терплю.

Сколько помню себя – столько знаю
я ее... Песней душу целю!
Допою – и опять начинаю:
головую качаю, пою.

Запою – словно искру раздую –
думу вольную да удалую
в сердце стылое я зароню!

Не могу никакую иную –
все про эту – льняную, ржаную –
головую качаю – пою.

РУССКОЕ СОЛНЦЕ

Тени ползут островерхие.
Хвойная, тяжкая тишь.
Вот и до места доехали,
где ты, родная, лежишь.
Русское солнце морозное.
Гиблого века разъезд.
Памятью тёмной, венозной
вызван порушенный крест.
Наскоро в ямку положена,
как прожила – налегке,
в пекле закона безбожного...
Волчий поскок вдалеке:
зверское серое воинство
снова смыкается в круг –
в почерк чекистский, убористый,
в росчерк убойных разлук.
Словно земля эта светлая
с небом, где божьи мосты,
стала бедой заповедною
на мерзлоте мерзоты.

Из поднебесья с прорехою
тянется солнечный свищ
вниз – опоздалой утехою,
в век – где без края болишь.

НЕ ГОВОРИ

Не говори и ты прощай,
кручины не держи.
Моей слетевшей невзначай
слезой не дорожи.
Она сверкнула и ушла
в земных печалей тьму
и сколько жизни унесла –
не ведать никому.

О ЧЁМ ПОЁТ

Как ни велик людской язык,
не скажет он о том,
о чём поёт волне тальник,
склоняясь над прудом.

Но жизнь тебе затем дана,
чтобы и ты постиг,
с чем клонится к волне тальник
и льнёт к ветвям волна.

НОЧНОЕ ОЗЕРО

Ночное озеро колеблется беззвучно.
Под гулким колоколом звездной тишины
отчетливо слышны
и дальний плеск волны,

и чей-то смех,
и плач,
и жалобы уключин,
и женский голос –
чувственный, певучий,
и призрачный, как отблески луны...

И сердце – в тесноте предчувственной истомы,
так всё до странности здесь близко и знакомо,
как будто я проник в предел души,
где зыбкий свет, мерцающая, воежит,
и светлый лик глядит и тайным знанием дышит,
и матушка слова
печальной песни нижеет,
и голос, словно зябнет, –
чуть дрожит...

СВИРЕЛЬ

Запахло весенней сосной.
Живичная горечь. Свирель:
чуть слышно поет свиристель –
один в поднебесье лесном.
Замерзших собратьев отпеть,
их песенки спеть спешит.
Не страшно отставшему жить,
а страшно – не умереть.

Алексей КУЗИН (1956) родился в Верхнем Уфалее. Окончил Уральский горный университет, где и работает. Автор сборников стихов «Шестое чувство», «Адамов узел», «Возвращение к брату». Печатался в журналах «Урал» и «Уральский следопыт».

НИЧЕМ НЕ ОЧЕРНИТЬ ЛЮБВИ

ЧЁРНЫЙ ГОРОД

Ночью свод небесный вспорот
Астероидным дождём.
Белый город – чёрный город,
Даже самый белый дом,
Даже храмовые свету,
Даже гульбища повес –
Всё – глухие силуэты
На полотнище небес.

Чу, дворы темны и робки,
Как бездонные шурфы,
Небоскрёбовы коробки –
Словно чёрные шкафы.
Не страшась ночных драконов,
На пласты небесных вод
Души вольные с балконов
Улетают в хоровод.

На земле угасли споры,
Бесполезен зоркий взгляд,
Охранители и воры
Друг за дружкой не следят.
Все запреты и свободы,
Ильичи и толмачи –
Всё и вся – темнее свода
Неба тёмного в ночи.

Всё и вся – темнее свода,
Всё и вся – темнее свода,
Всё и вся – темнее свода
Неба тёмного в ночи.

Как солдат глядит с портрета
В эту жизнь, во время это,
Так из прошлого, любя,
Я взглянул бы на тебя.

Как ты, с кем, полны ли очи
Новым ласковым теплом,
Хороши ли дни да ночи,
Не грустишь ли о былом?

Не грусти, давным-далёко
Перекрёстная пальба...
У солдата нет упрёка:
Лишь судьба – и не судьба.

Конец приходит клёнам,
Они горят в огне.
Но если быть влюблённым,
То можно быть зелёным,
Холодным быть вполне.

В любви важнее холод,
Как в октябре плюс пять.
Когда ты в чувствах молод,
Волнением расколот,
Разумно кровь унять.

Течет поток небесный,
Назавтра будет снег,
Он ляжет белой бездной...
Но профиль твой прелестный –
Залог весенних нег.

В пути к холодному зимовью
Под полотном полярной тьмы
Взираю с прежнею любовью
На занесенные холмы.

И что с того, что было лето?
Теперь зима, зима, зима.
Моя душа навек согрета,
Печаль кончается сама:

Как будто снова мир зеленый,
Вся белизна – недолгий грим,
В краю любви неразделенной
Я той же нежностью томим...

Но шанса я не дам надежде
За мной таскаться по пятам:
Всё неисполненное прежде
Не сбудется ни здесь, ни там.

Иные зря наводят порчу
Борису Рыжему вослед:
Борис не знал названья «Вторчик»,
А говорил он: «Вторчермет».

Произносил воздушно, чётко –
Танцор выходит на паркет –
И разлетается чечётка:
И «втор», и «чер», и даже «мет».

Вот так и создаётся имя,
И антрепризы не нужны,
Так выступить – любви во имя –
Умеют верные сыны.

А кто о Рыжем сцены корчит,
Кропает прозу от ума,
Ведёт экскурсию «на Вторчик» –
Те заблуждаются весьма.

Не важно, кто откуда родом,
И место как ни назови –
Пиши, поэт, пляши с народом.
Ничем не очернить любви.

НЕБА

Уже полмира было синевою –
Подарок неба марту Петербурга.
Мы ехали над белою Невой,
И на реке два пацана-придурка
Зашли на лёд и встали над водой...
Я видел всё, а ты была спиной...
Но главное, что ты была со мною,
Тянулся миг прекрасной чередой,
Уже я шёл, душою замирая,
Когда бы лёд – и ты была водой,
Я бросился бы, дна не выбирая,
Как будто я – парнишка молодой.

Но поворот – и горизонт качнулся,
И наши руки были так близки,
И я рукой горячей не коснулся
Твоей изящной ледяной руки.

* * *

Ударит молния-зарница –
И куст павлином расцветёт...
Я не хочу преобразиться:
Как было, все пускай идёт.

Ни после храмовой купели
Держащим трепетно свечу,
Ни после йоги в новом теле
Я оказаться не хочу.

Преобразиться – это вроде
Как бросить всё, чем раньше жил,
В чужой земле, в чужом народе
Восстать среди чужих могил...

Не гостем в мире стать – изгоем,
Не чудом – как цветущий куст.
И ты другой, и всё – другое.
Ты в мире обречённо пуст.

* * *

Балерина немая
В белой пачке плиссе,
Но я всё понимаю,
Даже ноточки все.

Я, поющий губою,
Знаю тот же устав:
Поднимись над собою –
Хоть на цыпочки встав,

Чтобы в зале – не пусто,
Чтобы слёзы лились...
Без высот не искусство,
Как ни пой, ни крутись.

* * *

Видал меня угрюмого –
Как на душе беда?
Про Витьку Стародумова
Я думаю тогда.
Обидел его в юности,
Не к богу же вину нести...

Пол-улицы с поляною –
Почти как полземли
Да школа деревянная,
Которую прошли.
И он пришел, да пусть его
Кудрявая башка...
Зачем же я науськивал
На Витьку корешка?

Надолго ли, далёко ли –
Но он ушел с упрёками...

Надолго. Годы минули,
Но жил и жив закон:
Увижу кудри, спину ли –
Всё думаю, что он.

* * *

Заросли желтого донника,
Белого – тоже полно:
Лета медовая хроника.
Лето – на счастье оно.

Горка в цвету, а за горкою –
Осень с прохладным теплом,
С пижмою желтою горькою...
Кланяйся лету челом.

Все мы – предвечные странники.
Вечная стужа – судьба.
Лето – медовые пряники.
Пользуйся счастьем, губа.

* * *

Мы лёд и пламя, лёд и пламя,
Но повтори слова мои:
«Зачем сплетаются телами
Две хладнокровные змеи?»

Мы не опутаны травою,
Но посмотри сама: нас двое...
Змея – мудра. Но всё, что двое –
Они – святое естество.

И ты внеси на полустоне –
И мне мой стон не побороть –
В мои холодные ладони –
Твою пылающую плоть.

МИР ОТРАЖАЕТСЯ В ДУШЕ ПОЭТА

Стихи пермских поэтов

Поэзия – это способ мировосприятия и всестороннего осмысления состояния мира, эстетического, духовного, нравственного... Но воспринятый мир и уложенный в живую душу у каждого настоящего поэта свой, чем и достигается разнообразие и неповторимость поэзии. У Юрия Александровича Калашникова – пермского поэта, уроженца города Добрянки – своя палитра, свой голос. Это активный созерцатель, философ по мироощущению, упрямо переосмысливающий видимую им картину мира по своим законам. Но законы эти взяты поэтом «не с банного полка», а сформированы активной внутренней работой на основе усвоения народной культуры, духовно-исторического и эстетического опыта. Причём это тот редкий случай, когда личность поэта и его поэтические декларации органично сливаются в единое целое.

Бурашников Николай Павлович появился на свет в многодетной семье в лесном посёлке Савино Чайковского района Пермской области. Среда, в которой вырос будущий самородный поэт, одарила его подлинно российским трагическим опытом, осмыслением которого и наполнена поэзия Николая...

В одном из стихотворений Бурашников сказал о сущности поэта: «Он – исповедь // До смертного конца». Так вот поэзия самого Бурашникова – это и была именно исповедь до смертного конца. Вечером 20 сентября 1999 года он был убит в Закамске пьяными отморозками, позарившимися на плащ и стоптанные башмаки поэта, как им показалось, годными для обмена на стеклоочиститель...

Востриков Фёдор Сергеевич, автор трёх десятков поэтических книг. Перелистывая сборники поэта, можно подметить такую особенность – полынный горьковатый запах степи сопровождает и обволакивает всю его поэзию, побуждает звучать его лиру. Он поэт с душой степного простора. Но в этом ничего странного – поэт родился, вырос и сформировался в степном Заволжье, в Самарской области, в семье потомственных хлеборобов. И хотя более сорока лет он живёт и творит в Перми, но нить, связующую его с отчим полем, не порывает. Она и питает его поэзию, ибо хлеб – он в любой точке шара земного хлеб. Везде он добывается в поте лица, везде он основа жизни.

Виталий БОГОМОЛОВ

Юрий КАЛАШНИКОВ

ПЕТУХ

Заря, вскипев за старым садом,
Сбежала розовым в реку,
И на дощатую ограду
Петух, взлетев как на эстраду,
Пропел своё «Ку-ка-ре-ку».

Пропел и крыльями захлопал,
И, наслаждаясь, повторил,
Как будто слушала Европа,
А может, даже целый мир.

И вновь пропел,
И скромно набок
Он свесил голову свою:
Аплодисментов, мол, не надо,
Я так, для радости пою.

* * *

Теперь я знаю: ты меня любила.
Так преданно лишь ты могла любить.
Металась, сомневалась, уходила,
Но возвращалась, чтобы рядом быть.

Луна, как призрак, за окном белела,
Когда входили в комнату мою,
Но только ты не этого хотела:
Не встреч случайных, а свою семью.

Я мог бы быть и любящим, и верным,
И позабыть про прежних недотрог,
Но у тебя был я, увы, не первым
И прошлое твоё простить не мог.

Ноябрьский ветер налетал из мрака,
В полях, за речкой, пели провода,
Когда по-детски горестно заплакав,
Ты убежала в осень навсегда.

Судьба то била, то благоволила,
И довелось по-всякому пожить.
Теперь я знаю: ты меня любила,
А я не смог понять и оценить.

* * *

Хозяин угощал цейлонским чаем,
Он у стола изрядно хлопотал,
Но и хозяин был не замечаем,
И чай в больших пиалах остывал.

Да что там чай! Ведь рядом ты сидела!
Сквозь прах одежд твоя теплела кровь,
И утомлённой птицею летела
Высокая надломленная бровь.

И был момент, когда судьба решалась
(Ползти, лететь или пойти ко дну),
Но встала ты и нервно засмеялась,
И подошла к полному окну.

Движением изысканно-привычным
Чуть приоткрыла уличную мглу...
И я заметил чая цвет кирпичный,
Хозяйский взгляд и ходики в углу...

МОЛИТВА

Прости нас, грешников, Господь,
За то, что жили мы для брюха,
За то, что алчущую плоть
Поставили превыше Духа.

За то, что, Путь отринув Твой,
Иную выбрали дорогу
И в неразумности слепой
Другому поклонились богу.

Прости за то, что много лет
Над нами властвовали Хамы,
Прости за погранный Завет
И за разрушенные храмы.

За погребённых без креста,
За слёзы женщин безутешных
И за лукавые уста.
О Господи! Прости нас, грешных!

* * *

Закат набросан грубыми мазками.
Конец июня. Ночи коротки.
Но пароход, идущий вверх по Каме,
Уже зажёт цветные огоньки.

Задумчиво подмигивает бакен.
И словно бы в насмешку тишине
Отрывисто пролаяла собака
В деревне на заречной стороне.

А наверху, где горизонты птичьи
Оплавил вечер розовым огнём,
Стоит покой во всём своём величьи,
Во всём великолепии своём...

Николай БУРАШНИКОВ

* * *

Мне, русскому, мало простора
На этом российском холме,
И поля мне мало, и моря,
И неба...

Нормален вполне:

Нормально курю сигарету,
Нормально я в дали гляжу.
И мыслью блуждаю по свету,
И всюду предел нахожу.
Тогда я глаза закрываю,
Чтоб в душу поглубже взглянуть.
А там ни конца нет, ни краю.
И в этом вся, видимо, суть...

* * *

Залаяли собаки в темноте.
Кому не спится в этакую пору?
Вот скрипнула доска, и над забором
Мелькнула по-кошачьи чья-то тень.
За ней другая.
Быстрый шлепоток
Ребятчих ног.
Свет вспыхнул, как солома,
В избе,
Откуда выскочил в кальсонах
Мужик Иван.
В руке его сапог.
«Ну, чертенята, нет на вас креста!
Мать-перемать, как трахну из двустволки!»
И голову задрал:
«Ух, звёзд-то сколько.
Вот это да-а, вот это красота»...

СОРОКА

Против ветра летела сорока.
Ох и было у ей выкрутас!
И небесная, видно, дорога
Не без ям и ухабов у нас.
Только как бы её ни мотало,
Ни шарахало над селом,
Белобоку ничуть не пугало!
И вертела как надо хвостом.
Ни кола, ни трубы не задела,
Ни одно не разбила окно.
Против ветра сорока летела.
А куда? Да не всё ли равно.
Против ветра – ты только подумай.
Начихала на все у-лю-лю.
Не туда, куда ветер подует, –
Против ветра! За это люблю.

ДОРОГА

Когда-то была здесь дорога,
Что жить без людей не могла.
Кому-то была она долгой,
Кому-то короткой была.
То свадебной тройкой гремела,
То просто вела ходока.
То возом тележным скрипела,
И дрёма брала мужика.
То слушала плач похоронный...

А нынче заглохла травой.
 Ни пеший по ней и ни конный
 Не странствует в думе дорожной
 Ни ранней, ни поздней порой.
 И в сердце не то что тревога –
 Какой-то холодный покой.
 Как будто не эта дорога,
 А память заглохла травой.

* * *

Я иду по воде и слышу –
 Звонко всплещивают шаги.
 Я иду по воде и вижу –
 Голубые отходят круги.

Надо мною солнышко детства
 В золотом, как подсолнух, цвету.
 Ведь иду я без камня на сердце,
 Потому и на дно не иду.

Фёдор ВОСТРИКОВ

ЗЕМЛЯ

На все четыре стороны – поля.
 И горизонт хлебами обозначен.
 О Родина моя, моя земля,
 Любовь к тебе с годами не утрачу.
 Я сам пахал и сеял зёрна сам.
 Прости за громкость, знаю цену хлебу.
 Звучат во мне потомков голоса,
 Как клятва, под твоим высоким небом.
 И для меня всем землям ты – Земля.
 Знавал с тобой и горе, и удачу.
 С тобой всеильный и великий я,
 А без тебя я ничего не значу.

* * *

Несравненная женщина, здравствуй,
 Принимай мой низайший поклон!
 Надо мною и шефствуй, и властвуй,
 И бери в первобытный полон.
 Я скитался по стойбищам рыжим
 Под летящие стрелы дождей.
 Да не знаю, не знаю, как выжил
 Без манящей улыбки твоей.
 В нелюдимом краю и людимом
 Не нашёл свой страдальческий дом.
 Хочешь, буду твоим господином,
 Хочешь, буду послушным рабом?
 Будем жить у родного причала,
 Крепко связаны общей судьбой.
 Дай-то Бог, если так... Но сначала
 Ты позволь надышаться тобой!

* * *

Война убила сыновей,
 Убила нерождённых внуков.
 Пришла и старость без детей,
 А без детей не старость – мука.
 Да так и жили бобыли.
 Восьмидесятый год начался –
 Сначала бабку отнесли.
 А после и старик собрался.
 Но всё же горше оттого –
 И есть ли в утешенье слово! –
 Что не осталось никого
 В селе из рода старикова,
 Чтоб принести с родных полей
 Цветы живые на могилу...
 Война убила сыновей –
 Род землешеский убила.

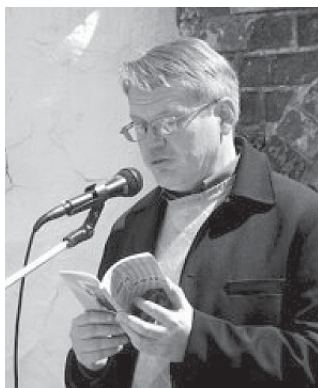
* * *

К земле привязан человек,
 К её равнинам и деревьям.
 И так всю жизнь, и так весь век –
 Одна изба, одна деревня.
 За то хвала и честь ему –
 Не изменил родным истокам.
 Но жаль его мне потому,
 Что он не жил в краю далёком.
 Не жил, а значит, не поймёт,
 Представить даже не сумеет,
 Как родина к себе зовёт,
 Как тяжело в разлуке с нею.

НА ВОКЗАЛЕ

Мы не успели даже и обняться,
 Как поезд прокричал – и на восток.
 И любящим, поверь мне, расставаться
 Необходимо, хоть на малый срок.
 Такому откровенно ты не рада.
 И всё-таки не стоит упрекать.
 Прости, но и к разлуке тоже надо,
 Тем более с годами, привыкать.
 Клоню к тому, что век не бесконечен –
 Из нас кому-то первому уйти.
 Привыкшему к разлуке будет легче
 Нечеловечью боль перенести.

Валерий КУЗНЕЦОВ, поэт, член Союза писателей России. Родился 26 августа 1965 года. Окончил историко-филологический факультет Ульяновского педагогического института.

Доктор исторических наук.

**Редакционный совет журнала «Симбирск» поздравляет
Валерия Николаевича Кузнецова с юбилеем! Мира, добра, новых книг!**

Литгостиния
«УлправдаТВ»

О, КАК ЖЕ ДУША БЕЗЗАЩИТНА...

* * *

Уже не важно, сказано ль, не сказано,
Мне, господа, пора. Здесь выход мой.
Как многому мы были не обязаны,
Как многих и не вспомнить с добротой.

Прошли сквозь них и намертво, и набело,
Сквозь этот мир кто вдоль, кто поперёк,
И только лишь одно приняв за правило:
Платить за всё и полностью и в срок.

Не сверху вниз, а снизу вверх глядели мы,
А как взглянуть бы сверху, с высоты,
И падали б и днями, и неделями,
Годами и веками... Хочешь ты?

Я так спросил. Нас ни о чём не спрашивал,
Не знаю даже, как его назвать.
Есть месиво, есть крошево из нашего
Вновь воплощенья в ижицу и ять.

И вот пора. Пусть ничего не сказано,
Мне не к лицу топтаться – выход мой.
Там туш, арена, стропы все завязаны,
Там без страховки так, вниз головой.

* * *

Когда же поумнею, может, в двадцать?
А вот уже и сорок, пятьдесят.
И даже, не могу я не сознаться,
Я стал глупей, чем те года назад.

Всё быть учеником начальной школы,
Всё двойки получать, каков удел!
Я был тогда хоть глупый, но весёлый,
Теперь и глуп, и как-то похмурел.

Пусть все заданья выполнены были,
Но, видно, как всегда, совсем не так.
Да знаю я, что это проходили!
Но ничего не понял тот чужак.

КОМПЬЮТЕРНЫЙ ПЕРСОНАЖ

Я его отправляю в сражения,
Дома не был уже он года.
Мне не жалко его, без сомнения,
Да и не было жаль никогда.

Все мученья его, все страдания,
Раны все – что они для меня?
У меня есть свои испытания,
Что случаются день ото дня.

И от них отдыхая урывками,
Я его посылаю вперёд,
Там, где боль идёт вслед за ошибками
И где гибель его уже ждёт.

У него никого нет выбора,
Каждый шаг его – я так решил.
Жизнь по полной ему уже всыпала,
Вот он, вот, весь в крови и без сил.

А когда он падёт – если надо мне,
Я могу его и воскресить,
За наградами чтоб, за оградами
Вечно шёл и назвал это «жить»,

Чтобы вновь испытал он страдания.
Ну а я? И меня чья-то блажь
Обрекает всю жизнь на терзания,
А потом? Чей же я персонаж?

* * *

Как это выясняется непросто:
На спину лечь и в небо посмотреть,
И позабыться в этой бездне звёздной,
Где разделенья нет на жизнь и смерть.

То в городе, то грязь, то на работе,
То то, то сё. А небо – вот оно,
И хочется в паденье иль в полёте
Хоть на мгновенье слиться с ним в одно.

Но это – так. А чаще взгляд под ноги,
А чаще тучи или облака,
А чаще эти грязные дороги,
А чаще просто лампочки накал.

* * *

Приспущенных флагов не видно.
Ржут кони. Густеет туман.
О, как же душа беззащитна!
О, как же ей больно без ран!

Не видеть, не помнить, не слышать,
И ясно до спазм вдруг поймёшь,
Как тело вот это мне лишне,
Как всё здесь чужое. Так что ж?

Что делать-то, зная вот это?
Пора. Раздаётся приказ.
Наследник, в доспехи одетый,
Пребудет сегодня средь нас.

Спускаются кони в долину,
Всё словно в каком-то дыму.
Нельзя здесь наполовину,
Когда же я это пойму?

* * *

Прислушайся, может, услышишь,
Так ветер тревожит листы.
Как будто бы мыши. Не мыши.
И ты словно ты. Нет, не ты.

И вот под лучами рассвета
Всё видно до крохи любой,
И сделано всё было это
Как будто тобой. Не тобой.

Слова, все движения, речи,
И юность в огне красоты...
Не ты ль скорлупа человечья?
Подумай. Нет, это не ты.

И вот, словно не было ль, было,
Как листья в конце октября,
Сметает тебя чья-то сила.
Не будет тебя? Не тебя.

* * *

Бесконечность. Ведь есть это слово,
Что не понято будет всегда.
И, казалось бы, что здесь такого,
Ну не понято, что за беда?

Не беда. Ну а есть еще кроме –
Это вечность. Её ты поймёшь,
Словно мышшь, что зарылась в соломе,
Или в норку забившийся ёж.

И одно только всё это значит,
Что конечности обречены,
Не решим никогда мы задачу,
Что же делать-то здесь мы должны.

То ли плакать, а то ли смеяться,
То ли пить, то ли есть, не пойму.
Бесконечность. Мне не разобраться,
Я-то кто здесь и что здесь к чему?

* * *

По тротуарам, по улицам старым...
В чём твоя вера, скажи?
Квартал за кварталом. Не стал ты усталым?
Дома. Пустыри. Гаражи.

Грохот железный. Всё бесполезно,
Но всё идёшь и идёшь.

Цель неизвестна. Неясно: ты местный?
Да? Так плутаешь ты что ж?

Нет? Всё понятно. Шёл бы обратно.
Обратно нельзя, говоришь?
Кровь? Просто пятна? Занятно, занято.
Жизнь – это жизнь только лишь.

ГОЛУБЬ

Глазами голубя на нас взглянуть решила,
Минуты меньше, но хотя бы так:
Как там живёт её сыночек милый?
Пока живу. А ты как? Дай мне знак!

... Болезнь её пока что не убила,
Ещё она и бабушка жива...
Да, было время, хоть почти забыла,
Как это было, эта голова.

Да, голова всё понимает плохо,
Она опять не знает ничего.
Нет, вот одно: ни шёпота, ни вздоха
Не долетит до сердца моего.

А голубь улетел. Гляжу в окно я,
Там всё как прежде, и как прежде я
Так не похож на праведного Ноя,
Обетованного дождавшегося дня.

* * *

*А ты, моя свобода, ...
С тобою – я поэт (Н.М. Языков)*

И нет её, свободы,
И как я ни крути,
Но вдохновенья всходы
Не смогут здесь взойти.

Хоть по лбу или в лоб ли,
Но всё равно, как раб,
Тяну свои оглобли,
Хоть и давно ослаб.

С зарплаты до зарплаты,
От стресса до него ж...
И кто же виноватый,
Что так вот и живёшь?

Закабалён до смерти,
И где тут быть стихам?
Вот, верьте иль не верьте,
Отчаиваюсь сам.

Но Крезам и Лукуллам
Моей родной страны
Безропотные мулы
Одни лишь и нужны.

Меж жерновов всё трусь я,
Стираюсь в порошок,
Но не хочу на пузе
Я ползать меж их ног.

И этой нет свободы,
И нет свободы той...
Стихов погибли всходы,
Остался сухостой.

9 МАЯ

Они погибли в сорок первом,
Мой дед и брат его, когда
Молол людей бездушный жернов.
Что люди? Гибли города.

Их много, волей иль неволей
Вошедших в страшный вихрь тот.
Хлебнули незавидной доли,
И кто там не был, не поймёт.

Они ценой купили высшей
Для тех, кто будет жить потом,
Чтобы кусок был хлеба лишней,
Работа чтоб была и дом.

Чтоб та земля была своею,
Чтобы хозяева на ней,
Мы искренне гордились ею
И чем взрослее, тем сильней.

Но что б они сейчас сказали,
Рабов увидя и господ?
За это гибли все? Едва ли.
А ты как думаешь, народ?

Быть может, за дворцы, оффшоры,
За яхты тех, кто властью стал?
За бизнес? Иль за то, что воры
Здесь правят свой роскошный бал?

Так что ж, мы всё же проиграли
В другом отрезке временном?
Да. Внуки их рабами стали,
Страна и строй пошли на слом.

Но было всех больней и будет,
Что, помня павших, тех, своих,
Не замечают эти люди,
Как всех завоевали их.

* * *

Правда медленно нам открывалась,
Да и днесь не открылась почти.
Шаг за шагом, за малостью малость
На недолгом, но долгом пути.

Всё не так оказалось. Вот это
Стало ясно, но так – это как?
Нет ответа. Игра без сюжета,
И на сцене дурак и маньяк.

О тиски, те, что сжали сознание,
О под масками учителя!
В оправдание иль в поругание
Мне сказали, что это Земля?

Реставратор, он да, осторожно
Удаляет всю примесь и ложь,
Только эту убрать невозможно:
Ни пинцетом, ничем не возьмешь.

Так и будет всё это загадкой,
Лишь чуть-чуть, кое в чём, кое-где
Правда явит себя нам украдкой
И исчезнет, как круг на воде.

* * *

Что же проще света и звука?
Свет и звук? Но они лишь для нас.
Их земное лишь слышит ухо
И земной лишь их видит глаз.

Слеп и глух? Но потрогать предметы
Ещё можно. Здесь просто всё, да?
Нет. Пустоты вокруг, только это.
Твердость – ложь. Всё вокруг – пустота.

Так и нет же её, той вселенной,
Где, как сказано нам, мы живём.
Мрак, безмолвие, даже геены -
Ничего, ни сейчас, ни потом.

И порой оттого и тоскливо
Здесь живущим, хоть вой на луну,
Что ужасная мысль: «Мы-то живы?»
Жжёт нас всех хоть секунду одну.

* * *

Вот здесь лежит она, Россия:
На этом кладбище, на том,
Те, кто всегда своим горбом
Все беды молча выносили.

Года идут за датой дата,
А там уж и столетий ход...
Вот так же, как и их, – народ
Нас тоже назовут когда-то.

Одно на всех. И имя то
Одно останется на свете,
Когда забудутся все эти
Марина, Света, Глеб, Антон.

Как звать меня? Сейчас Валерий,
И на века потом – народ,
Когда забвеньем заметёт
Ко мне воспоминанья двери.

А кладбище невелико,
В ветвях поёт о чём-то птичка,
И плакать здесь не неприлично,
Но плакать тоже нелегко.

БЛОК И ГУМИЛЕВ В 2021 ГОДУ

Когда б они, пройдя и смерть, и муку,
Через сто лет, когда ушли с земли,
Вновь встретились, то что б они друг другу
Сказать бы захотели и смогли?
Наверное, кивнули бы, и дальше
Пошёл бы каждый вдаль своим путём.
Всё сказано и прожито без фальши,
Там ясно всё, так говорить о чём?
Уже нет ни имён и ни фамилий,
Земная жизнь давно не бередит,
Не потому, чтоб что-то позабыли,
А потому, что – что им до обид?
Там, впереди, еще остались тайны,
А позади как тайна их стихи,
И два поэта в мире неслучайном
Так неслучайно, словно свет, легки.

Галина АНИСИМОВА, поэт, член Союза писателей России.
Автор книг «Игры, в которые играют люди», «Мемуары юмористки», «Иллюзион»,
«На ноте сердца».

ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ

АКТРИСА

Туфельки «Гуччи», сумочка «Прада».
Что ещё девочке в принципе надо?

В сумке помада, духи «Пуазон»,
пудра, сценарий на новый сезон,
горстка кокетства, связка ключей
и эликсир от бессонных ночей.

Туфельки «Гуччи», сумочка «Прада».
Только в душе вот копать не надо...

ПОПЫТКА РОМАНСА

Разлуки полотно натянуто на пальцы.
Сентябрьский листопад на обещанья скуп.
И прячутся в карман озябнувшие пальцы,
и проступают вдруг морщинки возле губ...

Мгновения любви годами измерялись,
побег мой от тебя – ошибка в жизнь длинной.
Беспечно и легко мы оба затерялись
в безжалостном витке спирали временной.

Кто прав, кто виноват, теперь уже неважно.
Ложится на канву уверенный стежок.
Там будущего нет, но прошлое винтажно,
и звёздочку одну мне сказочник зажжёт...

Надежды и любви на доньшке, на донце,
и радуги дуга обходит стороной.
Бегу из сентября туда, где ты и солнце.
Судьбе наперерез. И по двойной сплошной...

Пускай лишение прав и штраф десятикратный
за возвращенье в май осеннюю порой.
Так хочется начать потерь отсчёт обратный,
с тобою, мой герой, придуманный герой...

Стежочек за стежком мелькает нить разлуки,
предательски стучит прожилка у виска.
У призрачного сна виденья близоруки:
растаяли и принц, и замок из песка...

ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ

Два крыла, что сложились устало,
лишь мешали. И не было сил
просто жить. И мой след заметало,
и фонарщик звезду загасил...

И ушли как-то сами вопросы:
что случилось, зачем, почему...
Кто-то сам разбивает торосы,
кто-то сам вышивает суму...

Я ещё на Земле, не за гранью,
где подводят итог и черту.
Лишь бы было второе дыхание!
Я смогу, допишу, обрету...

ЛЕТО

Сарафанчики, топы, корсеты
ждали игривого лета,
пылких гроз, развесёлого грома.
Не носить же их в зиму или дома?!

Босоножки, сабо, сандалеты
тоже ждали беспечного лета,
чтобы вымыться в чистой росе
или выгулять юбку-плиссе...

Кольца, бусики, клипсы, браслеты
в предвкушении пылкого лета,
притомившись в шкатулках-коробках,
надеваются радостно-робко...

Даже зонтик, отчаянно-яркий,
ждёт от лета особых подарков:
тёплых слов от холодного облика,
ливня чувств от любимого облака...

Только я с фатализмом поэта
не хочу от обманного лета
ни объятий изменчивых рук,
ни свиданий, ни встреч, ни разлук,

ни беспечных – на век – обещаний,
а потом – извинений, прощаний...
Я хочу просто лечь на песочек,
оторвав себе лета кусочек,

и почувствовать в неге и лени
как уходят остатки сомнений,
недоверия, страха, печали...
Я забуду, что было вначале,

отпущу безнадежность потерь,
буду счастлива здесь и теперь!
И растаяв, мечтою согрета,
я дождусь... долгожданного лета!

ПОСЛЕВКУСИЕ

Вот и канул в Лету день рожденья,
съеден торт, разъехалась родня.
Как бы обойтись без сожаленья
на закате праздничного дня?

Помечтать о лете безмятежном,
воссоединить обрывки сна...
Но исчез мой принц в тумане снежном,
потерялась туфелька одна...

А вторая – спрятана за печкой
в стареньком мешочке изо льна.
Феечка скрывается за речкой,
говорит: устала и больна...

И, мол, не в её волшебной власти
всё оставить так, как надо мне.
Вместо лошадей мышинной масти
шесть фигурок тёмных на окне...

Стало марлей серенького цвета
платье из серебряной парчи...
Тыква – золочёная карета –
тушится на противне в печи...

КОЕ-ЧТО О РАЗНОПОЛОЙ ДРУЖБЕ...

Нужно ли с огнём шутить, ребята?
если не боитесь – вот вам трут.
Дружбу ведь совсем не надо прятать;
каждый будет думать: как я крут!

Станет это песней лебединой!
Но известно циникам давно
то, что в дружбе женщины с мужчиной
будет своё «слабое звено»...

* * *

Прости. Я до сих пор твоё ребро...
Вернее, так себя я ощущаю...
Поставила все фишки на zero.
Но больше не играю. Обещаю.

Я не актриса, даже не игрок,
я просто Ева бедного Адама,
который позабыл простой урок,
но виртуальность – ветреная дама –

нет-нет да и заставит пожалеть
о том, что всё могло быть по-другому;
что лучше сметь, гореть, чем тихо тлеть,
себя введя в пожизненную кому.

Легенда – до отчаянья – стара,
но знающие бабки говорили,
что, мол, меня из твоего ребра
насмешливые боги сотворили.

Жаль есть один неслабый оберег,
никак не убираемый с заплечья:
Ты в Азии, а я между двух рек,
как жрица Пу-Аби* из Междуречья...

P.S.* Пу-Аби, жрица Инанны, шумерской богини
плодородия и любви.

* * *

Ни писем, ни звонков, ни поздравлений...
Нас защищали двадцать лет невстреч.
Путём подсказок, знаков, наставлений
нас ангелы пытались остеречь

от бед, давно записанных в глоссарий.
У каждого из нас своя стезя.
Но провиденье, изменив сценарий,
решило вдруг проверить всех и вся...

Могли мы жить счастливо друг без друга
и продолжать играть привычный скетч
в своих границах замкнутого круга.
Но ангелы устали нас беречь...

ВОПРЕКИ...

Всю жизнь живу чему-то вопреки,
практически от самого рожденья.
Поддерживаю горн души горенья,
кидая в топку дум черновики...

Всю жизнь живу рассудку вопреки.
Спонтанность – моя лучшая подруга.
Всё думаю: с какого перепуга
я жгу все переправы у реки?

Всю жизнь живу инстинктам вопреки,
себя ведя к последствиям плачевным.
Но кремом сверхтональным и душевным
я маскирую боли синяки...

Всю жизнь живу желаньям вопреки,
почитывая личные скрижали.
Но вдруг попала, зачеркнув печали,
в поля, где сладкий сон и васильки...

* * *

Я просто поэт. Не слагаю сентенций нетленных,
апломбом и пафосом тоже совсем не сильна.
Но если глаза – зеркала наших душ умиленных,
то семь операций мою искромсали сполна...

Я просто поэт. Но цена моего вдохновенья
не стоила боли, страданий и горьких потерь.
И если б начать предложили всё снова,
с рожденья,
сказала бы честно, что я не готова теперь...

Устала душа. С каждым шагом сума, тяжелея,
грозится спине неподъёмной обузой стать.
Завидую тем, кто совсем ни о чём не жалея,
на грабли любимые снова готов наступать...

Отчаянье, вера, надежды, тревоги, сомненья...
всё переплетается и порастает быльём
Я просто поэт. Много ль значат мои откровенья?
Я просто пишу о своём, о родном, о больном...

* * *

Мечтаю очутиться в Зазеркалье –
хоть на чуть-чуть, хотя б на полчаса.
Напасти отфутболить, отзеркалить.
И сердце хочет верить в чудеса.
Но мне в ответ смеются небеса...

Испортив компас, потеряв все карты,
запутав часовые пояса,
хочу вернуться в февраль и марты,
сменив у настроенья полюса.
Ведь сердце слепо верит в чудеса...

Эх, мне б туда, где юность безмятежна,
где по траве – счастлива и боса –
бегу к тебе. Там ждёт меня надежда,
у чёртова – от счастья! – колеса.
Жаль, сердце слабо верит в чудеса...

Забуду, что устала душу штопать,
что снова невезений полоса.
И невзирая на года и опыт,
поверю: сердце верит в чудеса.
И в алые, как прежде, паруса...

А может, позабыв про реверансы,
стать хитрой и коварной, как лиса,
и, обманув себя, себе дать шансы,
припомнив телефоны, адреса...
Я просто сердцем чую... чудеса!

НА ВОЙНЕ КАК НА ВОЙНЕ

*Но есть войны, в которых
нет победителей...*

Нас не прощает безжалостный мир.
Я – проигравшая. Ты – дезертир.
Памятью и амнезией больна
наша любовь. Да была ли она...

Ложь во спасение. Ложь вопреки.
Славно фальшивя, в четыре руки,
пьеску сыграли «а-ля рандеву»,
только с тех пор я ночами реву...

Мне наказания оглашены:
Я – виноватая, пусть без вины...
Ты – мой судья, прокурор, конвоир.
Триумвират, да один триумвир...

Можно стереть личный фотомузей,
встреч избегать, удалить из друзей.
Прочен канат, да не тот балансир.
Ложь не прощает безжалостный мир...

* * *

Нам это было не предугадать,
и не предвидеть, и не... Только «не»
в нашей истории. Предупреждать
было бессмысленно; верить и ждать –
глупо; надеяться – глупо вдвойне...

Мы с тобой, милый, на вечной войне:
сами с собою... Ты лучше соври.
Мне нашей правды хватило вполне...
Той, что с неправдой была наравне.
Звуки – пустышка. Но ты говори...

Если не знаешь о чём – помолчи,
я и в глазах угадаю вердикт.
Ты всё забыл – так меня научи!
Ложь перед вечностью разоблачи...
Может, Всевышний любовь пощадит?

ЮНОСТЬ – ЭТО НЕИЗЛЕЧИМО

*– Завяжи с этим, есть же средство;
совершенно не тот мужчина.
– У меня к нему, знаешь, – детство,
детство – это неизлечимо.*

Вера Полозкова

– Завяжи с этим: морок и мутность.
Совершенно не тот мужчина...
– У меня к нему, знаешь, – юность,
юность – это неизлечимо.

– Полюби же в себе безмятежность,
и найдётся другой мужчина.
– У меня к нему, знаешь, – нежность,
нежность – это неизлечимо.

– Постарайся, чтоб связи ослабли,
он давно уж не твой мужчина.
– Для меня он, похоже... грабли.
Грабли – это неизлечимо.

– Как же мне тебя переупрямить?
Он – фантом и чужой мужчина!
– У меня к нему, знаешь, – память,
память – это неизлечимо...

Литгостиная
«УлправдаТВ»

Много перемен в этом году и в организации летнего отдыха. Надеемся, следующим летом войдет в привычное русло деятельность детских лагерей. У нас много талантливых педагогов, которые умеют увлечь детей, создать особую атмосферу общения. Об истории создания и традициях лагеря «Доброхот» рассказывает организатор, учитель русского языка и литературы Ольга Владимировна Яшкова (р.п. Карсун).

ТРОПОЮ ПУШКИНА

– Ольга Владимировна, возможно, кто-то из наших читателей не знает, что значит слово «доброхот»? И сразу следующий вопрос: почему Вы так назвали свой лагерь?

– В словаре В.И. Даля читаем: «Доброхот – это радетель, доброволец, доброжелатель, добродетель, тот, кто проявляет участие, желает добра кому-либо». Слово сегодня редко употребляется. Чаще мы слышим «волонтер». Наверное, как учитель русского языка, я не очень-то приемлю иностранные слова, а потому мне ближе и роднее «доброхот». Тем более что впервые я его услышала в связи с именем Пушкина: в родовом имени поэта Михайловское с 50-х годов прошлого века существует доброхотское движение. Оно имеет статус международного. Инициатором этого замечательного движения был Семён Степанович Гейченко, чьё имя неразрывно связано как с Пушкинским Заповедником, так и с именем самого Александра Сергеевича. Известно, что после освобождения Псковской земли (там находится Михайловское) от немецко-фашистских захватчиков усадьбу поэта надо было восстанавливать, требовалось немало усилий, чтобы возродить эти места. Семён Степанович Гейченко был в апреле 1945 года назначен директором заповедника. Он пришёл на пепелище: появление доброхотов явилось исторической необходимостью. Большой объём работ по восстановлению и сохранению пушкинской вотчины, огромная территория заповедника постоянно требовали рабочих рук. Начиналось доброхотство с безвозмездной помощи людей, одиночек, духовно тянувшихся к Пушкину. В дальнейшие годы количество желающих посетить заповедник и поработать во имя А.С. Пушкина увеличивается лавинообразно.

Я сама впервые побывала в Михайловском в 2004 году и увидела там ребят-доброхотов со всех концов и России, и Прибалтики, и ряда стран Европы. Все они так или иначе были причастны к имени Пушкина: например, физико-математическая школа Набережных Челнов носит имя А.С. Пушкина; известная в городе Тарту (Эстония) гимназия Аннелина имеет школьный музей, который называется «К Пушкину из Дерпта»; отряды студентов из Ивано-Франковска формируются на базе кафедры русского языка Национального прикарпатского университета.

И мне подумалось: мы живём на земле, связанной с именами поэтов Николая Михайловича Яшкова и Александра Сергеевича Пушкина. Мы должны перенять опыт доброхотства. Это во-первых.

Доброхоты из Б. Посёлков

Во-вторых, мы тоже можем стать частью международного доброхотского движения. От этого «подумалось» и до осуществления моих планов прошло десять (!) лет. То есть годом рождения нашего «Доброхота» стал год 2014-й.

– Срок немаленький. Ольга Владимировна, Вам кто-то помогал в реализации Вашего проекта? Как мы понимаем, лагерь – это не однодневный поход и не поездка в музей или театр. Это затратное мероприятие, это многочисленные согласования, договорённости, множество организационных вопросов.

– Конечно! О нашем лагере и наших ребятах-доброхотах знают многие в регионе: от губернатора С.И. Морозова до индивидуальных предпринимателей, к кому я обращаюсь за помощью, когда мы выезжаем в Псковскую область в Пушкинский Заповедник. А поездок таких было уже четыре. Я сегодня не могу не сказать спасибо всем, кто так или иначе причастен к пушкинскому проекту, лагерью «Доброхот». В 2015 году мы получили грант губернатора в рамках конкурса социальнозначимых проектов в сфере детского отдыха «Летний меридиан». В 2016-м нам была оказана помощь фондом «Дари добро», который возглавляет Ольга Богородецкая. Ежегодно помогает хотя бы частично оплатить поездку доброхотов к Пушкину местная администрация. С первых лет осуществления наших планов всегда обращаемся к её главе – Владимиру Борисовичу Чубарову и находим с его стороны понимание. Нам помогает наше управление образования МО «Карсунский район» в вопросах финансирования лагеря в Языкове. Не могу не отметить помощь ин-

дивидуальных предпринимателей А.Н. Горшкова, Ю.В. Черняева, В.А. Шипова. Мы всегда говорим спасибо директору Языковской школы Вере Андреевне Струевой – именно на базе школы протекает пушкинская смена лагеря «Доброхот». Ребята с радостью принимают музей «Усадьба Языковых» и дирекция парка, где ребята трудятся в качестве доброхотов. Одним словом, друзей у нас много. Этим и счастливы.

– Итак, с 2014 года летняя смена лагеря «Доброхот» проходит в Языкове. Ольга Владимировна, какие цели и задачи преследуете Вы и Ваши коллеги-единомышленники?

– Говорить об образовании и воспитании детей в условиях небольшого российского посёлка, не имеющего ни множества музеев, ни центров гуманитарной науки, при отсутствии театров, концертных залов, консерваторий очень сложно. А потому мы, учителя-словесники, считаем, что необходимо специально заботиться о преобразовании среды и появлении особого образовательного и воспитательного пространства и его влиянии на ребёнка. Таковы идея и замысел нашего трудового интеллектуального историко-литературного лагеря. Проект пушкинского лагеря – так изначально было задумано – или ещё вариант – пушкинской смены в Языкове. Это продуманная (если по-научному, смоделированная), на определённый срок спланированная ЖИЗНЬ детского коллектива, где все вместе и каждый в отдельности заняты делом, знают, зачем и для чего они в лагере, любят тех, кто рядом с ними, любят читать, любят учиться (даже летом, в дни школьных каникул!), счастливы и просто хотят вместе «жить, думать, чувствовать, любить, свершать открытия!»

Есть ли объяснение этой, без сомнения, инновационной деятельности детского коллектива? Безусловно! Мы хотим, чтобы с помощью Пушкина дети, говоря известными словами В.Г. Белинского, «превосходным образом воспитали из себя человека, смогли укрепить и развить свой «русский дух», росли патриотами своего Отечества, своей культуры; чтобы им «дивно близки» были все те «чувства добрые», которые Пушкин «лирой пробуждал», чтобы **ценностный мир Пушкина** – с его «любовью к родному пепелищу» и «любовью к отеческим гробам», с его талантом и культом дружбы и дружества, преклонением «пред солнцем бессмертным ума», с его трепетом перед «божественными природы красотами» и «созданиями искусств и вдохновенья» – **стал бы ценностным миром ребёнка.**

Считаем, что огромный смысл заключается в совместной работе на территории парка бывшей усадьбы Языково над исследовательскими проектами, в творческой деятельности во время участия в интеллектуальных состязаниях и конкурсах, во время образовательных экскурсий. Ведь именно в такой деятельности образование и воспитание предстают перед детьми как живая, развивающая среда. Главное – это вовсе не заучить и повторить, главное – когда все вместе делают дело, в результате которого становятся другими. Наша работа организована так, что большинство школьников могут максимально проявить самостоятельность. У ребят есть возможность самим определять свою долю участия в проекте. Выполнение проекта предполагает одно-

временно посильное участие ребят в благоустройстве территории усадьбы (парка) Языковых: высаживание цветов, полив, прополка цветников, уборка бытового мусора на экскурсионных маршрутах, покраска скамеек, ограждений, уборка сучьев, веток, скошенной травы в парке, прополка и подметание дорожек, чистка парковых водоёмов от растительности, уничтожение сорняков. Эта часть жизни лагеря, безусловно, важная составляющая пребывания в «Доброхоте».

– Расскажите, пожалуйста, о том, как протекает жизнь в лагере.

– Смена лагеря «Доброхот» короткая – всего семь дней. Но событий за это время происходит много. Вообще я представляю, как это непросто: в середине лета, когда хочется время провести на пляже, спортплощадке, с друзьями, ничего при этом не делая, вдруг сесть за парту и устроить для себя «умные» каникулы. И всё-таки есть такие мальчишки и девчонки. Они уже не первое лето подряд в июле собираются в Языкове. И когда я слушаю их работы, слушаю, как они читают поэтические строки, поют гимн доброхотов, защищают свои проекты, вижу, что с энтузиазмом идут в парк и работают там, вижу их красивых и нарядных опять же в парке, но теперь для того чтобы представить жизнь в усадьбе Языковых в XIX веке, – я горжусь ими, горжусь учителями, которые их направили именно в такой лагерь.

В июле 2014 года начинал свою работу лагерь «Доброхот». На первый взгляд скромный план работы на 5 (всего на 5!!!) дней предполагал очень насыщенную детскую жизнь. В первый год приехало на пушкинскую смену всего 18 человек. Игра-викторина «С Пушкиным на дружеской ноге» и вечер знакомства показали, что приехавшие в лагерь школьники плохо представляют, чем хотят заниматься, что им интересно, какой выбор они могут сделать, чтобы интересно и с пользой провести время. С выбором вообще было сложно. Говорили: «Вы скажите, что надо сделать, мы попробуем». Живя в 20-30 километрах от Языкова, большинство не бывало здесь даже в самые торжественные дни – первое воскресенье июня (Пушкинский праздник, приуроченный ко дню рождения поэта) и конец сентября (камерное мероприятие, когда собираются местные поэты, чтобы отметить дату приезда Пушкина в Языковскую усадьбу). И тогда, как писал наш поэт Анатолий Чесноков:

В краю Языкова и Пластова

Вновь Пушкина звенят глаголы.

А нам, трём педагогам-словесникам, это и надо было: чтоб «Пушкина звенели глаголы». И получилось! И свершилось! Уже на четвёртый день наши дети расцвели. Вечером этого дня кто-то спросил: «А завтра уже уезжать? Так быстро... Давайте ещё...» На творческом отчёте доброхоты пели свой гимн, сложенный ими же, играли «Пинежского Пушкина», читали стихи о лагере:

Что такое «Доброхот?»

Это юности полёт.

Это пушкинская смена,

Это в жизни перемена.

Это труд, и это смех,

Это счастье и успех!

Что такое «Доброхот?»
 Это к знаниям поход,
 Это пушкинский лекторий,
 Это парка территория,
 Где мы трудимся не зря.
 Это творчества заря!

Что такое «Доброхот?»
 Скажем – каждый нас поймёт.
 Патриот и краевед,
 Декламатор и поэт.
 Изучаем край родной
 И гордимся мы страной!

Завершён учебный год,
 Всех собрал нас «Доброхот».
 Этой встрече очень рады,
 Будут знания наградой!
 Будет радость, будет смех!
 Верим, ждёт нас всех успех!

Мы расставались, благодаря друг друга за встречу на языковской земле, благодаря всем, кто так или иначе был причастен к нашему проекту. А главная наша благодарность была адресована Александру Сергеевичу Пушкину и Семёну Степановичу Гейченко (в первые дни пребывания в лагере ребята уже узнали, что это ему принадлежит идея доброхотства).

С чем мы столкнулись на следующий год? Дело в том, что в 2015 году в лагерь приехали школьники, кто уже бывал в «Доброхоте». И вот она, проблема: одни словно неоперившиеся птенцы, для которых ВЫБИРАТЬ, ТВОРИТЬ, ОТКРЫВАТЬ – непонятная головоломка. Другие уже сделали первые шаги в этом направлении, они ждали объявления – не знаю, что лучше сказать – цели (?), задач (?), темы (?)... Главное – они знали, что участие в процессе (именно в процессе) – вот чего от них ждут. Результат? Он был совсем не известен. Вначале никому не известен. В финале результат превзошёл ожидания!

Что мы сделали? Вернее, делали в течение смены. Мы их постоянно объединяли, разъединяли, группировали, можно сказать, как колоду карт, перетасовывали. Про себя условно называли одних «старички», других – «новички». А они придумали для себя другие имена: «Знайки» и «Незнайки». И если «Незнайки» – это подходило к «новичкам», то «Знайки» – это был явный перебор. Но ребятам нравилось, они даже откликнулись на свои «имена». А взрослые знали, что в «Доброхоте» должен быть «умный» досуг, а значит, план пушкинской смены необходимо выполнить.

Как и год назад, организация «умного» досуга предполагала занятия в пушкинском классе: это изучение биографии Пушкина и Языкова, просмотр фильмов о Пушкине, прослушивание музыкальных произведений на стихи поэтов, иллюстрирование их творчества. А ещё конкурс декламации, поэтический вечер, мини-театрализация вместе с реконструкцией событий дворянской усадьбы XIX века, образовательная экскурсия в Болдино (на эту поездку решено было потратить деньги губернаторского гранта). «Погружение в Пушкина» – это погружение в мир литературы, в удивительный мир книги – мир, полный открытий, загадок, тайн», – говорили

мы ребятам и вели их в этот мир вместе с преподавателями Ульяновского педагогического университета. Они были приглашены к нам для проведения мастер-классов, чтения лекций. Встречи в литературной гостиной с учёными-филологами, их консультации по написанию исследовательских работ – это был бесценный опыт для сельских школьников, где в классе порой 5-6, а то и 2-3 одноклассника. Главным событием 2015 года для «Доброхота» стала поездка в Болдино. Вот что об этом написал Никита Красильников (это наш самый почётный доброхот: был в лагере четыре раза, ездил в Михайловское, по итогам был награждён путёвкой в «Артек», а позже стал участником литературной смены в образовательном центре «Сириус»). Да, собственно, кто ж не знает нашего молодого поэта, нашего Никиту Красильникова?!

В убранстве летнем Болдино предстало
 Пред взором молодых и любопытных глаз.
 Тут атмосфера Пушкиным дышала
 Как много лет назад, так и сейчас.

В стенах его старинного имения
 Родилось множество рассказов и стихов.
 Он не познал ни в творчестве затмений,
 Ни недостатка вдохновенных слов.

И бурей фраз, и строчек громогласных
 Он прорубил нам к знаниям окно –
 Потоку мыслей и творений ясных
 Иссякнуть было уж не суждено.

Так Никита писал о Болдине, позже он напишет стихи о Михайловском. А ещё ему принадлежат строки гимна доброхотов, где есть такие слова: «Мы собрались для важной цели. // И имя Пушкина у всех здесь на устах. // В Языково под знаменитой елью // Мы говорим о пушкинских стихах». Вот так мы и проводим нашу смену в лагере «Доброхот».

– Ольга Владимировна, как Вы считаете: всё задуманное Вами удаётся воплотить? От чего-то приходится отказываться?

– Всё, что мы предлагаем ребятам, проходит порой даже интереснее и занимательнее. Когда в «Доброхот» стали приезжать по второму, третьему и даже четвёртому разу, нам стало в какой-то степени легче. Мы делегировали часть творческих замыслов тем, кто уже готов был сам придумывать, додумывать, создавать. Именно так проходит у нас на территории Языковского парка квест-игра «Тропою Пушкина». Из идеи от этапа к этапу отвечать на вопросы и читать стихи родились различные задания, которые придумали сами ребята. Старались все: одни в придумке «коварных» вопросов, другие – в желании ответить на них и от станции к станции прибежать первыми. «Биографическая», «Интеллектуальная», «Поэтическая», «Стихотворная», «Географическая», «Театральная» и «Загадочная» – вот этапы, которые пришлось пройти доброхотам-новичкам. Но ничего, справились! Запутались немного, не увидев среди русских писателей Шекспира и, отгадывая, перебирали всех русских классиков. Помучились над сочинением стихотворения по заданным словам: парк, Языков, Пушкин, ель. А

сколько смеха было, когда экспромтом играли сцену из «Капитанской дочки!» Пугачёв, Савельич, Гринёв и Швабрин – все в исполнении девочек – это надо было видеть! «Виселица», валяющийся в ногах «разбойника» Савельич, предатель Швабрин и гордый Гринёв – он помнит наказ отца: «Береги честь смолоду!» Молодцы, новички! «Дух доброхотов уже присущ вам», – говорили мы, глядя, как увлечённо ребята разыгрывают эпизоды повести.

Каждый раз мы строим нашу работу исходя как из запросов ребят, приехавших в лагерь, так и из возможностей, которые предоставляются нам, взрослым. А мы, учителя-словесники, поверьте, придумывать можем. И планов у нас всегда больше, чем возможностей. Так, например, в 2016 году мы каждому дню дали своё название: краеведческий, поэтический, театральный, научно-исследовательский, конкурсный, а ещё день встречи гостей. У меня сохранились отзывы ребят об этом.

Вспоминает Саша Старшова: «В краеведческий день мы встречали гостей. В первой половине дня приехала к нам Елена Владимировна Камаева – учитель русского языка и литературы кадетской школы-интерната. Доброхотам она рассказала об Алексее Валуеве, земляке языковцев, юном славянофиле, преданном и верном своему делу и рано ушедшем из жизни. В тот же день мы встречали учителя Карсунской средней школы Селезнёву Ларису Александровну и её учеников. Театрализованная постановка по письмам Дениса Давыдова и Николая Михайловича Языкова, представленная нам, была необычной. А музыкально-поэтическая композиция «Чистое золотое зеркало...», посвящённая Языкову и русскому фольклору, стала украшением встречи: Лариса Александровна вместе со своей ученицей пела народные песни!»

А вот отзыв Никишиной Ксении: «В поэтический день у нас в гостях была Татьяна Александровна Эйхман. Она член Союза писателей России, наш поэт. К встрече с ней готовились почти все доброхоты. Она должна была определить лучшего декламатора её же стихотворений. Как все волновались! Ещё час назад блестяще рассказывая поэтические строки, некоторые рядом с Татьяной Александровной вдруг терялись. Но с подсказки автора, её подбадривающего голоса продолжали декламировать полюбившиеся строчки. И названы лучшие: Валя Туманова, Ангелина Качалкина, Варя Чабарова, Дания Абубекирова, Оля Журавлёва. А до конкурса декламаторов Татьяна Александровна почти два часа рассказывала о себе, о своей любви к поэзии и литературе вообще, о многих современных явлениях и об отношении к ним, об Аркадии Александровиче Пластове. Это было кстати: ведь накануне мы ездили на экскурсию в Прислониху, были в музее художника, его мастерской, где создавалось знаменитое полотно «Фашист пролетел», и на его могиле. Спасибо большое Вам, Татьяна Александровна, что нашли время и приехали к нам!»

А так написала о конкурсном дне Настя Сахарова: «Этот день был предпоследним в лагере. Но готовились к нему все дни, чтобы посоревноваться в сочинении фантастических проектов. Мы придумывали Музей будущего. Идея за идеей приходила и тут же менялась на другую. А будут ли в будущем

музеи? Какими там будут экспозиции? А как связать такой музей с нашей доброхотской сменой? Никита Красильников первым сказал, что его проект так и будет называться: Музей доброхота! Другие ребята подхватили идею: появились экспозиции с одеждой доброхотов, их увлечениями, книгами и даже вечерними нарядами и украшениями. Победил Никита и его музей!»

Сама я бы сказала, что одним из трудных дней был день, когда проводилась Малая научно-исследовательская конференция. Желающие – только желающие – получили задание: выбрать для анализа сборник стихотворений одного из наших симбирских поэтов, найти то, что определяет тему или мотив в творчестве автора, исследовать с научной точки зрения, поставив цель, определив задачи и выдвинув гипотезу. Грамотно оформить работу, защитить её. На конференции звучали имена Татьяны Эйхман, Анатолия Чеснокова, Владимира Дворянского, Валентина Орлова, Любви Грязновой, Валентины Мальковой. Сборник «Венок Языкову», где собраны стихотворения разных поэтов, анализировала Галя Тымбур, тему «Портрет в изображении Т. Эйхман» исследовала Дания Абубекирова, «Мотив тоски в стихотворениях В. Дворянского» описала Настя Сахарова. С совершенно новым именем познакомил нас Ангелина Качалкина, рассказав о вечных темах в поэзии языковской поэтессы В. Мальковой. Ребята внимательно слушали маленькие – НО! – научные доклады, задавали весьма каверзные вопросы, а потом голосовали за лучшее, по их мнению, исследование. Победили Дания, Ангелина, Настя, Лапшин Артём, Чабарова Варвара.

– Что Вы считаете главным, скажем так, своим достижением?

– Конечно, Михайловское! Это главное, это важное, это нужное! Уже четыре отряда доброхотов – это более шестидесяти школьников – влились в удивительное движение «Пушкинские доброхоты!» А ещё с нами учителя, родители и даже бабушки и дедушки ездят в Пушкинский Заповедник. Я сама там была более двадцати (!) раз. Это и поездки с ребятами, и ежегодные доброхотские конференции руководителей отрядов, это пушкинские семинары на базе Михайловского, наконец, я просто с семьёй своей бываю в этих благословенных местах. Могу предположить: меня многие не поймут. Но именно там я вспоминаю строчки известной песни: «Не нужен мне берег турецкий, чужая земля не нужна». И верю Константину Паустовскому, который так писал о Михайловском: «Я извездил почти всю страну, видел много мест, удивительных и сжимающих сердце, но ни одно из них не обладало такой внезапной лирической силой, как Михайловское».

– Итак, в 2016 году первый отряд выехал в Пушкиногорье. Это было девять школьников, которые теперь с гордостью носят значок доброхота Пушкинского заповедника, они помнят об этой поездке как о счастливом времени, гордятся тем, что стали ПЕРВЫМИ в Ульяновской области, подхватившими замечательную инициативу. Они теперь точно знают: настоящий доброхот никогда не бросает друзей, всегда готов помочь людям, бережно относится к чужому труду, искренне беспокоится о судьбе старинных усадеб и парков. Он не позволит ломать де-

ревья, жечь костры, бросать мусор не только в парке, но и в своём дворе, в своём городе, он стремится привлечь к добрототскому движению своих друзей, знакомых... Добрототом нельзя стать на неделю, месяц или год: добрототом остаются навсегда! Вот они, первые: Абубекирова Дания, Васияров Иван, Красильников Никита, Музуров Александр, Никишина Ксения, Титова Дарья, Тымбур Галина, Старшова Александра, Середавины Михаил и Юлия. Или вот так: Карсун, Ульяновск, Сосновка, Большие Посёлки! Вместе с ними были педагоги – Дронина Елена Михайловна и Титова Елена Дмитриевна. Все вместе мы работали на территории музейного комплекса «Пушкинская деревня» – Бугрово: убирали скошенную траву, чистили дорожки, приводили в порядок музейные экспонаты. И всё это на земле заповедника, где можно было наблюдать плавный полёт аистов, кормить с руки уток, не боящихся многочисленных туристов, а ещё собирать и есть чернику, любоваться извилистой Соротью и красивейшими озёрами и прудами, фотографировать крупные белые кувшинки и изумительнейший закат над Михайловским. В те дни, когда добрототы были в Михайловском, заповедник отмечал знаменательную дату – 190-летие со дня приезда к Пушкину нашего земляка, поэта Николая Михайловича Языкова. И ребята заранее подготовили выступление, назвав его «Венком Пушкину и Языкову» – «друзьям по вдохновенью». Со сцены звучали строки поэмы Анатолия Петровича Чеснокова о Языковском парке, стихотворение Татьяны Александровны Эйхман «Вы приезжайте к нам в Языково в июне...». Свои творения прочли Никита Красильников и Галя Тымбур. А ещё были спеты гимн добрототам и песня Булата Окуджавы «А всё-таки жаль...». Об этом выступлении наших ребят писала псковская лента новостей. Здорово!

Конечно, надо помнить, что главной в этой поездке была встреча с Александром Сергеевичем Пушкиным. Уже в первый день приезда ребята побывали на могиле поэта, у его памятников, на территории усадьбы Михайловское. Это были самостоятельные прогулки, когда можно никуда не торопиться, погулять по аллеям и тропкам, где бывал хозяин этих мест, помечтать, поделиться впечатле-

Работа в Петровском

ниями, послушать тишину, полюбоваться красотой. Вот как об этом написала Галя Тымбур:

Поэзией место пропитано это,
Страницы истории здесь шелестят,
И многоликая муза поэта
По-прежнему робко гуляет в лесах.

Здесь сердце трепещет от ласки покоя,
В прудах молчаливо кувшинки цветут,
И тропы лесные, дубы вековые
Нас в прошлые дни незаметно ведут.

А потом были экскурсии, встречи с сотрудниками заповедника, посещение музеев. О своих впечатлениях добрототы рассказывают так.

Дания АБУБЕКIROVA

«Поездка в Михайловское – самая лучшая поездка в моей жизни. Столько эмоций я не испытывала никогда. Восхищение, радость, желание узнать много нового переполняли меня! За короткую неделю я узнала очень много нового об А.С. Пушкине, о его семье и о его пребывании в Михайловском. О том, с кем он общался, с кем дружил. Аллеи, дома, дворики, усадьбы – все это вызывало у меня необыкновенный восторг! Подобной красоты я никогда не видела. И если бы я жила там, мне бы, конечно, тоже хотелось творить. Ведь живописность мест пушкинской природы удивляет, а затем рождает вдохновение внутри каждого!»

Саша МУЗУРОВ

«На протяжении всего нашего путешествия меня не покидало ощущение, что вот-вот встречу Александра Сергеевича или героев его произведений. Гуляя по Тригорскому парку, по его извилистым дорожкам, я представлял себе, что где-то за поворотом я встречу Евгения Онегина, сидящего на знаменитой своей скамье, Татьяну Ларину, читающую книгу в тени старых деревьев. Всё проникнуто духом поэта!»

Быть здесь и не стать поэтом, ну хотя бы писателем, – невозможно! Сама природа настраивает на лирический лад! Есть желание раствориться в этой необыкновенной красоте рек и озёр, голубого неба и свежей зелени леса. Понять Пушкина невозможно, не побывав в Пушкинских Горах! Можно обойти десятки музеев, но именно здесь состоялось рождение его как гениального поэта! Низкий поклон Семёну Степановичу Гейченко за жизнь, посвящённую Михайловскому. Благодаря таким людям мы сохраняем свою историю».

Ксения НИКИШИНА

«Самой лучшей частью этого лета для меня стало замечательное путешествие по местам, где когда-то бывал А.С. Пушкин. Вроде бы многое о нём известно, но для меня открылись новые факты его жизни. Километры, пройденные нами, лишь рождали интерес узнать как можно больше. Места, где мы были, покорили моё сердце своей необычайной простой красотой. Там, правда, и трава зеленее, и небо голубее, и воздух легче. Оттуда не хотелось уезжать, хотелось остаться ещё надолго».

Александра СТАРШОВА

Работа в заповеднике

«Я давно хотела посетить Пушкинские Горы и увидеть места, связанные с именем великого поэта. Этим летом моя мечта исполнилась. Мы, доброты, вместе со своими преподавателями отправились в замечательное путешествие. Удалось посетить две усадьбы – Тригорское и Михайловское, Святогорский монастырь, на территории которого находится могила нашего великого поэта. А ещё Дом-музей Довлатова, Пушкинскую деревню, в частности, водяную мельницу.

Моё сердце покорила живописная атмосфера этих мест. Она пропитана историей и поэзией. Наблюдая здешние виды, я сама захотела взять в руки перо, бумагу и начать писать стихотворения, поэмы... Пушкиногорье – прекрасное место для отдыха.

Поездка удалась, осталось море замечательных впечатлений, позитива и желание вернуться туда снова.»

Иван ВАСИЯРОВ

«Я всё время ловил себя на мысли, что мне хочется именно здесь повстречать Пушкина, поговорить с ним, задать простые и не очень простые вопросы. Да, именно здесь я открыл для себя, что наш великий поэт был ещё и просто человеком. Так душевно и необыкновенно искренне рассказывают о нём в залах Михайловского и Тригорского, что к такой мысли и приходишь. Я был счастлив все эти дни. Только одно самую чуточку огорчало: почему я не могу ничего подобного сделать в жизни? И где-то далеко звучало: а может, и смогу? Какие мои годы...»

Юля СЕРЕДАВИНА

«Когда Ольга Владимировна предложила мне поехать, как она говорит, к Пушкину, я и не представляла, насколько радостным станет для меня это событие. Работа в Бугрово, километры лесных троп, восторг от красоты удивительнейшей природы, наше выступление, музейная почта, где я писала маме и папе письмо гусиным пером, а ещё зооград, дом Довлатова, мельница и мельник со своими задачками, которые мы решали тут же и часто неправильно – вот то, что останется в памяти надолго. А ещё квест-игра «Тропой Пушкина». Дождь в этот день лил не переставая, а нам надо было пробежать не один километр, чтобы выполнить все задания игры, найти подсказки, до-

браться до финала. В смешных цветных дождевиках, то под зонтиками, то без них, мокрые, уставшие, но преодолевшие все интеллектуальные «заморочки», мы всё-таки получили свои награды. По Михайловскому парку мы прошли тем маршрутом, которым едва ли не ежедневно ходил Пушкин. Было просто здорово!!!»

Думается, что рассказ о поездке наших доброты в Пушкинский Заповедник может быть бесконечным, как и количество фотографий, которые и ребята, и педагоги сделали себе на память. Взгляните на эти счастливые лица! По-хорошему позавидуйте ребятам, а ещё лучше соберитесь и на следующее лето отправляйтесь вместе с нами в удивительную поездку – в Пушкиногорье.

Это было, повторю, в 2016 году. А потом были ещё три отряда, три поездки, три счастливые встречи с Пушкиным на пушкинской земле. И с каждым годом нас становилось больше и больше. В прошлом году в Михайловском побывали 26 больших и маленьких доброты. Я стараюсь делать так, чтобы каждый год мы жили в разных местах, работали в разных парках и на разных прудах, встречались с разными людьми. В этом есть смысл, так как Пушкинский Заповедник – это около десяти тысяч гектаров, это около десятка музеев, это экскурсии, мастер-классы, квесты, это известный в Пушкиногорье зооград, наконец, это другие добротские отряды, встречи с ними и совместные выступления. Всегда есть программа поездки! Много пеших прогулок. Это необходимо: пройти по тропкам и аллеям, где гулял Пушкин, Анна Керн, сёстры Осиповы-Вульф (они стали прототипами Ольги и Татьяны из «Евгения Онегина»). А Владимир Ленский «унаследовал» черты их брата Алексея – он учился с нашим Николаем Михайловичем Языковым в Дерпте. Помните: «Здравствуй, Вульф, приятель мой! // Приезжай сюда зимой, // Да Языкова поэта // Затащи ко мне с собой...» Эти строки обязательно читают экскурсоводы в залах музея в Тригорском, где на одной из стен висит портрет Николая Михайловича. Ребята узнают земляка и гордятся. Обидно им бывает, когда выясняется, что про Языково наше кто-то не знает. Вот тут не однажды инициативу и перехватывают: рассказывают о языковских местах, о пушкинских праздниках, о пушкинской ели, о нашем лагере. И заканчивают обязательно строчками стихотворения Татьяны Александровны Эйхман «Вы приезжайте к нам в Языково в июне...» Кстати, в прошлом году

На Горбатом мостике

У памятника Пушкину

Татьяна Александровна ездила с нами в Михайловское. Мы там отмечали её день рождения, а она написала не одно стихотворение и о Пушкине, и о Михайловском, и о нас, доброхотах.

Доброхоты, доброхоты
 Разыграли как по нотам
 Вечер расставания.
 До свиданья, доброхоты,
 Слезы набегают что-то.
 Но не от отчаянья.
 Знаю, будут встречи снова!
 В небе цвета голубого
 Вновь порхают шарики...
 И звенят в аллее парка
 Голоса, а там под аркой
 Сувенир ждёт маленький.
 Это беленький листочек,
 И на нем немного строчек
 Только благодарности
 За вниманье и за ласку,
 И за то, что стали сказкой
 Смены дни. И радостью!
 Хочется обнять всех сразу.
 В небе звёзды словно стразы
 И Луна как долечка...
 Пушкин нам прощально машет.
 Он доволен сменой нашей.

– **Ольга Владимировна, благодарим за вдохновенный рассказ. О чём бы Вы еще хотели сказать?**

– Да. Я бы ещё сказала о традициях, которые зародились в нашем лагере с первых дней. Во-первых, исполнение гимна доброхотов и посвящение в доброхоты с вручением значка. Во-вторых, чтение вечером, перед сном, «Пушкинских проповедей». Это удивительная книга педагога и писателя Симона Львовича Соловейчика. В-третьих, это уже касается тех, кто едет в Михайловское, в первый же день посетить Святогорский монастырь, где находится могила Пушкина, и положить не просто букетик цветов (их много продают на пути к монастырю), а букетик

от Николая Михайловича Языкова. Мы такой везём из дома, бережём в дороге, а на третий день кладем к подножию памятника на могиле со словами: «От друга по вдохновению – от Языкова». Наконец, ещё одна традиция: обязательное СПАСИБО всем, кто был рядом. Я это слово говорю и на открытии смены, и на последнем вечере перед расставанием.

И сейчас я бы тоже хотела закончить своё интервью этим самым СПАСИБО. Всем тем, без кого пушкинская смена лагеря «Доброхот» не состоялась бы, даже если бы были деньги, спонсоры. Это мои коллеги – учителя русского языка и литературы. Дронина Елена Михайловна из Большепоселковской школы, Екимова Галина Николаевна из Валдиватской школы. Они для ребят и педагоги, и наставники, и первые помощники – они герои: все годы в летнем лагере круглосуточно живут с ребятами в Языково. Не могу не сказать спасибо Карбышевой Светлане Евгеньевне, нашему музыкальному руководителю. Без неё нам было бы не просто сложно, а невозможно. Она с нами тоже все годы рядом. Спасибо Файзрахмановой Ирине Валерьевне, учителю русского языка и литературы кадетской школы-интерната. Она проводила в Языкове интересные пушкинские уроки и уже трижды ездила в Михайловское, став другом и наставником ребят. Ну и главное СПАСИБО моей семье, замечательным моим мужчинам, которые все эти годы поддерживали меня, мои идеи и помогали их осуществить. Так, эскиз значка доброхота сделал мой младший сын, помогал в оформлении заявки на грант старший. А муж мой – настоящий доброхот все эти годы. Он и в Языково приезжает каждый день, и в Михайловском трудится вместе с ребятами. Вот так мы и живём! Школа доброхотства – это школа любви на всю жизнь. Ребята сами так считают, когда поют свой гимн:

С энтузиазмом все из нас внимают
 Расскажам про великого творца,
 И загорается огонь любви в сердцах
 У всех у нас, кто Пушкина читает.

Беседовала Ольга УРЛАПОВА

ВЕЕТ ПУШКИНСКИМ ДУХОМ НАД ЯЗЫКОВСКИМ ПАРКОМ...

Татьяна ЭЙХМАН

«...Да, эту землю не любить нельзя!
Светильник вдохновенья не погас!
Седых лесов высок иконостас,
И луч, по зелени лугов скользя
Выводит строки дивные для нас!»

ЗОРКОЕ СЕРДЦЕ ХУДОЖНИКА. КАРТИНЫ СТАНИСЛАВА СЛЕСАРСКОГО

*Л.Ю.и С.П. Слесарские
на открытии выставки*

*Выставка картин С.П. Слесарского.
Музей А.А. Пластова*

*Медаль лауреата Международной премии
в области изобразительного искусства
им. А.А. Пластова, заслуженного
художника РФ С.П. Слесарского*

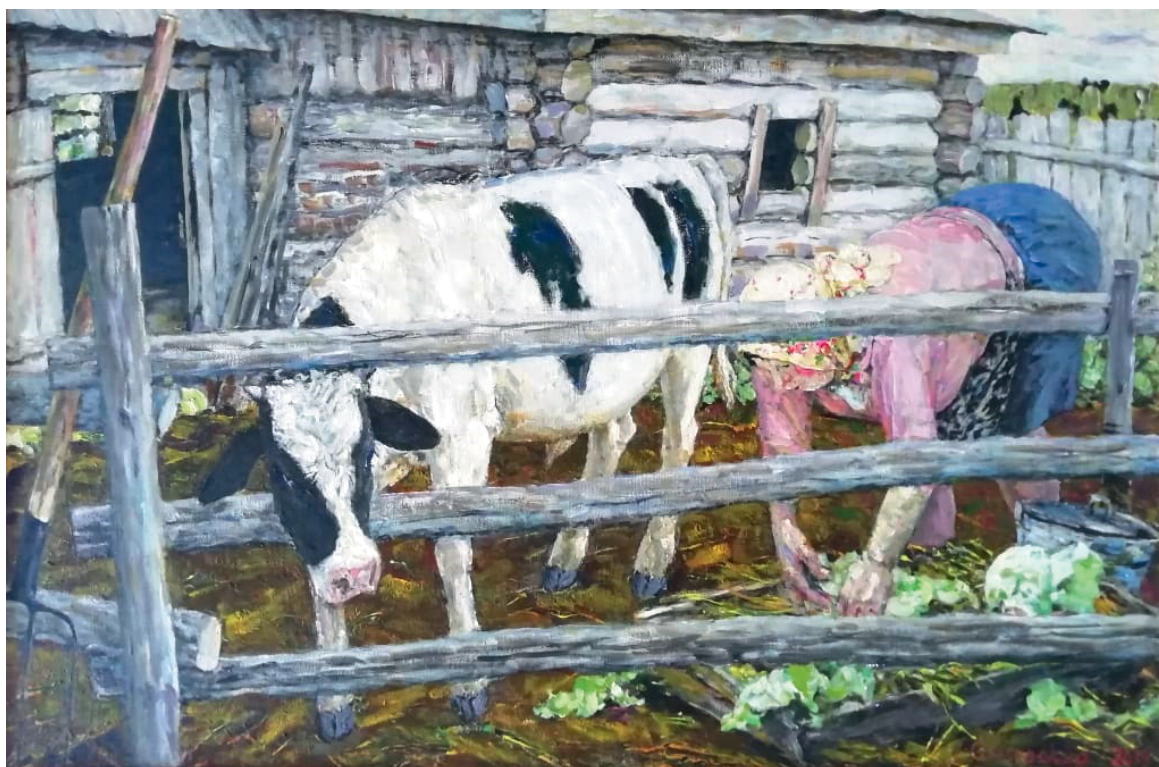
Благодарим Ирину Обухову за предоставленные фотографии

С.П. Слесарский. У колодца

С.П. Слесарский. Дворик в Прислонихе

С.П. Слесарский. Бычок

ГОРОД КАК РАБОЧЕЕ МЕСТО ПИСАТЕЛЯ

Кафе в Гейдельберге, где любит работать писатель и поэт Софи Штайнфест

Дворик, где пишет поэт Гали-Дана Зингер, Иерусалим

Тройной мост, вдохновляющий писателя Андрея Блатника, Любляна

Улица Федерации, Симбирск-Ульяновск, художник, скетчер, иллюстратор, фотограф Юлия Узрютова

*Терлецкий парк в Москве, где работает Ирина Богатырева,
Ульяновск-Москва*

*Вид, открывающийся с рабочего места поэта
и писателя Алана Спенса, Эдинбург*

Натюрморт с велосипедом, Дэвид Ховард, Данидин

ГОРОД КАК РАБОЧЕЕ МЕСТО ПИСАТЕЛЯ

Международная онлайн-выставка «Город как рабочее место писателя», организованная дирекцией программы «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО», объединила более 100 фотографий и текстов писателей, художников, фотографов разных стран мира.

– Наша идея – собрать фотографии и короткие тексты от авторов, рассказывающие о местах в городе, где они любят работать над своими текстами и проектами, – рассказала автор идеи и куратор выставки, координатор программы «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО», поэт и писатель Гала Узрютова. – Очень интересно исследовать, как сегодня меняются рабочие условия авторов: одни работают дома за письменным столом или пока принимают ванну, другие делают наброски стихотворений прямо на смартфоне, третьи обожают писать в аэропорту, в поезде или пока катаются на велосипеде по городу. Коронавирус внес изменения в работу писателей, о чем они также рассказали нам в присланных текстах. Проект помогает глубже понять отношения писателя с городом и позволяет писателям разных городов мира узнать больше о работе друг друга. Рядом с фото мы разместили ссылки на сайты авторов, чтобы читатели могли ближе познакомиться с их работами.

Первоначально заявки принимались только из литературных городов ЮНЕСКО, но интерес к проекту проявили и писатели из других городов, поэтому организаторы решили расширить выставку. Полную онлайн-экспозицию можно посмотреть на сайте программы «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО» <http://ulyanovskcreativecity.ru/>. В этом номере мы представляем подборку из 20 фото и текстов, вошедших в экспозицию (часть текстов приводится в сокращении, полную версию смотрите на сайте).

Рабочее место Би Фэйюйя

Рай или ад, всё это – здесь.

Би Фэйюйя – известный писатель, журналист, сценарист, автор романов «Лунная опера», «Слепцы», «Три сестры». Писателю присуждены крупнейшие в Китае Литературная премия Лу Синя (2004) и Литературная премия Мао Дуня (2011). Он живет в Нанкине – городе литературы ЮНЕСКО в Китае.

Рабочее место писателя Би Фэйюйя, Нанкин

Ульяновск

Рабочее место – там, где можно работать. Писателю для работы нужно только то, что может записывать, и то, на чём можно записать. Его рабочее место может быть где угодно. Я люблю порядок; люблю видеть текст сразу стройным и ровным. Большинство текстов начинались с записной книжки в телефоне. Отдам дань уважению футуризму и назову любимым рабочим местом это техническое устройство. Труд, который всегда с тобой.

Рабочее место Даниила Ноздрякова, Ульяновск

Данила Ноздряков, поэт, философ, Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО, <https://vk.com/pomadn>

Вонджу – город литературы ЮНЕСКО в Южной Корее

Рабочее место известной писательницы Пак Кённи (1926 – 2008), южнокорейского автора, написавшего 20 романов и повестей и 3 стихотворных сборника. Писательница работала в ее старом доме в Вонджу, что рядом с Культурным центром Тојі, до своего ухода. После переезда в Вонджу из Сеула в 1980 году автор продолжила писать монументальную литературную работу «Тојі» («Земля») и завершила свой 26-летний труд 15 августа (День освобождения Кореи) 1994 года.

Рабочее место писательницы Пак Кённи, Вонджу

Известно, что писательница никогда никого не пускала в своё рабочее пространство, а друзей принимала в гостиной. Она работала, сидя на полу на подушке, попивая чай. На ее письменном столе находились словарь корейского языка, справочники по истории Кореи и всемирной истории, очки, пачка сигарет, пепельница, бумага для письма и перьевая ручка. Поскольку она спала прямо здесь, на полу лежал тростниковый коврик. Тут же – торшер и электрический вентилятор, который она купила в молодости и использовала до конца своих дней.

Терлецкий парк, Москва

Я очень чутко отношусь к месту, где работаю. Это не значит, что где-то мне работается хуже, где-то лучше, нет: я уверена, что настоящая работа у автора внутри. Однако «правильное» место даёт возможность правильно распределять ресурсы.

Вот на фото – дуб, под которым я часто работаю летом, он находится в Терлецком парке возле моего дома. Ухожу туда с ноутбуком, термосом чая и походным ковриком. В будни людей там почти не бывает, но много птиц, насекомых и белок. Однажды на меня стали прицельно сыпаться жёлуди, оказалось, бельчонок баловался, кидал желудь и свешивался с ветки – попал, не попал.

Ирина Богатырева, писатель, музыкант, путешественник, Ульяновск-Москва, <http://www.i-bog.ru>

Рабочее место поэта, журналиста и переводчика Сергея Гогина, Ульяновск

Ульяновск

Помню, как начал писать один рассказ под влиянием момента. Момент застал меня летним днем посреди толпы людей, которые собрались на главной городской площади – площади Ленина – что-то праздновать. Кругом было шумно, но слова требовали выхода. К счастью, у меня с собой была тетрадка, поэтому я сел и начал изливать на бумагу то, что было внутри. (Внутри был образ Ее, моя художественная проекция Ее и меня самого рядом с Ней, по причине Ее и благодаря Ей.) Все это было довольно романтично и символично, наподобие блоковой Прекрасной Дамы, но мне этот рассказ все еще нравится, поскольку он отражает мое идеальное Я в идеальном рафинированном контакте-слиянии с идеальным Она. Статуя г-на Ленина смотрела в сторону, как-то снисходительно или, может, деликатно меня не замечая. Я притулился на бордюре и писал, привлекая внимание людей: почему это кому-то вздумалось работать, когда остальные веселятся? Но тот случай был исключительным. Мое любимое (потому что единственное?) рабочее место – это домашний письменный стол, заваленный бумагами, чеками и прочим; вентилятор компьютера негромко шумит, как сейчас.

Сергей Гогин, поэт, переводчик, журналист, Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО, <https://magazines.gorky.media/authors/g/sergej-gogin>

Брайтон

Этим летом я переезжаю в Норидж, город литературы ЮНЕСКО, но пока я все еще в Брайтоне, где живу последние пятнадцать лет. Моя улица ведет прямо к берегу моря, и я никогда не чувствовала такую благодарность за то, что нахожусь рядом с пляжем, как сейчас! Я привыкла вставать на рассвете, чтобы прогуляться, поплавать и разделить чашечку чая с морем. Что касается не-

Рабочее место поэта Розы Кэррик, Брайтон

посредственно письма, то я пишу дома на ноутбуке за письменным столом. Но пляж – то место, где все это обретает форму.

Как у многих писателей и перформеров, все мои мероприятия были отменены из-за коронавируса. Так что, застряв дома, я начала новый проект: подготовку сборника стихов Владимира Маяковского на английском языке для детей.

Рози Кэррик, поэт, драматург, перформер и переводчик, Брайтон, Великобритания
<http://www.rosycarrick.com>

Улица Федерации, Симбирск-Ульяновск

Я люблю бродить по улочкам Симбирска – без маршрута и без цели. Старые дома, уютные дворики – то, что создает атмосферу Симбирска, которая постепенно исчезает из-за застройки города современными зданиями. Здесь я делаю наброски, ищу интересные детали и просто вдохновляюсь.

Юлия Узрютова, художник, скетчер, иллюстратор, фотограф, журналист; Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО, <http://juliiauzriutova.wixsite.com/arts>, <https://www.instagram.com/juliauzryutova>

Эдинбург

Это вид из заднего окна моей маленькой квартиры в Эдинбурге на парк Holyood и вулкан Трон Артура. Я поистине счастлива, что всё это так близко к моему дому. Чудесно, что такое красивое зеленое пространство лежит прямо в центре города. Это вдохновение.

Алан Спенс, поэт, драматург, писатель, дважды был назван писателем года в Шотландии, Эдинбург – город литературы ЮНЕСКО, www.alanspence.co.uk

Мельбурн

Я художник-абстракционист, который работает с текстом. Хотя мои работы рождаются из текста, их питает то, что вокруг, например детали и поверхно-

Рабочая студия художника Марка Вингрейва, Мельбурн

сти зданий. На этом столе я работаю над переводами с русского языка и занимаюсь картинками. Меня завораживает связь между письменными и визуальными образами.

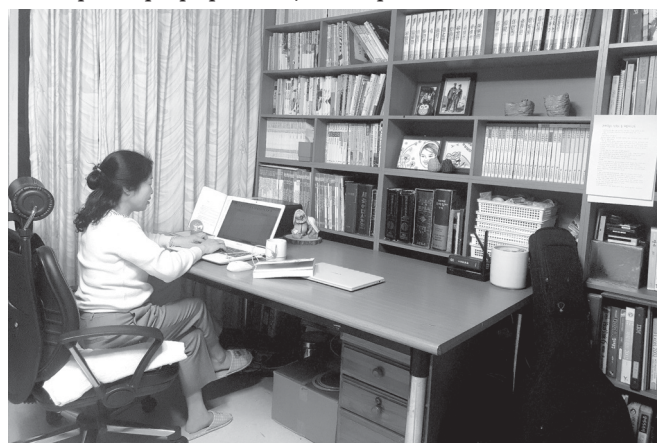
Марк Вингрейв, художник, переводчик, Мельбурн – город литературы ЮНЕСКО, Австралия, <https://mcwingrave.wordpress.com>

Тройной мост – неизменный источник моего вдохновения. Как видно на фото, в период пандемии он был совершенно пуст. Мост наполовину находится на солнце, наполовину – в тени, что напоминает о том, в какой сложный момент истории мы сейчас живем.

Андрей Блатник, писатель, преподает издательское дело в Университете Любляны, города литературы ЮНЕСКО в Словении. Обладатель крупных словенских литературных премий. Его рассказы были переведены более чем на 30 языков, включая русский. Сайт: www.andrejblatnik.com. Автор фото: Янез Залазник.

Мой домашний кабинет

Я написала книгу, у главного героя которой – аутизм. Книга основана на историях моей дочери. Это она сфотографировала, как я работаю в кабинете.

Рабочий кабинет автора детских рассказов Чой Гемван, Пучхон

ЧОЙ Гемван, автор детских рассказов, Пучхон – город литературы ЮНЕСКО, Южная Корея

Дурбан

Я Адиеэла Акоо, южноафриканский поэт/писатель и автор книги *Lost in a Quatrain*. Я выросла и училась в Дурбане, городе литературы ЮНЕСКО, но теперь живу в соседней столице Питермарицбурге. Фотография, которую я сделала, – это вид из окна отеля на набережную Дурбана – спокойное и вдохновляющее место.

Рабочее место поэта Адиеэлы Акоо, Дурбан

Адиеэла Акоо, поэт, писатель, ЮАР, <https://adielaakoo.wixsite.com/writer>

Гейдельберг

Кафе всегда были моим любимым местом работы как писателя. Мне нравится атмосфера, когда кафе только открывается и я в нем первый гость. Когда меня попросили прислать фото моего рабочего места в Гейдельберге, я была уверена, что смогу отправить свежее фото, но многое изменилось из-за коронавируса. Поэтому мое фото – не только воспоминание, но и оптимистическое предсказание. Я сделала снимок ровно год назад, 6 апреля 2019 года, когда работала в кафе над рассказами и стихотворениями, связанными с пчелами и эпигенетикой. Пока мы не можем использовать городское пространство так, как привыкли, но, справляясь с этим кризисом, сейчас, более чем когда-либо, давайте стремиться к лучшему будущему.

Софи Штайнфест, писатель, поэт, Гейдельберг – город литературы ЮНЕСКО, Германия

Ноттингем

Меня зовут Лиэнн Моден, я поэт и драматург из Ноттингема. Мое любимое место для работы над текстами – диван в гостиной, на котором часто сидит моя пушистая маленькая помощница! Ее зовут Брамблс, и она помогает найти мне лучшие творческие идеи!

Диван, на котором нравится работать поэту и драматургу Лиэнн Моден, Ноттингем

Лиэнн Моден, поэт, драматург, помощник руководителя дирекции программы «Ноттингем – город литературы ЮНЕСКО», Великобритания, <https://www.leannemoden.com/>

Натюрморт с велосипедом, Данидин

Когда мне было 11, я развозил газеты после школы. Катаясь на велосипеде по пригороду, я чувствовал себя невидимым. Люди разговаривали, спорили в саду, и я все это слышал, когда останавливался у почтового ящика. Тогда я узнал много домашней правды. Сейчас мне 60 лет, я до сих пор предпочитаю движение статике, поэтому велосипед – это и

есть моё «не место», где стихотворение слышно отчетливее всего. Каждый поворот за угол – это разрыв строки, разрыв строфы, иногда вольты сонета, открывающая другое, ранее неизвестное значение. На фото – мой велосипед на отдыхе рядом с рестораном (где же еще?) в Данидине.

Дэвид Ховард, поэзия, драма, либретто, Данидин – город литературы ЮНЕСКО, Новая Зеландия, гость писательской резиденции в Ульяновске в 2019 году, www.davidhowardpoet.com

Ульяновская область

Мое любимое место для работы – зал на территории Арских храмов. Здесь тихо, спокойно, в окно видны храмы: Святой Блаженной Ксении Петербургской и самый древний храм в Ульяновской области, храм Богоявления Господня. Душа и мозг нарастают на добрые и теплые тексты.

Территории Арских храмов, вдохновляющая на работу Евгению Спицыну, Ульяновская область

Евгения Спицына, автор учебно-методических пособий по духовно-нравственному воспитанию, исторических материалов, 5 лет выпускает детскую региональную газету «Ангелочек»; Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО, Россия

Проспект Антонова возле завода «Авиастар», Ульяновск

Мне нравится писать на ходу. Если вы видите медленно бредущего по улице парня с хмурым лицом, прикусившего губу, подслеповато вглядываю-

Проспект Антонова – одно из любимых рабочих мест писателя Михаила Камалева, Ульяновск

щегося в экран своего телефона, – возможно, это я. А если этот парень иногда нарушает общую траекторию движения пешеходного потока, забредает в кусты или врывается в столбы – это точно я. Почти вся моя повесть «Маша Онегина» была написана в таком «режиме». Одно из любимейших мест в Ульяновске – прогулочная зона на проспекте Антонова возле завода «Авиастар». Не могу рационально объяснить свою любовь к этому месту.

Михаил Камалеев, прозаик, Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО / Москва, www.mkamaleev.ru

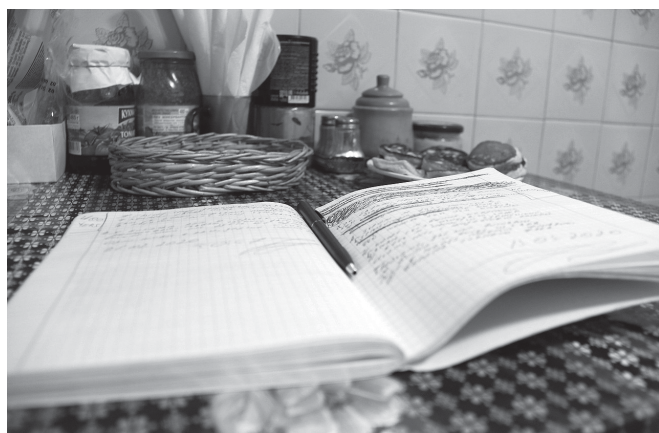
Иерусалим

Это мой двор, вернее, то, что осталось от большого зеленого двора старого многоквартирного дома в Нахалат Ахим после нападения застройщиков. Прежде такие дворы были перед каждым домом квартала. Мне недолго удастся здесь поработать, и не только потому, что в течение дня здесь спаса нет от строительных шумов, но и потому, что стоит мне усесть с ручкой и листком бумаги, как взгляд падает на какой-нибудь сорняк или засохший лист, которые требуют немедленной моей реакции, а дальше уже трудно остановиться – дел даже в таком крохотном уголке городской «природы» всегда хоть отбавляй. Тем не менее это очень важный для моих стихов участок иерусалимского асфальта, без него мне вообще вряд ли удалось бы хоть что-нибудь написать, а иногда он прямо норовит попасть в текст.

Гали-Дана Зингер, поэт, переводчик, редактор журнала «Двоегочие» и литературного сайта «Артикуляция», фотограф, Иерусалим, <https://sites.google.com/site/galidana/>

Ульяновск

Мое рабочее место для сочинения стихов – это кухня. Пишу я обычно по ночам, зачастую уже после полуночи, и ухожу на кухню, потому что это

Рабочая кухня Игоря Улитина, Ульяновск

единственное место, где можно сидеть с включенным светом. Ну и оладушек для вдохновения можно перехватить. Вообще же, стихи сочинялись в самых разных местах. Самым необычным было помещение для мытья кухонных бачков в армейской столовой – так называемая малая мойка. Эдакий поэтический армейский вариант цоевской «Камчатки».

Игорь Улитин, поэт, журналист, Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО

Ледяной замок на Волге, Ульяновск

Ледяной замок на Волге, поэт, писатель, драматург Гала Узрютова, Ульяновск

Для меня нет города без воды. Даже если в месте, куда я приезжаю, нет реки, озера, моря, я все равно физически слышу эту воду. Я выросла и живу на Волге, и мой звуковой менталитет воссоздает шум воды везде: пусть она потом оказывается шумом трассы или поливальной системы, а не шумом реки, – я все равно ее слышу. Если в месте нет воды, возникает клаустрофобия. Вода оказывает очень большое влияние на мои тексты, где бы я ни работала – дома, в дороге или в писательской резиденции.

Гала Узрютова, поэт, писатель, драматург, автор трех книг и 10 пьес, фотограф, Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО, www.galauzryutova.com

Полную онлайн-экспозицию выставки «Город как рабочее место писателя» можно посмотреть на сайте программы «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО» <http://ulyanovskcreativecity.ru>.

АВТОР ИЗ КЕМБРИДЖА И ХУДОЖНИК ИЗ МЕЛЬБУРНА СТАНУТ НОВЫМИ ГОСТЯМИ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕЗИДЕНЦИИ В УЛЬЯНОВСКЕ

Объявлены имена победителей конкурса на работу в международной Литературной резиденции по программе «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО». Новыми гостями резиденции станут поэт, переводчик и издатель из Кембриджа Джеймс Вомак и художник, переводчик из Мельбурна Марк Вингрейв.

Джеймс Вомак и Марк Вингрейв

Очередной отбор в международную Литературную резиденцию в Ульяновске стартовал весной 2020 года. Заявки принимались от кандидатов из литературных городов ЮНЕСКО и авторов, чья деятельность связана с данными городами. В конкурсе этого сезона заявки принимались не только от писателей и переводчиков, но также от художников, занимающихся междисциплинарными литературными проектами. В жюри конкурса вошли представители сферы литературы, культуры и образования Ульяновска.

По итогам отбора в город пригласили двух резидентов. Ожидается, что осенью 2021 года в Ульяновск приедет Джеймс Вомак из Кембриджа (Великобритания). Он окончил Оксфордский университет, изучал русский язык, является автором трех сборников стихотворений, преподавателем, переводчиком с русского и испанского языков (переводил тексты Маяковского, Хлебникова, Твардовского, Вампилова, Кибирова и др.). Автор учился в городе литературы ЮНЕСКО Рейкьявике, был опубликован издательством Carcanet, что базируется еще в одном литературном городе ЮНЕСКО – Манчестере.

В Ульяновске Джеймс Вомак планирует написать поэтическую серию «Письма Ивану Гончарову». «Я очарован Гончаровым: человеком, который написал путевые заметки «Фрегат «Паллада», и «Обломов» – роман, который вращается вокруг идеи отказа от путешествий, что сегодня особенно актуально. В своих текстах я расскажу об этой двойственности, а также о том, как Ульяновск, место революционных мечтаний, но в то же время покоя, воплощает эту двойственность в себе. Надеюсь, эти письма станут «портретом Ульяновска во времени», – говорит Джеймс Вомак. – Я увлекаюсь Россией с самого детства. Изучал русский и английский языки в Оксфордском университете, много путешествовал по России». Вомак является основателем издательства Nevsky Prospects, которое занимается переводом русской литературы. Его второй сборник стихотворений вошел в лонг-лист престижной награды International Dylan Thomas Prize в 2018 году и попал в шорт-

лист Ledbury Forte Second Collection Prize в 2019 году, также в 2019 году автор стал обладателем стипендии Hawthornden Literary.

В 2021 году Ульяновск посетит художник-абстракционист, переводчик и преподаватель Марк Вингрейв из Мельбурна, города литературы ЮНЕСКО в Австралии. Он окончил Bath Academy of Art и Chelsea School of Art

(Великобритания), изучал русский язык. Его художественные проекты, которыми он занимается более 40 лет, тесно связаны с литературой и текстами современных авторов. Многие проекты и выставки Вингрейва посвящены визуальному воплощению и переводу русской литературы. В частности, он работал над проектами по текстам Федора Достоевского, Елены Шварц, Николая Гоголя, Евгении Риц и др. Кроме того, Марк Вингрейв создает арт-книги. Его работы выставлялись на национальных и международных выставках, он работал в Англии, в резиденциях в Италии, Австралии и Швейцарии.

«Мои картины похожи на обложки книг; это графические формы, которые раскрывают суть текста. Они опираются на взаимосвязи между словами и цветом», – говорит художник – Работая в резиденции, я хочу исследовать город и его окрестности, реку Волгу. Объединяя литературу, искусство и людей, проект «Голоса реки» будет представлять Волгу как ключевую особенность культурной и экологической жизни Ульяновска».

В Ульяновске Марк Вингрейв собирается работать над несколькими междисциплинарными проектами: подготовить выставку картин, небольшую двуязычную книгу и цветную словесную проекцию. Проекты будут связаны с работами Гончарова и современных писателей Ульяновска, в тексте которых появляется Волга. Также художник проведет мастер-класс по письму и рисованию «Память и река» для широкой публики.

После пребывания в резиденции гости представят в Ульяновске итоги своей работы на встрече с жителями. Резиденты также примут участие в литературной жизни города и познакомятся с местными авторами и художниками, что поможет развивать международные контакты и проекты. В 2019 году гости резиденции стали участниками таких мероприятий как Международный форум молодых писателей, Литературный трамвай, Литературный троллейбус, фестиваль «Пушкин в городе У» и др.

Точные сроки пребывания резидентов в Ульяновске будут определены позже (с учетом ситуации с пандемией).

Напомним: в 2019 году гостями писательской резиденции в Ульяновске стали поэт и редактор из Любляны Андрей Хочевар и поэт из Данидина Дэвид Ховард.

Организация резиденции стала возможной благодаря спонсорской поддержке, в 2020 и 2021 годах также планируется сотрудничество с представителями бизнеса и структурами, поддерживающими проект.

В свою очередь, ульяновские авторы могут

стать участниками подобных резиденций в других городах литературы ЮНЕСКО, которые регулярно объявляют прием заявок. Сейчас местные писатели получают информацию о новых конкурсах, новостях литературы, стипендиях и резиденциях от дирекции программы «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО» через специальную рассылку Writer's Info Point. Чтобы подписаться на нее, достаточно отправить письмо по адресу infopoint.ulskcitofliterature@gmail.com.

ВЫШЕЛ НОВЫЙ РОМАН ИРИНЫ БОГАТЫРЕВОЙ «ВЕДЯНА»

В издательстве «Эксмо» вышла книга Ирины Богатырёвой «Ведяна».

– Этот роман написан несколько лет назад, но так получилось, что он выходит в свет позже более свежего текста, «Согры». Иногда бывает и так. Несмотря на то что эти тексты очень разные и стилистически, и тематически, для меня между ними много общего: они оба замешаны на фольклорной закуске. Однако если «Согра» – это моя дань опыту полевого фольклориста, то «Ведяна» писалась ещё до появления такого, скорее, в его предвкушении.

Стоит сказать, что моё понимание вопроса сильно изменилось за это время, и фольклор в «Ведяне» не тот, с каким я знакома сейчас, а сценический, выхолощенный, такой, чем у нас стали заменять традицию в советское время и что можно услышать как с эстрады, так и со сцены каждого заштатного Дома культуры, – говорит Ирина Богатырёва.

О таком Доме культуры в небольшом городке на Волге как раз и рассказывает роман. Читайте интервью автора порталу «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО» <http://ulyanovskcreativecity.ru>.

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ В УЛЬЯНОВСКЕ

В августе 2020 года в Ульяновске стартует Международная детская литературная резиденция с насыщенной образовательной программой. Отбор для участия осуществляется по итогам интернет-конкурса среди читателей и сотрудников организаций «Содружества библиотек им. Сергея Михалкова», в которое входят библиотеки из России, Польши, Словакии, Беларуси, Ирландии. Проект разработан представителями некоммерческого сектора Ульяновска в сотрудничестве с программой «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО». Он стал победителем грантового конкурса в рамках федерального проекта «Творческие люди» национального проекта «Культура», проведённого Российским фондом культуры. По итогам будет выпущен сборник текстов, которые участники напишут, работая в Ульяновске. Подробности: <http://ulyanovskcreativecity.ru>.

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ КНИЖНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ «АМФИБРАХИЙ» В УЛЬЯНОВСКЕ

Фестиваль, запланированный на осень 2020 года, объединит разные виды искусств: литература, музыка, кино, изобразительное искусство, архитектура, дизайн. Участие в проекте примут коллективы, авторы и гости из 4 регионов Приволжского федерального округа, ульяновские авторы и издатели, переводчики, художники, архитекторы и дизайнеры, музыкальные коллективы, бизнес, расположенный на площадке фестиваля (ул. Федерации). В рамках проекта запланированы: книжные выставки-ярмарки, «гаражные» распродажи книг, мастер-классы от российских писателей, переводчиков, издателей, встречи писателей с горожанами, кинопоказы по литературным произведениям на улицах города и многое другое. Проект также был поддержан в рамках федерального проекта «Творческие люди». Подробности: <http://ulyanovskcreativecity.ru>

ОТКРЫТ ПРИЕМ ЗАЯВОК НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС «ВЕРЛИБР»

В Ульяновске объявлен прием заявок на VI Международный литературный конкурс #ВЕРЛИБР2020.

Организатор конкурса – культурный центр УлГПУ (куратор – Павел Солдатов, поэт, специалист по жанрам творчества культурного центра УлГПУ). Работы принимаются до 31 августа в двух номинациях: проза (любые жанры) и поэзия (любые жанры) от авторов в возрасте от 18 до 35 лет. По итогам

конкурса пройдет литературный вечер, на котором назовут имена победителей. В конце 2020 года лучшие тексты участников выйдут в сборнике. Подробности: <http://ulyanovskcreativecity.ru>.

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

КРАЙ СВЕТА – ЗА КАЖДЫМ УГЛОМ

Алексей Валерьевич Циркин родился в 1977 году в Ульяновске. Высшее образование, ученую степень кандидата технических наук и звание доцента получил в Ульяновском государственном техническом университете, в котором преподавал некоторое время. Автор нескольких десятков научно-методических работ и нескольких сотен патентов на изобретения.

Профессиональная деятельность связана с полученным образованием и научными достижениями.

Литературным творчеством начал заниматься, еще будучи студентом. К творчеству подтолкнуло увлечение фантастической литературой и heavy metal в его различных проявлениях, в том числе экстремальных. На раннем этапе в творчестве преобладала поэзия и небольшие рассказы. Затем под влиянием произведений Андрея Круза, кинофантастики, а также стрелковых и туристических хобби был написан в 2014 году роман «Мертвые и еще мертвее». Издан под псевдонимом Алекс Де Грасс.

Так что автор далеко не новичок в литературе, имеет и опубликованные романы, и ведет канал в интернете.

Много путешествовал, ходил с группами в горы, любит В. Высоцкого и живет в соответствии со строкой «Лучше гор могут быть только горы».

В более поздних произведениях заметный след оставили впечатле-

ния от путешествий по миру, а также расширилась их литературная направленность – кроме фантастики, появились драматические, сатирические и юмористические произведения. Снимает видео, автором сценария которых также является сам. В 2020 году издана книга статей «НВП73. Основы тактической тактики», в которую вошли и несколько художественных рассказов. Кроме этого, работы публиковались на интернет-площадке Gunsforum и в интернет-журнале «Вестник выживальщика».

Сильной стороной прозы А. Циркина является умение лихо закрутить сюжет, не ослабляя пружину повествования до конца рассказа. Замечательно

описание природы, что встречается ныне редко. И, конечно, умение ставить своих героев в экстремальные ситуации, где выявляются особенности характера и жизненной позиции каждого. Воистину, край света – за каждым углом...

Ныне ощущается нехватка мужественной прозы, на которую ориентируется наш автор. А потому, надеюсь, читателю будет интересно познакомиться с отрывком из рассказа А. Циркина «По твоим следам».

*Светлана МАТЛИНА,
член Союза писателей России*

Алексей ЦИРКИН

ПО ТВОИМ СЛЕДАМ

Отрывок

Откликной гребень производил впечатление... Это величественное сооружение, созданное природой и временем, величаво врезалось своими зубренными скалистыми вершинами, покрытыми снегом, в темное небо, затянутое снеговыми, почти черными, тучами. Казалось, что тучи прорвут свое брюхо о зубья Откликного и запорошат всю округу снегом. Скалы гребня возвышались над лесом из темных елей, местами облепленных снегом и из-за этого порой принимающих вид сказочный, а иногда – тревожный, если ветер заставлял ель гнуться под своими напорами, цементируя слипшимися снежинками. Тогда ели становились похожи на стоп-кадр под названием «Ветер в зимнем лесу».

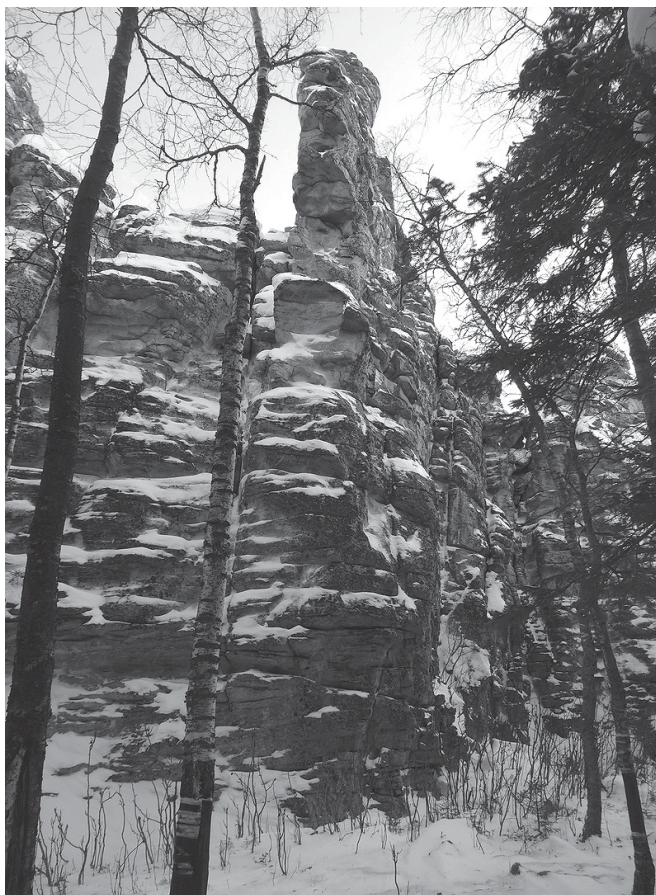
Группе Откликной показался еще задолго до прихода к его подножию, когда появился просвет среди крон деревьев и скалы гребня можно было увидеть, посчитав, что идти уже недалеко, но это был обман. Гребень был далеко, но он будто следил за путниками сквозь ветви, показываясь и исчезая. Но пока он был виден среди крон, Откликной не казался таким величественным, как вблизи, когда его каменный массив буквально нависал и подавлял своей многотысячелетней мощью. Казалось, даже ветер притих здесь, несмотря на открытое место, прячась среди елей от величия и могущества древних скал. Лишь черные тучи бежали над всем миром, заталкивая робкое солнце в свое чрево, откуда оно силилось вырваться, чтобы бросить несмелые лучи на белый снег, укрывающий вершины Откликного.

Почти вся группа притихла, глядя на скалы гребня. Наверное, можно было бы долго вот так стоять, запрокинув голову вверх, сбросив тяжелый рюкзак, опираясь на палки и наблюдая изломы камней, прорезающие снеговой покров, трещины и расщелины, каждый метр которых – тысячелетия. Глядя на Откликной, все понимали, насколько мелок человек в этом мире. Он ни размерами, ни возрастом не может тягаться с этой глыбой, миллионы лет терзаемой ветрами и дождями, замерзающей зимой и иссушаемой летним жарким солнцем. Местами ветер, дожди и геологические процессы придали гребню такую форму, что, стоя у его подножия, можно было счесть его гигантской морской волной, на миллио-

ны лет высеченной в камне, со снежными шапками, прикидывающимся пенными барашками. И ветер, срывающий белую пыль с них, придавал гребню еще большую схожесть с морской волной невиданных размеров. Можно было представить, что стоит отвернуться, и гребень оживет, бросится в долину потоком каменных брызг, сметая на своем пути ели, укутанные снегом, и группу мельчайших людишек, пришедших издалека, чтобы осквернить тишину здешних мест своими дерзкими криками и ослепить каменного великана вспышками фотокамер.

Можно с уверенностью сказать, что именно подобные скалы и порождали легенды о каменных великанах – волотах, слагаемых древними людьми, ибо как не представить человеку, что затаившийся в глубине земли гигант, показывающий только часть своего хребта миру, вдруг, потревоженный, встанет и, разбросав в стороны комья земли с торчащими елками, обрушит свое могущество на ничтожных тварей, побеспокоивших сына темных недр, скрывающих в себе страшные создания. Пальцы его – камни острые, кулаки – глыбы тяжелые, торс – скала неприступная, а ноги его произрастают из тверди земной, питающей его силой неисчерпаемой. Станет ли путник разводить свой костер вблизи

обитатели великана или укроется среди елок, убоясь разгневать сына Земли? Крикнет ли человечешко во весь голос, чтобы услышать эхо, отраженное от скал? Услышит ли он в ответ слова свои, разбившиеся о камни, или же рев чудовища, проснувшегося от вековой спячки?

Но сегодня у подножия Откликного гребня была только небольшая группа туристов с рюкзаками, которые, ошарашенные видом скалы, взирали на нее снизу. И только усталый инструктор Степан, уже неоднократно водивший сюда туристов, не впечатлялся, потому что если часто видеть великое и красивое, то оно приобретает серый оттенок обыденности и уже не впечатляет, не пленяет и не пугает.

Зато Степану пришлось удовлетворять потребности туристки из Питера Светы, на которую Откликной, казалось, тоже не произвел впечатление, ей только хотелось сделать селфи поэффектнее да и вообще фотографий побольше, в чем и приходилось помогать Степану, снимая ее на фотоаппарат и так и этак, а ей все не нравилось, все казалось, что она выглядит недостаточно эффектно на фоне гор, леса и неба, на котором тучи уже не просто висели, угрожая снегопадом, а клубились и извивались под ветром, стремясь обрушиться на землю пургой. Ветер задул и крепчал с каждой минутой, на открытой поляне у подножия гребня он пронзал одежду, пытаюсь найти малейшую щель, чтобы пробраться к разгоряченным переходом телам и высосать их тепло, бросив их, похолодевшие и обмороженные, к подножию каменного исполина, возвышающегося над Таганаем.

* * *

– Дальше на Киалимский кордон пойдём сначала по Курганской тропе, спустимся на нижнюю тропу, там поровнее и поспокойнее. – Степан упаковал термос в рюкзак и стал его застегивать, собираясь в путь после небольшой передышки у развилки на Курганскую тропу.

Группа стала подниматься с рюкзаков, служивших кому креслами, кому лежанкой на коротком привале. Здесь в лесу среди деревьев не дуло, подножие Откликного осталось позади вместе с пронизывающим ветром. Метель чуть началась, бросила в туристов несколько снеговых зарядов, чтобы загнать их в лес, убрав с поляны, дабы не оскверняли величие холодных скал своим присутствием, но затем пути путешественников и метели разошлись, она пошла своей дорогой, превращая по пути ели и березы в снеговые скульптуры, словно скульптор, работающий на конвейере – туда мазок снега, и елка из темно-зеленой колючки превратилась с пушистую белую красавицу, сюда пригоршня острых снежинок, и березовые тонкие веточки стали похожи на мягкие лапки белых животных.

Но зима со своими подрядчиками – метелями и пургой не зря старались заранее. Если основные туристические тропы были вполне подходящими даже для движения двух человек бок о бок, причем снег под ногами был утоптан и укатан снегоходами и многими любителями зимнего хождения с рюкзаками по лесу вместо уютного сидения перед телевизором дома, то Курганская тропа была именно тропой и не более – узкая канавка в снегу по колено, которая порой превращалась просто в цепочку следов, сойдя с которой хоть на полметра в сторону, можно провалиться по пояс в пушистый снег. Трекинговые палки с большими круглыми снеговыми насадками не проваливались глубоко в снег по бокам от тропы, но это было обманом. Стоило ступить туда, и нога уходила так глубоко под тяжестью тела, навьюченного экспедиционным рюкзаком, что обратно вылезать было сподручнее при помощи товарища, тянущего за руку из белой пучины. Хорошо хоть все туристы в группе были достаточно опытными, на всех были гамашы, поэтому никому не приходилось вытряхивать из обуви мокрые комки слипшегося снега. В принципе, Степан мог быть доволен группой. Никто не ныл, не терялся, не натер ноги и не промочил обувь, даже Света, несмотря на свои околосламурные замашки, уверенно шла, причем не последней. Чаше отставали Резо и Лера из-за своих перегруженных рюкзаков и любви Резо к фотографии. Двое других туристов – Сергей и Слава, которым, как высказалась Света, «по полвека», – несмотря на возраст, оказались самые прыткие и подготовленные – на маршруте всегда впереди, на сборы у них меньше всех времени уходило, и даже топор и компас имелись только у них, хотя на приютах и были общественные топоры, однако оказалось очень полезным иметь свой собственный в группе, особенно учитывая, что сухими дровами даже и не пахло. Немного подбешивала Елена – опытная туристка с альпинистским стажем, однако привереда та еще, зато эффектная высокая блондинка (ну надо же, и туристка при этом!).

Тропа вела уверенно вниз, спуститься было несложно, и группа шла бойко, петляя вместе с тропой среди деревьев, сбивая пуховые одежки с веток, притормаживая палками на особенно крутых участках. В просвете между деревьев показался курумник – каменная «река». Застывший навеки «поток» камней разделяет лес на две части полосой шириной метров пятьдесят и создает впечатление, что чего-то не хватает. Например, настоящей текущей реки. Но сейчас все равно зима, поэтому можно представить, что река замерзла среди выступающих камней и все засыпано глубоким снегом, а острые камни под ним округлились и кажутся мягкими подушками, которые дети в детском саду набросали после тихого часа. Только здесь дети были не человеческие, а потомство вологов, и подушки их каменные, на которые они складывали свои гранитные головы.

Курганская тропа пересекала курумник перпендикулярно, и в обе стороны поверх камней открывался вид на сотни метров вдоль каменной «реки», зажатой «берегами» из елей. Тут идти по тропе нужно осторожно, чтобы не провалиться между камнями и не сломать ногу, если завалишься под неудобным углом под весом рюкзака.

* * *

На стоянке в Гремячем ключе группа уже вся перезнакомилась, не то что в первый день, когда все только собрались и дотащили максимально нагруженные рюкзаки до Белого ключа, а потом как-то располагались, как-то ужинали и прочее. Здесь же уже были шутки-прибаутки, общение, обмен мнениями и опытом, показывали друг другу фотографии с прошлых мероприятий.

– Тундра на Командорах травянистая, сами острова с пологими холмами, и когда дует ветер, тундра кажется зеленым морем с перекатывающимися зелеными волнами. – Сергей листал фото в смартфоне, показывая всем. – И куда ни помотришь – везде океан. Океан Тихий за береговой линией. Океан травы в тундре. Командоры – реально край земли. Там под обрывами на пляжах селятся морские котики и львы, а песцы ходят между их гаремами в надежде поживиться раздавленным в драке секачей малышом котиков. Там связь с внешним миром посредством маленького теплоходика «Василий Завойко», который перестает ходить, если погода слишком свежая и приближается шторм, и тогда Командоры могут быть отрезаны от Большой земли на месяц.

– На каких морях ни бывали, везде разный цвет воды, – подключился Слава, тоже показывая фото. – Вот Северный Ледовитый океан у Терiberки. Стального цвета волны, разбивающиеся о заснеженные утесы. Стальное небо над всем этим. Ветер, сбивающий с ног.

Замерзший водопад. А вот батарея береговой обороны времен войны. Пушки задрали вверх стволы над самым обрывом к океану. Представить невозможно, каких усилий стоило притащить орудия туда. Мы еле добрались на снегоступах и с палками, перебираясь сквозь заносы глубокого снега или наоборот по голым гранитным скалам. Там действительно ощущаешь себя ничтожным по сравнению с силами природы – океан, холодные сопки, ревущий ветер.

– А мы прошлым летом ходили по Алтаю, – подхватил нить рассказов о путешествиях Резо. – Отбились от группы, потом нагоняли ее, идя по тропе в горах. Кругом скалы со снежниками, туман ложится. Я снимаю весь этот ужас, посреди которого мы с Лерой вдвоем, спрашиваю ее:

«Лерочка, скажи, пожалуйста, как мы тут ориентируемся?» А она со своим ангельским выражением

лица заявляет на камеру: «Мы тут ориентируемся по конскому г...ну!!!» Вся компания засмеялась, потому что действительно Лера производила впечатление очень спокойной и интеллигентной девушки, прямо-таки божий одуванчик, у всех уже сложился ее такой образ за пару суток совместного похода. А тут такой всплеск эмоций!

За ужином в качестве десерта к чаю народ давил на хлеб сгущенку, и Лена мечтательно сказала:

– Сейчас бы «птичьего молока»!

– А откуда берется «птичье молоко»? – Света оторвалась от смартфона, в котором редактировала очередное селфи.

– Есть один вид дроздов... – Слава принял позу лектора, а Сергей внимательно взирал на него.

– У самок этих дроздов есть соски, из которых выделяется молоко, и им кормятся птенцы дроздов...

Резо закрыл лицо рукой. Степан отвернулся, делая вид, что копается в рюкзаке. Только по подрагиванию его плеч можно было понять, что он сдерживает смех. О том, что Света тупенькая... Ну хорошо, у Светы очень узкий кругозор, поняли уже все почти сразу. А Сергей подхватил:

– Есть целые дроздовые фермы, где добывают «птичье молоко», из которого потом делают конфеты и торты.

– И даже есть паразиты – мушки дроздофилы или дроздофилы, – Слава не унимался, фантазируя, а Лера тем временем, не выдержав, вышла из комнаты, – которые, паразитируя на самках дроздов, пьют их молоко.

Света слушала всю эту чушь, слегка приоткрыв рот.

После того как все напились чаю, хотя и не с птичьим, а со сгущенным молоком, Степан объявил отбой, потому что с утра пораньше надо было выдвигаться на Откликной гребень, а дальше – на Киалимский кордон, где планировалась следующая ночевка.

Владимир КОЧЕТКОВ, писатель, путешественник, учитель географии, член Союза писателей России, член Русского географического общества. Живет в р.п. Сурское

ЧЕРЕЗ РУДНИК

Рассказ

В Потоси – довольно крупный горняцкий город в Боливии – я заехал вечером. Солнце давно село, позади за этот день осталось километров сто восемьдесят, четыре тысячи метров над уровнем моря давили непонятным и непривычным грузом, я устал и брёл по одной из главных улиц на остатках сил. Кроссовки скользили по вымощенной булыжником узкой мостовой, сами улицы карабкались куда-то всё выше и выше.

В первый раз за всё путешествие я встретил недружелюбное отношение к себе: встречные прохожие или отворачивали лица, или бормотали что-то явно не самое приятное, пару раз, мне, будто случайно, под ноги выливали помои из ведер, а в трёх встреченных гостиницах отказали в ночлеге.

Взошла луна, звёзды заблестели так, словно им были безразличны огни города, а я стоял посреди узкой улицы и не знал, куда идти и что делать дальше.

Так, в нерешительности, я простоял несколько минут. Уходить из города мне не хотелось: для этого нужно было либо опять спускаться вниз, либо наоборот, подниматься вверх, что на высоте четырёх тысяч метров делать очень муторно.

Вдруг кто-то потянул меня за рукав. Это было так неожиданно, что я даже отшатнулся, пытаюсь вырвать руку. Передо мной стоял старый индеец в накинутой поверх свитера горняцкой робе. Откуда он взялся – не знаю, по крайней мере, я не заметил. Индеец этот тот час забормотал:

– Ноу, ноу, сеньор, – его тёмного лица почти не было видно, но голос, блеснувшие в улыбке зубы и, главное, спокойные движения рассеяли вспыхнувшие, было опасения.

– Ком, – он, махнув мне рукой, предложил идти за ним. – Ком, – я кивнул, и, упираясь в руль велосипеда, поплёлся за индейцем.

Он, время от времени оглядываясь, словно проверяя, не отстаю ли я, вёл меня какими-то переулками вглубь жилого квартала. Он что-то бормотал вслух, то ли на языке кечуа, то ли на аймара, изредка похлопывая рукой по рулю моего велосипеда и успокаивающе кивая головой. Двоим или троим встречным индейцам он что-то коротко ответил на их немые вопросы, но индейцы так и остались стоять в недоумении, глядя нам вслед.

Отель, куда индеец привёл меня, был крохотным и очень простым – несколько глиняных лачуг, построенных квадратом вокруг внутреннего двора, навес из толстой полиэтиленовой плёнки, туалет, где вместо бачка стояло простое ведро и раковина. Мой провожатый, объясняя хозяину суть дела, показал на моё лицо, тот поглядев на меня пристально, улыбнулся и уверенно кивнул головой. Через несколько минут я, поблагодарив своего невестку откуда взявшегося спасителя, и ополоснув в умывальнике лицо и руки, забрался вместе с велосипедом в номер.

Встал поздно – солнце уже поднялось над вершинами окружающих Потоси гор. Вскипятив на походной горелке чаю, позавтракал, затем расплатился с хозяином и собрал вещи. Я уже был готов уйти, как вдруг хозяин – молодой черноволосый парень – заговорил со мной на довольно хорошем английском языке, желая, в первую очередь узнать мою национальность, а когда узнал что я не американец, а русский, необычайно оживился. Мне наконец-то стала понятной причина недружелюбного ко мне вчерашнего отношения в городе. По словам хозяина, уже целая неделя, как индейцы вооружились и захватили аэропорт и серебряный рудник, а на дороге по направлению к Сукре выставили блокпост.

– Бастуют против правительства, против низкой зарплаты, но больше всего – против американских компаний, захвативших добычу серебра, – как мне показалось весело, часто подмигивая правым глазом и едва заметно улыбаясь, объяснял хозяин.

– Ты не американец, – он указал на моё лицо, и засмеялся. – Луис вчера сразу понял, что ты не американец, попросил за тебя.

Я ещё раз с благодарностью вспомнил своего вчерашнего спасителя. Да, он мне здорово помог. Узнав, что я еду в Сукре и дальше, владелец гостиницы замолчал и задумался:

– Тебе лучше ехать не напрямую, лучше через рудник, – махнув рукой на юг, наконец, произнёс он. Увидев смущение на моём лице, он пояснил:

– Там ты объедешь блокпост, и тебя не вернут обратно. – Он ещё немного подумал и добавил: – Всех белых держат в аэропорту.

Теперь я начал осознавать серьёзность положения. Перспектива надолго зависнуть в Потоси никак меня не прельщала. Да и вообще? вооружённые бастующие – это, пожалуй, не кино. Я посмотрел в ту сторону, куда указывал хозяин отеля. В южной стороне города возвышалась гора с полуразрушенными склонами. От центра, где я находился, туда нужно было подниматься. На сколько? Не знаю, но то, что это будет ещё несколько десятков метров к той четырёхтысячной высоте, сомнений не было.

В этих цифрах – недостаток кислорода, горная болезнь, когда тебя преследует постоянная тошнота, когда какая-то сила выворачивает наизнанку, и не знаешь, что может облегчить это предвотное состояние и слабость. Двигаться быстро нельзя, вдохнуть так, чтобы кислорода хватало полностью, до полного насыщения, никак не получается. Вместо бодрости от свежего воздуха – апатия, страшная лень двигаться и тяжесть. Я знал, что меня это ждёт, но перспектива быть запертым где-то в городе была ещё хуже. Поэтому я пожал хозяйину отеля руку и пошёл прямо на юг, к возвышающейся впереди горе.

Самое трудное было в том, что эта улица проглядывалась вперёд метров на двести пятьдесят, а то и триста, и одна только мысль, что мне никуда не деться от этих метров, вызывала приступ тоски и уныния. Солнце отражалось от плит мостовой, отражённые лучи били в глаза, машины и автобусы обгоняли меня, оставляя клубы, почему то чёрного по цвету, густого дыма, сбивая и так прерывистое дыхание, а я всё тащился вверх.

Вот позади остался один поворот, другой, вот уже, оглянувшись назад, можно было увидеть почти весь город, а рудник всё ещё висел где-то высоко надо мной. Наконец, последняя улица растворилась в бесформенных отвалах из обломков горной породы и сухой едкой пыли. Здесь начинался подъём на рудник, о котором мне говорил владелец гостиницы. Пока никто не пытался меня остановить или оскорбить. Это радовало, видимо, я действительно выбрал правильный путь.

Долго стоял, не решаясь сделать первый шаг. Сейчас я отчётливо видел площадку перед входом и разбросанную по склонам горы тяжёлую технику. Видел даже часть дороги, которая должна была вывести меня на трассу за блокпостом. Но я никак не мог начать движение. Наконец, решился, упёрся руками в руль и сделал попытку подняться наверх. Это оказалось непросто – склон был крутой, подошвы кроссовок скользили по густой пыли, рюкзаки, укреплённые на багажнике, тянули назад. Я сжимал тормозные рычаги, но это не помогало – даже на тормозах велосипед норовил вернуться обратно. Сердце бешено колотилось, пот мгновенно пропитал фланелевую толстовку, кровь стучала в висках, словно хотела порвать сосуды и вырваться наружу.

Я остановился, еле сдерживая велосипед, вытер разъедавший глаза пот и оглянулся назад. Отсюда была видна выходящая из города трасса и блокпост, примостившийся на самом выходе. Этот блокпост был ниже того места, где я сейчас находился, и туда можно было докатиться на велосипеде без труда.

– Да ну её, эту гору! – вдруг прошептал я. – Поеду через блокпост, будь что будет.

Приняв это решение, я осторожно развернул велосипед, так же осторожно сел в седло и, едва удерживая равновесие тормозами, покотил по ухабистой дороге в сторону блокпоста.

– Стоп! – невысокий плотный индеец перегородил мне дорогу автоматом.

– Назад, – сказал второй – смуглый и довольно высокий для индейца.

– Мне надо в Сукре, – стараясь говорить как можно спокойнее, ответил я. – В Сукре, – и добавил:

– Я не солдат, я – учитель. Учитель географии.

Невысокий усмехнулся:

– Назад! Белые – там.

Я уже начал жалеть, что не попытался вскарабкаться на ту чёртову гору, как вдруг неожиданно в разговор вмешался третий боец. До этого он сидел молча на мешках, почти не двигаясь, только медленно жевал и переводил взгляд с моего велосипеда на майку, с майки на моё лицо и обратно. Этот третий что-то сказал длинному. Они перебросились несколькими словами, причём тот, третий указал на моё лицо.

– Ты учитель? – переспросил меня длинный.

– Да, – ответил я, – учитель географии из России. Сейчас у меня отпуск, а вообще я работаю в школе. С детьми работаю.

– А-а, – неопределённо протянул тот, – в Сукре едешь? – он опять что-то спросил у того третьего, видимо, старшего на блокпосту. Тот утвердительно кивнул и тогда длинный поднял автомат:

– Проезжай, учитель из России. Будь осторожен, там через сорок километров дорога плохая до самой Тупизы.

Я посмотрел ещё раз на этих ребят, сказал по-русски спасибо и покотил на юг, удивляясь тому, как по-разному воспринимают люди в разных странах профессию, в которой мне пришлось задержаться на довольно длительное время.

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

Дмитрий ЛАГУТИН родился в 1990 году в Брянске. Окончил юридический факультет Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. Работает юристом в сфере строительства. Публиковался в журналах «Новый берег», «Нижний Новгород», «Волга», «Нева», сетевых изданиях «ЛиТERRатура», «Южный остров».

В 2017 и 2018 годах стал победителем Международного конкурса «Всемирный Пушкин» в номинации «Проза». Лауреат национальной премии «Русские рифмы», «Русское слово» в номинации «Лучший сборник рассказов».

Живёт в Брянске.

АПЕЛЬСИН

Окно бабушкиной кухни выходит во двор. Сарай, теплица, грядки, старая сугулая яблоня – всё укрыто толстым слоем мерцающего снега. Всё погружено в густую тишину. Всё спит. Редкие звезды рассыпаны по черному небу.

В кухне тепло, мягко светит настольная лампа – свет не добирается до углов, и они теряются в полумраке. На холодильнике бормочет радио, сам холодильник то и дело принимается гудеть и вздыхать.

Над чашкой качаются лепестки пара.

Из-за стены доносится приглушённая музыка – летит издали, трется, меняет очертания. Бабушка смотрела «Культуру», задремала, а у меня нет ключей – уйти сам я не могу, но будить её не хочется – здорово спать под классическую музыку! – и вот я сижу в теплой кухне, обжигая ладони о чашку и смотрю в окно.

Век бы так сидел.

Радио перестает бормотать и запекает гнусавым голосом – голос сливается с просачивающейся сквозь стену музыкой, и по кухне плывет туман из

звучков, обволакивает меня, убаюкивает.

По двору, поджимая к животу лапы, проваливаясь в снег, крадет соседский кот. Добирается до теплицы, исчезает за ней.

За теплицей – яблоня, за яблоней – забор, за забором – уходящие вдаль сугробы крыш. Кое-где торчат черенки труб, из них вырастают сизые столбы дыма.

Я вижу своё отражение, вижу, как блестят глаза, как блестит на безымянном пальце кольцо. Какие у меня длинные, худые пальцы. Вижу зыбкое отражение кухни – предметы дрожат, растворяются, шкаф растерял все стенки, кроме одной, от холодильника осталась лишь дверца, сверкает кружок часов, он висит не на стене – стены нет – а на широкой яблоневой кроне, вместо отсутствующей луны.

Отворачиваюсь от окна, выглядываю в коридор. Показалось. Лампа бросает в коридор бледный тлеющий прямоугольник света, выхватывает полукруг столешницы, сервант, крючки вешалок. Яркими пятнами висят в воздухе широкие овальные листья,

на них свет ложится с готовностью – останавливается, застывает.

Это апельсин.

Я оставляю чашку на столе и выхожу в коридор – моя тень вытягивается, ныряет за порог, раскалывает надвое тлеющий прямоугольник.

Апельсин стоит на толстоногой табуретке, у окна, в огромном горшке. Поднять горшок можно только вдвоем. Апельсин тянется к окну, опирается макушкой в потолок, ветви его покрыты сухой морщинистой корой, но по мере удаления от ствола они истончаются и нежнеют. Листья – широкие, плотные, налитые соком.

Это окно также смотрит во двор – и странно видеть на белом фоне раскидистый силуэт апельсинового дерева. От окна на листья, на кору падает прозрачной плёнкой серебряный отсвет. На листьях – ни пылинки, я точно знаю, что бабушка раз в неделю протирает их влажной тряпочкой. Вот и тряпочка – на подоконнике.

Осторожно – точно боюсь разбудить – касаюсь тех листьев, на которых покоится свет лампы. Сухие и теплые. Апельсин пьет очень много воды, но всё время кажется, что ему её не хватает.

Радио перестает петь и снова бормочет, «Культуры» отсюда почти не слышно. Зато с улицы летит собачий лай – в частном секторе собаки частенько устраивают ночные «переключки»: лают по очереди из-за заборов, для порядка.

Существует всё же какая-то глубинная связь между человеком и деревом, которое он посадил – я не могу сказать, в чём она выражается, но ощущаю её всегды раз, когда касаюсь этих листьев.

В детстве я всё ждал, что однажды между ними запыхает оранжевая кожура. Это было бы, конечно, совсем чудом – но и в самом наличии апельсинового дерева, в том, как оно появилось, я всегда видел нечто чудесное.

Крошечный зелёный росток показался из земли под широким крылом молочая – в первом горшке, если считать от стены, из тех, что стояли тогда на подоконнике в столовой. Окно столовой выходит на улицу, и малыш рос, глядя на теснящуюся в палисаднике сирень, рыжую коробку гаража и возвышающийся над гаражом клен.

Первой, конечно, росток заметила бабушка – листочки апельсина очень скоро приобретают характерную форму.

Открыли энциклопедию и ахнули:

– Апельсин!

И я вспомнил, что именно в этот горшок я ткнул апельсиновую косточку, которую поленился выкидывать. Я очень живо это вспомнил – быть может, тогда впервые сверкнула таинственная связь человека и дерева – и помню по сей день: мне семь лет, я сижу на диване, в уголке, у самого окна, на экране телевизора сверкает, переливается, звенит что-то новогоднее – звучат песни, музыка, там пьют шампанское и смеются. Рядом с телевизором горит огнями ёлка – живая, – и по столовой плывет вязкий запах хвои. Вся семья – вокруг праздничного стола. Мама чистит апельсин, с глухим треском отрывая от него толстую кожуру, протягивает мне несколько холодных долек. В нос бьёт душистый аромат, я чавкаю – так вкуснее. Нашупываю косточку, ловлю её большим и указательным пальцами, но меньше всего я сейчас хочу встать и куда-то идти – даже два шага, отделяющие диван от стола, кажутся про-

пастью. Я протягиваю руку к окну, за штору – стекло дышит холодом – нащупываю цветочный горшок и одним движением погружаю влажную косточку в землю.

Воспоминание обрывается.

Я был чрезвычайно горд – шутка ли! Ходил, надувшись, подмигивал росточку и даже несколько раз поливал его под присмотром бабушки.

Думаю, если бы апельсин умел оценивать окружающую обстановку, он обязательно отметил бы атмосферу веселья и гостеприимства, царившую в нашем доме. Не проходило и двух недель, чтобы к нам не заявлялись гости – бесчисленные дядюшки, тетюшки, братья и сёстры, кумушки и кумовья. Стол неизменно накрывали в столовой – и музыка, разговоры, а то и песни не смолкали до поздней ночи.

А спустя полтора года родился мой младший брат, и к общей гамме звуков прибавился тонкий детский плач, в положенное время сменившийся агуканьем, балаканьем и прочими премилыми нотами. Гости стали приходить ещё чаще – и приводить с собой маленьких детей – дом превратился в шумную музыкальную шкатулку, и я просто не могу вспоминать своё детство без улыбки – все праздники слились в непрекращающийся круговорот огней и музыки.

За окном начинается снегопад. Крупные, грузные хлопья медленно тянутся сверху вниз – так медленно, словно их спускают на ниточках. По забору, спихивая лапой налипший снег, семенит соседский кот – нейдет ему, нет бы дома сидеть.

Очень скоро апельсин пересадили в отдельный горшок – и на месте молочая я бы закрустил. Апельсин рос красивый, тоненький, нежно-нежно-зелёный, листочки у него просвечивали на солнце, и можно было разглядеть каждую жилку. Ни о какой коре ещё и речи не шло – страшно было докоснуться: вдруг поранишь?

Я мог забраться на гараж, с него – на клён, зарыться в самую гущу пятипалых кленовых звёзд, выглянуть и увидеть в окне стройное деревце. Я говорю «мог», потому что не помню наверняка, высматривал ли я с улицы – тем паче, с клена – свой апельсин, но мне хочется думать, что хотя бы раз, но высматривал.

Когда ствол апельсина уже был покрыт светлой и тонкой, как её звала бабушка, «корицей», брат – к тому времени знавший наизусть несколько стихотворений Агнии Барто – зачем-то вздумал карбаться на подоконник, неловко повернулся – и апельсин полетел на пол вместе с горшком. Горшок раскололся, одна веточка сломалась.

Брат испугался, заплакал, я разозлился на него и побежал за бабушкой. Когда она пришла, брат так и сидел на подоконнике – ревел.

– Ничего, – сказала она. – Всё равно пересаживать пора, смотрите, какие корни.

За то время, что апельсин жил в собственном горшке, его корни удивительно разрослись – тугий клубок белых нитей поджал под себя почти всю землю, и поэтому на пол ее просыпалось совсем чуть-чуть.

Брат перестал реветь и только шмыгал носом, поглядывая то на меня, то на бабушку – апельсин его в то время почти совсем не интересовал: цветок и цветок. Бабушка погрозила мне пальцем и велела собирать черепки. Брат сполз с подоконника – помогать.

Много лет спустя, когда бабушка уже жила одна – и по счастливой случайности именно в тот вечер гостила у нас, – в дом забрался вор. Забрался через это самое окно, опрокинул горшок с бегонией. Апельсин уже ни на одном подоконнике уместиться бы не мог, но при виде жалкой смятой бегонии мне сразу вспомнился тот случай, с братом. Вор вытряс из комода ящики, выгреб на пол содержимое книжного шкафа – тайник, что ли, искал? – и ушёл дворами, захватив с собой две шкатулки с украшениями, основная ценность которых заключалась в воспоминаниях. На полу кухни лежал разбитым экраном вниз телевизор – злоумышленник в последний момент понял, что с телевизором под мышкой через заборы не попрыгаешь.

Бабушка потрясала кулачками и храбрилась, но видно было, что она напугана – как пугается, казалось бы, понапрасну, человек, за спиной которого промчался с рёвом автомобиль. Вора искала вся улица, от крыльца к крыльцу ходил участковый. Через два дня на каждом окне бабушкиного дома красовалась по решетке – она посокрушалась для виду, но вздохнула с облегчением. Отец убеждал её какое-то время пожить у нас, но она оставлять дом отказалась, требовала себе охотничье ружье – и ещё почти месяц отец ночевал в комнате, которую когда-то занимали мы с братом.

Снег усиливается – и больше не кажется, что каждая снежинка привязана к нитке. Теперь кажется, что снежинки живые, что они танцуют. Где же луна? Почему не видно луны? Я опираюсь о подоконник, заглядываю, насколько хватает глаз, влево, вправо. Луны нет, в небе ни облачка. На стекле остаётся мутный кружок – от моего дыхания – я смотрю, как он тает, уменьшάζεται, превращается в точку и исчезает. В призрачном серебряном свете листья выглядят неживыми, холодными, вырезанными из картона.

Радио снова поет – на этот раз веселее, тонким женским голосом. Холодильник невпопад вздыхает, радиаторная решётка устало дребезжит.

После инцидента с братом апельсин пересадили в новый горшок – побольше – и перенесли из столовой в зал, на подоконник у пианино – это место почему-то показалось бабушке более безопасным. Теперь апельсин видел не только сирень, гараж и клён, но и пышную иву, примостившуюся у дома напротив, на той стороне улицы. Под водопадом ивовых ветвей строили шалаши девчонки – они боялись лазать на клён. Мы, мальчишки, совершали на шалаши набеги, разоряли, рушили, а девчонки раз за разом отстраивали их заново – рассаживали по углам кукол, обвязывали ветви потрёпанной новогодней мишурой. Когда на иву падали солнечные лучи, она начинала блестеть – сквозь листву.

«Нужно посмотреть, – думаю я, – наверняка что-то сохранилось, блестит по сей день».

Радио звонко поёт, и мне хочется шагнуть на кухню, сделать громче, но я не иду.

В зале не накрывали праздничных столов, и там, вероятно, было не так весело, как в столовой, но зал – самая светлая комната в доме, с самыми широкими окнами, в солнечные дни кажется, что ты не в комнате, а на веранде. Поэтому на месте апельсина я бы не особенно огорчился переезду.

Но кое-какому переезду огорчиться пришлось. Когда мне было тринадцать, родители купили квартиру в центре города – и мы все в неё переехали.

Все, кроме бабушки – она уже не требовала ружья, но мысли о том, чтобы покинуть дом, по-прежнему не допускала. Её можно понять – здесь она родилась; между человеком и домом, в котором этот человек живёт столько лет, тоже существует, вероятно, особая связь.

Острее всего изменения переживал, по-видимому, я. Мы регулярно приезжали, и стол в столовой продолжал ломиться, и даже мама вдруг снова полюбила пианино, играть на котором зареклась много лет назад. Но какие-то нити внутри меня стали обрываться, иву теперь грабили без моего участия, и однажды я осознал, что не переживаю по этому поводу. Круговорот огней и музыки стал удаляться, хотя гостей меньше не становилось, и гости теперь кочевали от дома к квартире и обратно, но я уже не чувствовал себя вовлечённым во всеобщее веселье. Наверное, всё это совпало с тем временем, когда я переходил рубеж между детством и... что там следует за детством?

Мой брат, к слову, вообще не помнит тех лет, что он провёл в бабушкином доме, – он был совсем мал, и для него сознательная мальчишеская жизнь началась уже на новом месте, в гулком дворе четырехэтажного дома с прямоугольной баскетбольной площадкой в центре.

Апельсин сперва переехал вместе с нами – но затосковал и стал чахнуть на глазах. Листья поникли, некоторые съезжились – хотя и света, и воды, и свежего воздуха хватало с избытком.

Вспоминаю про чай – он совсем остыл. Возвращаюсь к столу, сажусь, в два глотка осушаю кружку. Радио почему-то молчит, и холодильник замер – зато музыка за стеной разошлась не на шутку; в квартирах такие фокусы не приветствуются. Сухо и, кажется, строго щелкают часы, гудит равномерно газовый котел. Я смотрю на оранжевые в свете лампы листья, выглядывающие из коридора.

Разумеется, тому, что апельсин чуть не зачах в новой квартире – его таскали из одной комнаты в другую, пока не решили перевезти обратно, – наверняка можно подобрать рациональное ботаническое объяснение, но мне хочется думать, что дерево – а это уже было настоящее дерево – именно затосковало. По дому, по бабушке.

Его привезли и поставили в коридоре – на том самом месте, на котором он стоит сейчас. В зале и в столовой стало прохладнее. Приземистую толстоногую табуретку смастерил на уроке труда брат. Сейчас он учится на втором курсе университета, и если он перестанет бриться, на его щеках заколосится бакенбарды почище пушкинских.

С началом лета апельсин, сменивший уже седьмой или восьмой горшок из-за стремительного роста, выносят во двор. Час или полтора – пока для нас с братом есть хозяйственные поручения особой важности – дерево стоит между грядок, и может показаться, что оно растёт прямо из земли. Мы поливаем клумбы, лазаем на крышу, спускаемся в холодный тесный погреб, пьём чай в кухне, прилежно слушаем бабушкины наставления или просто сидим на лавочке возле сарая, щурясь от солнца, – а апельсин тянет во все стороны изумрудные ветви и впитывает в себя лето, тепло, птичий щебет, голубое небо, шелест листвы. Я чувствую, как он оживает, как бежит под корой терпкий прозрачный сок. Брат поливает его из шланга, прижимает к струе большой палец, и сквозь веер капель плывёт нам навстречу

радуга – и её тоже впитывает апельсин. Всё радуется лету – даже сутулая яблоня одобрительно качает склонёнными ветвями, кивает по-старушечьи, а в её зелени щебечут, снуют птицы.

Однажды на апельсин приземлилась, мельтеша крыльями, трясогузка – прошлась туда-сюда с важным видом и упорхнула.

Потом мы затаскиваем дерево в теплицу – вглубь помидорных джунглей. Тепличные условия более всего похожи на среду, в которой положено пребывать апельсину. Осенью, когда ветер носит над дворами красные кленовые листья, а в воздухе мерцают загадочно паутинки, мы возвращаем апельсин в дом, в коридор, к окну, ставим на толстоногоую табуретку, укреплённую для надёжности железными скобами.

И апельсин остается в доме – теперь он слушает, как скрипит под бабушкиными шагами пол, как бормочет на холодильнике радио, как басит лучшими тенорами – отсюда слышно только лучших из лучших – телеканал «Культура». За окном сперва льют дожди, им на смену приходит первый, сухой, снежок, быстро отступает – и опять дожди, дожди. Ветер свистит всё надрывнее, всё капризнее отмахивается от него яблоня – и, наконец, после долгого гнетущего безвременья приходит зима, застилает всё белыми перинами. Как странно, наверное, апельсину наблюдать зиму вблизи!

Каждый, кто входит в дом, видит в глубине коридора могучие ветви – и если видит впервые, неизменно удивляется. Оставляет ботинки у двери – вокруг них на полу образуется лужица – и идёт здороваться, гладит листву, качает головой – то ли восхищается, то ли сочувствует теплолюбивому гостю, запертому в русской зиме.

Приходят к бабушке подружки – маленькие, сухонькие – и апельсин подолгу слушает, как воркуют они на кухне – хвалят пироги, обсуждают новый состав симфонического оркестра, вспоминают далекие времена, посмеиваются. Долго прощаются, долго стоят на пороге, поправляют шапки, платки, ругают синоптиков. Наконец, бабушка закрывает дверь, идёт по коридору. У зеркала она останавливается и поправляет выбившуюся прядь. Проходя мимо апельсина, неизменно задевает плечом широкий лист, не из неловкости, а как-то привычно, как будто так и надо, как будто это тоже часть общения. Потом долго звенит посуда, шипит в раковине вода, радио тихо поет, бабушка ему подпевает. Потом она гасит свет и уходит в комнату – радио никогда не выключается, ему вторят, игнорируя время и пространство, лучшие тенора. Ближе к полуночи «Культура» отправляется на боковую, дом погружается в сон. Апельсин неподвижно стоит у окна, озаряемый лунным светом – свет отражается от сугробов, от налипших на яблоню комьев снега, и за окном совсем светло. По стенам коридора плывёт чёрная вишневая тень, обрамлённая серебряным сиянием – ветви, листья, иголки шипов. Кажется, что это узор, что он нарисован – и останется, даже когда взойдет солнце и по коридору поплывут розовые и лиловые волны света.

Меня начинает клонить в сон. Воеет ветер. Краем глаза вижу, как бушует за окном метель. Кухня качается, точно я на корабле. Мысли принимают причудливые формы, плывут через кухню караваном, поднимают в воздух облака золотого песка. Яркие пятна листьев переплетаются и сливаются.

Что, если растения способны видеть сны? Что, если моему апельсину снится... Откуда к нам везут апельсины? Что, если ему снятся раскаленные пески, чёрные жерла колодцев, журчание драгоценных источников? Всхрапывание верблюдов, крики погонщиков – на языке, которого он никогда не слышал? Горизонт, дрожащий в знойной дымке, грохот редких дождей, пышные разноцветные сады? Я думаю об этом, и мне уже кажется, что я сам стою по щиколотку в песке – и вместо рук у меня ветви, и ветер гладит широкую изумрудную листву, покрывающую их. Мне кажется, что я накрепко привязан к самому сердцу земли тонкими белыми нитями, что небо надо мной похоже теперь на водную гладь – и по нему пробегают прохладные волны. Кажется, что птицы садятся мне на плечи и щебечут что-то, щебечут шею крыльями, а откуда-то издали льётся, переливается женский голос, тянется песня.

Я и впрямь слышу песню – но почти сразу понимаю, что это запело после недолгого перерыва радио на холодильнике. Я выныриваю из объятий сна, вздрагиваю и едва не сталкиваю на пол пустую чашку, которую придерживал рукой.

За тридцать земель скрипит пол. Я слышу, как открывается дверь, в коридоре показывается бабушка. Лицо у неё строгое, она спрашивает, почему я её не разбудил. Я говорю, что сам задремал. Строгость исчезает с лица, её сменяет улыбка. Бабушка идёт к плите, проверяет, есть ли в чайнике вода.

Я встаю, потягиваюсь – давно пора ехать.

– И даже не поел?

Я вру, что не голоден, целую её в макушку, ставлю кружку в раковину и иду в коридор – к вешалке.

Апельсин стоит неподвижно – и нельзя понять, провожает ли он меня в молчаливой торжественности или задумчиво смотрит на метель, в которой растворились и сарай, и яблоня, и двор, и крыши с черенками труб – только зернистая белая пелена приникает с той стороны к стеклу.

– Застёгивайся лучше, – командует бабушка у порога. – У вас как, не холодно?

– У нас – это у нас или у нас?

Я ведь уже год как переехал – сразу после свадьбы. Мы теперь живём в однушке на другом краю города, у самой реки. Сейчас река похожа на широкую белую дорогу, по ней ходят, как деловые, рыбаки, раскладывают свои табуреточки.

– У вас, – поясняет бабушка с улыбкой.

Я улыбаюсь в ответ.

Как только я открываю дверь, в коридор влетает горсть звонкой белой крупы.

– Всё, – суечусь я, поправляя шапку, – не держи открытой.

Выпрыгиваю на крыльцо, захлопываю дверь. Слышу, как щелкают замки. Один, второй.

Метёт немисливо, – но от этого почему-то весело, хочется так и стоять, в самом центре метели, задышаться, жмуриться. На гараже лежит слой снега толщиной чуть ли не в сам гараж, чёрный силуэт клена проглядывает сквозь пелену и кажется то ли великаном, то ли сторожевой башней. На той стороне улицы едва угадываются покатые плечи ивы.

Я спускаюсь с крыльца, нарочно сую ногу в сугроб, сходя с расчищенной тропинки – утром отец приедет и будет расчищать заново, – смеюсь, задираю голову и вижу высоко в небе, за белой кутерьмой, сияющий диск луны.

НИСА МАТЛИНА И ЕЕ CODA!

Вышла новая книга Нисы Матлиной «Кода»

Она из той молодежи, которая выросла и живет на окраине города.

У нее изящные гибкие пальцы пианистки, идеальный слух, жизнь в музыке. Но на пианино не было денег. Она научилась играть сама, на гитаре. Хорошо рисует.

В тринадцать лет написала фантастически-мистический роман «Идущий сквозь тьму». Он был нарасхват у подростков. С перерывом в десять лет вышли ее книга стихов и поэма «Ветер в ножны». Экспрессия и голос нового поколения впечатлили. Книга стала лауреатом литературной молодежной премии «Первая роса» в 2018 году.

У нее есть кисть, Слово, музыка.

И вот новая книга – «Кода!»

Я с большим интересом слежу за самобытным творчеством Нисы. Кода – финал музыкального произведения. Но у каждого конца есть начало. После знакомства с книгой вспоминается сказка Андерсена с рефреном: «Ах, мой милый Августин! Все прошло. Все прошло...»

И Блок с его знаменитым «Балаганчиком». В «Кодe!» тоже есть герои, подобные Арлекину, Пьеро, Коломбине. По-своему, конечно. Трехслойная вещь. Эти три героя – реальный друг-гитарист, реальная Коломбина и постоянно сопровождающий их незримо как бы двойник гитариста во времени австрийский певец и музыкант XVII века легендарный Августин.

Причем действие происходит на родной русской почве, в нашей действительности. Буффонада, фарс, трагикомедия. И дерзкие поломанные крылья, которые все-таки срастаются, – ключи к раскрытию замысла произведения.

В наш век герои встретились и узнали друг друга сквозь пласты времени. И... разошлись. Сказка долго не живет, долго живет ее след.

Есть о чем размышлять. Есть чему сопереживать. Вспомнить и пушкинский «Пир во время чумы».

Маски сняты в финале. Герой оказывается тряпчатой куклой, обманкой. И на сей раз не Пьеро, а Коломбина в главной роли – живая, мятущаяся, настоящая...

Отдельного внимания заслуживают фотографии и рисунки, составляющие особый колорит книги. Тщательно подобранные, найденные и запечатленные в подземках и переплетениях улиц города молодыми сталкерами – самой Нисой и фотографом А. Тарасовым. Как и рисунки арт-художницы Е. Несаленой.

Все вместе создает уникальную атмосферу современной жизни, затрагивает всю гамму чувственного восприятия.

В литературу пришел молодой поэт и прозаик со своей темой, своей изобразительной палитрой и современным самобытным языком и видением, сплавивший удивительным образом жесткие реалии и мистику, историю и фантастику с традициями классики.

Светлана КАЛИНИНА

В данной книге, на протяжении всей сюжетной линии, обыгрывается литературный перевод австрийской (а позже – немецкой) народной песни «Ach, du lieber Augustin» («Ах, мой милый Августин»). Считается, что она была написана в Вене во время эпидемии чумы 1678 – 1679 годов. Создание этой песни приписывается выше упомянутому Августину Н.

«Я увидела реального героя австрийской народной песни в нашей современности, в контексте среды моей юности. Он не просто стал «своим», родным, близким моим героям, он стал неотъемлемой частью моего мира – так появилась эта книга».

Ниса МАТЛИНА

Ниса МАТЛИНА, лауреат премии «Первая роса».
Работает в городской библиотеке №15 им. Н.Н. Благова.

ВРЕМЯ РАСЧЕХЛЯТЬ ЮНОСТЬ

В ПУТЬ

*Помню, сидели мы в кабаке,
Который любили прежде.
В старинных, других одеждах,
В другой стране, на другом языке,
Шутили, и кружка в моей руке,
Твоя голова на моих коленях...
Вкруг тени смертные, тени...*

Выйду – в полночь,
Буду – в полдень.
Я одна в своем пути,
Ни проехать, ни пройти –
Заросло все дикой вишней,
Алой кровью льется сок
На жемчужный, на песок.
Шаг мой легок и неслышен.
По тернистому пути
Больно босиком идти.
След плутает –
Поворот –
Он меня к себе ведет.

УЧИТЬСЯ ЛЕТАТЬ

Каждая клеточка моего тела
Говорит на твоём языке.
То, чего я так долго хотела,
Было линиями на руке.
Было знаками судьбоносными,
Очертаниями среди ветвей,
Было смехом моим, было слезами
У порога твоих дверей.
Я рвалась, вырывалась бешено,
Смог ты ветер мой обуздать.
Видишь, как небо мною расчерчено?
Держи мои крылья. Учись летать.

МАЯК

Я – маяк для всех заблудших душ,
Неприкаянных, озлобленных, упрямых.
И мой свет излечивает раны,
Отогреет от житейских стуж,
Вознесет в свечение Нирваны.

Но потом он станет вновь холодным,
Неприступным, острым, как гранит.
Только тронь – шипение Горгоны,
Визг и лязг –
В осколках небосклон.

Отстоится... соберет огонь,
Высосав из звезд волшебный звон.
И, как прежде, разгорясь, горит.
И опять кого-то ослепит.

AUF WIEDERSEHEN...

Нас разбросало по континентам
Свободным и сумасшедшим ветром.
Мы затерялись в шуме колес,
Через вокзалы –
Подземные залы –
Нас вихрь свободы схватил и пронес.
5-й этаж, заснеженный парк,
Рифы гитары, прокуренный бар,
Темные, страшные переходы,
Годы, годы, годы, годы...
Я вернулась, я снова здесь.
Рядом, незримо, ты где-то есть.
Необъяснимо, и я там буду.
Слышу твоё дыхание повсюду,
У всех прохожих – твои глаза.
Хочу коснуться – но нет, нельзя.
Нет тебя больше.
Нет совсем.
Auf Wiedersehen...
Auf Wiedersehen...

АХ, МОЙ МИЛЫЙ АВГУСТИН!

А мне хотелось больше.
Нежности, участия, любви,
в конце концов.
На днях бывала в Польше,
Иду сейчас по Дрездену
И рассуждаю трезво:
Здесь полно и лучше
Таких «альфа-самцов».
Я спокойна вроде,
Но ты убил мелодию!
Пока, пока, пока...
За мной по тротуару
Крадется «черной Карлой»
На цыпочках тоска.
Мимо стук колес идет,
И шкатулочка поет:
*Ach, du lieber Augustin,
Augustin, Augustin,
Ach, du lieber Augustin,
Alles ist hin!*

Со́ня РЫ́БКИНА

О себе.

Мне 19 лет. Играю на скрипке с раннего детства, учусь в консерватории. Писать также начала рано, имеются публикации в журналах «Слово\Word», «Эдита», Tipton Poetry Journal, «Берлин. Берега», La Page Blanche, L'Etrave, Lichen, Revue Cabaret, «Формаслов» и др. Помимо прозы, пишу стихи на русском, французском и английском, рисую.

СТАРАЯ ВЕНА

Вена встретила меня легко, с известной теплотой, как встречала всегда. Было уже десять часов утра, когда я переступил порог отеля на Зиверингерштрассе; последний раз я был здесь год назад, и сопровождал меня тот же аляпистый чемодан, а в душе копошились всё те же сомнения.

– Счастливо отдохнуть, – сказала мне жена, тоненькая, миловидная женщина, к которой я в последнее время был ненавязчиво равнодушен.

Она была на два года моложе – и на целую жизнь старше, мудрее, правильнее меня; сначала это восхищало (наверное, в силу возраста и неопытности), теперь же стало надоедать. Мне хотелось равенства, хотелось полного, абсолютного партнёрства, а жена словно была мне старшей сестрой, в которой не было нужды. Я поехал в Вену один – в последнее время мы не ездили в отпуск вместе. Знакомый портье приветливо улыбнулся, оформляя номер; так было год назад, так было всегда – казалось, я никуда и не уезжал. Какой-то француз встретился мне в лифте – кудри, еврейские глаза, тонкая линия усов, на вид не дашь больше двадцати; разговаривал он весело, по-французски заплёбываясь в словах. Так мы доехали до третьего этажа, вышли из лифта, двинулись в глубь коридора; пахло чем-то особенным, выразительным, как пахнет только в отелях. Француз кивнул мне и скрылся за соседней дверью – больше я не видел его; наверное, он уехал на следующий же день, но отчего-то это почти случайное знакомство в лифте подняло мне настроение.

В «Леопольде» я бывал не раз, но и теперь решил, так сказать, отдать честь. Передохнув и лениво

отобедав в ближайшем кафе, я добрался на метро до музейного квартала – и теперь медленно бродил по залам, внимательно разглядывая других.

Ничего интересного мне обнаружить не удалось и, задержавшись ненадолго перед одним из пейзажей Климта, дабы наглым образом подслушать разговор стоящей рядом парочки, я спустился в ресторан. Симпатичная официантка флиртвала со мной слишком откровенно, блюдо было слишком пресным – одним словом, утро первого дня в Вене не задалось.

После мне позвонил Эдди – мы договорились встретиться у Вотивкирхе в шесть вечера, немного пройтись и выпить. Эдди считался моим приятелем ещё с университетских времён и вот уже больше года обитал здесь, непрерывно стеная и охая от местного жизненного устройства. Он не был женат, потому как это противоречило его природе, зато имел множество случайных романов – женщины, слетавшиеся на его деньги, как мухи на мёд, были для него лишь средством слегка развеять тоску.

– Мне кажется, я скоро не выдержу, – скорбно сообщил он, когда мы сидели в баре. – Стоит только провести с женщиной одну ночь, как она уже рассчитывает на целую жизнь. Отвратительные существа!

Я засмеялся.

– И что мешает тебе завязать с ними?

– Дурость и разнузданность, – философски заявил Эдди.

С момента выпуска прошёл не один год, но Эдди оставался верен себе. Его любящий науку ум,

казалось, отказывался работать в обыденных житейских ситуациях.

– Помнишь, я говорил тебе по телефону, что ищу пару редких книг?

Эдди, уже успевший хорошенько угоститься, осоловело кивнул.

– Ты говорил о какой-то лавке...

– Помню, помню, – рассеянно ответил он, пытаясь сосредоточиться. – Да, я говорил о лавке на Штернгассе, это довольно далеко отсюда; тебе лучше отправиться туда завтра. Они специализируются на редких и антикварных изданиях.

Район Вены

– Спасибо, дружище, – я отсалютовал Эдди непочатым бокалом и залпом выпил всё его содержимое.

Следующим утром, как и советовал мне Эдди, я отправился на Штернгассе, но добрался до лавки не без приключений – узкие улочки того района были, казалось, все на одно лицо, и я добрых полчаса блуждал в поисках заветной цели, поминутно вопрошая прохожих, которые на ломаном английском пытались объяснить дорогу, но только ещё сильнее запутывали меня. Когда я подошёл наконец к высокой зелёной двери, ведущей в условный и долгожданный рай, я не ждал уже от этого визита ничего хорошего.

Обстановка внутри напоминала старинный двухэтажный магазин, снизу доверху наполненный книгами.

– Добрый день, – раздался со второго этажа звонкий женский голос, показавшийся мне знакомым. – Вы проходите, я сейчас спущусь.

Я прошёлся вдоль стеллажей. Через минуту передо мной предстала хорошенькая женщина; я узнал её.

– Дуглас! – воскликнула женщина, – Дуглас, я так рада тебя видеть!

Я хотел сказать ей, что тоже очень рад, но слова не шли. Глядя на её фигуру, обтянутую длинным кружевным платьем, на её короткие рыжие волосы, открытое миловидное лицо и белые руки, держащие стопку книг, я тщетно пытался увидеть в ней ту самую девочку Диту, которую любил в старшей школе. Казалось, в ней не осталось ничего от той барышни; только улыбка, такая же задорная и смелая, и взгляд, будто бы полный лёгкой печали, говорили, что и Дита, подобно мне, вернулась на какой-то миг в давно забытое прошлое.

– Ты ищешь что-нибудь или просто зашёл поглядеть? – мягко спросила она.

– Ищу, – я протянул ей небольшой список, который со всей тщательностью составил перед отъездом. – Признаться, я не ожидал, что встречу тебя здесь.

Она взяла листок из моей руки.

Я огляделся вокруг. Обилие книг, дубовых шкафов и стеллажей отчего-то навевало на меня тоску, будто прежняя Дита затерялась именно здесь, и сейчас пряталась где-нибудь за томиком антикварного издания Рильке.

– Это твоя лавка? – зачем-то поинтересовался я.

– Наша с мужем, – сухо, как мне показалось, ответила она. – Я проверю сейчас наличие нужной тебе литературы.

И она ушла вглубь, к деревянной стойке, на которой находился компьютер.

Новость о её замужестве не удивила меня, ведь прошло столько лет (у меня самого теперь была в доме женщина, которую я терпел по непонятной причине), но всё же странное чувство, будто Дита не имела права выходить замуж и жить полной жизнью после нашей любви, не давало мне покоя.

– Третьей и четвёртой, боюсь, у нас нет, – сказала Дита, возвращаясь ко мне, – но я спрошу сегодня у Герхарда, можно ли будет их достать в ближайшее время. Ты надолго в Вене?

– На пару недель. Буду очень благодарен, если

Книжный магазинчик на штрассе

удастся их заполучить, – я улыбнулся. – Ты всё время проводишь здесь?

Она уже поднималась по витой лесенке на второй этаж, чтобы взять остальные книги, но здесь оглянулась и внимательно посмотрела на меня.

– Думаешь, я променяла успех, который могла бы заполучить дома, на работу в книжной лавке? – Дита рассмеялась. – Как, должно быть, тебе хочется доказать, что мой отъезд был напрасен!

Я почувствовал себя уязвленным из-за того, что она слишком хорошо знала меня.

– У меня небольшой отпуск в оркестре, и я люблю проводить время здесь, когда появляется возможность. С книгами никогда не бывает скучно – и они никогда не предают.

Здесь она замолчала, будто заметив что-то позади меня. Я оглянулся. Пухленький мальчик лет восьми вбежал в лавку; на лбу у него красовалась ссадина.

– Мама, мама, Томас опять лезет драться, – плаксивым голосом заявил он, всхлипнув пару раз для пушей убедительности.

Дита бросилась к нему.

– Не придумывай, дорогой, я прекрасно знаю, какой ты сам задира! А Томасу скажи, если ещё хоть раз тронет тебя, не получит больше ни одной книжки.

Видимо, подобные случаи были здесь делом привычным, поскольку Дита мгновенно достала из ящика деревянной стойки салфетки, обработала

мальчику его боевую рану и плотно заклеила её пластырем.

– Какое безобразие, Мути, – продолжала она, – такой большой мальчик – и всё бежит к маме жаловаться, – она погладила его по голове.

Мути зажмурился от удовольствия, словно котёнок.

– А папа говорит, что я ещё совсем маленький, – невозмутимо парировал он. – Маленький и несмышлёный.

– Будто этому твоему папе можно верить, – насмешливо сказала Дита.

– Ты папу не любишь, – надулся Мути.

– Люблю. Просто вы с ним одинаковые – маленькие и несмышлёные. Ну всё, беги, видишь, у меня посетитель, а ты даже не поздоровался.

Мальчик показал ей язык и, довольно хохоча, выбежал прочь.

– Совершенно неуправляемое создание, – вздохнула Дита. – От каждой встречи с Томасом у обоих то синяки, то ссадины. И ведь не разлей вода, ничего не поделаешь, – она слегка улыбнулась. – Я сейчас найду тебе то, что есть, а завтра позвоню, если узнаю что-нибудь о тех двух экземплярах.

Я дал ей свой номер. Когда я ехал обратно, вагон был полупустой; поезд то углублялся в туннель, то выныривал обратно, и тогда моему взору открывались серые мосты, покрытые безвкусными каракулями, а над мостами возвышались устремлённые в небо верхушки громадных домов, и казалось, что сейчас они со всей силой обрушатся вниз, на вагон.

Встреча с Дитой не шла у меня из головы. Надо же было кому-то свести нас снова, спустя столько лет после болезненного расставания! Мне хотелось знать, счастлива ли она с мужем, будто от её мучений я бы почувствовал себя лучше.

Я любил её снова, а может быть, никогда и не переставал.

«Почему она уехала? – спрашивал я себя, словно ответ был где-то поблизости. – Почему я не поехал за ней?»

Как я тогда разозлился, посчитав, что она предаёт меня; теперь моё негодование казалось мне нелепым. Я смотрел, как мелькают за окном мосты и дома, и впервые за день вспомнил, что не звонил жене со вчерашнего утра. Конечно, она догадывалась, что дело шло к разводу, и сама не беспокоила меня, но сейчас мне захотелось вдруг услышать её голос, рассмешить её или даже бросить короткое «целую» в трубку, будто это могло спасти и даже в какой-то степени отомстить Дите.

Уже вернувшись в отель, я позвонил жене, но всё получилось иначе: её голос раздражал меня, и наш разговор длился всего пару минут. Следом я набрал Эдди, но тот был чрезвычайно занят с очередной жертвой своей любвеобильности; мы договорились встретиться завтра. До вечера я промучился над книгами, которые приобрёл в лавке Диты, но вряд ли понял хотя бы строчку.

Гуляя по Kunsthistorisches Museum на следующий день в компании Эдди, я едва слушал его развязную болтовню; телефон в кармане не подавал признаков жизни. Дита, верно, забыла обо мне.

«Конечно, когда ей заботиться о призраках прошлого! – поддел меня внутренний голос. – У неё

столько дел; только у тебя хватает времени на всякие идиотические страдания».

Однако, я был неправ; она позвонила мне следующим утром.

– Дуглас, прости, у меня всё вчера вылетело из головы! Мути опять подрался, а у Герхарда вечером был поезд в Будапешт, и мы собирались целый день. Он обещал посмотреть те книги.

– Я рад, – непростительно сухо ответил я. – Вы целый день собирались в Будапешт? И надолго он уехал? – наверное, последний вопрос прозвучал некорректно, но Дита не обратила на это внимания.

– На неделю, – голос её звучал весело. – Какой-то форум искусств, который он не может пропустить. Ты просто не знаешь Герхарда; он взял с собой два огромных чемодана! – Она рассмеялась.

Её муж нравился мне всё меньше.

– Слушай, я только что отвезла Мути в школу – и теперь мне нечего делать. В лавке сегодня будет помощник. Выручишь? Очень хочу услышать, как твои дела. Ты где сейчас?

Я ответил.

– Вот и отлично, я подъеду в течение часа. Договорились?

Мне не хотелось встречаться с ней, и одновременно я многое отдал бы, чтобы увидеть её ещё раз. Я согласился.

Не совсем было ясно, зачем Дита позвала меня на встречу, отчего вдруг я стал ей так интересен. Может быть, она сейчас чувствовала то же, что и я; может быть, и ей захотелось воскресить ненадолго то, что мы однажды пережили?

Как бы то ни было, мы встретились у музея и прошли пешком до Штефансплатц, где решили выпить кофе. Я рассказал ей немного о студенческих годах, о работе, о жене, явно приукрасив своё бесцельное семейное существование. Жизнь Диты оказалась мне чередой удач. Она вышла замуж спустя год своего пребывания в Вене; Герхард был искусствоведом, преподавал в университете (я сделал вывод, что он, ко всему прочему, происходил из весьма состоятельной семьи). Дита занималась с Мути музыкой, надеясь, что он пойдёт по её стопам, хотя, как считала она сама, сын проявлял большее рвение к литературе и дракам с Томасом.

– Когда я на работе, мне всё время хочется домой, – шутливо пожаловалась Дита. – Но дома я бываю одна; Мути в школе, муж – в университете, и тогда мне снова хочется в оркестр. Вот такая я беспокойная душа, – она улыбнулась.

Я слушал её и думал о том, что однажды её уютный мирок непременно рухнет, словно карточный домик; мне даже хотелось, чтобы он рухнул, и рухнул обязательно из-за меня. Мне хотелось, чтобы она вместе со мной снова окунулась в те времена, когда нам было так хорошо вдвоём; чтобы она забылась и отдалась мне. Мне хотелось осквернить эту женщину, её правильную и даже скучноватую жизнь, и хотелось показать ей, что эту самую жизнь можно разрушить навсегда одним непринуждённым движением, будто хрупкий хрустальный шар.

Мы ещё долго гуляли, пока Дита не сказала, что ей пора забирать сына.

– Обычно это делает няня, но сейчас у меня отпуск. Мы хотели ещё по дороге зайти в кондитер-

скую; Мути обожает лакомиться пирожными после школы.

– Вот почему он такой пухленький мальчик, – улыбнулся я.

– С возрастом это пройдёт; Герхард был таким же.

Я посмотрел ей в лицо, и мне показалось, что при этих словах в её глазах промелькнула нежность. Это длилось всего секунду.

– Ты знаешь кого-нибудь в Вене, кроме меня? – спросила Дита.

Я соврал, сказав ей, что не знаю ни души.

– Мы завтра празднуем день рождения Жана, приходи, если хочешь. Адрес пришлю.

– Приду, – только и ответил я в надежде, что уж на вечеринке мне удастся уединиться с Дитой.

Я проводил её до трамвайной остановки. Глядя, как Дита с улыбкой машет мне из окна, я думал, что она не могла не любить меня опять.

Жаном оказалась хорошенькая девушка лет двадцати трёх в коротком чёрном платье и с ёжиком на голове; Дита сказала, что они работают вместе. Весь вечер от Жана не отходил какой-то долговязый парень, и я даже видел, как они целовались на веранде.

В середине вечера Жан подошла ко мне.

– Вы и есть тот самый Дуглас? – спросила она.

– Да, а как вы это поняли?

– Вы единственный здесь, кто мне неизвестен, – она пожала плечами. – Зря вы пришли. Дита говорит, вы до сих пор без ума от неё.

Я почувствовал себя почти оскорблённым.

– Простите, но, боюсь, это касается только меня и Диты.

– Как вы неправы, молодой человек, – сказала Жан насмешливо, хотя разница в возрасте между нами составляла лет десять – и явно не в её пользу. – Не знаю, зачем она вас пригласила; возможно, вы интересны ей как трофей. У Диты уже есть двое мужчин, которых она любит больше жизни, и вы не станете третьим... Да, кстати, вы забыли меня поздравить, ну да я не в обиде.

И Жан ушла – эта не женщина и не мальчик; ушла, а я остался наедине с её жестокими словами, которые, подобно набату, грохотали у меня в голове. Я хотел найти Диту, чтобы попроситься и уйти, но она сама нашла меня – с усталой улыбкой на губах и полупустым бокалом в руке.

– Посидим где-нибудь в укромном месте, – предложила она, – у меня от всех этих разговоров разболелась голова.

Мы сели на лесенке, ведущей на второй этаж; здесь голоса гостей звучали более приглушённо.

– Я уеду через полчаса, – сказала Дита.

Она сидела совсем близко, и мне вдруг нестерпимо захотелось поцеловать её. Я вспомнил, как мы целовались украдкой на школьном дворе и как она сбегала из дома, чтобы повидаться со мной.

– Почему? – спросил я.

– Уже восемь. Я обычно читаю Мути перед сном, а иначе он не засыпает.

– Без чтения или без тебя?

– Надеюсь, что без меня, – ответила она. – Он так быстро растёт – и когда-нибудь совсем перестанет во мне нуждаться. Что я стану делать?

– В глубине души ты знаешь, что это неправда. Он никогда не перестанет нуждаться в тебе.

Дита слабо улыбнулась; на секунду мне показалось, что она разделяет моё мучительное одиночество. Я вдруг подумал, что её муж мог уехать в Будапешт совершенно по другой причине, и если она это подозревает, то непременно захочет отомстить. Я даже готов был стать орудием мести, лишь бы Дита досталась мне. Я вдыхал её запах – запах вина, парфюма и ещё чего-то незнакомого; несколько минут назад я мог поклясться, что сохранил воспоминания обо всём, что мы пережили, но сейчас она словно была мне чужой. Я наклонился и коснулся губами её шеи, как делал когда-то (наверное, то было в другой жизни); Дита резко поднялась, а я остался сидеть на ступеньке, будто в ожидании казни.

– Я думала, мы хорошие друзья, – сказала она тихо.

Я не ответил. Мы вместе вышли из дома, но она ни разу не посмотрела на меня; я чувствовал себя обманутым и уязвлённым. Дита поймала такси, я помог ей сесть, но она даже не попрощалась; ещё несколько минут после того, как её унёс прочь от меня большой чёрный автомобиль, я стоял недвижимый и думал, что умудрился потерять её дважды, хотя ни разу по-настоящему ей и не обладал.

Пять дней после той вечеринки я прожил как во сне; казалось, даже когда я потерял Диту впервые, мне не было так больно. Я бесцельно бродил по улочкам старой Вены; любимый город, в котором я бывал так часто, словно исторг меня, предал, забыл о моём существовании. На меня никто не обращал внимания, никто ни разу не посмотрел в мою сторону – и даже те, к кому я обращался сам, ни разу мне не улыбнулись. Я стал невидимкой, бесполезным существом, отвлекающим город и его обитателей от дел насущных. Каждый день я проходил мимо Чумной колонны к Штефансплатц – там, где мы гуляли с Дитой; ещё недавно я был так счастлив из-за её близости, её звонкого голоса, а теперь одна неосторожность отобрала у меня радость её видеть. Я подумал, что был невероятно глуп, когда не стал искать её и не последовал за ней много лет назад; она уехала после нашей ссоры, а дурацкая юношеская гордость не позволила мне даже набрать её номер. Я решил, что забуду Диту со временем; так и получилось, пока мы не встретились снова.

Она всё-таки позвонила мне, хотя я был уверен, что этого уже никогда не случится.

– Я нашла для тебя книги, которые ты хотел получить, – сказала она сухо. – К сожалению, сегодня в лавке меня не будет, но ты можешь подъехать по домашнему адресу.

Я готов был сойти с ума от восторга, что Дита помнила о своём обещании – и даже пригласила меня к себе, но мой пыл сошёл на нет, едва я обнаружил, что она попросту не хочет – или боится – остаться со мной наедине. Дверь мне открыла, по-видимому, няня или экономка; Дита сидела в просторной гостиной с книгой в руках, а её сын примостился рядом с ней, зарывшись носом в её платье. Когда я переступил порог комнаты, он приподнялся и тихо поздоровался; я передал ему коробку марципановых конфет, и он, поблагодарив, посмотрел на меня с недоверием маленького зверька. Дита

Чумная колонна

улыбнулась мне вежливо, как, должно быть, улыбалась любому клиенту; она встала с дивана и прошла к широкому дубовому столу, на котором лежали те самые книги. Я посмотрел их, полистал и хотел уже заплатить, но она сказала, что это подарок.

– Мы вряд ли увидимся снова когда-нибудь, и мне хочется сделать тебе приятное, как старому другу.

Она подчеркнула последнее слово. Я смотрел на неё и не понимал, что она чувствует сейчас; вежливая улыбка застыла на её губах, а в глазах ничего невозможно было прочитать. Я надеялся только, что она сожалеет о нашем расставании – и о том, что могло бы случиться между нами, если бы она была свободна.

Следующим утром я всё-таки зашёл в лавку. Мне хотелось убедиться, что Дита не держит на меня обиды; её слова о том, что мы вряд ли увидимся снова, очень меня огорчили. Но в лавке её не было. Из второго зала мне навстречу выплыл щеголеватый типчик в очках на широком носу; я сначала отчего-то принял его за помощника, но потом вспомнил, что мельком видел на столе у Диты фотографию её мужа с крошечным сыном на руках. Герхард смотрел на меня со скучающим видом, словно на муху, волей случая залетевшую в его обитель; он будто ждал, когда же эта муха наконец перестанет докучливо жужжать – и никак не мог решить, прихлопнуть её или всё же позволить ей улететь восвояси.

Чувствуя себя крайне неудобно, я взял несколько книг наугад с ближайшей полки; одной из них был тот самый томик Рильке, на который я обратил внимание ещё во время своего первого визита. Оплатив, я продолжил задумчиво прохаживаться вдоль полок; мне хотелось дождаться Диту, хотя она могла и вовсе не прийти. Взгляд её мужа из скучающего превратился в подозрительный.

– Простите, вы ждёте кого-то? – выдал он и воззрился на меня, как удав на кролика.

– Вы знаете, я – старый друг вашей супруги, – повторил я ту самую фразу, которой только вчера Дита окрестила наши отношения.

– Так вы, должно быть, Дуглас, – ответил Герхард и насмешливо улыбнулся. – Она скоро придёт.

Значит, она ему рассказала. Я смотрел на этого мужчину и не мог поверить, что Дита любит его. В моих глазах он являлся счастливым обладателем всего, в чём мне было отказано: её любви, её жизни, её тела – и её ребёнка; я считал его вором, который бесцеремонно украл то, что могло – и должно было – принадлежать мне. Я представил вдруг, как она занимается любовью с этим отвратительным, по моим представлениям, мужчиной, как эта любовь превращается в борьбу двух обессиленных от жажды тел – и как Дита целует его после, вся разморённая и счастливая; та Дита, которую я рисовал в своих мечтах, когда мне было семнадцать, и которой никогда, в сущности, не знал.

Когда она зашла в лавку, эта тошнотворная картина так и стояла перед моим взором.

– Дуглас, не ожидала тебя здесь увидеть, – она улыбнулась своей вчерашней улыбкой, в то время как Мути бросился к отцу; тот подхватил его, закружил, и они оба засмеялись.

– Я зашёл попрощаться, – сказал я просто.

– Уже уезжаешь? – будто удивилась Дита.

– Мне нечего здесь больше делать.

Это было правдой; после произошедшего моё пребывание в Вене стало почти невыносимым.

Она протянула мне руку. Я пожал её.

– Желаю тебе всего хорошего, – сказала Дита тем самым тоном, которым обычно говорят с незнакомцами.

Очарование нашей встречи и того дня, когда мы вместе гуляли по городу, окончательно разрушилось. Я кивнул её мужу – и вышел из лавки. Оглянувшись в последний раз, я увидел, как они стоят втроём обнявшись; потом муж поцеловал Диту, и Мути захихикал. Она смотрела на них обоих с невероятной нежностью, и я почувствовал, что она действительно любит Герхарда и необыкновенно счастлива с ним, хотя я и не мог понять её выбор.

Из отеля я позвонил Эдди и сообщил, к его вящей радости, что поеду с ним в Зальцбург; уж больно он не хотел разбираться с делами один. В последний раз оглядев номер, я собрал вещи и как-то особенно тепло поблагодарил за всё портье, а потом стоял ещё несколько минут, прощаясь с этим внушительным белым зданием. Целый день я снова бродил по городу, спускался в метро, сам улыбался прохожим, заглядывал в любимые места; что-то подсказывало мне, что я больше никогда не найду в себе сил сюда вернуться.

ПИШУ
В СИМБИРСКЪ

В редакцию журнала «Симбирскъ» приходит много писем от читателей, от жителей города и области с откликами на публикации. Многие присылают свои стихи, где искренне пишут о том, что дорого, вспоминают о былом, откликаются на происходящие в стране события.

Радость творчества знакома многим нашим читателям. В рубрике «Пишу в «Симбирскъ» – «стихи из конверта».

Анатолий ГРЕЧКО, родился 12 мая 1941 года в Белгородской области. Детство пришлось на военные годы, рано потерял родителей, рос и воспитывался в детском доме. После службы в армии окончил Ставропольское военное училище связи. Стоял у истоков формирования ядерного щита СССР, 25 лет отслужил в Ракетных войсках стратегического назначения. За период службы окончил исторический факультет Калужского государственного педагогического института им. К.Э. Циолковского (по специальности учитель истории и обществоведения). С 1985 года проживает в г. Ульяновске. За безупречную службу в рядах ВС СССР имеет правительственные награды. После выхода на пенсию в звании подполковника 25 лет работал в школе учителем НВП и истории. Является КМС по шахматам, пишет стихи и прозу. Автор сборника «Вдохновение».

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Россия – чудные картины:
Ручьи, озера и равнины,
долины в дымке голубой,
как не любить тебя такой?

Грибных туманов обещания,
Рек освежающих дыханье,
Покрытых лесом склонов гор,
глазам, открывшийся простор.

Зари сиреневый развод,
И солнца радужный восход,
Трель жаворонка в вышине
Звенит с восторгом о весне.

Славься, Россия, великая, вечная,
Водные глади, леса и поля,
Дали бескрайние, синь бесконечная,
Нет тебя краше, Родная Земля!

В истории нашей, как в книге сказаний,
Не мало печальных и славных страниц,
Страна не страшится открытых признаний,
Орёл наш двуглавый на страже границ!

Храни нас Всевышний от зла и навета,
Пусть страшные бури пройдут стороной,
Надеждой и верой, любовью согрета,
Россия – ты мать, мы гордимся тобой!

КРЫМСКИЙ МОСТ

Нельзя забыть Альпийские походы,
Героев Крымских войн святые имена,
Они бессмертны в памяти народа
Их не сотрут любые времена.

Страдая разумом от страсти,
Желание народа не спросил,
Хрущёв, стремясь к вершине власти,
Крым Украине подарил.

Себя он гением считал,
Когда жемчужину морскую
С короны Родины снимал,
забыв в тот час про боль людскую...

Майдан, ступив на Украину,
Порядок мирный заменил войной,
Крым представлял тревожную картину,
Стал полуостров сиротой.

Врагов крымчане не пустили,
Коротким, твёрдым был ответ,
К России взоры устремили,
Сказали новой власти: «Нет!»

Крым для России был родным,
Традиции, культура, быт,
Всё было близким и своим.
История об этом говорит.

Россия, просьбу понимая,
В беду попавших окрылила,
Свою границу открывая,
Законом Думы утвердила.

Вошедший новый регион –
Принёс хлопот немало он.
Весь образ жизни надо перестроить,
Решенье было – новый мост построить.

Мост через Керченский пролив.
Его назвали «стройкой века»!
Объединил в один порыв
Все достижения человека:

Науку, технику, и труд, и вдохновение...
Подобного размаха в мире не бывало,
Крымчане ждут счастливого мгновения –
Своё величие Россия показала!

Морские волны с плеском набегают,
Бетонные опоры омывают.
Как власть майдана ни старалась,
В короне Родины жемчужина осталась!

ЕГО СЮДА НИКТО НЕ ЗВАЛ...

*Никогда не забуду я детские годы,
детский дом и компанию славных друзей,
летом мы босиком, несмотря на любую погоду,
проводили досуг, что могло быть ещё веселей?*

Как-то летом в наш сад
пленный немец пришёл –
они строили где-то дорогу.
Вид ужасный, с опухшим лицом,
припадал он на правую ногу,
с веток фрукты не рвал,
осторожно с земли поднимал,
тяжело в поясице сгибался,
клат их в сумку и клат их в карман,
боязливо назад озирался.
Эти яблоки кушать никто бы не стал,
даже тот, кто ходил побирался.
Окружили его ребятишки гурьбой
и давай высыпать у него из карманов
всё, что он собирал...
С веток сочных плодов самых лучших сортов
положили ему и в суму, и в карманы.
Его руки тряслись,

губы что-то по-русски шептали:
«Гитлер – капут», «Гитлер – капут»,
мы с трудом едва разобрали.
Не заметили дети, завхоз подошёл,
начал немца толкать и матёро ругаться.
«Не надо бить его, Егор», –
раздался дружно детский хор, –
«Зачем кидаешься ты драться?»
Нельзя над человеком издеваться!»
И ярость улеглась в душе у бывшего старлея,
сдержал себя, хотя едва хватило сил.
Осколок от немецкого снаряда
Егор Иванович в себе носил.
Чужой стоял растерянный и бледный
и вдруг глазами часто стал моргать.
О чём он думал – не берусь гадать.
О том, зачем он воевал – не знаю,
но слёзы не умеют врать.
Его сюда никто не звал,
солдат не рвался в этот край.
Те, чей приказ он выполнял,
ему земной сулили рай...

Дорогая редакция!

Мой папа, Скоробогатов Михаил Сергеевич, родился 10 августа 1940 года в посёлке Новопокровск Майнского района Ульяновской области в многодетной крестьянской семье. Его отец, Скоробогатов Сергей Васильевич, ушёл на фронт, когда младшему сыну не исполнилось и года. Он погиб в битве под Москвой. Пропал без вести. Из семьи на фронт ушли и два старших брата, Александр и Василий Скоробогатовы. Они тоже не вернулись с войны. Папа рос с мамой, братом и сёстрами. Детство было трудным, голодным. Мать, Скоробогатова Прасковья Ивановна, работала день и ночь, чтобы прокормить ребятшек. Выжили все, выросли, получили образование, создали семьи. Папа много раз с благодарностью рассказывал мне о подвиге Матери, посвящал ей стихи. Писать он начал рано, уже в 4-м классе в районной газете «Сталинский призыв» было опубликовано его первое стихотворение. После окончания школы был призван в ряды Советской армии, три года служил на Украине. Вернувшись, поехал к старшему брату, который работал в городе Отрадном Куйбышевской области. Там стал рабкором газеты нефтяников «Рабочая трибуна». В конце 60-х годов в городе существовало общественное творческое объединение, активным участником которого и стал мой отец, геофизик Михаил Скоробогатов. Он писал заметки в газету, очерки, но чаще всего стихи. Затем поступил учиться в Миасский геологоразведочный техникум, позже – в Куйбышевский политехнический институт, работал инженером-нефтяником. В нашей семье была традиция: к праздникам мы с папой и младшим братом выпускали свою газету, в которой помещали поздравления, рисунки и обязательно свои стихи. Глядя на отца, мы тоже пробовали рифмовать строчки! Папа всегда поддерживал нас в этих начинаниях, помогал найти нужное слово, подсказывал. А ещё он всегда покупал нам сборники стихотворений разных авторов, читал с нами, обсуждал прочитанное, радовался, когда мы учили наизусть и декламировали новые стихотворения. И, конечно, у нас в доме была большая библиотека. Некоторые книги, подаренные мне и подписанные рукой отца, я храню уже в своей семье. Например, сборник стихотворений Анатолия Жигулина с памятной надписью от отца: «...Люби и читай больше стихов». В 1998 году, проработав в Тюменской области 18 лет, мои родители переехали в Ульяновск. Занимаются дачей, решают кроссворды, встречаются с внуками и правнуком. Папа пишет стихи и сейчас, освоив компьютер, стал набирать их сам. Читает их в кругу семьи, присылает родственникам. Темы творчества разные: философская, пейзажная лирика, юмористические стихотворения.

Когда я приезжаю в Ульяновск, я обязательно везу с собой журнал своим родителям. Папе очень нравится читать произведения разных авторов, мы часто обсуждаем прочитанное, делимся впечатлениями. Хочется, чтобы он прочитал на страницах журнала и свои стихотворения, написанные в разные годы его жизни.

Елена ДРОНИНА (Скоробогатова),
с. Большие Посёлки Карсунского района Ульяновской области

Михаил СКОРОБОГАТОВ

РАБОЧИЙ ПОЭТ

Он вошёл, волнуясь и робея,
Журналисту протянул тетрадь.
Он, признаться, верил и не верил
В то, что мог стихами рассказать.
Журналист читал стихи внимательно,
Правил он, при этом говоря:
– Не могу сказать, что замечательно,
Но трудился, парень, ты не зря.
О рабочих? Это для газеты! –
Помолчал, разглядывая лист...
– Вместе с городом у нас растут поэты, –
Улыбнувшись, молвил журналист.
– Пусть твои стихи роятся с муками,
Только бы рождались от души...
И ещё скажу: «Дружи с науками!
Что ещё сказать тебе? Пиши!»
Он писал. Он рифмами вызванивал.
Он горел в работе, как костёр.
Говорят, стихи – его призвание,
И к тому же он ещё рабкор...

ДАЧНИК

Ещё остался снег в малине,
Ещё лежит за домом он.
Покоя больше нет в помине:
Открылся дачный мой сезон.

С трудом подходит слово «дача»,
Спешу с лопатой туда,
Где часть земли урвал когда-то,
Себе участок для труда.

И началось: с утра до ночи
Посев, прополка и полив,
Порой нагнуться нету мочи,
Проснулся утром – вроде жив.

Передохнул с часок немножко,
Безделье вовсе не для нас...
Бегу скорей спасать картошку
Таблеткой под названием «ФАС».

Жук колорадский атакует,
И от него спасенья нет,
Найти отраву бы такую,
Чтобы себе-то не во вред.

В Чапаевске ипритом травят,
Зарин, заман у них в ходу,
Не думая о том, отравят
Всю благодатную среду.

Но вот картошка накатилаь,
Я на жука махнул рукой,
Жара на землю опустилась.
И я на грядки лью водой.

По сотне вёдер враз таскаю,
А брат по триста льёт за раз.
Вот так на даче отдыхаю,
Спокойный отдых не для нас!

Зимой совсем, совсем иначе:
Немного можно поболеть,
Немного помечтать о даче
И душу мыслями согреть!

СТРАНИЦЫ ГАЗЕТЫ

Тихо вечер спустился
На дневные заботы.
Я домой возвратился,
Чуть уставший, с работы.
И в ладонях шершавых,
Тёплой нефтью нагретых,
Прошуршав, раскрывает
Мне страницы газета.

В ней дыхание века –
И победы, и беды.
С нею, как с человеком,
Завожу я беседу.
И к концу той беседы
Становлюсь я богаче.
В чем-то вновь убеждаюсь,
Что-то вижу иначе.
И сдаётся: над миром
Пролетел я, как птица.
И лежат, словно крылья,
На ладонях страницы...

РАЗДУМЬЕ НА МОГИЛЕ МАТЕРИ

Что видела в жизни?
Печаль да заботу...
Ты, наша родная безвестная мать.
В колхозе подённую знала работу
Да горечь утраты пришлось испытать.
Тяжёлое время – войны лихолетье,
А лучшего нет, хоть проси не проси.
Мы радостью были, голодные дети,
За шалости в детстве, ошибки – прости.
Прими запоздалое наше признание,
Печали и радость несём мы тебе.
Мы знаем, незримо, но всё-таки с нами
Ты каждому светлой частицей в судьбе.
И здесь, на могиле, Всевышнего воля,
Признание прими, вместе с нами поплачь.
Любимец простора, широкого поля,
Покой охраняя, растёт карагач.

ЮБИЛЕЙНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

АВГУСТ 2020

2 августа – 35 лет исполняется писательнице **Валерии Александровне Прохоровой** (р. 2.08.1985, г. Бугульма Татарской АССР). Окончила факультет лингвистики и международного сотрудничества Ульяновского государственного университета (2008). Преподаёт английский язык в частных школах Ульяновска. Пишет стихи и прозу. Публиковалась в журналах «Симбирскъ», «Литературный Ульяновск»; сборниках «Верлибр», «Новый Венец» (2018). Лауреат молодёжного литературного конкурса «Первая роса» в номинации «Проза» (2014).

4 августа – 110 лет назад родился краевед, писатель, журналист **Николай Петрович Ключарёв** (4.08.1910, с. Шиморское Меленковского у. Владимирской губ. – 27.06.1990, г. Выкса Нижегородской обл.). Сотрудничал в газете «Выксунский рабочий». После войны трудился в газете «Ульяновская правда». Затем жил в Саратове: был зам. редактора газеты «Коммунист», зав. сектором печати обкома партии, зам. редактора журнала «Волга». Автор романов «Железная роза» (1968), «Работные люди» (1984). Заслуженный деятель культуры СССР.

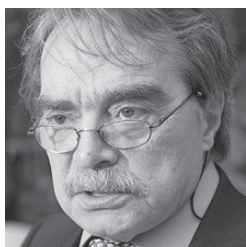
4 августа – 60-летний юбилей отмечает писатель **Сергей Иванович Котыкало** (р. 4.08.1960, г. Смела Черкасской обл. Украины). Секретарь правления Союза писателей России. Главный редактор журнала «Новая книга России». Автор книг «Лепет обманутого восторга», «Дурман», «Монастыри России» и др. Лауреат литературных премий им. Е.И. Носова, «Прохоровское поле». Не раз бывал в Ульяновске: 2 августа 2015 года провёл творческую встречу в Карсуне; 15 июня 2019 года участвовал во Всероссийском Гончаровском празднике.

6 августа – 125 лет назад родился чувашский писатель **Степан Митрофанович Лашман**, настоящая фамилия – Авксентьев (6.08.1895, с. Байдеряково Буинского у. Симбирской губ. – 28.11.1986, г. Чебоксары). Учился в Симбирской чувашской учительской школе (1907 – 1911), в строительной школе Симбирского земства (1912 – 1914). В 1918 году работал в отделе народного образования Симбирского губисполкома. Автор книг «Чёрные вороны» (1921), «Земля дыбом» (1931), «Сполохи» (1960) и др. Член Союза писателей СССР (1958).

8 августа – 125 лет со дня рождения прозаика **Николая Николаевича Никитина** (8.08.1895, г. С.-Петербург – 23.03.1963, там же). В 1919 – 1922 гг. участвовал в Гражданской войне в рядах Красной армии. Вёл переписку с писателем Н.Н. Ильиным (Нилли), собирался приехать в Симбирск, чтобы работать в Доме народного творчества. Был в Ульяновском округе проездом в Среднюю Азию. Автор рассказа «Барышня из киоска» (1916), повести «Рвотный фронт» (1922), книги прозы «Кол» (1923), романа «Это началось в Коканде» (1939) и др.

10 августа – 75-летний юбилей отмечает киносценарист, актёр, режиссёр **Александр Артёмович Адабашьян** (р. 10.08.1945, г. Москва). Автор сценариев к фильмам «Неоконченная пьеса для механического пианино» (1977), «Несколько дней из жизни Обломова» (1979), «Рецепт её молодости» (1983), «Агенты КГБ тоже влюбляются» (1991) и др. Приезжал в Ульяновск в сентябре 2012 года с премьерой фильма «Жили-были мы» в кинотеатре «Художественный»; посетил музей И.А. Гончарова. Заслуженный художник РСФСР (1983).

11 августа – 140 лет назад родился историк, писатель **Николай Николаевич Кнорринг** (11.08.1880, с. Елшанка Самарской губ. – 22.09.1967, г. Алма-Ата Казахской ССР). Отец поэтессы И.Н. Кнорринг. Окончил Симбирскую гимназию (1902), исторический факультет МГУ (1907). Преподавал в Харькове и Крыму. В 1925 году переехал в Париж. С 1955 года жил в Алма-Ате. Автор трудов «Сфаят: очерки из жизни Морского корпуса в Африке» (1935), «Генерал М.Д. Скобелев: исторический этюд» (1939 – 1940), «Книга о моей дочери» (1993).

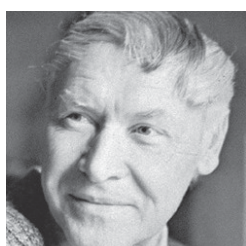
13 августа – 130 лет со дня рождения скульптора, поэта **Глеба Сергеевича Сазонова** (13.08.1890, г. Пенза – 22.11.1942, г. Ухта Ижемского р-на Коми АССР). Родился в дворянской семье. Учился в Симбирском кадетском корпусе. В 1911 году был зачислен в штат Пензенского губернского правления. Писал сонеты. Автор поэтических сборников «Отражённые линии» (1911), «Орган» (1912). Был арестован в 1942 году; приговорён к 8 годам исправительно-трудовых лагерей, умер в заключении. Реабилитирован в 1995 году.

13 августа – 40 лет исполняется эстраднему певцу, поэту **Станиславу Пятрасовичу Пъехе** (р. 13.08.1980, г. Ленинград, ныне С.-Петербург). Внук певицы Э.С. Пъехи. Окончил эстрадно-джазовое отделение Музыкального училища имени Гнесиных в Москве. Не раз становился лауреатом фестиваля «Песня года». Записал студийные альбомы «Одна звезда» (2005), «Иначе» (2008), «10» (2013). Несколько раз выступал с концертами в Ульяновске. Автор поэтических сборников «Гольи» (2008), «Не помню, над чем мы смеялись...» (2016).

14 августа – 100 лет назад родился литературовед и литературный критик **Лев Яковлевич Лившиц**, псевдоним – Лев Жаданов (14.08.1920, г. Мелекесс Самарской губ., ныне Димитровград Ульяновской обл. – 27.02.1965, г. Харьков Украинской ССР). С 1922 года жил с семьёй в Харькове; учился в местном университете. Автор сочинений «Драматическая сатира М.Е. Салтыкова-Щедрина «Тени» (1956), «Литературоведение и человековедение» (1962), «Путь Рахметова или дорога Шалимова?» (1963), «Сосуд, светильник и горячее» (1964) и др.

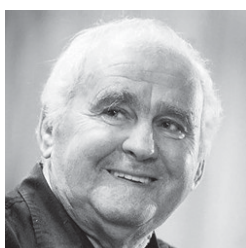
16 августа – 95 лет со дня рождения поэта **Александра Марковича Николаева** (16.08.1925, г. Москва – 10.09.1997, там же). Участник Великой Отечественной войны. Член Союза писателей СССР (1957). Автор поэтических книг «Тихий человек» (1962), «Канонада» (1969), «И вечный бой...» (1977), «Избранное» (1983) и др. С поэтами Б.Ш. Окуджавой и Е.Л. Храмовым 27–29 января 1967 года был в Ульяновске; выступал на творческих встречах во Дворце культуры автозавода, в читальном зале Дворца книги и в Доме офицеров.

19 августа – 90 лет назад родилась татарская поэтесса Лена Беньяминовна Сабитова, литературный псевдоним – Идельбике (19.08.1930, с. Новомуслюмово Мечетлинского р-на Башкирской АССР – 15.06.2020, г. Ульяновск). Окончила Ульяновский педагогический институт (1974). Работала в Ульяновске инженером-картографом. Автор книг «Тысячи ликов любви» (1997), «Эхо жизни» (2003), «Душа стремится ввысь» (2007), «Детские странички» (2013) и др. Член Союза писателей РТ (2000). Лауреат премий им. Г. Канадалыя, С. Урайского и др.

20 августа – 85 лет со дня рождения поэта, журналиста **Владимира Ивановича Пыrkова** (20.08.1935, г. Ульяновск – 6.08.2010, г. Саратов). Окончил Ульяновский педагогический институт. Был редактором газеты «Ульяновский комсомолец», работал в «Ульяновской правде». Возглавлял Ульяновское отделение Союза писателей РСФСР (1971 – 1976). С 1976 года жил в Саратове. Автор поэтических сборников «Озёра» (1962), «Алый снег» (1966), «Колокола под снегом» (1970), «Свет берёз» (1976), «Дом на Венце» (1986) и др.

21 августа – 85 лет назад родился поэт и бард **Владимир Львович Турианский** (р. 21.08.1935, г. Москва). Учился в Московском институте культуры. Работал в геологических экспедициях на Крайнем Севере и в Сибири; был электромонтёром, радистом, грузчиком, коллектором, слесарем. Песни начал писать с 1959 года. Приезжал в 1979 году в Ульяновск для участия в фестивале самодеятельной песни «Гамбургский счёт». Автор сборников стихов и прозы «Не спрашивай куда...» (1993), «...Моим друзьям в далёком далеке» (1997) и др.

23 августа – 140 лет назад родился писатель **Александр Степанович Грин**, настоящая фамилия – Гриневский (23.08.1880, г. Слободской Вятской губ. – 8.07.1932, г. Старый Крым Крымской АССР). Скитался по России, был матросом, золотоискателем. С декабря 1902-го по март 1903 года жил на нелегальном положении в Симбирске, работал на лесопильном заводе. Подарил Карамзинской библиотеке свою первую книгу «Шапка-невидимка». Автор повестей «Алые паруса» (1923), «Сердце пустыни» (1923), «Бегущая по волнам» (1928) и др.

23 августа – 65-летний юбилей отмечает прозаик **Евгения Александровна Быстрицкая** (р. 23.08.1955, г. Сенгилей Ульяновской обл.). Окончила Сенгилеевскую среднюю школу, Ульяновское музыкальное училище. Работает преподавателем фортепиано в Сенгилеевской детской школы искусств. Участница творческого семинара писателей в Москве. Пишет миниатюры, рассказы, сказки для детей. Публиковалась в газете «Волжские зори», в журналах «Карамзинский сад», «Симбирск». Автор книги прозы «Поющие травинки» (2014).

25 августа – 490 лет со дня рождения русского царя, публициста **Ивана IV Васильевича Грозного** (25.08.1530, с. Коломенское – 18.03.1584, г. Москва). В 1552 году во время похода на Казань прошёл с войском по территории края, пересекая реки Суру, Барыш и Кивать (ныне Сурский р-н Ульяновской обл.). Обладая литературным талантом. Автор переписки с Елизаветой I и Андреем Курбским; посланий шведскому королю Юхану III (1572), игумену Козьме в Кирилов монастырь (1573), польскому королю Стефану Баторию (1581) и др.

26 августа – 55 лет исполняется историку, поэту **Валерию Николаевичу Кузнецову** (р. 26.08.1965, пос. ж.-д. станции Шарлово Карсунского, ныне Вешкаймского р-на Ульяновской обл.). Стихи начал писать в школе. Посещал объединения «Парус», «Надежда», «Стрежень». Окончил Ульяновский педагогический институт (1988); заведовал здесь кафедрой всеобщей истории (1999 – 2012); доктор исторических наук (2011); с 2012 профессор кафедры истории. Член Союза писателей России (2012). Автор книги стихотворений «Лира Орфея» (2015).

28 августа – 95 лет назад родился писатель-фантаст **Аркадий Натанович Стругацкий** (28.08.1925, г. Батуми Грузинской ССР – 12.10.1991, г. Москва). Был в Ульяновской области проездом в мае 1942 года, отправившись в эвакуацию в Оренбург; плыл мимо Ульяновска на барже в сентябре 1943-го по пути в Москву из Ставрополя-на-Волге (ныне Тольятти) с курсов переводчиков. Автор сказки «Экспедиция в преисподнюю» (1974), рассказа «Подробности жизни Никиты Воронцова» (1984), повести «Дьявол среди людей» (1991) и др.

28 августа – 65-летний юбилей отмечает поэт, журналист **Владимир Константинович Топорков** (р. 28.08.1955, г. Ульяновск). Окончил Нахимовское училище (1972), отделение журналистики Казанского университета (1983). Стихи звучали на ульяновском радио. Работал в газетах «Ульяновский комсомолец», «Слово молодёжи», «Симбирские губернские ведомости». Выпускал газеты «Час пик» (С.-Петербург), «Жизнь» (Москва). Живёт в Москве. Автор поэтических сборников «Песни после полуночи» (2003), «Спасибо, что вы есть» (2014).

245 лет назад родился поэт, переводчик **Михаил Васильевич Сушков** (1775, ? – 26.06.1792, г. Москва). Старший сын симбирского губернатора В.М. Сушкова и писательницы М.В. Сушковой. В 1792 году в журнале «Дело от безделья» опубликовал «Оду, писанную в течение войны с турками», логотиф «Я есмь не вещество», загадку «Я в царстве нежностей», шараду «В полденных только я странах» и др. Автор повести «Российский Вертер» и отдельно изданного перевода с французского «Полная баснословная история». Покончил с собой.

225 лет со дня рождения поэтессы **Варвары Николаевны Анненковой** (1795, ? – 1870, г. Москва). Её братья связаны с Симбирской губернией: Николай основал деревню Малое Анненково, Дмитрий был предводителем дворянства Карсунского уезда, а Александр помещиком с. Грязнушка Симбирского уезда. Была в Симбирске в августе – сентябре 1864 года; по полученным впечатлениям написала цикл стихотворений «Поездка в Симбирск», опубликованный в 1866 г. Автор сборников «Для избранных» (1844), «Чудо-Юдо» (1866) и др.

ПОЭЗИЯ ЮБИЛЯРОВ АВГУСТА

Стас ПЬЕХА (р. 1980)

НАСТОЙКА

Настойка исцелит затишье.
Твоя рябина, градус мой.
Лишь мы с тобой. И третий лишний.
Да будет сладок наш покой.

И горечь, в недра проникая,
Забвенью юности прикрас,
По жилам зыбким протекая,
Прогреет грудь и пустит в пляс.

По истеченью наше зелье
Натянет нерв, осушит глаз,
А завтра снова воскресенье,
И ты опять уйдёшь в отказ.

Я буду вспоминать с любовью
Настойки сладкой миг густой
И буду знать, что я с тобою,
Хотя бы ты и не со мной.

* * *

Плачет голая ворона. Рваный флигель.
Сохнет ветка на ветру, за домом осень.
Строит планы, корчит рожи, чувствует гибель.
Пахнут травы, напоследок млеют сосны.

Скачет юркая блоха с овчарки к дому.
Скоро дождь, и ни к чему себя уж тешить.
Скоро в сон впадать, и хворь всему живому.
Скоро листья разожжёт в оврагах Леший.

Тёплый дождь размытый сад слегка одёрнул,
Перед смертью не напьёшься, но всё пуще
У крыльца на всём скаку засохнут зёрна,
Над поляной сторожами бродят тучи.

Лёгкий куст тебя закрыл, и млеет кожа,
Алых бёдер мягкий свет доносит тускло.
Ты в ручей пугать грачей, и я бы тоже.
Только осень, и уже стало пусто.

* * *

И не повторяются наши истории,
И шёпотом листьев становятся страсти,
И нам остаются одни аллегии,
Что так эфемерно разбитое счастье...

Александр НИКОЛАЕВ (1925 – 1997)

* * *

Журавли летят в зените,
Танк подбитый,
Чёрный дым...
Я себя,
Вы извините,
Снова вижу молодым.

Птиц осенних эскадрилью
Провожало всё село,
Всё, что было,
Стало былью,
Но былём не поросло.

Память снова воскресила
Тот фашистский пулемёт
И зенитку, что косила
Птицу – била прямо влёт.

Пуль трассирующих нити
Прошивают небеса,
Журавли летят в зените
За моря и за леса.

Сколько жив,
Я помнить буду,
Как мы взяли высоту,
Как спасли мы это чудо,
Защитили красоту.

* * *

Я как-то раннею весной
Чечётку выпустил из клетки.
Она вспорхнула предо мной,
Пошла летать на ветку с ветки.

Но так испортила зима
Вольнолюбивую чечётку,
Что, пролетав весь день, сама
Она вернулась за решётку.

Сказал я сыну:
– Повторим
С тобою школьные уроки.
– «Пока свободой горим...» –
Прочёл он пушкинские строки.

ИДЕЛЬБИКЕ (р. 1930)

ПОСЛЕ БУРИ

Какая благодать, мой Бог!
И тишина вокруг какая!
Не дрогнет ни один листок,
Цветы стоят, благоухая.

И не поверишь, что вчера
Здесь ветры рвали и металы
И грохотала так гроза,
Что окна в комнате дрожали.

Куда исчезла кутерьма? –
Покою радуется природа.
...Ах, если б и в душе шторма
Стихали так же, как погода.

* * *

Я в двадцать лет смотрела на себя
С печалью острой: «Как старею я!»

А в сорок поубавилась тоска:
«Да я неплохо выгляжу пока».

Мне шестьдесят. Я в зеркало смотрю.
«Красавица!» – довольно говорю.

* * *

Меня не зная, все подряд
Мне «молодая» говорят.
Зачем им знать мои года? –
Душой я, правда, молода:

Несу от юности своей
Задор и бодрость прежних дней,
И яркость прежнего огня
Хранит поэзия моя...

* * *

Когда в душе погашен свет
И в мыслях нет надежды,
И мнится, будто мир одет
Лишь в чёрные одежды,
Сама себе я говорю,
Гоня свою тревогу:
«Я – человек! И я найду
Заветную дорогу».

*Перевела с татарского
Лилия Юсупова*

Владимир ПЫРКОВ (1935 – 2010)

* * *

Кварталы, кварталы, кварталы –
Ещё вырастает один.
А рядом – кораллы, кораллы
Посаженных нежно рябин.
Рассудочен мир новостроек,
Но всё же, наверно, не зря
Поблизости – чудо лесное,
Скопившее свет сентября.
В прозрачности сини осенней
Двух привкусов тесен союз:
И сладость хмельных новоселий,
И горечь рябиновых уст.

* * *

И первое – то, что мы в жизни открыли,
Что солнышком утренним в детство вошло, –
Сначала глаза материнские были,
Доверчивость их и родное тепло.
И тут же второе, что мы осознали,
Что так и останется в нас до конца, –
О Волга, твои неоглядные дали,
Однажды открытые с кручи Венца!
А может, и то и другое – всё вместе –
Нам выпало редкое счастье впитать...
Так вот почему в наплывающей песне
Два слова сливаются:
Волга и Мать.

* * *

Давай меж рам, на вату,
Пока не лют мороз,
Рябины тароватой
Положим нынче гроздь.
В метель, в лихую стужу,
За наледью окна
Пускай зари не хуже
Красуется она.
Пожалуйста, мой мальчик,

Подай-ка мне, сынок,
 Поярче да пожарче
 Рябиновый пучок,
 Чтоб всяк его заметил
 С земли или небес,
 Чтоб не было на свете
 Окошек бес чудес,
 Чтоб не было для взгляда
 Безрадостных пустот.
 А шелест снегопада
 Послышится вот-вот...

Владимир ТУРИАНСКИЙ (р. 1935)

* * *

Пока не выгорел дотла
 Костёр твой и кого-то греет,
 Пока душа не умерла
 И боль испытывать умеет,
 И если ты ещё в пути,
 И не подведены итоги,
 И можешь ты свой крест нести
 На этой жизненной дороге,
 Пока в туннелях брезжит свет,
 Пока горит твоя лампада,
 То наплевать, что денег нет,
 А большего тебе не надо.

И звёздной пыли серебро
 Пока звенит ещё под ноги,
 И не разменяно добро
 На подоходные налоги,
 Пока ещё ты можешь петь
 И крутится твоя кассета,
 Тогда, Бог даст, ещё успеть
 Допеть всё то, что не допето.

...Свetaет. Меркнут фонари.
 Тоска чернее пистолета.
 Семь струн и букв тридцать три.
 И одиночество поэта.

ВОТ И ВЫПАЛ СНЕЖОК

Вот и выпал снежок, и опять прилетят снегири.
 И серебряной шалью надолго укроет дома.
 Что же ты загрустил? Посиди, дорогой, закури,
 Посмотри, как за окнами белая ходит зима.

На часы и минуты похож улетающий снег,
 Не грусти, всё пройдёт, как случайные лица в толпе,
 Как пустая тревога, как парусник белый во сне
 Или поезд ночной, на который тебе не успеть.

Нам от века досталось немного, но так суждено...
 Здесь слова ни к чему и, наверное, скоро рассвет.
 И, как в детской стеклянной игрушке,
 разбитой давно,
 Улетает и гаснет бесшумными звёздами снег.

Вот и ночь отгорела, сожгла за собою мосты.
 Под завьюженным небом России плывут январь.
 И на белой дороге рассыпались, словно цветы,
 Как забытый под ветром костёр на снегу, снегири.

Валерий КУЗНЕЦОВ (р. 1965)

* * *

Ещё июль – макушка лета,
 Потоком жар идёт с небес,
 И, как жаровня разогрета,
 Парит земля: и луг, и лес.

Неисчерпаемая сила
 Так, кажется, пирует здесь,
 Та, что вела, и возносила,
 И заставляла всё расцвести.

Здесь осень кажется ошибкой,
 И глупым домyslom – зима,
 Здесь на пороге сказки зыбкой
 Природа замерла сама.

Здесь смерти нет, одно рождение,
 Здесь ты навеки не умрёшь,
 И на тебя, забыв сомненье,
 Падёт животворящий дождь.

РОДНАЯ РЕЧЬ

Я вглядываюсь пристально в слова,
 Которые настолько мне знакомы,
 Что я, произнося их все, едва
 Догадываюсь, сколь они весомы.

И русский мой язык ведёт меня,
 Передавая мне, как эстафету,
 Слова, что полны жизни и огня,
 С которыми я прохожу по свету.

Дарю я благо, я благодарю,
 И бог спаси – я говорю «спасибо»,
 И грудень предпочту я ноябрю,
 И русский – рус, и кит, конечно, рыба.

И как медведь всё ведаёт свой мёд,
 Так с немцем помирила нас берлога,
 И ариев наследие живёт
 В словах, которых словно зёрен много.

И что же есть язык? Ответь – душа,
 История, прапращурь, величье,
 Пока ты слушаешь в волненье, чуть дыша,
 Простую речь, что слаще трелей птичьих.

Владимир ТОПОРКОВ (р. 1955)

О ЖИЗНИ

Без провалов, без успехов
 дни уходят, как в песок:
 можно так и жизнь проехать,
 как лесок, наискосок.

Вдалеке от бед и бедствий
 до погоста додремать,
 если мы не будем действий
 никаких предпринимать.

На тупиц не раздражаться,
не кричать врагу «Держись!»:
только был ли смысл родиться,
чтоб прожить такую жизнь?

ДЕТИ И НАДЕЖДЫ

Они то вызывают умиление,
то мы бежим от них, как от чумы;
конечно, дети наше продолженье,
но и одновременно антиМы.

Безжалостны они, как муки ада,
и справедливы, как верховный суд,
но я уверен, если будет надо –
они нас словно ангелы спасут.

ДНО ЖЕЛАНИЙ

Куда-то хочется лететь,
но крыльев, к счастью, не дано;
чего-то хочется хотеть,
а может, просто лечь на дно.

И там лежать на дне морей,
в плену безмолвной вечной мглы –
среди обломков кораблей,
что в трюмах золото везли.

ЗИМНЕЕ ВРЕМЯ

Всего на час мы стрелки передвинем
среди ночи, а проспим – так на заре,
и время моментально станет зимним,
таким, каким бывает в январе.

Где лёд лежит на сердце и не тает,
хотя душа как печь раскалена,
и света дня безумно не хватает,
а ночь без сна до ужаса длинна.

Барбара АННЕНКОВА (1795 – 1870)

СИМБИРСК

Где бывший город? Что за лица
стоят в унынии кругом?
Гостеприимства где столица?
Где был радушный всем приём?

Иль разверзались здесь вулканы?
Не их ли жерла там дымят?
Стоят лишь печи-великаны,
О жизни бывшей говорят!

Всё на возах – и всё готово
Бежать – бежать куда-нибудь;
Как тигр – стремится пламя снова
С развалин тлеющих прыгнуть.

Перед толпой окаменелой
Вновь языки ползут огня;
Как труп, истлевший, обгорелый,
Лежит пустырь вокруг меня!

И вот Симбирск! Приют бывалый
Красавиц, грации – ума!
Каких в России было мало!
И что ж теперь? – Унынье, тьма!

Но говорят останки эти
И в неподвижности своей!
Где только хлеба просят дети,
Да стоны слышны матерей!

Придёт ли путник в край родимый,
Где отчий дом? – Исчез и след!
И всем ответ неизбежимый:
Симбирска нет! Симбирска нет!

ГОЛОС ЖИТЕЛЕЙ СИМБИРСКА

На берегу Свяги мы,
И наш ночлег – под кровом неба
Среди полуночной, бурной тьмы –
А дети эти – просят хлеба,
А наши там горят дома!
Повсюду огненное море!
И в перспективе нам сума,
И все в одном слились мы горе!
Что век собирали – сгибло в час!
Едва мы сами уцелели!
И нет ни сил, ни мысли в нас,
И словно мы окаменели?..

ПРОЗА ЮБИЛЯРОВ АВГУСТА

Валерия ПРОХОРОВА (р. 1985)

ГОРЬКО! (отрывок из рассказа)

Девочка хлопала большими глазами: синие губы прабабушки говорили и говорили, она многого не улавливала, но с интересом, приправленным львиной долей любопытства, смотрела. О своей прабабушке Женя знала лишь только то, что она была. У многих прабабушки не было, а у Жени была! К ней девочку не пускали, о ней не говорили, но со скудных слов двоюродных братьев Женя слышала, что ей аж 90 лет. Поэтому, уже без лишней робости, она дождалась паузы и вставила своё гордое:

– А ты моя прабабушка!

Прабабушка на это изошлась кашлем, её покрытые пеленой выпученные глаза смотрели впереди себя и не видели маленькую фигурку в красивом длинном платье до колен, слишком ярком, чтобы остаться незамеченным.

– ... благослови тебя Бог! Живи, люби, замуж не торопись, как Валечка... и дай Бог тебе, дочка... я ведь тоже такая была...

Женя скривила губки – ей не верилось, что эта

недвижимая, скрытая от людских глаз старушка когда-то была такой же красивой и маленькой. Она вытаращила глаза, недоверчиво нахмутив брови, и не верила.

– Прыгать любила... как любила... – снова из груди прабабушки раздался звонкий свист. На миг Жене показалось, что её сухие синие губы сложились в чуть заметную улыбку. – ...на Первомайской было... как война кончилась... и прыгали... до 17 лет... а там... замуж. Не хотела иттить... пошла в погреб к соседке да лампу керосиновую разбила... а она... дорогая... у нас с мамой таких денег не было... говорит мне тётя Тоня: выходи за моего Лёньку... прощу лампу... а я... маленькая ещё... плакала... маме жаловалась... а она: иди! Так и пошла... Лёньку-то два раза только видала... и пошла... а там семья, – она сделала ударение на первый слог, замолчала. Рука её задвигалась под покрывалом. – Где папа?

– С дядей Митей в невесту с женихом переоделись и сидят за столом! – бодро проговорила Женя.

– ...а деда?

– А дед танцует.

Прабабушка тяжело вздохнула, потом, заглывая ртом воздух, что-то спросила шёпотом – Женя не поняла. Осмелев, она подвинула к краю прохода дедушкин стул и уселась на него, взяв со стола большую тарелку с арбузными дольками.

– ...не приходили даже... невеста-то...

Она замолчала, Женя, надкусив обветрившуюся верхушку арбуза, мусолила её во рту.

– Жарко ли, дочк?..

– Угу...

– Дай Бог летом помереть... чтобы могилку легко копать было...

Девочка непонимающе смотрела в тёмную каморку: её взгляд уже более не притягивала таинственная прабабушка, оказавшаяся совсем не страшной, неподвижной и доброй. Откусив в очередной раз сочную спелую мякоть, она болтала ножками и с ужасом думала, что будет с ней за разбитый фужер с наливкой, не отдадут ли её, как прабабушку, замуж, не заругают ли за разговоры с ней. Мысленно порешив, что дед слишком пьяный, чтобы наутро вспомнить о разлитой наливке, она успокоилась и весело спросила:

– А хочешь арбуз?

Прабабушка долго не отвечала. Она чуть водила носом, пробуя воздух, как слепой котёнок, и, когда из её потухших, ничего не видящих глаз, закапали слёзы, сорвавшимся на шёпот голосом ответила:

– Нельзя мне... в туалет захочу... деда потревожу...

Женя молча опустила недоеденный арбуз в тарелку. Слёзы из глаз прабабушки так и лились нескончаемым потоком, она с усилием отвернула голову от девочки, зашла в долг, почти нескончаемом кашле...

Николай КЛЮЧАРЁВ (1910 – 1990)

ЖЕЛЕЗНАЯ РОЗА (отрывок из романа)

Тихо колышется зелёный бархат трав Окского левобережья. Лениво плещутся волны у песчаных отмелей. Привольно чувствует себя в прибрежных зарослях перелётная птица. Проплывёт изредка с верховьев купеческая барка с товаром, пробираясь к Мурому аль Нижнему, и опять безлюдно кругом.

Не шумлива матушка Ока. А бывает, разыграется к ночи – хуже Камы-сестры. Загудят, застонут вековые сосны на крутом берегу, побегут посредиче реки грязно-бурые волны, запенятся, догоняя друг друга. Никому в ту пору по реке не проехать. Берегись, купец, станови свой мокшан к берегу на причал!

Вот такой и любит Оку поп Сорока, что живёт с двумя сыновьями – Тимофеем да Кириллом – в избушке рядом с часовенкой, стоящей за яром, где река делает кругую излучину. Был он знаменитым попом на Москве, да сослали сюда за провинность. Богато жил Сорока в Москве. Здесь доходы – раз в год, в Успеный день.

Большим стал поп знатоком лесов муромских. Коротая дни, исходил он лесные дебри вдоль и поперёк, забираясь в самую глухомань. Знал Сорока, где какая птица или зверь водятся, где грибные места, клюквенные, брусничные болотины. И с медведем не боялся силой помериться.

Сыновья росли в него, такие же лохматые, надежные диковинной силой и буйным, строптивым нравом. Поспорили они однажды меж собой – еле унял их Сорока. Думал он, что пора бы женить их, да не хотелось баб в свою жизнь вмешивать. Так и жили втроём, бобылями.

...В один из тех осенних дней, когда погода становится переменной, вниз по реке спускалась небольшая барка. Косой полотняный парус то надувался ветром, подгоняя судно вперёд, то ослабевал, полощась вокруг мачты. Тщедушного вида мужичонка, сидевший на корме у правила, лениво посматривал по сторонам, заботясь лишь о том, как бы не наскочить на мель. Его товарищ, подложив под голову армяк, мирно дремал чуть поодаль на палубе.

Из казёнки высунулась заспанная голова приказчика.

– А что, ребята, не заночевать ли нам?

– Для чё? – откликнулся кормчий. – Быстрей добежим да и назад.

– Как бы греха не нажать.

– А ты покарай! Не бойсь! Тут скрозь до Муромы живой души не встренешь. Ложись-ка на покой!

Гонимая ветром барка продолжала плыть по течению. Приказчик повозился в казёнке и затих...

Накинув армяк, кормчий уныло вздохнул.

– Собачья жизнь, – пробормотал он про себя. – Остатний хлеб в поле погниёт, а ты тут с товарами майся, распродуй их горой. Кому – барыш, а кому – шиш.

Дождь не переставал. Очертания берегов постепенно сливались с водой, темнота становилась всё гуще. Облокотившись на правило, рулевой дремотно слушал, как журчит струя за кормой. Глухая осенняя ночь всё плотней покрывала землю.

Проснувшись от брызнувшего в окно каюты солнечного луча, Парфён подумал, что давно бы

нужно сменить товарища. Толкнул ногой дверь – она не открылась.

– Намокла, что ли?

С трудом выбравшись наружу, метнулся назад.

– Савёл Иванов! Приказчик!

– Чего тебе?

– Беда стряслась!

Потерявшее управление судно тихо покачивалось на волнах у берега. Оглушённый чем-то тяжёлым, а затем связанный, кормчий недвижимо лежал у руля. Ахнув, приказчик бросился к люку, ведущему в мурью. Товаров не было...

Сергей КОТЬКАЛО (р. 1960)

МОРЕМ КАЧАЛАСЬ ЛОДОЧКА *(отрывок из рассказа)*

...Во втором часу пополудни жаркое солнце на миг замерло, но вовсе не от того, что ему должно было так действовать по расписанию, а потому, что напугалось взвившегося над землёю чёрного шара, никем прежде невиданного в жарких цветущих краях. Солнцу смекнулось наверняка, что его острые жёлтые стрелы жадного света закопятся и померкнут, тогда как впереди ещё много времени для дневного труда, такого привычного и приятного об июньскую ненастную пору. Но уже скоро оно насильно переметнулось, с излишней поспешностью, на запад от медленно сгорающих по желтеющим травам раздольных берегов Медянки хат и дворов, домашних садов и придорожных аллей верб, как бы отстраняясь от подвига и преступления взбунтовавшейся человеческой природы, неугомонности и алчности, и каково же было изумление рыбалки, черпавшего из реки про тот час воду, чтобы варить себе уху, исподволь кинувшего взор на солнце и насколько не заразившегося остротой его света...

– Надо же, – сказал он, – я – простой человек – не боюсь, а оно робеет, право, чудно... – и с теми словами рыбалка вдруг так же, как и солнце, замер, что-то почувствовал и на миг замозговал, а после, натруженно вытерев рукавом холщовой рубахи усталость мысли с лица, продолжая её думать вслух: – вот ведь оказия-то выходит какая, даже жар солнца способен гаснуть в минуту новой правды истории, до того она ему убедительна и написана для сердца, – упрямо глядя мимо долгого пожара, что рос на изгибе реки, к которому он находился спиной, как бы давая понять самому себе, что прошлая его жизнь, проведённая там, навсегда позади. Медленно, не отрывая засвеченные глаза от мутного жёлтого солнца, рыбалка опускался на иссушённый солончаком белый вербный мосток, и очарованное дикостью правды жизни лицо его суровело и серело, а прохладная, проточная вода, захваченная ковшом из реки, стекала по штанинам обратно. Ему было обидно и грустно. Он ещё не осознавал всей

строгости, что постигла его, тех утрат, какие с нарастающим чёрным шаром стискивали и сковывали ширину сердца, но в нём отчетливо пропечаталась остановка движения вперёд.

– Как же так? – подивился он. – Мы уже были на пороге коммунизма, и теперь всё сначала, – и не заметил, как время снесло солнце за околицу Абиссинии, и небо покрылось чёрной испариной и скоро за тем полилось, точнее прорвалось беспросветным обложным, но всё же белым ливнем, и только тогда рыбалка отвязал чёлн от мостка, абы как перебрался в него и пустился по течению в неведомую даль...

– Порочная практика коммунизма, – кричали все радиостанции, – потерпела мировое фиаско. Два полоумных еврея придумали её, провели в простодушное сознание масс, недорого заплатив за доверчивость, и ещё дешевле потратились на её разрушение... Виват фиаско коммунизма! Виват Иуда и тридцать сребреников!

Рыбалка слушал шинковатый голос крикуна так же грустно, как прежде смотрел на умирающее солнце, сидя, переодетый в чужое платье, в чужом дому и перемежая свой слух томным взглядом печалившейся напротив хозяйки, отчего ему невольное вынуждалось говорить словами:

– Знакомое мне ваше лицо...

– Да и мне ваше не чуждо, – не крикливо, но с какой-то вызывающей мягкостью говорила она в ответ, и синие её очи кротко ухмылялись.

– Первосвященник мирового Братства, – вопило радио, – отслужил вчера ночью во Вселенском храме Святого Андрея панихиду по безвременно усопшему коммунизму, и мировая свеча полыхает над торжественною братскою могилою нескончаемого потока умирающих коммунистов, – и при этих словах рыбалка был не в силах сдерживать слезу и в оправдание перед приютившей его женщиной говорил:

– Вы уж не судите меня, я и сам из простых, а значит, и меня уже нет...

Николай НИКИТИН (1895 – 1963)

ЭТО БЫЛО В КОКАНДЕ (отрывок из романа)

Комендант Кокандской крепости изучал французский язык. Он читал «Историю пленения Наполеона Бонапарта на острове Святой Елены, документы о его болезни и смерти». Старинный кожаный переплёт книги позеленел от плесени.

Зайченко был человеком практическим. Попутно с изучением языка он решил перевести для себя эту удивительную книгу, поразившую его изображением непрочности человеческой судьбы. Зная язык недостаточно твёрдо, Зайченко принуждён был прибегать к помощи толстого макаровского словаря, часто рыться в словаре. Это отвлекало коменданта от работы и мешало ему.

Печка давно остыла. В передней небольшой комендантской квартирки вестовой Парамонов стряпал на керосинке обед и от скуки, чтобы позабавить себя, во всё горло орал фронттовую непристойную песню:

*Выходил приказ такой:
Становись, мадама, в строй!
Пятки вместе, носки врозь,
Не стесняйтесь небось!
Эй, Тула, пер-вернула,
Бочкарёва хвост надула!*

«Всё невероятно в этом мире, – подумал Зайченко. – Ну времена! Нельзя оборвать своего вестового! Большевики в Москве, большевики в Петрограде. Они пролезли даже в Коканд. Всё летит по швам. Всё раскалывается. Всё к чёрту! Всё можно!».

Узбеки проходят мимо комендантского помещения и смотрят на забрызганные дождём окна. Горит за окном свеча. Свет её озаряет белые исчерканные листы, зелёное потёртое сукно маленького ломберного столика и серебряную чернильницу. Чинно стоят по стенам маленькие кресла красного дерева.

Комендант накинуд на плечи зимний ватный халат. Мягкие жёлтые ичиги были надеты прямо на босу ногу, точно чулок. Перед тахтой лежал тяжёлый, густого ворса иомудский ковёр. Комендант

шагает неслышно, что кошка. В голове пустота, в сердце злоба. Он сам не знает, на что ему злиться. Мальчишкой ещё искал какую-то веру, всё равно какую, лишь бы поверить; стремился к подвигам. Спал на голых досках, увлекался Толстым, читал йогов, Бакунина, мечтал о Кропоткине, о гильотине для богачей, отлично воевал с немцами, в боях под Двинском потерял левую руку, потом эвакуировался, потом застрял в крепости, потом прошла война. Всё прошло...

Он глядит на себя в зеркало. У него бритое красное, будто ошпаренное кипятком, лицо, вздёрнутый носик; он оброс длинными космами волос, спадающих на воротник, как было некогда в моде у офицеров якобинской армии. Он родился в Петербурге, на Тележной улице, на задворках столицы, среди проституток, среди людей, живущих случайным заработком, среди городской голи. Он не пьёт и не курит. Он честолюбив. Ему двадцать шесть лет. Что же он сделал в жизни? Ничего! Проклятая, гнусная жизнь!

Песня смолкла. Вдруг приоткрылась дверь и выглянул из-за неё вестовой:

– Юсупку пускать?

Два года тому назад Зайченко совершенно случайно познакомился с Юсупом. Юсуп был тогда ещё совсем мальчишкой. Зайченко встретил его на развале, на базаре. Юсуп тёрся возле лавок. У Зайченко было много вещей. Он накупил всяких старинных кувшинов и блюд и решил нанять этого мальчишку, чтобы тот помог ему донести покупки до крепости. Мальчишка с радостью согласился.

Юсуп говорил по-русски скверно, но всё-таки они кое-как разговорились, и Зайченко по пути узнал, что Юсуп сирота, что живёт он из милости у местного кокандского промышленника и богача Мамедова, работает у него на конюшне, чистит лошадей, а иногда даже заменяет кучера. Об этом он рассказывал с гордостью...

Александр АДАБАШЬЯН (р. 1945)

ТРАНССИБИРСКИЙ ЭКСПРЕСС (отрывок из повести)

21 марта 1927 года в Токио шёл дождь. Он начался с утра и не прекращался целый день, улицы были пустынные, и водитель скорой помощи выжимал из своей машины всё, что возможно. Следом мчалась ещё одна, такая же, у обеих были включены сирены.

У подъезда госпиталя, под навесом, несколько человек напряжённо вглядывались в проём распахнутых ворот, почти совсем скрытых от них дождём. Наконец издали, приближаясь, донёсся вой сирен. Четыре санитары бросились навстречу; пытаясь заглянуть в окна, они бежали рядом с машинами, пока те не остановились. Из первой осторожно вынесли пожилую женщину. Мальчик-санитар не успел вовремя раскрыть зонт, и несколько капель упало

женщине на лицо. Она открыла глаза и быстро, бесвязно заговорила. В этом потоке неразборчивых фраз санитары поняли одно слово: «Девочка...».

Со вторыми носилками произошла заминка, и санитары успели вымокнуть до нитки. На носилках укутанная простынёй лежала девушка. Её лицо было бледным, а под головой, на успевшей намочить под дождём подушке, расплылось пятно крови.

Носилки осторожно поставили на каталку и повезли по кафельному полу к лифту. Несколько сотрудников госпиталя быстро прошли через вестибюль, скрылись за углом коридора, и всё стихло.

Через полчаса к подъезду того же госпиталя подъехал чёрный лимузин. Едва машина остановилась, из неё выскочил небольшого роста изощренный

молодой человек. Он ловко щёлкнул замком зонта и открыл заднюю дверь. Следом из машины тяжело вылез пожилой господин с пергаментным лицом и в сопровождении молодого человека, который прилежно держал зонт над его головой, направился к дверям госпиталя.

– Господин Курода... – с трудом сдерживая волнение, произнёс доктор, раскрывший перед приехавшим дверь.

– Где они?

Пожилой господин устало смотрел прямо в глаза доктору, и лицо его казалось совершенно спокойным, если не считать мелко дрожавших губ.

– Супруга в палате. Ей делают переливание крови, – быстро проговорил доктор.

– Дочь? – перебил приехавший.

– Дочь в операционной, господин Курода. Её ударили чем-то тяжёлым, мы принимаем все возможные меры... – В свои слова доктор попытался вложить как можно больше надежды.

– Не надо, доктор, говорите правду.

Доктор посмотрел на носки своих туфель и спокойно сказал:

– У неё перелом основания черепа.

Куроода отрешённо кивнул.

– Я хочу их видеть.

В сопровождении секретаря и свиты врачей он шёл по коридорам госпиталя. Шаги гулко отдавались в кафельных стенах...

На другой день у загородной резиденции господина Куроды, поблёскивая лаком, выстроилось несколько чёрных машин.

Вилла – приземистое здание в стиле традиционной европейской архитектуры – была окружена парком, и с лестницы парадного входа виднелась вдаль серая полоска озера. В большом, просто обставленном кабинете сидели пятеро. Двое – военные: полковник Сугимори, коротко остриженный, в очках с толстыми стёклами, и майор Мотомура. Остальные – штатские. Рано располневший, но изысканно одетый крупнейший издатель Кавамото и крохотного роста, почти карлик, господин по фамилии Хаяси. Пятым был сам Курода.

Гости молчали...

Николай КНОРРИНГ (1880 – 1967)

ТРЕТЬЯ КНИГА СТИХОВ *(предисловие к сборнику дочери)*

В эту книгу стихов моей покойной дочери вошли прежде всего стихи, подобранные ею самою, название сборника дано ею же. К ним прибавлены стихи из написанных в последние годы, частью напечатанные в разных изданиях, а также несколько стихотворений, написанных в Африке, характерных для того периода её жизни. Таким образом, это издание является в смысле материала для характеристики её творчества и жизни как бы дополнением к её первым двум сборникам – «Стихи о себе» (1931) и «Окна на север» (1939).

Ирина родилась 21 апреля 1906 года в нашем маленьком родовом имении Самарской губернии и уезда. Там же обычно мы проводили летние каникулы, а остальное время года в Харькове – месте моей службы. Её гимназические годы шли очень успешно до 1920 года, когда с четвёртого класса гимназии началась наша скитальческая жизнь, лишившая её систематического образования. В течение нескольких месяцев Ирина побывала в гимназиях Туапсе, Симферополя, Севастополя, пока, наконец не очутилась в Африке, в Бизерте, где она и сдала экзамены при Морском корпусе, получивши из него «свидетельство» зрелости (случай едва ли не единственный в истории).

За четыре с половиной года жизни в Бизерте (в лагере Сфаят) предоставленная в значительной степени себе самой Ирина внимательно изучала современных поэтов, как всегда много писала, овладев техникой стиха, тогда же начала печататься и приехала в 1925 году в Париж с довольно солидной стихотворной подготовкой.

*Какой же нежданной тревогой,
Какой же тоской одаришь,
Ты, серый, холодный и строгий,
Так долго желанный Париж?*

Здесь она училась во Франко-Русском институ-

те и в 1928 году вышла замуж за Ю.Б. Бек-Софиева, тоже поэта. Через год у них родился сын, её утешение и надежда. Начиналась новая жизнь...

В 1927 году Ирина заболела диабетом

(...я не могу изжить,

Как это ни обидно и ни странно:

Стакан наполнить прямо из-под крана

И крупными глотками воду пить...)

Эта тяжёлая, неизлечимая болезнь, разрушающая нервы, особенно опасна в молодом возрасте, сделала её обречённой.

Она долго и упорно боролась с нею, часто ложилась в госпиталь, но силы её слабели с каждым годом, и слова «усталость» и «больше не могу» всё чаще появляются в её стихах, как и темы о смерти.

Ну, что ж? И счастье станет прахом

И не во сне и не в бреду –

Я без волнения и без страха

Покорно очереди жду.

Последняя война с её лишениями окончательно сломила силы Ирины, и 23 января 1943 года она умерла, с точностью предсказав в ряде стихов бытовые подробности своей смерти... Могила её на кладбище Ирви.

Стихи Ирина начала писать, вернее «слагать», с 8 лет, с трудом записывая их в тетрадь по двум линейкам. Уроки стихосложения ей дались необычайно легко – у неё было органическое чувство стихотворного ритма. После первых лет детского творчества, с революции, в её стихах начинают появляться очень грустные, тоскливые ноты. Очень впечатлительная, она болезненно переживала события этих «страшных лет». На всё она смотрела из своего угла малопонятной для неё беженской жизни, замыкаясь всё более и более в себе, хотя по натуре была весёлой и деловитой. Отсюда – стихи всей её жизни – это подлинно «стихи о себе»...

Александр ГРИН (1880 – 1932)

НОЧЬ (отрывок из рассказа)

Он поднял свои светлые, серые глаза и опустил их, продолжая рисовать кораблики.

Пожилой сутуловатый господин с проседью в бороде и усталыми, нервными глазами, окинул всех продолжительным, озабоченным взглядом и, взяв листик бумаги, лежавший перед ним, начал читать ровным, грудным голосом:

– «К вам едет провокатор. Должен прибыть 28-го. Приметы: молодой, чёрные усы, карие глаза, выдаёт себя за студента; левый глаз немного косит. Примите его, как следует.

Районный комитет, 23-е июля».

– Оттуда письмо идёт два дня, – продолжал Валентин Осипович, кончив чтение. – Одно из двух: или его задержали, или бросили слишком поздно. Я, как заведующий конспиративной частью, – улыбнулся он, – поступил, быть может, слишком конспиративно, уничтожив конверт, так что подтвердить второе предположение теперь невозможно. Но оно всего вероятнее, ибо полиция не отсылает адресатам такие документы, раз они попадутся ей в руки...

– Левый глаз косит, – сказал про себя Валерьян, юноша могучего телосложения, с целой копной чёрных волос, из-под которой сверкали маленькие глаза-буравчики. – Да... дождались!..

Опять наступило молчание. Дверь из соседней комнаты раскрылась, и на пороге появилась девушка. Она стояла, держась одной рукой за косяк двери, другой – за свою собственную косу, перекинутую через плечо. Лицо её было уверенно и красиво.

– Ну?! – сказала она.

Но все молчали. Валерьян тряс гривой, гневно побряхтывая; Давид вертел большими пальцами рук, поджав нижнюю губу. Ганс рисовал и ломал карандаш.

– Ну? – повторила девушка, и глаза её рассердились.

– Мы придём пить чай после, Нина, – сказал Ганс, рисуя шхуну с распущенными парусами. – Нам очень жарко...

Никто не улыбнулся на шутку. Девушка исчезла, нетерпеливо хлопнув дверью.

– Теперь будем думать! – сказал Давид. – Что ж? Надо решать как-нибудь... Грязное дело получается...

– К порядку, господа! Валентин Осипович, возьмите на себя председательство!.. – раздражённо крикнул Сергей, пятый член комитета, высокий, с впалой, чахоточной грудью.

– Прекрасно!

Валентин Осипович выпрямился на стуле и провёл рукой по волосам, ещё густым и волнистым.

– Итак, – сказал он, – пусть Ганс расскажет нам про него...

– Я расскажу то, что уже рассказывал...

Сказав это, Ганс бросил наконец рисовать и поднял свою круглую, стриженую голову с твёрдыми, крупными чертами лица. Холодные, серые глаза его были серьёзны, а рот улыбался.

– Третьего дня... я сплю. Приходят и говорят: «Вас спрашивают»... Ну... встал... Входит молодой человек, черноусый, карие глаза... левый глаз заметно косит. Сказал явку, честь честью... «Приехал, – говорит, – работать, а по специальности – агитатор и дискусионер...» Я ему сказал сперва, что денег в комитете мало, но так как люди у нас нужны, а денег всё равно добудем же когда-нибудь, то он и решил остаться... Вот.

Сказав это, Ганс взял карандаш и приделал флаг к мачте, а на флаге написал: «П.С.Р.»

– Откуда он приехал? – отрывисто буркнул Валерьян.

– Из Самары. Знает тамошнюю публику. Физиономия внушает доверие... Обращение – ровное, голос уверенный, спокойный... Говорит, что бывший студент...

– Да, нет сомнения – это он... – задумчиво произнёс Валентин Осипович. – Ну, товарищи, ваше мнение?

Иван ГРОЗНЫЙ (1530 – 1584)

ПОСЛАНИЕ АНГЛИЙСКОЙ КОРОЛЕВЕ ЕЛИЗАВЕТЕ I (отрывок)

...В то время, когда мы послали своего посланника, брат твой Эдуард скончался, и на престол вступила сестра твоя Мария, а потом она вышла замуж за испанского короля Филиппа. И испанский король Филипп и сестра твоя Мария приняли нашего посланника с честью и к нам отпустили, а дела с ним никакого не передали. А в то время ваши английские купцы начали творить нашим купцам многие обманы и свои товары начали продавать дороже того, чего они стоят.

А после этого стало нам известно, что и сестра твоя, королева Мария, скончалась, а испанского короля Филиппа англичане выслали из королев-

ства, а на королевство посадили тебя. Но мы и тут не учинили твоим купцам никаких притеснений и велели им торговать по-прежнему.

А до сих пор, сколько ни приходило грамот, – хотя бы у одной была одинаковая печать! У всех грамот печати разные. Это не соответствует обычаю, принятому у государей, – таким грамотам ни в каких государствах не верят. У государей в государстве должна быть единая печать. Но мы и тут всем вашим грамотам доверяли и поступали в соответствии с этими грамотами.

И после этого ты прислала к нам по торговым делам своего посланника Антона Янкина. И мы, на-

десять, что он у тебя в милости, привели его к присяге, да и другого твоего купца Ральфа Иванова – как переводчика, потому что некому было быть переводчиком в таком великом деле, и передали с ним устно великие тайные дела, желая с тобой дружбы. Тебе же следовало к нам прислать своего ближнего человека, а с ним Антона или одного Антона. И нам неизвестно, передал ли эти дела тебе Антон или нет, про Антона года полтора не было известий. А от тебя никакой ни посланник, ни посол к нам не прибывал. Мы же ради этого дела дали твоим купцам другую свою жалованную грамоту; надеясь, что эти гости пользуются твоей милостью, мы даровали им свою милость свыше прежнего.

И после этого нам стало известно, что в Ругодив приехал твой подданный, англичанин Эдуард Гудыван, с которым было много грамот, и мы велели спросить его об Антоне, но он ничего нам об Антоне не сообщил, а нашим посланникам, которые были к нему приставлены, говорил многие невежливые слова. Тогда мы велели расследовать, нет ли с ним грамот, и захватили у него многие грамоты, в которых о нашем государевом имени и нашем государстве говорится с презрением и написаны оскорбительные вести, будто в нашем царстве творятся недостойные дела. Но мы и тут отнеслись к нему милостиво – велели держать его с честью до тех пор, пока не станет известен ответ от тебя на те поручения, которые переданы с Антоном.

И после этого приехал от тебя к нам в Ругодив

посланник Юрий Милдентов по торговым делам. И мы его велели спросить про Антона Янкина, был ли он у тебя и когда он должен прибыть от тебя к нам. Но посланник твой Юрий ничего нам об этом не сказал и наших посланников и Антона облаял. Тогда мы также велели его задержать, пока не получим от тебя вестей о делах, порученных Антону...

Мы надеялись, что ты в своём государстве государыня и сама владеешь и заботишься о своей государственной чести и выгодах для государства, поэтому мы и затеяли с тобой эти переговоры. Но, видно, у тебя, помимо тебя, другие люди владеют, и не только люди, а мужики торговые, и не заботятся о наших государских головах и о чести и о выгодах для страны, а ищут своей торговой прибыли. Ты же пребываешь в своём девическом звании, как всякая простая девица. А тому, кто хотя бы и участвовал в нашем деле, да нам изменил, верить не следовало.

И если уж так, то мы те дела отставим в сторону. Пусть те торговые мужики, которые пренебрегали нашими государскими головами и государственной честью и выгодами для страны, а заботятся о торговых делах, посмотрят, как они будут торговать! А Московское государство пока и без английских товаров не скудно было. А торговую грамоту, которую мы к тебе послали, ты прислала бы к нам. Даже если ты и не пришлешь ту грамоту, мы всё равно не велим по ней ничего делать. Да и все наши грамоты, которые до сего дня мы давали о торговых делах, мы отныне за грамоты не считаем...

Аркадий СТРУГАЦКИЙ (1925 – 1991)

ДЬЯВОЛ СРЕДИ ЛЮДЕЙ (отрывок из повести)

Собственно, эта история началась именно в одну из таких суббот, только в тот день Атос и Арамис были заняты, и сопровождать Галю к деду отправился один Портос. День был отличный, солнечный, в бездонном синем небе важно плыли пухлые, как сбитые сливки, бело-жёлтые облака. Галя и Портос галопом скакали вдоль шоссе, а вокруг простиралась Зелёная долина: цветущие сады, изумрудные луга, уютные домики и ажурные павильоны, прозрачные ручьи и синие, как небо, реки под горбатыми мостиками, и весело уносились назад километровые столбы с цифрами: 110... 111... 112... Бил в горящие лица свежий ветер, яростно фыркали могучие кони, роняя с серых губ плотную пену, потешная лохматая собачонка кинулась вслед и отстала... И всё было просто замечательно, особенно если принять во внимание, что на финише их ждали горы раскалённых золотистых блинов со всеми онерами и причиндалами и запотевшие от холода кувшины с благородным светлым сидром, от которого щиплет язык и слёзы навёртываются на глаза.

Вдруг Галя на всём скаку так резко осадил коня, что тот свирепо заржал и взвился на дыбы. Портос проскакал с разгона ещё десяток шагов и тоже остановился.

– В чём дело? – осведомился он, поворачиваясь в седле.

Галя не ответила. Сдвинув брови, она озадаченно разглядывала километровый столб. Портос подъехал к ней.

– Ну? – спросил он. – Что случилось?

– Гляди... – растерянно показала Галя. – Что это?

Он поглядел. Столб как столб. На белой эмалированной дощечке чёрные цифры: 160.

– Сто шестьдесят, – нетерпеливо прочёл он. – Круглое число. Ну?

– И лес впереди, – прошептала Галя.

Действительно, шоссе впереди уходило в дремучий лес. Что-то забрезжило в сознании Портоса сквозь сладостные видения дымящихся блинов и запотевших стаканов. Галя, не говоря больше ни слова, развернула коня и помчалась назад. Портос пустился за нею. Они остановились у предыдущего столба. На белой эмалированной дощечке чернели цифры: 120.

– Сто двадцать... – по-прежнему шёпотом проговорила Галя. – И сразу – сто шестьдесят... и сразу лес...

– Это что же такое происходит? – недоумённо сказал Портос. – Это, значит, выходит, что куда-то запропастились сорок километров шоссе!

– Не просто шоссе, глупый! – закричала Галя, и её прекрасные зелёные глаза налились слезами. – Неужели не понимаешь?! Пропала половина Зе-

лёной долины, пропал дедушкин дом, понимаешь?
– Ты не расстраивайся, – пробормотал Портос. – Может, всё не так страшно...

Они снова развернули коней и вернулись к столбу на опушке леса.

– Сто шестьдесят, – сказал Портос. – Какая глупая шутка!

– Это не шутка. Это тебе не китов щекотать. Здесь произошло что-то очень страшное! Что же теперь делать?

Портос подумал.

– Надо рассказать Атосу и Арамису, – решительно произнёс он. – Едем назад.

– Нет, – сказала Гая. – Едем вперед.

– Но впереди же просто лес...

– Вот и посмотрим, что там.

Они с места пустили коней в галоп и влетели в лес. В лесу царили душноватые сумерки, звонко стучали копыта по бетонке, и уносились назад километровые столбы с цифрами: 161... 162... 163... 164... «Лес и лес, – с досадой думал Портос, вглядываясь в чёрно-зелёную тьму по сторонам шоссе. – Обыкновенный смешанный лес. Только время зря теряем. Нам бы скорее домой и сообщить обо всём Атосу и Арамису, это же такие головы, что поискать, а мы скачем куда глаза глядят». Но он по опыту знал, что упрямая девчонка в спорах непобедима...

Михаил СУШКОВ (1775 – 1792)

РОССИЙСКИЙ ВЕРТЕР *(отрывок из повести)*

Любезный друг! В последний раз хочу беседовать с тобою, и когда все мои мысли должны были обратиться к вечности, то ты один с Мариєю наполняете моё сердце и вас одних жалею я оставить, а без любви, без дружества все нити, привязывающие меня к жизни, давно бы уже были прерваны или я бы жил, но жил, подобно скотам. Я уверен, что ты приедешь плакать над моим гробом; плачь, мой друг, твои слёзы мне драгоценны. Они облегчат стеснённое скорбию твоё сердце, и, коснувшись моим костям, ещё, я думаю, приведут их в движение – застылая кровь воскипит ещё раз в ослабших жилах, и дух мой с горней высоты возрадуется доказательству бескорыстного дружества. Однако же не огорчайся много моею участию, но ты рассуди-телец, и слова сии будут излишни; а ежели когда-нибудь ты случисься в подобном положении, то последуй за мною. Вот лучший совет, который могу дать тебе с краю могилы, куда спешу низринуться.

«Какое преступление! – вскричат наши мудрецы, – отнять от общества гражданина!» – «Но государи мои! Ежели сей гражданин умножал только число несчастных тварей, не быв ни к чему полезен, то в сию минуту природа производит на его место многие тысячи людей, и я теперь оказываю не меньше важную услугу человеческому роду, возвращая земле принадлежащую ей горсть праха». Вот, друг мой, что я имел тебе сказать, но чувствую, что каждое слово продолжает секундою время моей жизни, которая тогда только имеет свою цену, когда готовы с нею расстаться. Я хотел написать себе надгробие, но почёл сие бесполезным. Денег после меня останется довольно на то, чтоб купить мне гроб; итак, я не имею неудовольствия быть одолженным человеками и после моей смерти, а если тело моё и будет кинуто на поругание, то для меня уже всё равно. Час бьёт, всё вокруг меня покоится, один я нахожусь не в объятиях сна и готовлюсь предаться оному навеки. Прости меня, а я в мыслях тебя воображаю в тот самый миг, когда рука готовится затянуть петлю.

Сие письмо было надписано: «Для вручения ему после моей смерти». Оно лежало на столе за-

печатанное, а с ним другое на имя мужа Марии, в котором он совершенно оправдывал её невинность, признаваясь, что любил её страстно, но никогда не смел открыться. В письменном столике нашли отпускную слуге его, который долгое время при нём служил один.

За несколько недель он начал мало спать и чрез целые ночи ходил по комнате, читал, садился писать, потом ложился на постель во всём платье, а на рассвете вставал и, напившись чаю, бегал по городу целое утро. К обеду он всегда возвращался домой и запирался один до восьми часов вечера, в которое время он обыкновенно ужинал; он ел тогда без выбора всё то, что ему подавали, и часто выдумывал самую простую пищу. В первый день после его смерти слуга его, удивляясь тому, что он долго не выходил, прождал до 10 часов утра, а тогда выломал замок, призвав хозяйских людей; не нашед его в постели, думали, что он пишет в другой горнице, которая также была заперта; они стучались, но, не слыша ответа, опять вышибли дверь и нашли его висящего в углу. Верёвка была продёрнута в кольцо, которое за несколько дней он сам ввернул.

Свечка была погашена им в то самое время, когда пошёл исполнить своё предприятие, и на окне лежала английская трагедия *Катон*, разогнутая в сем месте:

*Сомнениями объят, отвергнуть должно их,
(берёт кинжал)*

Живот и смерть моя теперь в руках моих.

Вот исцеление или отравы люта –

Из света изведёт меня одна минута.

Катонов твёрдый дух весь должен страх

презреть,

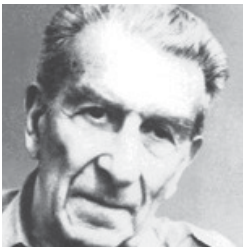
И равно для него заснуть или умереть.

После него остались многие философские сочинения, которые никогда не были и не могли быть напечатаны. Оставшиеся деньги по приложенной к оным записке он велел раздать нищим, а попам – ничего, и для того нищие со слезами провожали прах его до места, где он был положен, а попы предавали проклятию его имя.

ЮБИЛЕЙНЫЙ КАЛЕНДАРЬ. СЕНТЯБРЬ 2020

1 сентября – 75 лет исполняется филологу **Веронике Петровне Жобер** (р. 1.09.1945, г. Сайгон, Французский Индокитай; ныне г. Хошимин, Вьетнам). Потомок симбирских дворян Воейковых; дочь О.И. Ильиной-Лаиль. Живёт в Париже. Доктор филологических наук, профессор факультета славяноведения Сорбонны. С 2000 года главный редактор журнала *La Revue russe*. Не раз приезжала в Ульяновск. Автор книг «Современная советская сатира, общество и идеология» (1991), «Конец СССР и кризис русской подлинности» (1993) и др.

4 сентября – 115 лет назад родился литературовед-пушкинист **Илья Львович Фейнберг** (4.09.1905, местечко Юрбург Ковенской губ. – 14.06.1979, г. Москва). Окончил факультет общественных наук МГУ (1924). В 1941–1945 гг. военный корреспондент на Черноморском и Северном флотах. В начале 1942 года приезжал в командировку в Ульяновск. Жил в Москве. Автор трудов «Незавершённые работы Пушкина» (1955), «Читая тетради Пушкина» (1976), «Загадочный набросок Пушкина» (1978); книги «Заметки о «Медном всаднике» (1993) и др.

95 лет назад родилась поэтесса, литературовед **Маэль Исаевна Фейнберг** (1925, г. Харьков – 1994, г. Москва). Жена И.Л. Фейнберга, с которым встретила в 1942 году в эвакуации в Ульяновске; позже напишет, как они бродили по заснеженным улицам, говорили о блокадном Ленинграде, и он читал ей стихи Мандельштама. Окончила Московский педагогический институт (1949). Печаталась с 1952 года. Более 30 лет была редактором литературоведческих книг: «Воспоминания о Борисе Пастернаке» (1993), «Второе рождение» (1993) и др.

5 сентября – 60-летний юбилей отмечает поэт и прозаик **Дмитрий Анатольевич Григорьев** (р. 5.09.1960, г. Ленинград, ныне С.-Петербург). Член Союза российских писателей, С.-Петербургского отделения Пен-клуба. Лауреат поэтической премии им. Н.А. Заболоцкого (2006). Автор романов «Последний враг» (1994), «Сторож ночи» (1996), «Господин Ветер» (2002); книги стихов «Птичья псалтырь» (2016) и др. Провёл в Ульяновске 17 октября 2019 года встречу в библиотеке №8; рассказал о ленинградском поэтическом авангарде.

6 сентября – 95 лет со дня рождения драматурга, журналиста **Бориса Александровича Черенёва** (6.09.1925, г. Пермь – 23.04.1998, там же). С 1941 года работал на заводе им. В.М. Молотова. Окончил танковое училище им. М.В. Фрунзе в Ульяновске (1951). Учился заочно в Литературном институте им. А.М. Горького. Член Союза журналистов России (1991). Автор пьес «Опровержение», «Без начала»; книг «К сему имею честь» (1993), «Пермский Гааз» (1993), «Издано в Санкт-Петербурге» (1995), «Пермь родилась в Кунгуре» (1995) и др.

7 сентября – 150 лет назад родился писатель **Александр Иванович Куприн** (7.09.1870, г. Наровчат Пензенской губ. – 25.08.1938, г. Ленинград, ныне С.-Петербург). Окончил Александровское военное училище (1890). В 1894 году вышел в отставку и переехал в Киев. Много странствовал по России. По не подтверждённым сведениям, лечился инкогнито от запоев и тяжёлой депрессии в Карамзинской колонии душевнобольных под Симбирском. Автор повестей «Впотьямах» (1892), «Молох» (1896), «Олеся» (1898), «Поединок» (1905) и др.

8 сентября – 70-летний юбилей отмечает татарский писатель **Шафик Хасиятуллович Имаддинов** (р. 8.09.1950, д. Старые Какерли Дрожжановского р-на ТАССР). Работал директором завода сборного железобетона в р.п. Красный Гуляй Сенгилеевского р-на. Автор поэтических сборников на татарском языке «Плыву вопреки всему» (2014), «Только тебе» (2015); книги стихов и прозы на русском языке «Своей дорогой иду» (2018). Член Союза писателей Татарстана. Лауреат областной литературной премии им. г. Кандалыя (2015).

11 сентября – 75 лет исполняется татарскому поэту **Флорису Сабирьяновичу Галимьянову** (р. 11.09.1945, д. Кульметово Кигинского р-на Башкирской АССР). Окончил Челябинский государственный институт культуры. Работал преподавателем, директором Дома культуры. Стихи публиковались в Уфе, Казани, Челябинске. Более 30 лет живёт в Ульяновске. Печатался в литературном альманахе «Симбирские вёсны», в татарской газете «Эмет». Автор поэтических сборников «Только ты» (2011), «Радо-сти жизни» (2015).

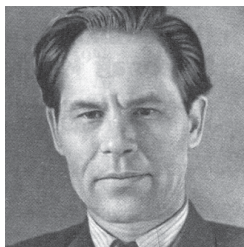
14 сентября – 35-летний юбилей отмечает прозаик **Андрей Николаевич Тимофеев** (14.09.1985, г. Салават Башкирской АССР). Автор повестей «Навстречу», «Медь звенящая» и др. Лауреат Международной литературной премии им. И.А. Гончарова (2013). Не раз

бывал в Ульяновске: принял участие во Всероссийском совещании молодых литераторов «На родине И.А. Гончарова» (2018); был модератором Большого литературного собрания на фестивале «Волжская пристань» (2019). Председатель Совета молодых литераторов России. Живёт в Москве.

15 сентября – 125 лет назад родился татарский драматург **Тази Калимуллович Гизат** (15.09.1895, д. Варзи-Омга Елабужского у. Вятской губ. – 7.03.1955, г. Казань). Был актёром, режиссёром в труппах и театрах Казани, Оренбурга. В 1923 – 1925 гг. руководил местным театральным коллективом

в Ульяновске. В 1929 – 1955 гг. актёр Татарского государственного академического театра им. Г. Камала. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1940). Автор пьес «Наёмщик» (1925), «Бишбуляк» (1932), «Искры» (1935), «Пламя» (1940) и др.

15 сентября – 110 лет со дня рождения чувашского поэта, публициста **Степана Антоновича Шумкова**, литературный псевдоним – Стихван Шавлы (15.09.1910, с. Каменка Бугульминского у. Самарской губ. – 15.02.1975, г. Чебоксары). Член Союза писателей СССР (1934). Окончил Казанский педагогический институт (1939). Не раз бывал в Ульяновской обл., публиковался в мелекесской газете «Знамя труда». Автор книг «Первый гром» (1941), «Указывая пальцем» (1958), «Взял я гусли звонкие» (1968), «У наковальни жизни» (1980) и др.

Окончил Казанский педагогический институт (1939). Не раз бывал в Ульяновской обл., публиковался в мелекесской газете «Знамя труда». Автор книг «Первый гром» (1941), «Указывая пальцем» (1958), «Взял я гусли звонкие» (1968), «У наковальни жизни» (1980) и др.

16 сентября – 160 лет назад родилась прозаик, драматург **Елена Александровна Зеланд-Дубельт** (16.09.1860, г. Юрьев-Польский Владимирской губ. – не ранее 1937, ?). Училась в гимназии в Вильно, в театральном училище в Петербурге. Автор книги повестей «Мозаика» (1893); пьес «Две силы» (1894),

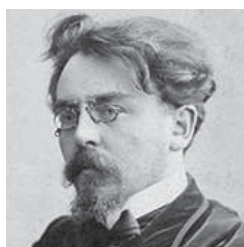
«Ложь» (1897), «Живые тени» (1899), «Вампир» (1901) и др.

В 1909 году жила в Симбирске; издала здесь комедию-шутку «Долой женщин!» и брошюру «Полтавский бой». В 1920 – 1936 гг. сотрудничала в харьковских периодических изданиях.

16 сентября – 35-летие отмечает поэт **Любовь Анатольевна Глотова** (р. 16.09.1985, г. Куйбышев, ныне Самара). Окончила Самарский педагогический университет, журналист. Живёт в Самаре. Занимается литературной и переводческой деятельностью. Публи-

ковалась в журналах «Знамя», «Арион», «Октябрь», «Русское эхо», «Кольцо А» и др. Автор книги стихов «Кракозяков» (2008). Участница форумов молодых писателей в Ульяновске 18-20 сентября 2018 г. и 15–21 сентября 2019 г.; провела творческую встречу в библиотеке №8.

17 сентября – 180 лет назад родился прозаик, публицист **Михаил Алексеевич Воронов** (17.09.1840, г. Ялта – 31.01.1873, г. Москва). С 1843 года жил в Саратове. Учился в Казанском и Московском университетах. Не раз бывал проездом в Симбирской губернии. В 1859 – 1862 гг.

работал в Санкт-Петербурге секретарём Н.Г. Чернышевского и журнала «Современник». Автор рассказов «Моё детство», «Сквозь огонь, воду и медные трубы», «Московские норы и трущобы», «Братья-разбойники», «На нашей улице праздник», «Птица божья» и др.

19 сентября – 65 лет исполняется писателю, литературоведу **Владимиру Сергеевичу Воронину** (р. 19.09.1955, г. Волгоград). Профессор Волжского гуманитарного института, филиала Волгоградского государственного университета. Не раз бывал в Ульяновске; выпустил в

издательстве Ульяновского технического университета сборники стихов и прозы «Возвращение в Мезозой» (2013), «Берега и реки непонимания» (2015). Автор книг «День четвёртых роз» (2008), «Ошибка» (2011), «Мил пол» (2012), «Мера Гомера» (2014) и др.

21 сентября – 280 лет назад родился учёный, путешественник **Иван Иванович Лепехин** (21.09.1740, г. С.-Петербург – 18.04.1802, там же). Руководил отрядом Оренбургской экспедиции по исследованию Поволжья и Урала. Зиму 1768 – 1769 гг. провёл в Симбирске. Автор сочинений «Дневные записки

путешествия по разным провинциям Российского государства» (1771), «Размышления о нужде испытывать лекарственную силу собственных произрастений» (1783), «Краткое руководство к разведению шелков в России» (1790) и др.

21 сентября – 260 лет со дня рождения поэта, баснописца **Ивана Ивановича Дмитриева** (21.09.1760, с. Богородское Симбирской провинции Казанской губ., ныне с. Троицкое Сызранского р-на Самарской обл. – 15.10.1837, г. Москва). Первоначальное образование получил в пансионах Казани и Симбирска; в 1772 году родители также переселились в Симбирск. Друг Н.М. Карамзина. Жил в Петербурге и Москве. Автор сборников «И мои безделки» (1795), «Карманный песенник» (1796); стихов «Гимн восторгу» (1792), «История» (1818) и др.

26 сентября – 200 лет назад родился историк, публицист **Дмитрий Александрович Валуев** (26.09.1820, с. Языково Симбирского у. Симбирской губ. – 5.12.1845, г. Новгород; похоронен в Москве). С 1832 года воспитывался в Москве, окончил философский факультет МГУ (1841). Редактировал журнал «Библиотека для воспитания» (1843 – 1845). Автор сочинений «Сборник исторических и статистических сведений о России и народах, ей единоверных и единоплеменных» (1845), «Симбирский сборник» (1845), «Исследование о местничестве» (1845) и др.

21 сентября – 105 лет назад родился писатель **Анатолий Эммануилович Краснов-Левитин** (21.09.1915, г. Баку – 5.04.1991, г. Люцерн, Швейцария). В 1933 году примкнул к обновленчеству. В декабре 1942-го переехал в Ульяновск; в феврале 1943-го был назначен в клир Неопалимовской церкви, а 17 июня выведен за штат. Жил в Москве. Несколько раз был арестован; в 1974 году эмигрировал в Швейцарию. Автор книг «Рук твоих жар (1941 – 1956). Воспоминания» (1979), «Из другой страны» (1985), «По морям, по волнам...» (1986) и др.

26 сентября – 50-летний юбилей отмечает историк, публицист **Евгений Анатольевич Бурдин** (26.09.1970, г. Ульяновск). Окончил Ульяновский педагогический институт (1996). Лауреат конкурса краеведческой литературы «Малая Родина» (2006), журналистской премии им. А.Н. Бурумова (2007). Доктор исторических наук (2012). Автор книг «Волжская Атлантида: трагедия великой реки» (2005), «По следам Спасителя: история христианства в Среднем Поволжье» (2017), «Спасск (Куйбышев): были и легенды Старого города» (2018) и др.

21 сентября – 85 лет со дня рождения поэта **Владимира Андреевича Кострова** (р. 21.09.1935, д. Власиха Костромской обл.). Член Союза писателей СССР (1961). Окончил Высшие литературные курсы (1969). Работал зав. отделом литературы журнала «Смена», зам. редактора журнала «Новый мир». Приезжал в Ульяновск в марте 2003 года на празднование 200-летия со дня рождения Н.М. Языкова; выступал в Ленинском мемориале. Автор сборников стихов «Первый снег» (1963), «Солнце во дворе» (1978), «Роза ветров» (1987) и др.

28 сентября – 95 лет со дня рождения поэта, прозаика **Николая Ивановича Родичева** (28.09.1925, д. Тереховка Дмитровского у. Орловской губ. – 7.08.2002, п.г.т. Белые Берега Брянской обл., похоронен в г. Орёл). Член Союза писателей СССР (1955). Учился на Высших литературных курсах. Участвовал в качестве руководителя в выездном семинаре писателей в Ульяновске. Автор книг стихов и прозы «Полтора Ивана» (1961), «Амурское лето» (1969), «Тёплый хлеб» (1974), «Однолюб» (1979), «Завязь» (1984), «Молитва матери» (1985) и др.

ПОЭЗИЯ ЮБИЛЯРОВ СЕНТЯБРЯ

Маяль ФЕЙНБЕРГ (1925 – 1994)

* * *

О нет, я не осталась жить – я с вами!
А женщина, что пьёт с друзьями чай
И занята какими-то делами,
Забыта Богом, видно, незначай.

На мир смотрю чужими я глазами:
Не наш здесь мир, где буйствует сирень.
Мучительными, страшными ночами
Я покупаю каждый страшный день.

И этой жизни двойственной течение
Так странно душу поражает мне,
Когда своё я вижу отраженье
В стекле случайном – в смутной глубине.

* * *

Лишь глухим переулком Москвы
Доверяли мы наши свиданья,
Радость встречи и миг расставанья,
Опасаясь ревниво молвы.

Но себе не могли мы помочь -
В этом мире нам всё неподвластно.
И зачем повторяешь так часто:
«Не любовница мне, и не дочь».

* * *

Мы счастливы, веселости полны,
Судьбы, что ждём, ещё не зная сами,
И узкими московскими дворами
Идём в час предвечерней тишины.
О, если б знать могла бы я тогда,
Что кончу жизнь между двумя гробами,
То соляным столбом осталась навсегда,
А не живую девушкой с цветами.

* * *

*«Звёзды смерти стояли над нами...»
А. Ахматова*

О, твоё то предсмертное слово
С каждым годом звучало сильней -
Как опора моя и основа
До последних мучительных дней.
А теперь не поможет ни слово,
Ни любовь, ни былые года -
Неизбежно уже и сурово
Загорается в небе звезда.

Дмитрий ГРИГОРЬЕВ (р. 1960)

* * *

Кто сказал «ярка яранга огня»,
кто спрятался среди белой тьмы,
маленький дом построила для меня
северная женщина посреди зимы,

звонят бубенцы – собак запрягай,
песней протяжной лети на край
этого мира, где птица-пурга
в небе поёт про чукотский рай:

там наверху кончается лёд,
и звёзды на берег выносит прилив...
Но птица напрасно меня зовёт –
я и так живу на краю земли,

и её полёт – это мой пролёт,
останется только перо в руке,
а песня её растает как мёд,
тягучий мёд на моем языке.

* * *

Когда я заснул – не помню,
когда я проснусь – не знаю,
у соседей собака лает,
и кто-то шуршит в сарае.

Трава на тропе примята,
а в поле прибита ветром,
солнце лежит на ветках
затёртой медной монетой,

приносит сосед опять,
жёлтые листья в грибах,
и темнеют черничные пятна
вместо слов на его губах.

* * *

Разминал разбитые пальцы, воду
пил из железного чайника,
смерть называл начальником,
а жизнь – свободой,
и всё болтался по свету,
как язык волшебного колокола:
когда гудел – наступало лето,
когда молчал – время холода.

Шафик ИМАТДИНОВ (р. 1950)

СЕРДЦЕ МОЁ

Сколько шрамов на сердце моём,
Расскажи, моё сердце больное.
Каждый шов кровоточит ручьём,
Только ты не сдаёшься без боя!

Сколько раз спотыкалось в пути,
От любви разрывалось на части...
Ты меня, моё сердце, прости
За моё неуютное счастье.

На добро отвечаешь добром,
И скучаешь о прошлом ночами.
Сколько боли за левым ребром
От бессонниц, любви и печали!

Мы всё так же легки на подъём
С окаянной эпохой вровень
И берём за подъёмом подъём,
Чуя капли отзвучивой крови!

ВЕСНА ПРОСЫПАЕТСЯ

У горной опушки зелёного леса
Весной под обрывом ревет водопад.
В пушистом наряде берёзки-невесты
В роскошных серёжках у Волги стоят.

Задумчиво плещутся волны залива,
Горит одиноко, мерцая, костёр...
А двое влюблённых, обнявшись счастливо,
Мечтательно смотрят в небесный простор.

* * *

От меня оторвалась, как лист краснотала,
Как иголочка от нитки, чего я не ждал...
А судьба половину клубка размотала,
Далеко мой клубок от тебя убежал.

Я за ним уходил всё смелее и дальше.
Подросли уже дети и нянчат внучат.
Потемнел горизонт, и не будет как раньше.
Жизнь проходит, клубок покатился в печаль.

Всё померкло, о чём мне мечталось когда-то,
Не пеняю на жизнь – только малость устал...
Но трепещет листва, словно знамя солдата,
В меня силу под осень вдохнул краснотал!

*Перевёл с татарского
Александр Лайков*

Любовь ГЛОТОВА (р. 1985)

* * *

Вот облако висит одно
в закате дня;
вот бьётся солнца луч о дно
тебя, меня;
вот птица воздух подомнёт
с балкона вниз,
и друг на друге нас замкнёт –
уйди, вернись.

* * *

Внимания не обратив на логотип,
как будто раковину проглотив,
ползёт с невероятной рожей
в подъезд, за дверь и по прихожей.

А я, наоборот, – кроссовки в руки
через окно, как старший сын, от скуки,
чтоб не увидела, куда бегу,
кроссовки обуваю на бегу
и в лес, и в лес, подалее, за Волгу.

А в животе тяжёлая лежит
и даже кувырывается как будто,
и пятками пинается подолгу,
и от меня пока не убежит...

* * *

Плывите по речке, пустые листочки,
вас дождь протыкает лучами косыми,
на чёрной водичке промозглые точки.

В прожилках, гляжу, пробивается имя.
Листочки, плывите куда-то оттуда,
не стать вам зарплатными и накладными.

Вдоль берега топтать – пока не забуду,
пусть эхо приносит остаток от звука,
ведь я принимаю его, как простуду.

Зачем оставаться? Рука – не порука,
забытое скомкано, сжато в потёмках
и ждёт не дожждётся товарища Кука.

А всё поместилось в худую котомку,
и не с кем пройти до речного вокзала.
Ока, Ангара, Волга, Кама и Омка –
к Байкалу, к Байкалу...

Иван ДМИТРИЕВ (1760 – 1837)

НАСЛАЖДЕНИЕ

Всяк в своих желаньях волен.
Лавры! вас я не ищущу;
Я и мирточкой доволен,
Коль от милой получу.

Будь мудрец светилом мира,
Будь герой вселенной страх, –
Рано ль, поздно ли, Темира,
Всяк истлеет, будет прах!

Розы ль дышат над могилой,
Иль полынь на ней растёт, –
Всё равно, о друг мой милый!
В прахе чувства уж нет.

Прочь же, скука! прочь, забота!
Вспламеняй, любовь, ты нас!
Дни текут без поворота;
Дорог, дорог каждый час!

Ах! почто же медлить боле
И с тоскою ждать конца?
Насладимся мы, доколе
Бьются в нас ещё сердца!

1792

ШАРЛАТАН

Однажды Шарлатан во весь горланил рот:
«Ступай ко мне, народ!

Смотри и покупай: вот порошок чудесный!

Он ум даёт глупцам,

Невеждам – знание, красоток – старикам,

Старухам – прелести, достоинства – плутам,

Невинность – преступленью;

Вот первый способ к полученью

Всех благ, какие нас удобны только льстить!

Поверьте, говорю неложно,

Чрез этот порошок возможно

На свете всё достать, всё знать и всё творить;
Глядите!» – И народ стекается толпами.

Ведь любопытство не порок!

Бегу и я... но что ж открылось перед нами?

В бумажке – золотой песок.

1797

Владимир КОСТРОВ (р. 1935)

* * *

КОНИ РУССКИЕ

Хватит в тёплом дремать овине –
 Просыпайся, ямщик удалой.
 Вновь грызутся на луговине
 Красный, белый и вороной.
 Губы в пене, грозят глазами,
 Чёрный скалится на врага.
 Красный мечется, словно пламя,
 Белый бесится, как пурга.
 У обрыва, над самой бездной,
 Гривы на руки намотай,
 Укроти их уздой железной,
 Крепкой сбруею обратай.
 И гони их под свист и клики
 К звёздам в маревом далеке,
 Встав, огромный, как Пётр Великий,
 На грохочущем облучке.
 Чтобы брат побратался с братом,
 Чтоб Россия была крепка,
 Чтоб Царь-колокол плыл набатом
 Под дугой у коренника.

Другие мы и в жилах кровь другая.
 Мир в серебре, а на дворе Покров.
 Давай-ка, тя, лучины настругаем,
 Давай побольше наломаем дров.
 Когда в печи заговорят поленья,
 Мороз и сырость дачную гоня,
 Давай откроем летние варенья
 И с красным чаем сядем у огня.
 Сольём сердца страдающие наши
 И отведём заботу от лица.
 Как хороши, как свежи были сажы
 На чёрных вьюшках в доме у отца.
 Как дивно пахли и гудели ульи,
 И яблоки мерцали в сквозняке.
 Как молоды и жарки были угли
 В подтопке на стальном колоснике.
 Как чисты были облачные глыбы,
 И как легко несло меня весло
 По озеру, где всплескивали рыбы
 На плоскодонке под твоё окно.
 Как хороши, как свежи были губы,
 Как звонок и затейлив соловей.
 Как широко и сладко пели трубы,
 Печные трубы родины моей.

ПРОЗА ЮБИЛЯРОВ СЕНТЯБРЯ

Илья ФЕЙНБЕРГ (1905 – 1979)

ЧИТАЯ ТЕТРАДИ ПУШКИНА (отрывок из книги)

В 1835 году Пушкин с увлечением продолжал изучение русской истории XVIII столетия, собирал в своей библиотеке книги об этом веке и обращался к знатокам эпохи за сведениями о труднодоступных почему-либо, то есть редких или запрещённых в те годы, исторических сочинениях и мемуарах.

В ответ на одно из своих обращений Пушкин получил в конце 1835 года от некоего Александра Яковлевича Вильсона две книги – это были записки иностранцев о России. В сопроводительном письме А.Я. Вильсон, как можно прочесть в Большом академическом издании сочинений поэта, писал Пушкину: «Милостивый государь Александр Сергеевич. Вместе с сим получить изволите Записки капитана Брюса, в которых найдёте много любопытства достойного... Записки доктора Куна при сем же получить изволите». Вильсон поясняет, что последний жил в России в годы царствования Анны Иоанновны и императрицы Елизаветы, и кратко характеризует при этом каждую из посылаемых Пушкину книг.

Прочитал ли Пушкин эти книги и воспользовался ли он ими в своих исторических занятиях и работах? Что касается первой из книг, посланных поэту Вильсоном, то, как сможет в дальнейшем убедиться читатель, Пушкин прочёл и использовал «Записки Питера Г. Брюса, эскавйра, офицера прусской, русской и британской службы, содержащие отчёт о его путешествиях по Германии, России, Таррии, Турции, Вест-Индии и проч., а также некоторые весьма интересные частные анекдоты о жизни

русского царя Петра I». Книга эта вышла в Лондоне в 1782 году. Содержащийся в ней рассказ об отравлении царевича Алексея (поставленный потом под сомнение русскими историками) произвёл на Пушкина, как мне удалось установить в своё время, глубокое впечатление. Более подробный рассказ об этом читатель найдёт ниже, в главе «Пушкин и дело царевича Алексея».

Итак, записки капитана Брюса о Петре I Пушкин получил и прочёл. Ну, а «Записки доктора Куна», одновременно посланные ему Вильсоном? Пушкин нигде о них не упоминает, и поныне неизвестно, что это за книга, дошла ли она до Пушкина и имел ли он возможность прочесть её. Обнаружить её до сих пор не удавалось, и потому поставлено было под сомнение даже само существование её.

Известный в своё время учёный, профессор И.А. Шляпкин, который впервые опубликовал в 1903 году в своей книге «Из неизданных бумаг Пушкина» интересующее нас письмо А.Я. Вильсона, долго и безуспешно разыскивал «Записки доктора Куна», посланные Пушкину при этом письме. «Но, – писал после всех своих розысков профессор Шляпкин, – я не нашёл доктора Куна».

Всё это и заставило его усомниться в том, что «Записки доктора Куна» вообще существуют на свете. Вот что писал А.Я. Вильсон поэту об авторе посылаемых «Записок доктора Куна»: «Служба его при князе Голицыне, поездка с посольством в Персию, анекдоты об учёном, умном, но бессовестном Тати-

щеве заслуживают некоторого замечания».

Стремясь разгадать загадку, Шляпкин, исходя из сведений, пусть даже искажённых, сообщённых Пушкину А.Я. Вильсоном о содержании посланной книги, стал выяснять, не существует ли какой-нибудь книги, записок о России, в которых автор, врач-иностранец, состоявший на русской службе в середине XVIII столетия, описывает своё путешествие в Персию с посольством князя Голицына и сообщает анекдоты об историке Татищеве. Таким образом, Шляпкин стал разыскивать неведомую книгу, исходя из имеющихся сведений о содержании её. Путь, казалось бы, разумный, и профессор Шляп-

кин в конце концов установил, какую именно книгу корреспондент Пушкина послал ему под видом «Записок доктора Куна». Это были в действительности, полагал Шляпкин, «Записки доктора Лерхе», немецкого врача, который прибыл в Россию в 1731 году, прожил в ней полвека, ездил действительно в 1745 – 1747 годах с русским посольством в Персию в свите князя М.М. Голицына, описал это путешествие в своих записках и рассказывает в них анекдоты о Татищеве. Всё это отвечает, по всей видимости, тому, что писал Вильсон Пушкину о содержании посылаемой книги.

Александр КУПРИН (1870 – 1938)

ПСИХЕЯ (отрывок из рассказа)

Сегодня доктор сказал мне, что при том образе жизни, который я веду последние три года, то есть при постоянных голодовках, бессонницах и непосильной, почти лошадиной работе, у меня может произойти переутомление нервной системы. Как этот модный доктор ни миндальничал за мои кровные пять рублей (он даже советовал мне в Крым ехать для развлечения, а мне не на что калош себе купить!), однако я очень хорошо понял, что мне грозит сумасшествие. Тем более, что все мои почтенные предки были страстными алкоголиками и безумцами. В эту тетрадь я буду записывать все свои мыслишки до тех пор, пока не замечу уже слишком явных несообразностей. А тогда... Тогда либо в больницу, либо, если хватит воли, пулю в лоб.

26-го ноября. Чья это несправедливость? Я безусловно обладаю сильным и оригинальным талантом; перед собой-то мне уж рисоваться незачем. В этом убеждении меня укрепляет, конечно, не золотая медаль, присуждённая мне академическим советом, с которым я имею основание расходиться во взглядах на искусство, и не отзывы газетных критиков. Я уже не мальчик и умею оценить всё это по достоинству, потому что «людская честь бессмысленна, как сон». Но я чувствую в себе присутствие мощного, напряжённого творчества, взгляд мой быстро и точно улавливает мельчайшие детали предметов; наконец, мне никогда ещё не приходилось насиловать своего воображения, чем так страдают художники в погоне за темами. Исполинские мысли, одна другой смелее и оригинальнее, так переполняют мою голову, что мне иногда становится за неё страшно. Но, что всего важнее, я во время процесса творчества, точно в религиозном экстазе, ощутительно познаю в себе сладкое присутствие моего неведомого бога. Голова моя пылает, по спине бегают холодные волны, волосы мёрзнут и шевелятся на голове, дух мой ликует. А насмешливая судьба, точно нарочно, поставила меня в грустную невозможность воплотить до конца хоть один из этих дорогих мучительных образов. Погоня за куском насущного хлеба несовместима со свободным творчеством! Приходится с опасностью для жизни и рассудка лавировать между мечтами и славой и

перспективой голодной смерти. Голод – самая плохая пища для вдохновения. Но ведь не могу же я с моим неудержимым полётом фантазии, с тем внутренним кипением, которое меня изнуряет, не могу же я сделаться писарем или сапожником!

27-го ноября. Сегодня как раз я окончил двенадцатого Пушкина. Я так наловчился их лепить, что могу работать с закрытыми глазами, и все они похожи один на другого, как близнецы. Пушкиных теперь охотно разбирают, по случаю какого-то пятидесятилетия, но хозяин магазина, куда я поставляю статуэтки, недоволен моей работой. «У вас, – говорит он сурово, – нет совсем разнообразия, нам нужны разные серии. У публики пёстрые вкусы».

Меня иногда схватывает тошнота при мысли, что приходится размениваться на эту чёрную подённую работу. Я с ужасом вижу, как после недели работы над иным надгробным бюстом в профилях моих античных борцов начинают появляться тяжёлые, геморроидальные черты, напоминающие лицо начальника департамента или купца первой гильдии. Но что же делать, если десять-двадцать рублей позволяют мне в продолжение целого месяца быть хозяином моего вдохновения?

28-го ноября. Почему-то принято всеми, что пьяный человек близок к идиотскому состоянию. Поразительно неверное заключение! Я должен, между прочим, сознаться, что пить водку вошло для меня в привычку именно на этой проклятой квартире, которую хозяйка из экономии и благодаря моей неаккуратности почти совсем не топит. Сначала я ограничивался двумя или тремя рюмками, чтобы согреться, но потом это количество перестало меня удовлетворять. Теперь я пишу почти пьяный. Мысль работает страшно сильно и притом с удивительной точностью: постигает такие тонкие подробности своих ощущений, которые трезвый ум непременно выпустит из виду.

Только вот язык и ноги не повинуются, и глаза плохо слушают: именно все предметы теряют резкие очертания и как будто засыпаны песком. Но это ничего не значит: известно, что многие великие мастера создавали свои бессмертные произведения в том самом состоянии, в котором я теперь нахожусь...

Андрей ТИМОФЕЕВ (р. 1985)

СВАДЬБА (отрывок из рассказа)

Бывают свадьбы, похожие на похороны.

Ранней весной парень из соседней деревни изнасиловал девушку, встреченную в пролеске у реки. Отец девушки отыскал обидчика на следующий день и устроил драку во дворе его дома. Но когда оказалось, что Маша беременна, родители обоих, встретившись и поразмыслив здраво, решили сыграть свадьбу – одни, чтобы избежать огласки, другие неизвестно чего стыдясь и желая пристроить дочь.

Первый день гуляли у жениха. Собрались родственники, соседи, знакомые со всей деревни. Во дворе наспех вкопали в землю деревянные столбы, натянули брезент, поставили длинные скамейки, столы накрыли простынями вместо скатертей. Гостей рассаживали вплотную, так что тяжело было пошевелиться. Стояла жара, повсюду летали жадные мухи. Часто поднимались из-за стола, чтобы погулять и размяться, и тогда собирались на крыльце дома или на оставшихся от постройки гаража бетонных плитах, сваленных у ворот. Там заводили разговоры, шутки, сплетни. А дядька жениха, пожилой Кошир Кузьма, беззаботно рассказывал, как именно здесь валялись в грязи сам жених и отец невесты и до крови царапали друг другу лица об угол бетонной плиты.

Родственники невесты шёпотом обсуждали, что хозяйева не стали тратить на водку, а кто-то даже видел, как на кухне тайком разливают по красивым бутылкам дешёвую жидкость из пятилитровых канистр. С подозрением глядели на прибывших к их краю стола нескольких башкир, родственников жениха по отцу: как бы те не выболтали лишнего, и торопливо переходили с русского на родной чувашский.

Было много случайных людей, которых не пустили во двор, но они всё равно болтались рядом с воротами в ожидании нечаянной рюмки водки. Чуваш из соседней деревни Петгук Миккуль уныло выпрашивал своё у хозяйки, а потом до крика разругался с ней и ушёл обиженный.

Приносили винограет, свёклу с чесноком, а на горячее – картошку с курицей. Ели и пили с удовольствием. Туй араме, ведущий свадьбы, дал гостям

наестся досыта прежде полагающихся по обычаю тостов и подарков.

Невеста сидела неподвижно. Она была в отчаянном забытьи, ничего не слышала и не замечала. К человеку рядом она не поворачивалась, но чувствовала его движение, а иногда видела чужие руки.

Сегодняшнее утро растянулось в памяти на несколько дней. Её должны были поднять с рассветом, но Маша проснулась раньше и долго смотрела в окно на небо, крыши домов, скрюченную яблоню в саду, побитую весенним морозом. В последние вечера они много разговаривали с мамой, та читала ей книги об отношениях в семье и о том, как нужно вести себя, чтобы быть счастливой. Мама много говорила о любви, а Маша плакала, обнимая её. Но сегодня утром ей вдруг показалось, что она начинает чувствовать эту странную, угнетающую душу любовь. Маше хотелось, чтобы мама пришла сейчас и поговорила с ней, но вместо этого заскрипели половицы и в комнату заглянула баба Варвара.

– Давай вставай! – окликнула она всегда сердитым голосом.

В доме только начали мелькать, суетиться, а они уже оделись, готовясь выйти на улицу. Были ещё сестра Света и две тётушки, которые недовольно ворчали. Баба Варвара коротко объясняла про обычаи. Маша ждала маму, но, занятая приготовлениями, та осталась дома и только мельком заглянула в прихожую. Маше было грустно, будто они виделись последний раз. И потом, когда уже шли по пустой деревенской улице, Маша всё думала об этом. Впереди мутным пятном виднелся лес у реки. Стоял туман, пахло трухлявым деревом.

Наконец показалось кладбище. Спускались к нему по узкой тропинке, вьющейся от самой дороги. Долго возились с железной калиткой, двигались сквозь заросли овсяга, цеплявшегося за ноги. И вот тропинка привела их вниз, где все могилы были знакомы. Приминяя мокрую непослушную траву ногами, медленно крошили хлеб за каждую ограду, приговаривая: «Деды, прадеды, благословите нашу свадьбу». Потом баба Варвара велела им стоять рядом, а сама принялась то ли колдовать, то ли молиться. Становилось холодно, но она не спешила, а потом затянула унылую поминальную песню...

Елена ЗЕЛАНД-ДУБЕЛЬТ (1860 – 1937)

ЖЕРТВА (отрывок из рассказа)

Давно уже стемнело, дождь, падавший без усталости целый день с самого раннего утра, перестал наконец и сменился туманной пронизывающей насквозь осенней мглой, сквозь которую мигали газы рожки; по временам резкий порыв ветра, словно по команде, разом нагибал в одну сторону все эти острые, светлые язычки, кругом становилось ещё темнее, и редкие прохожие, попадая в грязь, спотыкаясь, громко ворчали и проклинали сквер-

ную погоду, скудное освещение, в особенности же невозможные тротуары такого, между тем, большого, значительного губернского города, как В...

По главной улице медленным, усталым шагом шла девушка невысокого роста в стареньком, изношенном бурнусае и чёрном платке на голове; одной рукой тщательно придерживала она складки коротко подобранного платья, другой опиралась на свёрнутый дождевой зонт. Свернув налево в уз-

кий мрачный переулочек, она пошла ещё тише; ноги её беспрестанно скользили, она часто оступалась и раза два чуть не упала; в деревянных тротуарах местами вовсе не хватало досок или же они неожиданно прыгали и подскакивали под ногами идущего. Кругом было пусто и тихо; мелкие торговки-еврейки, оживлявшие этот переулочек своей суетной, пронзительными перекрикиваниями, азартным торгом, давно уже заперли свои крошечные лавочки и разбрелись по домам; ничто не отвлекало внимания идущей девушки и не нарушало хода её мыслей, далеко не радостных, судя по тяжёлым вздохам, вырывавшимся из её груди. Выйдя наконец на громадную немощёную площадь с уныло светившимися по краям редкими фонарями и каменным собором посередине, девушка стала храбро пересекать её, с усилием вытаскивая ноги из грязи, причём каждый раз слышалось в калошах злое бульканье. Перебравшись на другую сторону к двухэтажному длинному строению, она толкнула незапертую калитку и направилась уже быстрее к невысокому каменному крыльцу.

Здание шло полукругом вокруг обширного двора, засаженного по сторонам деревьями, с колодцем посередине. В обоих этажах, почти во всех окнах, приветливо светились огоньки. Это был церковный дом; в нём помещался весь причт собора и жило несколько бедных семейств, получавших квартиру по дешёвым ценам.

Девушка взошла в маленькие, совершенно тёмные сени, загромождённые кадушками, лоханками,

какими-то досками, палками, пропитанные насквозь запахом кислой капусты, ещё чего-то едкого, тяжёлого, и, осторожно обогнув лестницу, ведущую во второй этаж, отворила дверь направо.

– Затворяй, затворяй дверь-то! – раздался при её входе раздражительный женский голос. – Уморить мать что ли хочешь?

Девушка молча повиновалась и, сбросив с себя дырявые калоши, полные грязи, начала раздеваться.

– Что ж не поздороваешься? Язык что ли отвалился? – сердито продолжала её мать, усердно стирая бельё в корыте.

Это была маленькая, тщедушная женщина лет сорока пяти, но выглядевшая гораздо старше. Она стояла полураздетая в одной старенькой, ситцевой юбке, босиком; толстая холщёвая рубашка открывала её костлявую, сморщенную шею с напрягшимися жилами и страшно выдававшимися ключицами; из-под тёмного платка, повязанного на голове, беспорядочно выбивались реденькие пряди желтовато-седых волос и, обильно смоченные потом, липли к красному, воспалённому лицу с провалившимися щеками, заострившимся носом и маленькими выцветшими глазами, слезившимися от пара, стоявшего над корытом. Худые руки её ловко, с каким-то ожесточением намывливали, подбрасывали, тёрли бельё и, выжав проворно, отбрасывали в сторону, причём жалкая впалая грудь высоко поднималась и опускалась: бедная женщина, видимо, изнемогала от усталости, но продолжала энергично работать...

Михаил ВОРОНОВ (1840 – 1873)

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ (отрывок из повести)

Скучна и бедна вообще русская природа, но особенно убога она в нашем юго-восточном крае. Однообразные посева, безлюдные и мёртвые степи и солончаки, жалкие деревенские избышки из хвороста, покрытые соломой, и полуразвалившиеся станционные дома – вот что приходится на долю проезжающего в тех местах. Редко-редко порадует вас какой-нибудь весёлый вид или чистенький домик, ещё реже поместится на вашем облучке так называемый лихач-ямщик, певец и балагур, в рваном сером армячишке и с шляпой набекрень, – да и тот поёт до того однообразно и грустно, что просто всю душу вымотает своими песнями, а балагурит и того хуже; но главное, всё это делает не по внутреннему влечению, а ради гривенника, который надеется взять с вас за эти увеселения.

Грустное явление представляет русский придорожный мужик. Плохо вознаграждаемый за свою тяжёлую службу от содержателей станций, он всеми правдами и неправдами старается пополнить этот недостаток в обеспечении на проезжающих, потому он первый попрошайка, первый вымогатель и лихоимец. Он просит с вас за песню, за сказку, за прибаутку, за ответ, который он дал на ваш вопрос, за пребывание с вами в одной комнате, – одним словом, за всё, в чём он принимает или не принимает

никакого участия, но что по его логике подлежит денежному вознаграждению с вашей стороны. До каких курьёзов могут иногда доходить эти просьбы «на водку», свидетельствует следующий случай.

Зашёл я как-то в станционную комнату и в ожидании лошадей уселся на диван, тупо посматривая своими полусонными глазами на противоположную стену. Сальная свеча плохо освещала окружающие меня предметы. Отворилась дверь, и в комнату вошёл только что привёзший нас ямщик; остановившись у порога, он пристально смотрел на меня. Я молчал.

– А лошадей-то закладывают, – заметил ямщик.

– Это хорошо, – отвечал я.

Наступило молчание.

– Вошь ныне нас ест, – заговорил ямщик, почёсывая голову.

– Это плохо, – заметил я.

– И блоха в большой силе: ровно горох крупная, – продолжал рассуждать ямщик.

– И это нехорошо, – вымолвил я и замолчал.

– Старый ямщик, ваше благородие...

– Что же тебе нужно?

– На водочку бы с вашей милости...

– Да ведь я тебе уже дал.

– То за извоз пожаловали...

– Ну, а теперь-то за что? – спросил я.
 – Как же, тоже поговорил с вашей милостью! – отозвался ямщик, переминаясь.
 Я расхохотался.
 – Помилуй! Рассказал ты мне чёрт знает о какой дряни, да ещё на водку просишь!
 – Многие дают, – заметил ямщик.
 Я опять засмеялся. Ямщик между тем принялся рыться в карманах своих штанов.
 – Эх, да табаку-то ёк! – вдруг воскликнул он, вытаскивая кисет.
 Я молчал, ожидая, что дальше будет.
 – Ну вот на табак уж с вашей милости следует

получить, потому что без табаку не проживёшь: без табаку мужик пропасть должен, это верно, – решительно заключил ямщик.

Против такой находчивости, разумеется, устоять было уже невозможно, и я дал ему несколько медных монет на табак.

Во всю первую ночь я не мог заснуть, потому что ехал на перекладных в первый раз. Только поутру, обессиленный и истомлённый бессонницей, я наконец задремал, но ненадолго. Проснувшись от сильного толчка, от которого даже слетела фуражка с моей головы, я принялся проклинать всё: и дорогу, и товарищей, и даже собственную свою жизнь.

Владимир ВОРОНИН (р. 1955)

ЛИРИКА Ф.И. ТЮТЧЕВА (отрывок из статьи)

Тютчев был первым поэтом, который предрёк неудачу интеллекта в познании России, равно как и поражение «общего аршина» в её измерении. Родная страна виделась Тютчеву непостижимой иррациональностью: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить: у ней особенная стать – в Россию можно только верить». В этой декларации поэта явственно проступают три сферы человека: физическая природа, которую когда-нибудь подменит общий аршин, интеллект, который соприкоснётся с трудно постигаемым, и наконец духовная сфера, где обретёт последнее прибежище надежда. Подходящая математическая модель здесь – открытие несоизмеримых отрезков пифагорейцами. Отрезок не удаётся построить на прямой линии, переход же к плоскости, в другое измерение мгновенно строит его как диагональ единичного квадрата. Тем самым бесконечное прикладывание разнообразных аршинов может быть заменено одним единственным построением.

Начиная с «Бессонницы», относящейся к концу двадцатых годов XIX века, в лирике Тютчева троичен и внешний мир, в котором находится человек. В «Бессоннице» лирический герой находится в локальном замкнутом пространстве, в комнате или даже в постели. Мыслью же своею он устремляется в безбрежные дали мироздания и конца времени, отведённого как всему человечеству, так и сверстникам лирического героя. Ночью и комнатой пытается лирический герой измерить вечность и мироздание. В однообразном бое часов чудится ему «язык равно для всех чужой и внятный каждому, как совесть». Итак, язык времени и никому не известен, и известен каждому. Он высвечивает и отставленность мира от вечности, и отставание от времени тютчевского поколения: «Нам мнится: мир осиротелый неотразимый Рок настиг – и мы, в борьбе, природой целой покинуты на нас самих». С чем же идёт борьба? В чём воплощён этот неотразимый Рок? Это время.

Каждый удар часов воспринимается как стон самого погибающего времени, как последний момент перед тем, как «мир осиротелый неотразимый Рок настиг». К этому неотразимому противнику присоединяется ещё и природа, с которой человек

должен бороться, опираясь только на собственные силы. Край времени соотносится с краем земли, происходит перетекание личного пространства во время, и это перетекание губительно. Поэту и его сверстникам не более двадцати шести лет, но лирический герой пронизан настроением всемирной катастрофы. Ведь его поколение должно сражаться уже без поддержки природы. Он, конечно, видит, что выросло и расцвело «новое, младое племя», тогда как время поэта и его друзей «давно забвеньем занесло»: «И наша жизнь стоит пред нами, как призрак на краю земли, и с нашим веком и друзьями бледнеет в сумрачной дали». Это, подспудно выразил здесь поэт, прекрасно соотносимо с идеей Р.О. Бартини и П.Г. Кузнецова о разрушительности перетекания пространства во время и о созидательности противоположного процесса.

В «Проблеске» в одно божественное мгновение укладывается не только человеческая жизнь, явленная как ряд утомительных снов, но и всё небо. Любопытно, что всё это небо «эфирною струёю» протекает по жилам человека и тем самым оказывается частью его самого. Но взгляд с другой стороны переводит человека в разряд неодушевлённой материи: «И не дано ничтожной пыли гореть божественным огнём». В начале семидесятых годов XIX века поэт Тютчев не мог, конечно, предполагать, что его горечь о том, что природа не помнит человеческих свершений, не сохраняет следов человеческой деятельности, потомки смогут воспринять с сожалением о бесследно канувших временах, когда природа вполне управлялась с кровавыми реками человеческих побоищ. Человек отнюдь не венец мироздания. Поэтому «природа знать не знает о былом, ей чужды наши призрачные годы, и перед ней мы смутно сознаём себя самих – лишь грёзою природы». Это важно. Призрачность, фантомность и странная укороченность человеческой истории остро ощущается Тютчевым на протяжении всего его поэтического творчества. Человек представляется Тютчеву не венцом и целью творения, а его случайным капризом. С другой стороны, здесь в активное, мыслящее начало переводится и сама природа. Причём, и сознание человеком самого себя, и грёза природы – всё это одинаково смутно, неотчётливо, иллюзорно...

Иван ЛЕПЁХИН (1740 – 1802)

ДНЕВНЫЕ ЗАПИСКИ ПУТЕШЕСТВИЯ

ЛЕПЁХИНА (отрывок из сочинения)

Синбирск принадлежит к Казанской губернии и составляет провинциальной город. Синбирская провинция весьма пространна и имеет многие приписные города, как то Самару, Сызрань, Петровск, Алексеевск, Корсунь со многими другими крепостцами и пригородками.

Самый город Синбирск стоит на западном берегу реки Волги между двумя реками. С восточной стороны протекает река Волга, к которой тут подошло весьма широкое плёсо: ибо в поперечнике своём мерные две версты имеет. Западную часть города обтекает река Свияга.

Возвышенное место, на котором построен город, имеет великолепной вид, а особливо для высоких церковных колоколен, которых находится четырнадцать каменных и одна деревянная, в том числе два монастыря, один мужеский, а другой женский. Его можно разделить на две части, на горную и подгорную. Подгорная построена при самой Волжской пади, а нагорная к Свияге; однако и нижнюю часть города никогда вода не понимает. Впрочем, город сей пред другими городами, которые нам от Москвы проезжать случилось, гораздо лучше выстроен. В нём есть несколько гражданских каменных дворов. Купечество синбирское для протекающей Волги многие имеет выгоды; оно может отсылать свои товары по одной реке и вниз, и вверх. Город Синбирск пред другими городами может хвалиться и яблонными садами, которых как в самом городе, так и около оно великое находится множество: один только там недостаток, что подошли степные и безлесные места, и строельный лес должно получать сверху по Волге.

Из города Синбирска по данному нам предписанию предлежала к осмотру река Черемшан. На оную мы отправились 26 августа. Река Волга удержала нас почти до самого вечера, через которую переправясь, пустились ночью из деревни Каналы, стоящей на самом берегу реки против Синбирска, в село Чердаки, находящееся в 15 верстах от упомянутой деревни. В селе Чердаках жительствоуют однодворцы, кои питаются хлебопашеством. Из села Чердаков выехали мы поутру, и поспешая скорее

добраться до Черемшана, к вечеру приехали в чувашскую деревню Мелекес; через село Матюшкино, отстоящее в 15 верстах, в село Брендино, в таком же расстоянии от Матюшкина лежащее. Деревня Русский Мелекес, заведённая на речке того же имени, в 12 верстах от Бренина; а от Русского Мелекеса только 10 вёрст до Чувашского Мелекеса почитается. От Чердаков до Русского Мелекеса дорога была степная, и по обе стороны находились обширные непаханные поля. В селе Матюшкине заметили мы многие крестьянские хижины без всякого приюта и почти совсем опустошённые; и как мы расспрашивали о причине сего опустошения, в ответ получили, что они ежегодно из своего села должны выселять часть своих соселян в Урал на заводскую работу, и оттого пришли в убожество и разорение. Между Русским и Чувашским Мелекесом находится обширный и густой бор, где заведены огромные казённые винокурные заводы, и построены весьма порядочно и привольно.

Из Чувашского Мелекеса ехали мы через упомянутый обширный бор, где в двух верстах находилась черемшанская старица, которая ныне составляет болотину, обросшую лесом. Проехав версты три от старицы, перебрались через Черемшан и выехали на черемшанскую луговую сторону. Тут глазам нашим представлялись обширные тучные поля по луговой стороне, а по правую сторону гнездовые перелески, которые все наполнены были дикими розами. Чувашская деревня Якушкина, в 10 верстах находящаяся, служила нам подставою. При оной деревне течёт небольшая речка, Аврель называемая. Она вытекает из ключа подле татарской деревни Абтрейкина и впадает в Черемшан. Около сей деревни целые поля покрывали арбузы и дыни, которые, по объявлению жителей, не худо урожаются. В сем посеве упражняются только одни казылбаши, которые к другой пашне никакой привычки не имеют. Они, кроме арбузов, не худо развели и табашный посев, которым все окольные места довольствуются.

От деревни Якушкиной ехали мы до чувашской деревни Малыклы новой, которая от Якушкиной отстоит в 8 верстах...

Анатолий КРАСНОВ-ЛЕВИТИН (1915 – 1991)

РУК ТВОИХ ЖАР (отрывок из воспоминаний)

Вышел из вагона. Люди спешили в город. А мне спешить некуда. Остановился на вокзале. Переночевал. Дорогой украли валенки. В опорках.

Утром пошёл получать по рейсовым хлеб. Видик был, видимо, неважный. Какой-то мальчишка мне сказал: «Дедушка, вы последний?» Озлившись на него за столь почтительный, но несколько преждевременный в мои двадцать семь лет эпитет, прикрикнул со свойственной мне грубостью: «Ка-

кой я тебе дедушка, выродок?» И взял хлеб.

Позавтракал на вокзале, пошёл в город. Город чудесный. Тихий-тихий. Улицы длинные-длинные. Всё допотопное.

Главная улица – Гончаровская. На одном из домов мемориальная доска: «Здесь в 1812 году родился Иван Александрович Гончаров». В двадцати километрах – село Кондобье, усадьба Гончаровых, очень точно описанная в «Обрыве».

Город на холмах, между Волгой и Свигой. Открыт всем ветрам. Кто-то сделал в незапамятные времена из этого каламбур: «Симбирск – семь бореув».

Теперь он называется Ульяновск, уже давно. Спрашивал, где родился Ленин. Представьте, никто не знает. Лишь потом узнал: на улице Ленина. Но и на этой улице никто не знал. Хороший, уютный, чистенький домик – типичное дворянское гнёздышко.

А на старинном заброшенном кладбище похоронен его отец. Гробница с тяжёлым чугунным крестом, с надписью: «Свет Христов просвещает всех». На гробнице много надписей из Священного Писания.

Был здесь через семнадцать лет, летом 1960 года. Теперь всё по-другому. Город лакированный, превращённый в музей, приспособленный для туристов. Никого из тех, кого знал, не застал. Все на кладбище. Походил по этому новому Ульяновску. Вздохнул. Стало жалко того тихого, наивного и такого русского-русского Симбирска...

Сделал привал в Доме крестьянина, на главной площади, где рынок. Дом крестьянина – в старинном доме. Сохранилась ещё на воротах полустёртая надпись «Постоялый двор».

В комнате – двадцать человек. Переспал. Пошёл наутро бродить по городу. Зашёл в большой дом, бывший банк, на главной улице. Ленинградская – раньше, конечно, она называлась Петербургской, – а параллельно ей, где дом покойного действительного статского советника Ульянова, – Московская, теперь улица Ленина.

Толкнулся насчёт работы. Начальница горздрава оказалась на редкость симпатичной женщиной. Сразу меня оформила заведующим Домом несуществующего санитарного просвещения. Прощаясь, сказала, отводя глаза: «Мне вас жаль. У вас же ничего нет». Я в ответ тоже потупил глаза. Неприятно, когда жалеют.

Дали мне направление в больницу, к главному

врачу, чтобы выдал мне ботинки. Выписали мне бутсы – видимо, какого-то умершего солдата. Оказались мне не по ноге, малы. И сразу же отморозил ноги.

На другой день пошёл в адресный стол, справился об адресе Александра Ивановича Введенского. Тотчас дали: улица Радищева, 106. Пришёл, открыла дверь миниатюрная, очень интересная блондинка. «Можно ли видеть владыку?» – «Как ему сказать?» Назвал себя. Пошла, сказала.

Сразу вышел сам. Расцеловался, обнял. Сказал: «Извините, сейчас у меня два священника. Минуточку подождите». И усадил меня на кухне. Больше усадить негде. Через минуту отпустил священников, ввёл меня в комнаты. Начался откровенный дружеский разговор...

О Введенском писал много раз. Первый раз в 1952 году в лагерях. О жизни в Ульяновске. Прочёл своему другу, теперь уже тоже покойному, Евгению Львовичу Штейнбергу. Тот улыбнулся, сказал: «Слушайте, это же невозможно, это игра актёра с вещью. Знаете такой режиссёрский термин?» – «Знаю, но причём здесь это?» – «А при том, что вы актёр, а Введенский – вещь. Вы же пишете о себе, а не о Введенском». Я засмеялся, разорвал написанное. Впоследствии в «Очерках по истории церковной смуты» и в «Закате обновленчества», кажется, отделался от этого порока. Писал о Введенском вдоволь. Ну, и хватит.

Теперь я могу опять вернуться к игре актёра с вещью. А игра неважная. Тяжело пришлось.

* * *

27 сентября 1943 года уезжал из Ульяновска парходом, по Волге. У пристани встретил врача, с которым работал в горздраве. Он спросил: «Сколько вы здесь пробыли?» Каламбур родился сам собой: «Девять месяцев. Роды были тяжёлые, болезненные и неудачные: гора родила мышь».

Дмитрий ВАЛУЕВ (1820 – 1845)

СБОРНИК СВЕДЕНИЙ О РОССИИ (отрывок из предисловия)

Пора бы, казалось, нам убедиться и в том, что многое из того, что Запад, по-видимому, уже выработал за нас и нам передал готовым и оконченным, нам ещё придётся начинать сызнова, но пользуясь, разумеется, всем богатым запасом его науки, его уроков и опытов. Уже время подумать и о том, чтобы нам самим и из себя вырабатывать внутренние начала своей нравственной и умственной жизни, приняв на себя и всю ответственность в ней, умея дать в ней отчёт себе и другим, – и связать её со своим народным прошедшим и будущим, а не довольствоваться, – в пустоте своей внутренней жизни, – одними убеждениями, взятыми напрокат вместе с последней модой из Парижа или системой из Германии, – посылками без вывода или выводами без данных, из силлогизма, прожитого или переживаемого другим миром.

Таковы, кажется, бесспорные и разумные требования от нас того нравственного отношения к Западу, в которое поставила нас прихотливая судьба. Рано или поздно эти требования осуществятся. Мы не можем не отвечать им и не можем не признать их; если только наперёд не откажем себе и русской науке, русской жизни, мысли и слову во всякой живой и не бесплодной будущности. Если же не предвидим для себя в будущем ничего, кроме тщетной задачи связать себя со всей полнотой западной жизни, не имеем другой надежды, кроме повышения из учеников его в его подмастерья или работники, – то заранее обрекаем себя на всегашнюю посредственность и умственное несовершенство перед Западом, который сам же первый осудит и презрительно осмеёт все наши непрошенные жертвы и подвиги и тощие плоды напрасно растроченной жизни.

И потому мы должны сознавать в себе и видеть в том просвещении, которое приняли от Запада, не вывод из чужой жизни, которой дальнейший силлогизм для нас невозможен и неуловим, а науку, опыт и материал для нашего будущего, которое ещё наше и нас призывает на самостоятельное участие в мировом деле человечества, в новых, может быть, образах мысли и жизни, и новых, ещё не тронутых и свежих силах. Ибо Россия, бесспорно, ещё не пережила и не узнала в самой себе десятой доли тех духовных и вещественных богатств, которые заключены в её духе или рассеяны на её неизмеримом пространстве.

С одной стороны, такое отношение России к просвещённому Западу, разумеется, может для многих быть предметом бесплодного отчаяния в себе и России, причиной их нравственного бессилия или предлогом для их нравственного усыпления; но с другой стороны, самые невыгоды такого положения представляются как большое преимущество перед Западом. Россия не только имела свой свободный выбор в том, что принимала от его духовных и вещественных богатств, но могла и снова отрицать от себя те явления, которые впоследствии находила себе противоречащими. Свобода, или свободный выбор, так же мало исключает безошибочность в

добре и зле, как и слепая необходимость, и сверх того, – при всяком займе от других поколений той всегдашней истины, которую они из себя выработали, необходимо переносить вместе то случайное и частное, что нераздельно с их жизнью. Но когда оно принимается свободным и сознательным выбором государства, а не слепой необходимостью, как прямая прививка к жизни, тогда есть возможность для этой жизни отрицать со временем это случайное и частное.

Для Германии и народов романских, которые заняли римскую почву и наследовали древнее просвещение, это отрицание осталось доселе невозможным, несмотря на столько протекших веков, столько перебродивших народных стихий и столько прожитого ими в величии и славе; но оно возможно и предвидится для России, когда она придёт к своей более сознательной жизни в мысли, науке и литературе. Тогда всё, что есть случайного и частного в том западном просвещении, которое она приняла в себя, само собой отложится от её духовной и умственной жизни, как чуждое и не принадлежащее ей, оставит за собой один очищенный материал на развитие её собственных свежих сил для будущего человечества.

Евгений БУРДИН (р. 1970)

ПО СЛЕДАМ СПАСИТЕЛЯ *(отрывок из книги)*

Найти первые следы христианства в Среднем Поволжье – задача не из лёгких. Для этого потребуются получить хотя бы краткое представление о зарождении и распространении данной веры в мире и о присущей ей символической...

Интереснейший объект культурного наследия – Шилковский курганный могильник (комплекс из трёх курганов) VII века в Сенгилеевском районе Ульяновской области, раскопанный самарскими и ульяновскими археологами в 1992 году и теперь уже знаменитый на всю Россию. Ограбленные захоронения тюркских (хазарских) представителей родовой знати были уникальными во многих отношениях. Исключительный интерес для науки представляет найденная здесь коллекция костяных пластин с рисунками. Учёные разделили их на три сюжетные линии: 1) космическая борьба двух начал в виде схватки двух крылатых драконов, под лапами которых сидят два зайца; 2) единоборство человека и медведя; 3) сражение легковооружённых и тяжеловооружённых воинов. Первоначально археологи выдвинули три версии проникновения этих сюжетов на Среднюю Волгу: иранскую, китайскую и тюркскую, причём они склонялись к последней. Подобные пластины были обнаружены в тюркских погребениях VII–VIII веков на Алтае и в Сибири, что являлось дополнительным свидетельством в пользу сибирских (тюркских) корней кочевников, мигрировавших в Среднее Поволжье.

Расшифровка таинственных сюжетов продолжается до сих пор. По мнению одного из исследователей – старшего научного сотрудника Государ-

ственного Эрмитажа Н.А. Фонаковой, «...на Шиловских пластинах изображён драматический эпизод из жизни тюркского военачальника, происшедший в самый разгар военных действий. Во время охоты на него натравили огромного медведя. Часть свиты (или тяжеловооружённого конвоя) разбежалась, некоторые воины попали в засаду (их обстреляли из бронебойных луков враги). Спасая свою жизнь, военачальник встал на колени и натянул лук, на котором в самый неподходящий момент лопнула тетива. Вероятно, он погиб, сражаясь с медведем. Можно предположить, что это была военная хитрость противника, решившая исход войны... Пластины были положены в могилу победителя».

Несмотря на ограбленность курганов, в могилах нашли также ценнейшую коллекцию вещей: золотой перстень, серьги с аметистами и жемчужиной, две золотые монеты и т.д. Одной из них был византийский солид императора Ираклия (время правления 610–641 гг.) – по нему установили и примерную датировку кургана – середина (вторая половина) VII века, а другой – всего лишь подражание первой. Для меня наибольший интерес в данном случае представляет присутствие здесь христианских символов – крестов на монете и креста на вставке из горного хрусталя. Монеты с отверстиями у края могли носить на шее наподобие современных нательных крестов. Археологи предполагают, что Шиловские курганы были оставлены либо современниками хана Кубрата, либо людьми, жившими чуть позже его. Учитывая факт крещения основателя Великой Болгарии (и, вероятно, части болгарской

знати) и активную христианизацию с VI века Северного Кавказа, на территории которого миссионеры строили церкви и даже издали Священное писание на гуннском языке, в шиловских артефактах ничего необычного нет. Факт христианизации части населения Кавказа подтверждают и находки в могильниках предметов с крестами и даже остатки двух небольших храмов.

По мнению учёных, Шилковский курганный могильник относится к одному культурно-хронологическому горизонту с Перещепинским кладом. Поэтому они считают, что «...часть раннеболгарской

знати, в том числе и та, что пришла на Волгу, или исповедовала христианство, или, по крайней мере, была знакома с христианством. И не исключено, что истоки ориентировки раннеболгарских могил (восток-запад) следует искать в христианской традиции». Судя по опубликованным материалам раскопок, захоронения были выполнены по языческому обряду. Поэтому мне ближе версия о знакомстве хазарских пришельцев с христианством или, в крайнем случае, о заимствовании ими отдельных обрядов из него.

Николай РОДИЧЕВ (1925 – 2002)

НЕ ОТВЕРНУ ЛИЦА (отрывок из рассказа)

Тревога оказалась не шутейной. Весь вражеский гарнизон вышел с рассвета для прочёсывания леса. Все партизаны рассредоточились по опушке. Даже санитарка Поля, пристроив свой немудрёный чемоданчик в колдобине под кустом боярышника, стала окапываться рядом с пулемётчиком Сенькой Шиловым. Сенька помогал ей, маскируя окопчик ветками.

Дед Овсей, не дождавшись разрешения идти к коням, привалился к подопревшему ольховому пеньку у самого буерака, чтобы одним глазком приглядывать за лошадьми. «Надо было мне пораньше подняться да к роднику сводить скотину», – укорял он себя, предчувствуя затыжку в сражении.

Старый партизан вытащил затвор, протёр его рукавом, дунул в ствольную коробку, выветривая засохшие листочки клевера, и вогнал в магазин один за другим четыре патрона, которые всегда валялись у него в кармане среди табачного крошева.

Командир бригады Павел Саворенко, обойдя позиции, подошёл к деду. Поначалу он хотел было отослать старика подальше от опушки, но бросилась в глаза строгая армейская выучка Овсея – и как он взял карабин, и как по-уставному изготовился к стрельбе...

Поразмыслив о чём-то своём, улыбнувшись в усы, – такой уж был этот лихой на язык человек! – Саворенко определил ездовому боевое задание:

– Поскольку ты, Овсей Крисанович, крайним оказался, на тебе теперь весь наш левый фланг держится. Бей самого крайнего – это и будет твоя мишень. Не попадешь... – он покосился на карабин, – или осечка случится – Сеньке крикнешь, он поможет...

Старику не понравилось, что командир засомневался в нём. Но об этом он скажет Пашке после заварухи. А сейчас дед Овсей отозвался молодцевато, как встарь:

– Рад стараться, товарищ Саворенко!..

Каратели схлынули в русло пересохшей реки и долго не показывались оттуда. Командир уже подумывал о том, чтобы дать команду миномётчикам. В буерак были посланы дозорные: предупредить о возможном обходе с фланга.

Овсей Крисанович так напряг своё зрение, глядя на крайний куст у кромки лесного оврага, что

глаза заткало поволокой. Партизан смахнул влагу с ресниц и привстал на колени, чтобы затем лечь поудобнее. Но вдруг кольнуло в пояснице – едва не крикнул от боли. Проклятый радикулит, не считаясь ни с годами, ни с обстоятельствами, вёл свою гнусную работу в старческом теле и днём и ночью. Пришлось потихоньку лечь в прежней позе.

Раздумья о неотступных немощах отвлекали деду, мешали ему сосредоточиться. «По хорошей поре, – жалел себя старик, – валяться бы мне на печи или кости парком прогревать в бане. Сигнали гитлерюги поганые с родимых мест и печку развалили вместе с хатой...»

Как-то Овсей пробудился от предчувствия близкой кончины: пригрезилось, что останавливается сердце. С того часа думы о смерти не отлетали. Это вовсе не пугало старика. В таком же возрасте преставились и отец его, Крисан, и родитель отца правоверный Ероха. Оба они мнились Овсею Крисановичу людьми куда более крепкими, чем считал себя партизан. Дедунь Ероха, шумно со всей роднёй отметив семидесятипятое, собственноручно сколотил себе просторный с резными украшениями гроб, настлал в него лугового сенца первого покоса и последние два года укладывался на ночлег в этой мрачной, несмотря на весёлые узоры в изголовье, домовине. Такими были в те времена обычаи и приготовления к вечному покою, где не было «ни печали, ни воздыхания».

Предок партизана Овсея, дедунь Ероха, считался старовером, но, видимо, не из усердных. Его в округе больше знали как заядлого книгочея. Однако, заглядывая в книгу (часто весьма не божественную), старик нередко потчевал своё многочисленное потомство наставлениями собственного сочинения.

Одна из родовых притч, текста которой даже внучка Овсея, студентка Даша, не сыскала в публичной библиотеке, запомнилась Овсею, врезалась в память сизмальства сильнее молитв. «Не отверни лица своего от беды, пришедшей в дом ближнего, не прощай вору украденного, злему зла, дабы худое, яко трава сорная во поле, не заглушило доброго в сердцах человеческих».

**Юбилейный календарь подготовил
Николай Марянин, поэт и краевед**